

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МАГНИТОГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. И. НОСОВА

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРЫ

1 (79)

Январь – Февраль – Март

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1994 г.

МОСКВА-МАГНИТОГОРСК-НОВОСИБИРСК
2023

Научная подготовка журнала осуществляется Институтом археологии РАН и
Магнитогорским государственным техническим университетом им. Г.И. Носова
в сотрудничестве с Институтом археологии и этнографии СО РАН

Международный редакционный совет

акад. РАН *Х.А. Амирханов* (председатель, Москва),

акад. *М.Д. Бухарин* (Москва),

член-корр. РАН *П.Г. Гайдуков* (Москва),

проф. *Ф. де Каллатай* (Брюссель), проф. *П. Каллиери* (Болонья),

акад. РАН *С.П. Карпов* (Москва), проф. *Д. Лернер* (Уинстон-Сейлем),

проф. *К. Липполис* (Турин), акад. РАН *Н.А. Макаров* (Москва),

д.и.н. *А.А. Масленников* (Москва), д.и.н. *Ю.М. Могаричев* (Симферополь),

проф. *М. Ольбрихт* (Жешув), акад. АН РУз *Э.В. Ртвеладзе* (Ташкент),

проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Москва), д.и.н. *М.Ю. Трейстер* (Бонн),

д-р. *У. Шлоцауэр* (Берлин)

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. *М.Г. Абрамзон* (Магнитогорск),

д.и.н. *Н.Б. Виноградов* (Челябинск),

к.и.н. *В.А. Гаибов* (ответственный секретарь, Москва),

д.и.н. *А.А. Завойкин* (Москва), к.и.н. *Д.В. Журавлев* (Москва),

д.и.н. *В.Д. Кузнецов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *С.В. Мокроусов* (зам. главного редактора, Москва),

к.и.н. *В.И. Мордвинцева* (Москва),

д.и.н. *И.В. Октябрьская* (зам. главного редактора, Новосибирск),

д.и.н. *И.Е. Суриков* (Москва), д.филол.н. *С.Г. Шулежкова* (Магнитогорск)

Заведующая редакцией *Ю.А. Федина*

E-mail: history@magtu.ru

-
- © Российская академия наук,
Институт археологии РАН, 2023
 - © Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова, 2023
 - © Редакция журнала
«Проблемы истории, филологии, культуры»
(составитель), 2023

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DEPARTMENT OF HISTORY AND PHILOLOGY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION
NOSOV MAGNITOGORSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY

JOURNAL OF HISTORICAL, PHILOLOGICAL AND CULTURAL STUDIES

1 (79)

January – February – March

PUBLISHED QUARTERLY

FOUNDED in 1994 г.

MOSCOW – MAGNITOGORSK – NOVOSIBIRSK
2023

The contents is prepared in the Institute of Archaeology (Russian Academy of Sciences) and the Nosov Magnitogorsk State Technical University in cooperation with the Institute of Archaeology and Ethnography (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

International Advisory Board

Prof. *Hizry Amirkhanov* (Chairman, Moscow),

Prof. *Mikhail Bukharin* (Moscow), Prof. *François de Callatay* (Brussels),
Prof. *Pierfrancesco Callieri* (Bologna), Prof. *Petr Gaydukov* (Moscow),
Prof. *Sergey Karpov* (Moscow), Prof. *Jeffrey Lerner* (Winston-Salem),
Prof. *Carlo Lippolis* (Torino), Prof. *Nikolay Makarov* (Moscow),
Prof. *Alexander Maslennikov* (Moscow), Prof. *Yuriy Mogarichev* (Simferopol),
Prof. *Marek Jan Olbrycht* (Rzeszów), Prof. *Eduard Rtveladze* (Tashkent),
Prof. *Udo Peter Schlotzhauer* (Berlin), Prof. *Sergey Saprykin* (Moscow),
Prof. *Mikhail Treister* (Bonn)

Editorial Board

Prof. *Mikhail Abramzon* (Editor-in-Chief, Magnitogorsk),

Dr. *Vasif Gaibov* (Moscow), Prof. *Vladimir Kuznetsov* (Moscow),
Dr. *Sergey Mokrousov* (Moscow), Dr. *Valentina Mordvintseva* (Moscow),
Prof. *Irina Oktyabrskaya* (Novosibirsk), Prof. *Svetlana Shulezhkova* (Magnitogorsk),
Prof. *Igor Surikov* (Moscow), Prof. *Nikolay Vinogradov* (Chelyabinsk),
Prof. *Aleksey Zavoykin* (Moscow), Dr. *Denis Zhuravlev* (Moscow)

Head of the Editorial Office *Yulia Fedina*

E-mail: history@magtu.ru

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 5–18
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 5–18
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-5–18

КРЕМНЕВЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ТЮМЕНЬ-3 И ТЮМЕНЬ-7

Д.О. Савельев¹, Т.Н. Смекалова², А.В. Борисов³

^{1,2}*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия*

³*Федеральный исследовательский центр Пушинский научный центр биологических исследований Российской академии наук, Пушино, Россия*

¹*E-mail:* akkorddnk@gmail.com ²*E-mail:* tnsmek@mail.ru
³*E-mail:* a.v.borisovv@gmail.com

¹*ORCID:* 0000-0001-8167-6632 ²*ORCID:* 0000-0001-5378-5372
³*ORCID:* 0000-0001-5031-7477

Аннотация. В статье анализируются кремневые изделия, найденные при раскопках поселений позднего бронзового века Тюмень-3 и Тюмень-7 в Северо-Западном Крыму. Кремневый материал из этих поселений сравнивается с таковым из поселений эпохи бронзы на п-ве Тарханкут. Наличие комбинированных орудий может объясняться отсутствием приемлемого сырья. Качественный кремнь, подходящий под хозяйственные нужды населения, был редок и высоко ценился. Изготовленные из него орудия в находках с поселений единичны, они, вероятно, многократно использовались и выполняли различные функции. Преобладающее количество скребков среди орудий является общей чертой кремневого инвентаря с поселений Тюмень-3, Тюмень-7, Тарханкут-18 и Тарханкут-22.

Ключевые слова: Северо-Западный Крым, Сакский район, поселения Тюмень-3 и Тюмень-7, эпоха поздней бронзы, кремневый инвентарь, комбинированные орудия, скребки, трапецевидные микролиты

Данные об авторах: Дмитрий Олегович Савельев – младший научный сотрудник отдела естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Татьяна Николаевна Смекалова – доктор исторических наук, заведующий отделом естественно-научных методов в археологии Крыма НИЦ истории и археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского; Александр Владимирович Борисов – кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник ФИЦ «Пушинский научный центр биологических исследований РАН» (Пушино).

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 22-68-00010, <https://rscf.ru/project/22-68-00010/>.

На многих поселенческих памятниках Крыма, Тамани и Кубани эпохи средней, поздней бронзы и даже раннего железного века встречается значительное количество изделий из кремня и многочисленные отходы кремневого производства¹. Обычно в описаниях различных категорий материала из раскопок поселений этих периодов кремневым находкам отводится второстепенная роль и уделяется меньше внимания, чем, например, керамическим сосудам или изделиям из бронзы. Между тем важно выяснить роль кремневых орудий в хозяйстве населения Таврики позднего бронзового века по отношению к более прогрессивным, но, очевидно, более редким и дорогим, металлическим. Как появление металлических орудий повлияло на кремневую индустрию эпохи бронзы в Крыму? Какие виды орудий труда из кремня продолжают существовать в позднем бронзовом веке, каковы причины этого явления? Где именно и из какого сырья производились находимые на поселениях позднего бронзового века орудия? С этими вопросами тесно связана проблема выявления доступных источников кремня на территории Крымско-Таманского равнинного пояса, а также определение происхождения материала, из которого изготовлены кремневые орудия.

Эти вопросы приобретают актуальность в связи с широкомасштабными раскопками поселений позднего бронзового века на местах строительства объектов транспортной и хозяйственной инфраструктуры Крыма и Тамани за последнее пятилетие², а также из-за существенного пополнения карты позднего бронзового века Северо-Западного Крыма по результатам систематических разведок, проводящихся с 2007 г. сначала в рамках Международного Джарылгачского проекта³, а затем, по сей день, усилиями Отдела естественно-научных методов в археологии Крыма КФУ им. В.И. Вернадского⁴. Благодаря исследованиям в Северо-Западной Таврике был открыт новый класс памятников эпохи бронзы – поселения с крупными каменными двойными загонами, общий диаметр которых достигает 45–50 м⁵.

В результате наших работ 2022 г. и с учетом предшествующих результатов число поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму увеличилось с десятка известных к 2003 г.⁶ до 66. Среди этого числа к настоящему времени выявлено уже 25 поселений с двойными загонами (рис. 1).

Данная статья посвящена анализу кремневых изделий (рис. 2), найденных во время комплексных исследований 2022 г. поселений позднего бронзового века Тюмень-3 и Тюмень-7, находящихся в балочной системе водосбора одного из крупнейших крымских озер – Сасык-Сиваш (Сакский район Республики Крым) (рис. 1). На самих поселениях и на предполагаемой территории их экономической округи были проведены междисциплинарные археологические исследования с применением дистанционных и геофизических методов, ограниченных раскопок, закладки почвенных разрезов, сбора образцов для последующих химических, микробиологических, палеозоологических, геохимических анализов культурного слоя поселения и для радиоуглеродного датирования. Целью статьи является вве-

¹ Кругликова 1955, 81; Лесков 1970, 33–34; Колотухин 1996, 22–23; 2003, 45; Кияшко, Сударев 2014, 214, 218; Черных 2014.

² Кияшко, Сударев 2018; Бейлин и др. 2018; Бонин и др. 2019; Свиридов и др. 2019.

³ Бильде и др. 2007.

⁴ Смекалова и др. 2020.

⁵ Смекалова и др. 2021.

⁶ Колотухин 2003, 68, рис. 1.

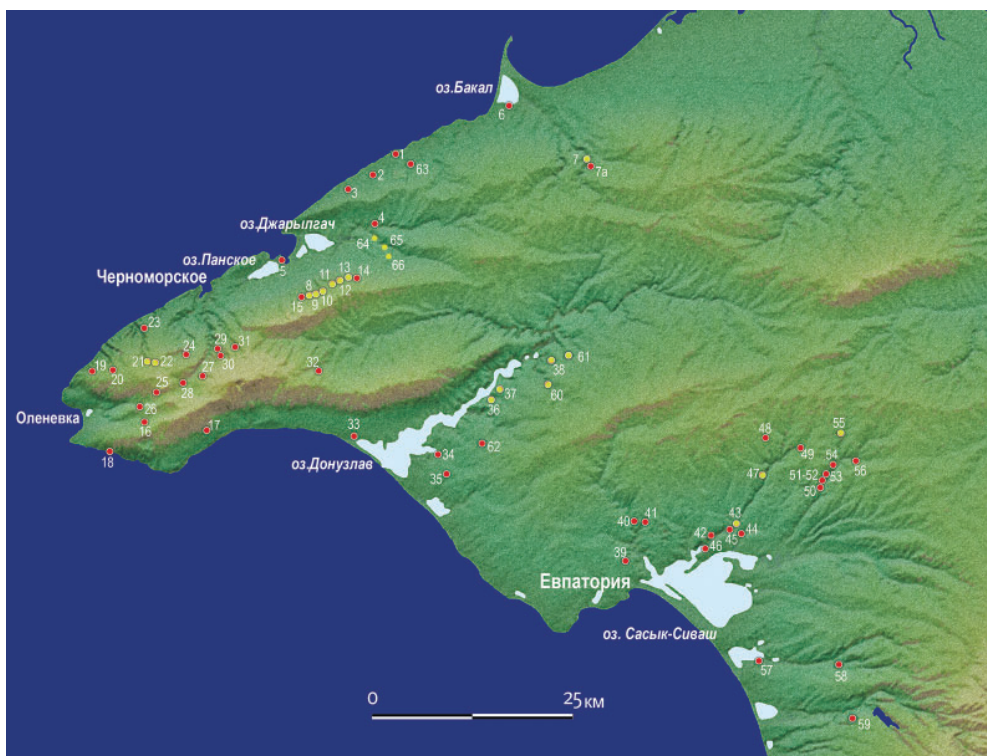

Рис. 1. Карта поселений позднего бронзового века в Северо-Западном Крыму (красные точки); желтыми точками отмечены поселения с двойными загонами: 1 – Бурун-Эли; 2 – Бай-Кият; 3 – Скалистое-2; 4 – Водопойное-4; 5 – Ярылгачское Восточное; 6 – Бакал-1; 7 – Бакал-2; 7а – Бакал-12; 8 – Тарханкут-Н1; 9 – Тарханкут-Н2; 10 – Тарханкут-Н6; 11 – Тарханкут-Н9; 12 – Тарханкут-Н8; 13 – Тарханкут-Н20; 14 – Тарханкут-Н14; 15 – Снежное; 16 – Оленевская балка-603; 17 – Марьино-2; 18 – Атлеш; 19 – Джангуль-64; 20 – Малый Кафель-57; 21 – Тарханкут-22а; 22 – Тарханкут-100; 23 – Тарханкут-167; 24 – Калиновская балка-85; 25 – Тарханкут-18; 26 – Оленевская балка-19; 27 – Кельшейх-87; 28 – Кунан-88; 29 – Кельшейх-46; 30 – Кельшейх-47; 31 – Кельшейх-52; 32 – Агар-Су; 33 – Донузлав-130; 34 – Донузлав-10; 35 – Крыловка; 36 – Донузлав-8; 37 – Донузлав-7; 38 – Донузлав-10; 39 – Суворовское; 40 – Багай-1; 41 – Багай-3; 42 – Тюмень-15; 43 – Тюмень-7; 44 – Тюмень-3; 45 – Тюмень-1а; 46 – Тюмень-4; 47 – Тюмень-16; 48 – Тюмень-11; 49 – Тюмень-10; 50 – Бораш-2; 51–52 – Бораш-3–4; 53 – Бораш-5; 54 – Бораш-6; 55 – Бораш-10; 56 – Бораш-9; 57 – Тузла; 58 – Михайловка; 59 – Ивановка; 60 – Наташино-1; 61 – Снежное-1; 62 – Веселовка; 63 – Владимировка-1; 64 – Водопойное-1; 65 – Водопойное-3; 66 – Водопойное-4.

Fig. 1. Map of Late Bronze Age settlements in North-Western Crimea (red dots); yellow dots indicate settlements with double pens: 1 – Burun-Eli; 2 – Bai-Kiyat; 3 – Rocky-2; 4 – Vodopoinoe-4; 5 – Yarylgachskoe East; 6 – Bakal-1; 7 – Bakal-2; 7a – Bakal-12; 8 – Tarkhankut-1; 9 – Tarkhankut-2; 10 – Tarkhankut-6; 11 – Tarkhankut-9; 12 – Tarkhankut-8; 13 – Tarkhankut-20; 14 – Tarkhankut-14; 15 – Snezhnoye; 16 – Olenevskaya tract-603; 17 – Maryino-2; 18 – Atlesh; 19 – Dzhangul-64; 20 – Malyy Kastel-57; 21 – Tarkhankut-22a; 22 – Tarkhankut-100; 23 – Tarkhankut-167; 24 – Kalinovskaya tract-85; 25 – Tarkhankut-18; 26 – Olenevskaya tract-19; 27 – Kelsheikh-87; 28 – Kunan-88; 29 – Kelsheikh-46; 30 – Kelsheikh-47; 31 – Kelsheikh-52; 32 – Agar-Su; 33 – Donuzlav-130; 34 – Donuzlav-10; 35 – Krylovka; 36 – Donuzlav-8; 37 – Donuzlav-7; 38 – Donuzlav-10; 39 – Suvorovskoye; 40 – Bagay-1-2; 41 – Bagay-3; 42 – Tyumen-15; 43 – Tyumen-7; 44 – Tyumen-3; 45 – Tyumen-1a; 46 – Tyumen-4; 47 – Tyumen-16; 48 – Tyumen-11; 49 – Tyumen-10; 50 – Borash-2; 51–52 – Borash-3-4; 53 – Borash-5; 54 – Borash-6; 55 – Borash-10; 56 – Borash-9; 57 – Tuzla; 58 – Mikhaylovka; 59 – Ivanovka; 60 – Natashino-1; 61 – Snezhnoye-1; 62 – Veselovka; 63 – Vladimirovka-1; 64 – Vodopoinoe-1; 65 – Vodopoinoe-3; 66 – Vodopoinoe-4.

дение в научный оборот новых сведений о кремневой индустрии бронзового века в Северо-Западном Крыму.

АНАЛИЗ КРЕМНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ТЮМЕНЬ-3 И ТЮМЕНЬ-7

Поселение Тюмень-3 расположено в границах водораздела Катурской и Тюменьской балок, на левом берегу Тюменьской балки (в 2,9 км к юго-востоку от с. Глинка Сакского района республики Крым) (рис. 1, 44). Данное поселение было открыто Т.Н. Смекаловой в 2012 г. в ходе изучения спутниковых снимков и визуального осмотра территории⁷. Последующие комплексные исследования с применением магнитной съемки выявили крупнейшее в СЗ Крыму поселение площадью около 10 га, состоящего из не менее чем 70 жилых и хозяйственных комплексов полуземлянок и групп хозяйственных ям (рис. 3).

Кремневая коллекция из разведок поселения Тюмень-3 насчитывает 10 экз. Большая часть материала (8 экз.) представлена отщепами средних размеров, без вторичной обработки. Одной из особенностей найденных отщепов является наличие патины, которая покрывает в среднем 50% кремневой поверхности (5 экз.), а 2 экз. полностью патинированы. Данная особенность, вероятнее всего, объясняется получением отщепов путем первичной обработки нуклеуса.

Орудийный инвентарь представлен скребком, выполненным на качественном темно-коричневом, полупрозрачном кремне. Нерегулярная ступенчатая ретушь расположена на дорсальной поверхности изделия и охватывает левый угол медиального и дистального сегментов. Обработка нижнего ряда скребка производилась крутой ретушью. Верхний ряд выполнен полукрутой ретушью. Помимо боковой ступенчатой ретуши, на конце дистального сегмента изделия имеется полукрутая ретушь. Исходя из морфологических признаков предмета, орудие можно определить, как боковой и угловой скребок (рис. 2, 5). В коллекцию кремневых орудий с поселения Тюмень-3 также входит пластина без вторичной обработки, обломанная в дистальной части (рис. 2, 3).

Анализ сырья показал наличие 4 видов кремня: 1) темно-коричневого с небольшим включением осадочных пород; 2) белого, патинированного; 3) серого сланцевого с известковой коркой; 4) черного с включением осадочных пород. Все виды кремня, за исключением первого, подвержены различным дефектам и не соответствуют требованиям для создания качественных орудий ввиду наличия примесей и патины.

Итак, на поселении Тюмень-3 выявлено два орудия: угловой-концевой скребок и пластина. Малочисленность артефактов не дает возможности судить о хронологической принадлежности найденных орудий. Дальнейшие археологические исследования помогут решить данную проблему.

Поселение Тюмень-7 расположено в 1,1 км к северо-западу от поселения Тюмень-3, в нижней части большого узкого мыса, образованного Тюменьской балкой и боковым оврагом, в 2,2 км к юго-востоку от с. Глинка Сакского района Республики Крым (рис. 1, 43). Поселение было открыто Т.Н. Смекаловой в 2012 г. по темному пятну густой растительности на космических снимках и при дальней-

⁷ Смекалова и др. 2013, 146, 202; Смекалова, Кутайсов 2017, 123–125.

шем изучении местности со сбором подъемного материала⁸. В 2022 г. рассматриваемый памятник и его предполагаемая округа подверглись комплексным археолого-геофизическим исследованиям, выборочным раскопкам малой площадью и точечному почвенному зондированию с целью выяснения планировки поселения и его экономической зоны. На поселении с помощью магнитной съемки выявлены каменный загон овальной формы размерами 45х28 м, группа из семи жилых и хозяйственных помещений-полуземлянок, расположенных в ряд, и нескольких ям или небольших полуземлянок (рис. 4).

Несмотря на небольшие размеры поселения, кремневая коллекция насчитывает 58 экземпляров. Так же, как и на поселении Тюмень-3, большая часть изделий (31 экз.) представляет собой отщепы мелких и средних размеров, без вторичной обработки. Весьма любопытным изделием является отщеп с нерегулярной ретушью (рис. 2, 3). Выемчатый край дистальной части отщепа, предположительно, использовался в качестве выемчатого орудия, обработка края производилась чередованием приостряющей и уплощающей ретуши. Выступающий конец орудия также подвергся обработке уплощающей и приостряющей ретушью, возможно, с целью применения его в качестве концевой скребка. Интересной особенностью данного орудия также является наличие крутой ретуши в левом краю проксимальной и медиальной частях изделия. Трудно сказать, с какой именно целью был обработан данный край, однако с осторожностью можно предположить его использование в качестве бокового скребка. Среди отщепов с ретушью также заслуживает внимания орудие, обломанное в дистальной части, предположительно, для удобства использования (рис. 2, 10). Ретушь, расположенная в нижнем краю дорсальной поверхности, характеризуется как утилизационная, что наталкивает на вывод о применении данного изделия как режущего орудия.

Пластины и обломки пластин немногочисленны, включают всего 8 экз. (рис. 2, 8, 11, 12), из которых 4 – с ретушью. Ретушь на пластинах можно охарактеризовать как нерегулярную, утилизационную, случайную. Среди пластин выделяется орудие с нерегулярной полукрутой и дорсальной ретушью (рис. 2, 12). Однако, без результатов трасологического анализа, данное суждение может быть преждевременным. Не исключено, что пластина могла использоваться в качестве скребка.

Среди изделий выделяются скребки: (2 экз.) угловые, с крутой и полукрутой ретушью (рис. 2, 4, 6). Скребок № 4 отмечен как угловой-боковой. Крутая ретушь охватывает весь правый край дорсальной поверхности изделия. Правый угол дистальной части конвергентен. Любопытной особенностью, является наличие полукрутой ретуши в левом краю проксимальной части орудия, что говорит об использовании данного края в режущих целях, однако доказать подобное предположение, может лишь трасологический анализ. Анализируя две вышеописанные особенности, можно сделать вывод о том, что данное изделие было комбинированным. Скребок № 6 также, по всей видимости, относится к комбинированному типу. По форме артефакт имеет округлую форму с сильно выступающим краем в дистальной поверхности изделия. На выступающей части четко оформлено лезвие с тонкой приостряющей ретушью, предназначенной, по-видимому, для режущих целей. Правый угол проксимальной стороны оформлен крутой ретушью.

⁸ Смекалова и др. 2013, 146, 207–208; Смекалова, Кутайсов 2017, 126–127.

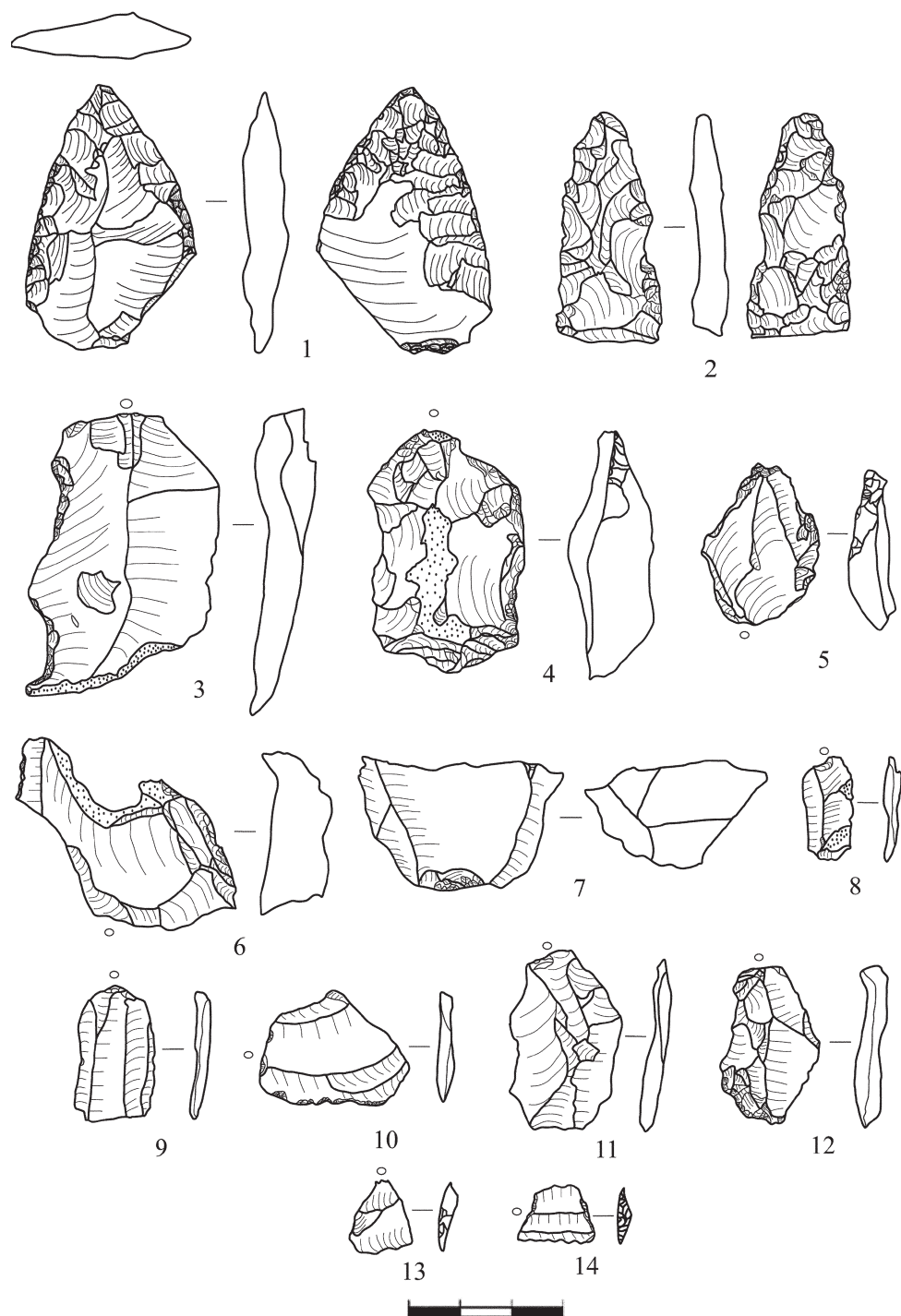

Рис. 2. Кремневые изделия с поселений Тюмень-3 (5, 9) и Тюмень-7 (1–4, 6–8, 10–14).
 Fig. 2. Flint artifacts from the settlements of Tyumen-3 (5, 9) and Tyumen-7 (1–4, 6–8, 10–14).

Одним из наиболее интересных изделий, найденных в ходе археологических изысканий, является обломок наконечника с бифасиальной обработкой подтреугольной формы со слабовыраженным черешком (рис. 2, 1). Первоначально орудие было определено как наконечник стрелы, однако нехарактерные размеры изделия ставят под сомнение данную концепцию. Предположительно, наконечник мог служить в качестве дротика. Оформление центральной части всех сторон орудия производилось крупной плоской ретушью. Края дорсальной стороны обработаны уплощающей, краевой ретушью. Оформление черешка выполнялось с помощью крутой ретуши, особенно заметной на вентральной стороне. Судя по обрывающейся плоской ретуши на левом краю вентральной поверхности, изделие было не доделано. Более вероятным можно считать предположение, что на определенном этапе изготовления орудие было сломано, и поэтому дальнейшая доработка наконечника была лишена смысла.

Другим, не менее интересным, орудием можно считать бифасиально обработанный обломок ножа подтреугольной формы (рис. 2, 2), хронологически сходный с обломком наконечника стрелы (?). Предмет был найден на поселении А.А. Горошниковым в качестве подъемного материала. Сырьем для создания данного изделия послужил светло-серый кремнь с небольшим включением осадочных пород. Орудие в сечении линзовидное. На рассматриваемом изделии обнаружено два типа ретуши: первая – плоская, крупно-фасеточная – расположена преимущественно на всей поверхности орудия; вторая – краевая, приостряющая. Анализируя функциональное назначение данного изделия, с осторожностью можно предположить его схожесть с концевыми серповидными вкладышами Кировского поселения эпохи поздней бронзы. Доказательством данного предположения может служить близкое описание А.М. Лескова, который отмечает наличие крупно-фасеточной ретуши на поверхности изделия, линзовидное сечение, а также подтреугольную форму. Возможно, орудие было более вытянутое, однако слом в нижней части изделия не дает возможности проверить данное предположение⁹.

Нехарактерными находками для эпохи бронзы являются найденные трапезиевидные микролиты (2 экз.) в почвоведческих разрезах на предполагаемой хозяйственной зоне поселения Тюмень-7. Микролиты были найдены в разных шурфах на расстоянии около 80 метров друг от друга, в нижней части мыса. Микролит (рис. 2, 13) первоначально был определен как высокая трапеция со скошенными краями, однако в ходе детального изучения изделия была внесена корректировка в соответствующее описание. Больше похоже, что края трапеции были не скошены, а обломаны, о чем свидетельствуют характерные следы слома на боковых поверхностях изделия. Микролит залегал в желтовато-буром суглинке на глубине 1,24 м.

Вторая трапеция (рис. 2, 14) была найдена в аналогичном желтовато-буром суглинке на глубине 0,67 м среди каменного развала. Орудие определено как трапеция с притупляющей ретушью по краям. Обе трапеции хронологически относятся к позднему мезолиту¹⁰. Стоит отметить, что данные трапеции являются первыми найденными микролитами на территории Сакского района. Принимая во внимание глубину залегания трапезиевидных микролитов и отсутствие сторонних предметов, можно допустить мысль о существовании мезолитической

⁹ Лесков 1970, 33–34.

¹⁰ Бибилов 1940, 170; Гаврилов, Жилин 2022, 103; Мацкевой 1977, 64–104.

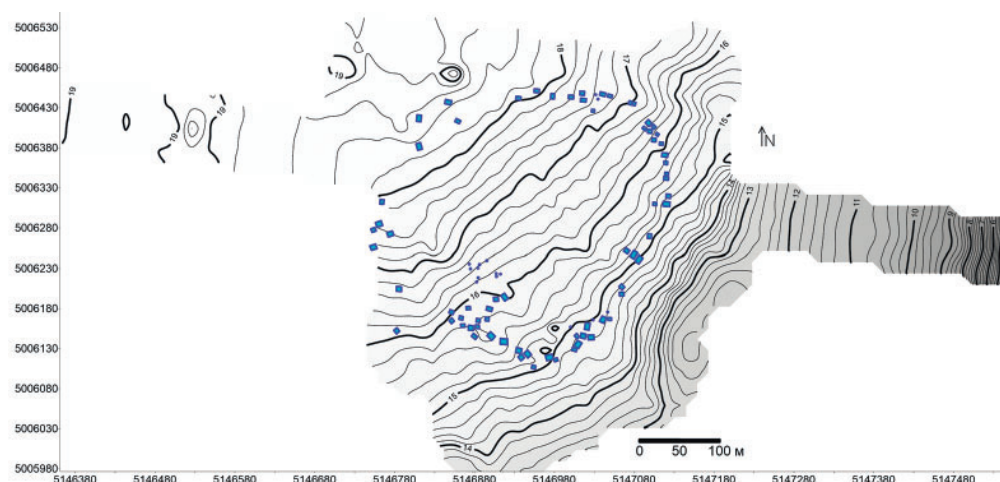

Рис. 3. Схема поселения Тюмень-3 по данным магнитной съёмки.
Fig. 3. Scheme of the Tyumen-3 settlement according to magnetic survey data.

стоянки на хозяйственной территории поселения Тюмень-7. Дальнейшие археологические исследования могут существенно раскрыть новые подробности о жизнедеятельности человека среднекаменного века.

Анализируя коллекцию кремневых изделий, стоит отметить низкокачественное сырье для изготовления орудий, о чем свидетельствуют многочисленные заломы на поверхности отщепов и включения осадочных пород. В коллекции кремневых изделий был найден фрагмент аморфного нуклеуса со следами вертикального скалывания (рис. 2, 7).

Все кремневое сырье с поселения Тюмень-7 можно разделить на 3 типа: 1) патинированный коричневый, светло-коричневый кремнь с включением песка; 2) серый кремнь с включением известняка; 3) черный кремнь без включений. Наличие в коллекции кремневой гальки и большого количества отщепов с галечной коркой говорит об использовании в качестве сырья преимущественно галечного кремня.

Проведем сравнение кремневого материала из поселений Тюмень-3 и Тюмень-7 с кремневыми находками, полученными в ходе археологических разведок Отдела естественно-научных методов в археологии Крыма в 2019–2020 гг. на поселениях эпохи поздней бронзы – Тарханкут-18, Тарханкут-22А, Тарханкут-Н2 и Тарханкут-Н1 (см. соответственно №№ 25, 21, 9 и 8 на карте, рис. 1).

Схожесть материала проявляется в первую очередь в преобладании отщепов среди иных сколов. Процент вторично обработанных отщепов так же, как и в случае с материалом из поселений Тюмень-3 и Тюмень-7, не высок. Другой немаловажной сходной чертой является использование для получения орудий местного сырья в виде окатанной кремневой гальки. На поселениях Тарханкут-18 и Тарханкут-22А отмечено использование мелкой гальки, так же, как и на поселениях Тюмень-3 и Тюмень-7. Об этом свидетельствует наличие в коллекции целой кремневой гальки и окатанной поверхности на сколах и отщепах.

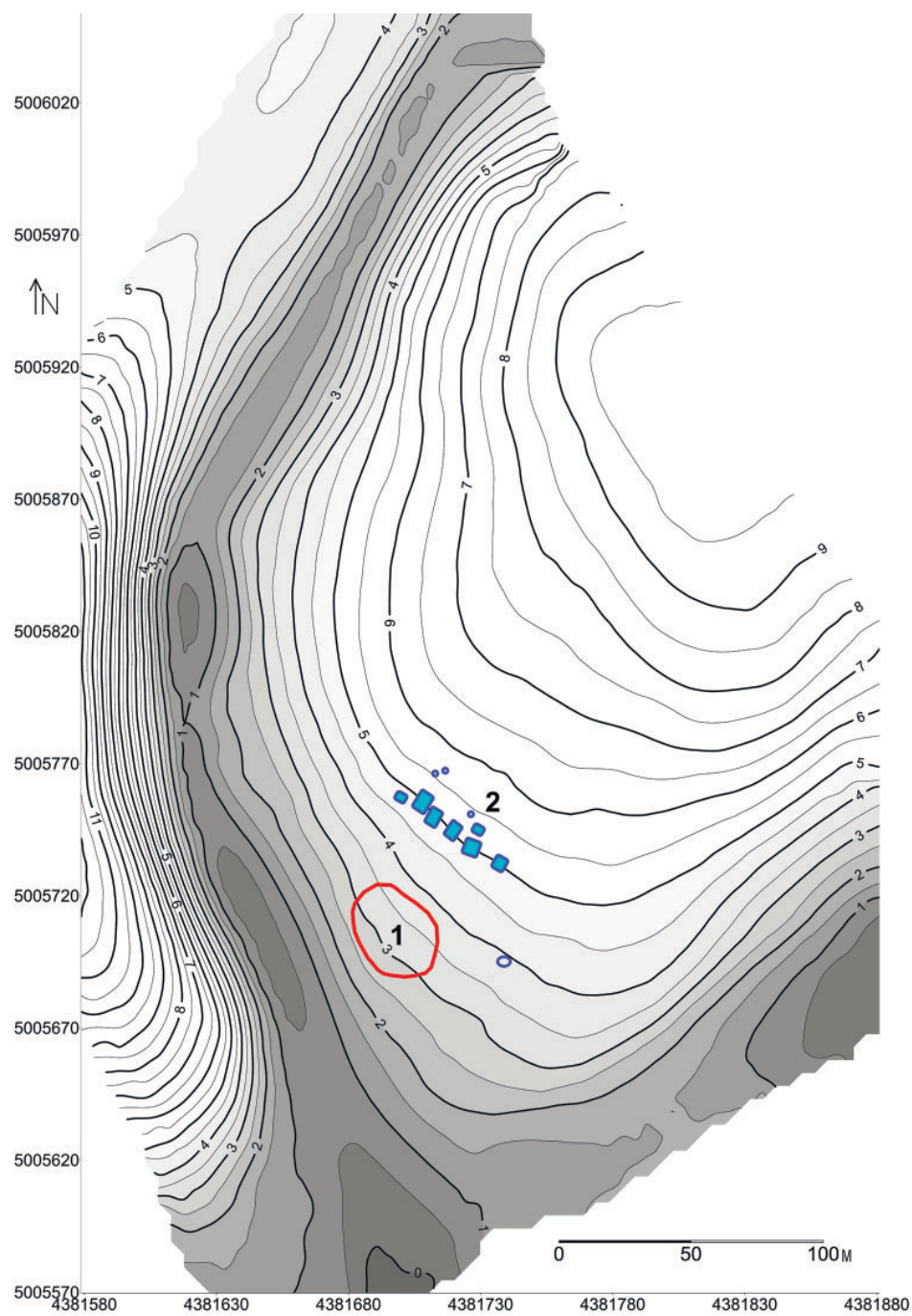

Рис. 4. План поселения Тюмень-7 на основе магнитной съёмки: 1 – загон для скота, 2 – полуземлянки и ямы.

Fig. 4. Plan of the settlement of Tyumen-7 by the magnetic survey: 1 – corral for cattle, 2 – semi-dugouts and pits.

Процент обгоревших кремневых изделий из поселений Тюмень-3 и Тюмень-7 существенно ниже (до 1%) по сравнению с поселениями Тарханкут-18 и Тарханкут-22А. Анализируя кремневый материал из разведок поселений Тарханкут-22А и Тарханкут-18, А.К. Очередной предположил, что обожженные изделия и фрагменты кремневой гальки могли относиться к бытовому мусору, использованному при формировании пола загона для скота¹¹. По всей видимости, данная концепция также применима к поселению Тюмень-7, так как большая часть отщепов была найдена в непосредственной близости к предполагаемому загону для скота. В качестве бытового мусора могли использоваться вторично необработанные, а также обгоревшие отщепы и кремневые сколы с галечной коркой.

Наличие преобладающего количества скребков среди орудий в коллекции с поселений Тарханкут-18 и Тарханкут-22 косвенно сближает их с памятниками Тюмень-3 и Тюмень-7. В остальном орудийный инвентарь сравниваемых памятников демонстрирует слабую схожесть. Отсутствие комбинированных орудий, предметов охотничьего вооружения и орудий жатвы может объясняться недостаточной исследованностью поселений Тарханкут-22А и Тарханкут-18, что препятствует более глубокому сравнительному анализу материалов памятников. Их дальнейшее археологическое изучение может исправить данное обстоятельство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя кремневые коллекции поселений Тюмень-3 и Тюмень-7, можно сделать следующие предварительные выводы:

Наличие общего сырья. Большая часть отщепов была изготовлена из галечного кремня коричневого и серого цветов. Ввиду включения осадочных пород и наличия многочисленных заломов на поверхности отщепов можно предположить отсутствие адекватного сырья для изготовления качественных орудий.

Существенным недостатком коллекции археологического памятника Тюмень-3 является малочисленность орудий, что не дает возможности полноценно сопоставить их с орудийным инвентарем памятника Тюмень-7. Общие черты наблюдаются лишь в обработке скребков.

Наличие комбинированных орудий может объясняться отсутствием приемлемого сырья. Качественный кремнь, подходящий под хозяйственные нужды населения, был редок и высоко ценился. Изготовленные из него орудия в находках с поселений единичны, они, вероятно, многократно использовались и выполняли различные функции.

Вторично необработанные отщепы, отщепы с галечной коркой, а также обгорелые сколы, найденные в непосредственной близости от загона для скота на поселении Тарханкут-7, могли быть частью бытового мусора, который использовался для формирования пола загона, так же, как и на поселениях Тарханкут-18 и Тарханкут-22А.

Найденные микролиты свидетельствуют о возможном наличии мезолитической стоянки на месте поселения позднего бронзового века Тюмень-7. Для выяснения этого предположения необходимы дальнейшие археологические раскопки.

¹¹ Очередной 2020, 200.

ЛИТЕРАТУРА

- Бейлин, Д.В., Кислый, А.Е., Михайлов, А.М., Рогудеев, В.В., Шарапа, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2018: Раскопки поселения эпохи бронзы Госпиталь II в г. Керчи (предварительное сообщение). *ДБ* 23, 9–35.
- Бибииков, С.Н. 1940: Грот Мурзак-Коба – новая поздепалеолитическая стоянка в Крыму. *СА* 5, 159–179.
- Бильде, П.Г., Аттема, П., де Хаас, Т., Хандберг, С., Винтер Якобсен, К., Ланцов, С., Смекалова, Т., Столба, В. 2007: Джарылгачский исследовательский проект. Результаты сезона 2007 г. В сб.: В.Ю. Зуев (ред.), *Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы международной научной конференции*. Ч. 1. СПб., 107–118.
- Бонин, А.В., Буравлев, С.А., Ермолин, С.А. 2019: Раскопки поселения бронзового века Луговое Северо-Западное 2 в Восточном Крыму. В кн.: Н.А. Макаров (отв. ред.), *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.* Т. 1. М., 361–379.
- Гаврилов, К.Н., Жилин, М.Г. 2021: Каменный век. В кн.: Ю.А. Петрова, Е.Б. Аталбаева (общ. ред.), *История Севастополя: в 3-х т. Т. I. Юго-Западный Крым с древнейших времен до 1774 года*. М., 90–113.
- Кияшко, А.В., Сударев, Н.И. 2018: К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации* (XIX Боспорские чтения). Керчь, 212–217.
- Колотухин, В.А. 1996: *Горный Крым в эпоху поздней бронзы – раннем железном веке*. Киев.
- Колотухин, В.А. 2003: *Поздний бронзовый век Крыма*. Киев.
- Кругликова, И.Т. 1955: Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму. *СА* 24, 74–92.
- Лесков, А.М. 1970: Кировское городище. В кн.: А.М. Лесков (отв. ред.), *Древности Восточного Крыма*. Киев, 7–59.
- Мацкевой, Л.Г. 1977: *Мезолит и неолит Восточного Крыма*. Киев.
- Очередной, А.К. 2020: Описание коллекции изделий из кремня, полученных при шурфовках поселений Тарханкут 18 и Тарханкут 22а, а также сборов подъёмного материала при разведках КАГЭ-2019/2020. В кн.: Т.Н. Смекалова (науч. ред.), *Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма*. СПб., 199–203.
- Свиридов, А.Н., Язиков, С.В., Топоривская, М.А., Фролов, В.В. 2019: Раскопки поселения Городище 11 км в 2017 году. В кн.: Н.А. Макаров, (отв. ред.), *Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг.* Т. 1. М., 187–203.
- Смекалова, Т.Н., Кашуба, М.Т., Мульд, С.А., Лисецкий, Ф.Н., Борисов, А.В., Соломонова, М.Ю., Каширская, Н.Н., Бэван, Б.У., Кулькова, М.А. 2020: *Междисциплинарные исследования поселений эпохи бронзы Северо-Западного Крыма*. СПб.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А. 2017: *Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Поздний бронзовый век. Ранний железный век. Античность*. СПб.
- Смекалова, Т.Н., Кутайсов, В.А., Чудин, А.В. 2013: Археологическая карта окрестностей Керкинитиды. В кн.: В.А. Кутайсов, Т.Н. Смекалова, *Ортли. Античные усадьба и виноградики на дальней хоре Херсонеса*. Симферополь, 136–239.
- Смекалова, Т.Н., Лисецкий, Ф.Н., Каширская, Н.Н., Борисов, А.В. 2021: Двойные загоны – новые памятники бронзового века в Северо-Западном Крыму: предварительные результаты геофизических, геохимических и микробиологических исследований. *Stratum Plus* 2, 109–126.

Черных, Е.Н. 2014: Каменные изделия в памятниках Закубанья финала средней – поздней бронзы и начала эпохи раннего железа. *Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета* 18, 171–188.

REFERENCES

- Beylin, D.V., Kislyy, A.E., Mikhaylov, A.M., Rogudeev, V.V., Sharapa, A.V., Yurochkin, V.Yu. 2018: Raskopki poseleniya epokhi bronzy Gospital' II v g. Kerchi (predvaritel'noye soobshcheniye) [Excavations of the Bronze Age settlement Hospital II in Kerch (preliminary report)]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 23, 9–35.
- Bibikov, S.N. 1940: Grot Murzak-Koba – novaya pozdepaleoliticheskaya stoyanka v Krymu [Grotto Murzak-Koba, a new Late Paleolithic site in Crimea]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 5, 159–179.
- Bilde, P.G., Attema, P., de Haas, T., Handberg, S., Winter Jacobsen, K., Lantsov, S., Smekalova, T., Stolba, V. 2007: Dzharylgachskiy issledovatel'skiy proekt. Rezul'taty sezona 2007 g. [Dzharylgach Research Project. Results of the 2007 season]. In: *Bosporskiy fenomen: sakral'nyy smysl regiona, pamyatnikov, nakhodok. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan phenomenon: sacred meaning of the region, monuments, finds. Proceedings of the international scientific conference]. Saint Petersburg, 107–118.
- Bonin, A.V., Buravlev, S.A., Ermolin, S.A. 2019: Raskopki poseleniya bronzovogo veka Lugovoe Severo-Zapadnoe 2 v Vostochnom Krymu [Excavations of the settlement Bronze Age Lugovoe North-Western 2 in Eastern Crimea]. In: N.A. Makarov (ed.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in the Crimea in 2017–2018]. Vol. 1. Moscow, 361–379.
- Gavrilov, K.N., Zhilin, M.G. 2021: Kamennyy vek [Stone Age]. In: Yu.A. Petrova, E.B. Atalbaeva (eds.), *Istoriya Sevastopolya*, 3 vols. Vol. I. *Yugo-Zapadnyy Krym s drevneyshikh vremen do 1774 goda* [History of Sevastopol. Yugo-Western Crimea from ancient times to 1774]. Moscow, 90–113.
- Kiyashko, A.V., Sudarev, N.I. 2018: K voprosu ob etnokul'turnoy prinadlezhnosti i khronologii pamyatnikov pozdnego bronzovogo veka na Tamanskom poluostruve [On the issue of ethno-cultural affiliation and chronology of Late Bronze Age sites on the Taman Peninsula]. In: V.N. Zinko (ed.): *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii* [Bosporus Cimmerian and barbarian world in Antiquity and the Middle Ages. Tradition and innovation]. Kerch, 212–217. (XIX Bosporskie chteniya [XIX Bosporan Readings]).
- Kolotukhin, V.A. 1996: *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – rannem zheleznom veke* [Mountainous Crimea in the Late Bronze Age – Early Iron Age]. Kiev.
- Kolotukhin, V.A. 2003: *Pozdnyy bronzovyy vek Kryma* [Late Bronze Age of Crimea]. Kiev.
- Kruglikova, I.T. 1955: Poseleniya epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza v Vostochnom Krymu [Settlements of the Late Bronze Age and Early Iron Age in Eastern Crimea]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 24, 74–92.
- Leskov, A.M. 1970: Kirovskoe gorodishche [Kirov settlement]. In: A.M. Leskov (ed.), *Drevnosti Vostochnogo Kryma* [Antiquities of Eastern Crimea]. Kiev, 7–59.
- Matskevoy, L.G. 1977: *Mezolit i neolit Vostochnogo Kryma* [Mesolithic and Neolithic of Eastern Crimea]. Kiev.
- Ocherednoy, A.K. 2020: Opisaniye kolektsii izdeliy iz kremnya, poluchennykh pri shurfovkakh poseleniy Tarkhankut 18 i Tarkhankut 22a, a takzhe sborov pod'emnogo materiala pri razvedkakh KAGE-2019/2020 [Description of the collection of flint products obtained during the excavation of the settlements of Tarkhankut 18 and Tarkhankut 22a, as well as the collection of lifting material during the exploration of KAGE-2019/2020]. In: T.N. Smekalova (ed.), *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya poseleniy epokhi bronzy Severo-Zapadnogo*

- Kryma* [Interdisciplinary studies of the settlements of the Bronze Age of the North-Western Crimea]. Saint Petersburg, 199–203.
- Sviridov, A.N., Yazikov, S.V., Toporivskaya, M.A., Frolov, V.V. 2019: Raskopki poseleniya Gorodishche 11 km v 2017 godu [Excavations of the settlement Gorodishche 11 km in 2017]. In: N.A. Makarov (ed.), *Krym – Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in the Crimea in 2017–2018]. Vol. 1. Moscow, 187–203.
- Smekalova, T.N., Kashuba, M.T., Muld, S.A., Lisetsky, F.N., Borisov, A.V., Solomonova, M.Yu., Kashirskaya, N.N., Bevan, B.U., Kulkova, M.A. 2020: *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya poseleniy epokhi bronzy Severo-Zapadnogo Kryma* [Interdisciplinary research of the settlements of the Bronze Age of the North-Western Crimea]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A. 2017: *Arkheologicheskiy atlas Severo-Zapadnogo Kryma. Pozdnyy bronzovyy vek. Ranniy zheleznyy vek. Antichnost'* [Archaeological Atlas of the Northwestern Crimea. Late Bronze Age. Early Iron Age. Antiquity]. Saint Petersburg.
- Smekalova, T.N., Kutaisov, V.A., Chudin, A.V. 2013: Arkheologicheskaya karta okrestnostey Kerkinitidy [Archaeological map of the environs of Cercinitis]. In: V.A. Kutaysov, T.N. Smekalova (ed.), *Ortli. Antichnye usad'ba i vinogradnik na dal'ney khore Khersonesa* [Ortli. An ancient Greek farmstead and vineyard in the remote chora of Chersonesos]. Simferopol.
- Smekalova, T.N., Lisetsky, F.N., Kashirskaya, N.N., Borisov, A.V. 2021: Dvoynye zagony – novye pamyatniki bronzovogo veka v Severo-Zapadnom Krymu: predvaritel'nye rezul'taty geofizicheskikh, geokhimicheskikh i mikrobiologicheskikh issledovaniy [Double paddocks – new Bronze Age sites in Northwestern Crimea: preliminary results of geophysical, geochemical and microbiological studies]. *Stratum Plus* 2, 109–126.
- Chernykh, E.N. 2014: Kamennye izdeliya v pamyatnikakh Zakuban'ya finala sredney – pozdney bronzy i nachala epokhi rannego zheleza [Stone products in the sites of the Trans-Kuban region of the final from the Middle-Late Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University] 18, 171–188.

STONE ARTIFACTS FROM THE LATE BRONZE AGE SETTLEMENTS OF TYUMEN-3 AND TYUMEN-7

Dmitriy O. Savelyev¹, Tatiana N. Smekalova², Aleksandr V. Borisov³

^{1,2}*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia*

³*Federal Research Center "Pushchino Scientific Center for Biological Research of the Russian Academy of Sciences", Pushchino, Russia*

¹ *E-mail:* akkorddnk@gmail.com

² *E-mail:* tnsmek@mail.ru

³ *E-mail:* a.v.borisovv@gmail.com

Abstract. The article presents a description and analysis of flint items obtained during the archaeological study of the Late Bronze Age settlements of Tyumen-3 and Tyumen-7 in the North-Western Crimea. The flint material from these settlements is compared with that from the Bronze Age settlements on the Tarkhankut Peninsula. A similar feature is the use of local raw material in the form of rounded flint pebbles. The presence of combined implements may be explained by the lack of suitable raw materials. Quality flint was rare and highly valued.

Tools made of it in the finds from the settlements are single, they probably were used many times and performed different functions. The predominant number of scrapers among tools is a common feature of the flint material from the settlements Tyumen-3, Tyumen-7, Tarkhankut-18 and Tarkhankut-22.

Keywords: Northwestern Crimea, Tyumen-3 and Tyumen-7 settlements, Late Bronze Age, flint tip, combined tools, scrapers, Mesolithic era, trapezoidal microliths

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 19–32
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 19–32
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-19–32

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ГРИВНЫ САРМАТО-МЕОТСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ КУБАНИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО И РИМСКОГО
ВРЕМЕНИ
(IV в. до н.э. – III в. н.э.)

В.Ю. Кононов

ООО «Крымский региональный центр археологических исследований», Керчь, Россия

E-mail: kononov1978@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2835-628X

Аннотация. В статье предложена классификация видов и типов гривен сармато-меотского населения Кубани в эллинистическое и римское время. До сих пор эти артефакты специально никем не исследовались. Поскольку гривны являлись важным признаком общественного и имущественного статуса, автор делает выводы о социальной дифференциации сарматов и меотов в рассматриваемое время. Эволюция гривен отражает сложную историю сармато-меотского населения Кубани этого времени. Все гривны из меотских и сарматских памятников Кубани распадаются на две хронологические группы. Первая группа, IV в. до н.э., включает гривны исключительно из меотских памятников. Их появление как символа власти и высокого социального положения можно связать с установлением широких экономических контактов с Боспором, приведшим к обогащению местной знати. Исчезновение гривен из погребений меотов III–I вв. до н.э. связано с уничтожением меотской знати в результате вторжения в Прикубанье во второй половине – конце IV в. до н.э. сарматских племен и переходом степей правобережья во владение сираков. Вторая группа объединяет различные типы гривен из сарматских и меотских памятников Кубани. Наиболее ранние экземпляры происходят из богатых сарматских погребений II в. до н.э. – первой половины I в. н.э., с территории Правобережья Нижней Кубани и «зубовско-воздвиженской» группы. Это трубчатые гривны из золота, декорированные изображениями животных. Основная же масса простых золотых, серебряных и бронзовых гривен происходит из курганов «Золотого кладбища» и соседствующих с ним меотских грунтовых могильников второй половины I – начала III в. и отражает формирование в меото-сарматской среде групп с высоким социальным статусом (воины-дружинники и «жрицы»). Исследование гривен в памятниках Прикубанья показывает изменение общественного положения меотов на протяжении эллинистического и римского времени, а также укрепление политического статуса и социальную дифференциацию в сарматской среде в II в. до н.э. – III в. н.э.

Ключевые слова: сарматы, меоты, Кубань, шейные гривны, металлические украшения

Данные об авторе: Валерий Юрьевич Кононов – старший научный сотрудник ООО «Крымский региональный центр археологических исследований».

Изучение украшений, составляющих неотъемлемую часть костюма, является необходимым звеном этнокультурной истории меотских и сарматских племен. Понимание своеобразия костюма и выявление локальных и культурных областей с характерным набором украшений оказывается возможным только при рассмотрении их в развитии и при постоянном сравнении отдельных областей между собой.

Металлические украшения сарматов и меотов можно разделить на четыре группы: 1) гривны, 2) браслеты, 3) серьги и височные кольца, 4) перстни и кольца. Отдельно остановимся на гривнах как важной составной части украшений сарматов и меотов.

Гривна представляет собой шейное украшение в виде металлического обруча. Они были широко распространены в древности у народов Европы и Азии с периода бронзового века и до средневековья. Гривна была известна народам, жившим на территории Кубани в раннем железном веке, где, как и в других регионах, означала особое положение носившего его лица¹.

В отечественной литературе наиболее полную классификацию первоначально получили гривны средневековой Руси. Предложенная в 1930 г. А.В. Арциховским для вятических древностей типология была доработана впоследствии рядом исследователей². В основу этого подхода классификации гривен были положены следующие признаки: все гривны делились на основании технологии изготовления на четыре группы (дротовые, проволочные, пластинчатые и витые); внутри каждой из этих групп выделялось несколько типов, отличающихся друг от друга по поперечному сечению и оформлению концов. Данный подход был положен в основу большинства последующих типологий.

Наиболее значимой для разработки классификации шейных украшений раннего железного века Кубани является работа В.Г. Петренко «Украшения Скифии» (1978), поскольку это исследование охватывает тот же хронологический период и содержит некоторые аналогии кубанским древностям. В целом предложенная ею классификация гривен скифской эпохи основывается на тех же принципах, но обусловлена особенностями технологий и форм шейных украшений, бытовавших в Северном Причерноморье в VII–III вв. до н.э. Все гривны поделены на отделы по характеру стержня, из которого они были изготовлены; внутри отделов – на типы по наличию или отсутствию застежек, форме концов и их оформлений. Материал, из которого изготовлены гривны, учитывался лишь как вариативный признак, поскольку встречаются совершенно аналогичные по форме, технике изготовления и оформлению концов гривны, сделанные из разных металлов: золота и серебра, золота и бронзы, серебра и бронзы³.

До настоящего времени гривны из меотских и сарматских памятников Кубани специально никем не исследовались. В публикациях материалов из раскопок имеется лишь упоминание о находках различных типов гривен рассматриваемого времени с некоторыми аналогиями для датировок⁴. Таким образом, представляется возможным заполнить пробел в изучении данной категории украшений, происходящих из памятников меотов и сарматов Кубани.

¹ Фехнер 1987, 55; Петренко 1978, 41; Козенкова 1982, 46.

² Фехнер 1967, 55–87.

³ Петренко 1978, 41–48.

⁴ Гущина, Засецкая 1992; Сазонов 1992; Шевченко 2005 и др.

Нами учтено 34 гривны, происходящие из меотских и сарматских памятников Кубани эллинистического и римского периода (II в. до н.э. – III в. н.э.). Гривны находились в мужских, женских и даже детских погребениях. Формы и материал (золото, серебро, бронза), по-видимому, диктовались имущественным, а, возможно, и социальным положением умершего.

Большинство рассматриваемых гривен (28 экземпляров) имеет форму гладкого или витого прута, за исключением одной пластинчатой и четырех, изготовленных из полых трубочек. Исходя из этого, весьма целесообразно разделить гривны по технике изготовления на три отдела: стержневые, трубчатые и пластинчатые. В качестве типобразующего признака, с учетом уже устоявшейся схемы, принимается оформление концов. В качестве вариативных признаков принимаются отличия в моделировке поверхности и орнаментация концов.

1. СТЕРЖНЕВЫЕ ГРИВНЫ КУБАНИ

Их можно разделить на 7 типов, включающих различные вариации.

Тип I. К нему относятся гривны, изготовленные из круглого в сечении, как правило, бронзового (реже золотого или серебряного) стержня с вертикально обрубленными концами (7 экземпляров). Время бытования гривен этого типа приходится как на IV в. до н.э., так и на период II в. до н.э. – III в. н.э. Они идентичны и представляют собой простой отрезок проволоки, свернутой в кольцо. Поэтому выделяются две хронологические группы.

Первая группа определяется в пределах IV в. до н.э. по совместным находкам гривен с античным импортом⁵. В этот период гривны представлены единичными находками в погребениях меотской знати, они изготавливались из золота или бронзы.

Гривны второй группы простые, проволочные, с вертикально обрубленными концами, изготовленные из серебра или золота. Представлены единичными находками из меотских и сарматских памятников Кубани. Наиболее ранний экземпляр данной хронологической группы происходит из кургана у хутора Верхний и относится к группе сарматских погребений, датируемых последней четвертью III – II в. до н.э., однако по набору бус II–I вв. до н.э. время этого комплекса можно ограничить II в. до н.э.⁶ Гривна из «Денисова кургана» датируется в пределах второй половины I – первой половиной II в. н.э.⁷ Гривна из меотского могильника городища «Спорное» датируется II – первой половиной III в. н.э. по совместной находке с железным мечом без перекрестия и навершия, которые И.И. Марченко выделены в 3-й тип и отнесены к этому времени⁸.

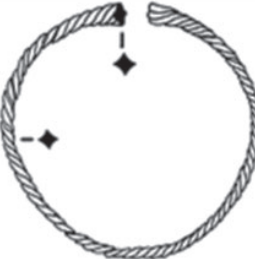
Тип II. Сюда относятся гривны, изготовленные из круглого в сечении золотого, серебряного или бронзового стержня с расширенными концами (3 экземпляра). Представлены они двумя вариантами, отличающимися друг от друга моделировкой поверхности.

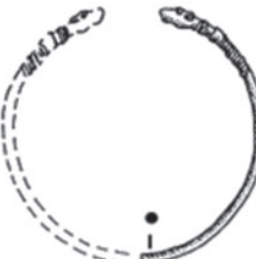
⁵ Беглова 1989, 150; Бочковой 2003; Лимберис 2001.

⁶ Марченко 1996, 88, комплекс № 335.

⁷ Берлизов 1997, 20–23.

⁸ Марченко 1996, 57–58.

ОТДЕЛ I			
ТИП I		ТИП II	
		ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2
			
IV в. до н.э.	II в. до н.э. – II в. н.э.	втор. пол II в. до н.э. – I в. н.э.	втор. пол. II в. до н.э. – I в. н.э.

ТИП III		
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2	ВАРИАНТ 3
		
втор. пол. II – пер. пол I в. до н.э.	втор. пол I в. до н.э.	втор. пол I в. до н.э.

ТИП III	
ВАРИАНТ 4	
ПОДВАРИАНТ А	ПОДВАРИАНТ Б
	
IV в. до н.э.	IV в. до н.э.

Рис. 1. Типологическое распределение гривен.

Fig. 1. Typological distribution of neck-rings.

Вариант 1. Гривна, согнутая из гладкой, круглой в сечении проволоки. Происходит из богатого сарматского погребения «Зубовско-Воздвиженской» группы и датируется второй половиной II в. до н.э. – I в. н.э.⁹.

Вариант 2. Гривны из витой, четырехгранной в сечении проволоки. Представлены случайными находками из разрушенных погребений могильника Старокорсунского городища № 3¹⁰. Точной даты данные экземпляры не имеют и предположительно датируются, как и гривны I варианта рассматриваемого типа. То есть этот тип гривен датируется II в. до н.э. – I в. н.э.

Тип III. Эти гривны из круглого в сечении стержня с концами, оформленными в виде головок животных (7 экземпляров). По видам животных выделяются следующие варианты:

Вариант 1 представлен фрагментом золотой гривны с мордой кошачьего хищника на конце. Происходит из кургана у города Усть-Лабинска и датируется второй половиной I в. до н.э. – первой половиной I в. н.э.¹¹.

Вариант 2. Гривна из толстого стержня, концы украшены стилизованными изображениями лошади. Представлена также одним экземпляром из кургана у города Новокубанска (комплекс № 83) и относится автором раскопок к середине I в. до н.э.¹².

Вариант 3. Гривна, весьма близкая по технике исполнения к новокубанской, происходящая из погребения II в. до н.э. кургана у хутора Верхний (комплекс № 823)¹³. При ее публикации в каталоге фигуры на концах гривны были истолкованы как изображения змеи¹⁴. Однако резные линии за глазами, по мнению Н.Ф. Шевченко, передают рога, и поэтому образ можно трактовать как козла или оленя¹⁵.

Вариант 4. Гривны бронзовые, из округлого в сечении стержня, с заходящими друг за друга концами. Концы оформлены в виде сильно стилизованных змеиных головок. Представлены тремя экземплярами, происходящими из меотских грунтовых могильников: у городища «Спорное» и у хутора Прикубанский. Датируются по наборам бус IV в. до н.э. По наличию или отсутствию орнамента на змеиных головках можно выделить два подварианта:

Подвариант А – с гладкими, неорнаментированными змеиными головками.

Подвариант Б – головки змей орнаментированы косыми и вертикальными насечками.

То есть гривны варианта 4 со змеиными головами датируются IV в. до н.э., а варианты 1–3 гривен с другими животными (кошачий хищник, лошадь, козел/олень) – II–I вв. до н.э.

Тип IV. Гривны данного типа изготовлены из золотой проволоки, круглой в сечении. Один конец оформлен в виде петельки, другой – в виде крючочка (6 экземпляров). Представлены они двумя вариантами, отличающимися друг от друга моделировкой поверхности.

⁹ Гущина, Засецкая 1992, рис. 7.

¹⁰ Кондрашев 1989, рис. 437; Кондрашев 1990, объект № 47.

¹¹ Гущина, Засецкая 1992, рис. 6.

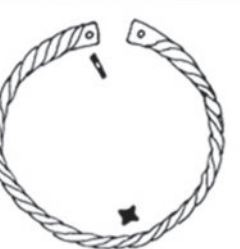
¹² Шевченко 2005, 168, рис. 5, 12.

¹³ Марченко 1996, 88, комплекс № 337.

¹⁴ Лесков, Лапушнян 1987, Кат. №149.

¹⁵ Шевченко 2005, 168–169.

ОТДЕЛ 1			
ТИП IV		ТИП V	
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2		
			
I–II вв. н.э.	втор. пол II в. до н.э. – нач. II в. н.э.	II–III вв. н.э.	

ТИП VI		ТИП VII
ВАРИАНТ 1	ВАРИАНТ 2	
		
II в. н.э.	II в. н.э.	I в. до н.э. – II в. н.э.

ОТДЕЛ 2		ОТДЕЛ 3	
ТИП I	ТИП II	ТИП III	ТИП I
			
втор. пол. II в. до н.э.	пер. пол. II – нач. I в. до н.э.	II–I вв. до н.э.	II–III вв. н.э.

Рис. 2. Типологическое распределение гривен (продолжение).

Fig. 2. Typological distribution of neck-rings (Continuation).

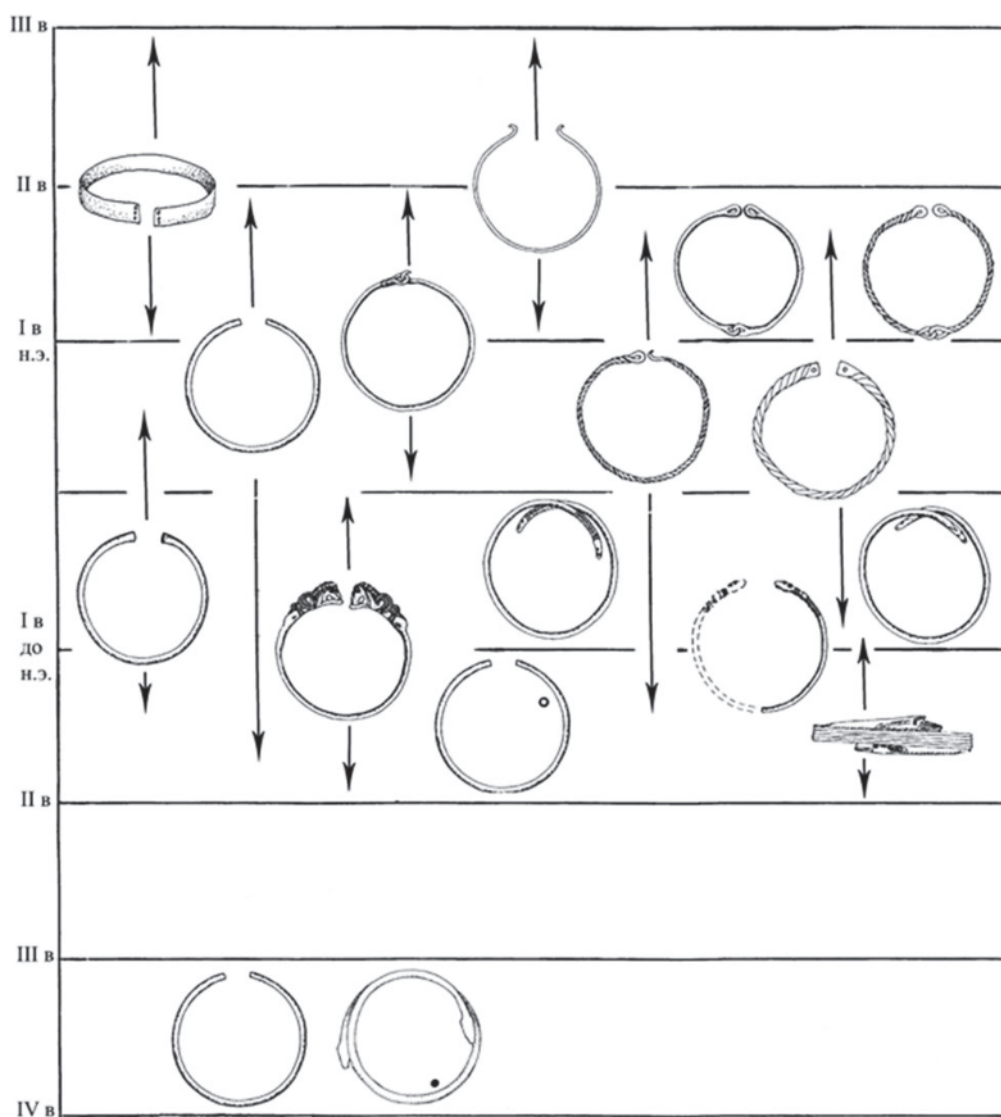

Рис. 3. Хронологическое распределение гривен.

Fig 3. Chronological distribution of neck-rings.

Вариант 1. Гривны, согнутые из гладкой, круглой в сечении проволоки. Были встречены как в сарматских, так и в меотских памятниках Кубани второй половины I–II вв. н.э. Как правило, гривны этого варианта найдены в погребениях всадников. Это указывает на то, что данное украшение являлось символом принадлежности к определенной социальной группе (в данном случае конных дружинников), возможно, входивших в состав сиракской дружины, которой был поручен контроль над южной границей раннеаланского союза¹⁶.

Вариант 2. Гривны, изготовленные из витой проволоки. Представлены четырьмя экземплярами: первый происходит из сарматского погребения кургана у хутора Северный и относится ко второй половине II в. до н.э.¹⁷; второй – из погребения меотского могильника Старокорсунского городища № 3, датируется по фибуле (группа 13, вариант 2 по А.К. Амброзу)¹⁸ второй половиной I – началом II в. н.э.; третий и четвертый – из Елизаветинского могильника № 2 и датируются И.Н. Анфимовым I–II в. н.э.¹⁹.

Таким образом, время бытования гривен этого типа определяется в рамках второй половины II в. до н.э. – начала II в. н.э.

Тип V. Гривны золотые проволочные, с концами-крючочками. Представлены четырьмя экземплярами, происходящими из могильника у хутора Городского и могильника городища «Спорное», и датируются по наличию в погребениях римского импорта II–III вв. н.э.²⁰.

Тип VI. Гривны этого типа – золотые проволочные, состоящие из двух частей, соединенных петельками. Концы также оформлены в виде петелек. Представлен двумя экземплярами, происходящими из могильника близ аула Ленинохабль²¹ и датируемыми по фибуле II в. н.э. (группа 11, серия I, вариант I–2 по А.К. Амброзу)²². На основе моделировки поверхности их можно разделить на два варианта:

Вариант 1. Гривна, изготовленная из гладкой, круглой в сечении проволоки.

Вариант 2. Гривна из витой, четырехгранной в сечении проволоки.

Тип VII. Гривна из бронзовой, тонкой, витой, квадратной в сечении проволоки. Концы расплющены, и в них пробиты небольшие отверстия для скрепления концов между собой. Данный экземпляр происходит из Елизаветинского могильника № 2 и датируется автором раскопок в пределах I – II в. н.э.²³.

2. ТРУБЧАТЫЕ ГРИВНЫ

Тип I. Гривна данного типа изготовлена из гладкого, полого внутри, золотого стержня с запаянными концами. Была найдена в кургане у хутора Северный. Это погребение отнесено А.С. Скрипкиным к II–I вв. до н.э.²⁴, однако И.И. Марченко

¹⁶ Марченко 1996, 138.

¹⁷ Марченко 1996, комплекс № 299.

¹⁸ Амброз 1966.

¹⁹ Анфимов 1984, 92.

²⁰ Сазонов 1992, 254–256, рис. 4, 3, 6; 9, 1.

²¹ Ждановский 1975, рис. 212, 1, 2.

²² Амброз 1966.

²³ Анфимов 1984, 92.

²⁴ Скрипкин 1990, 218–223. Рис. 2, 8.

уточнил время этого комплекса и предложил датировать его второй половиной II в. до н.э.²⁵.

Тип II. К нему относятся гривны, имитирующие многовитковые. Они изготовлены из шести полых трубок, спаянных в несколько рядов и скрепленных на концах четырьмя обоймами. Концы трубочек спереди украшены чеканными пластинками с изображением стилизованных голов хищников (волков). Гривны состоят из двух частей. Задний сегмент подвижно закреплен и соединяется с основной частью при помощи петелек, в которые вставлены штифты, изготовленные из круглой в сечении проволоки; на одной стороне сегмента концы штифта загнуты и закреплены наглухо, на другой штифт съемный и служит запором.

Данный тип гривен представлен двумя экземплярами, происходящими из сарматских комплексов Кубани: первый – из кургана у хутора Элитный (И.Н. Анфимов отнес его ко II в. до н.э.²⁶, однако дата этого комплекса была уточнена И.И. Марченко и определена в пределах первой-второй четвертей I в. до н.э.²⁷); второй – из кургана у поселка Карстовый (датируется в пределах первой половины – второй четверти II в. до н.э.²⁸).

Характер стилизации, удлинённость пропорций, детали оформления пасти, глаз, ушей указывают, по мнению И.Н. Анфимова, на сарматское происхождение этих изображений. Сходство настолько велико, что позволяет ставить вопрос не только об одновременности бытования этих украшений, но и об изготовлении их в одном производственном центре²⁹. Серия подобных украшений происходит из Ахтанизовского кургана, их сарматское происхождение и генетическую преемственность от украшений савроматской эпохи отмечал ещё К.Ф. Смирнов³⁰.

Тип III. Его представляет гривна из тонкой золотой трубки, концы плоские, широкие, оформлены в виде лежащих грифонов. Происходит из сарматского погребения кургана у станицы Старонижестеблиевской и датируется в пределах II–I вв. до н.э.³¹.

Все типы трубчатых гривен датируются II–I вв. до н.э.

3. ПЛАСТИНЧАТЫЕ ГРИВНЫ

Тип I. Гривна этого типа изготовлена из тонкой золотой пластины с отверстиями по краям, очевидно, для нашивания на кожаную основу. Происходит из могильника у хутора Городского и датируется в пределах II–III вв. н.э.³².

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, все гривны изучаемого периода из меотских и сарматских памятников Кубани распадаются на две хронологические группы. Первая представлена грив-

²⁵ Марченко 1996, 87.

²⁶ Анфимов 1986, 191.

²⁷ Марченко 1996, 87.

²⁸ Марченко 1996, 87.

²⁹ Анфимов 1986, 196–197.

³⁰ Смирнов 1964, 144.

³¹ Лесков, Лапушнян 1987, Кат. № 150.

³² Сазонов 1992, рис. 2,5.

нами, происходящими исключительно из меотских памятников. Их появление как знака власти и высокого социального положения в IV в. до н.э. можно связать с установлением широких экономических контактов, прежде всего хлеботорговли, выразившихся в обогащении местной знати. Об этом также свидетельствует тот факт, что гривны встречены не только в богатых погребениях воинов-всадников, где они, вероятно, являлись символом власти, но также в женских и даже в детских погребениях, где они, скорее всего, указывают на высокий социальный (имущественный статус погребенных).

Гривны этого периода представлены в основном простыми формами, в виде гладкого золотого или бронзового прута (отдел 1, тип I) или с расплюснутыми концами, имитирующими змеиные головки (отдел 1, тип III, вариант 4).

Исчезновение гривен из погребальных памятников меотов III–I вв. до н.э. связано с уничтожением меотской знати в результате вторжения в Прикубанье во второй половине – конце IV в. до н.э. сарматских племен и переходом степей правобережья во владение сираков, так как именно знать составляла передовые отряды меотского войска и должна была первой выступить на защиту своих земель³³.

Отсутствие гривен в сарматских памятниках IV – конца III в. до н.э. объясняется отсутствием социальной дифференциации, что характерно для кочевников периода распада первобытнообщинного строя и сложения раннеклассовых отношений³⁴.

Вторая хронологическая группа представлена различными типами гривен, происходящими как из сарматских, так и из меотских памятников Кубани. При этом наиболее ранние экземпляры происходят из богатых сарматских погребений II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. с территории Правобережья Нижней Кубани и «зубовско-воздвиженской» группы в междуречье Лабы и Кубани. Тогда же появляются трубчатые гривны из золота, содержащие украшения в виде животных – они относятся к сарматским памятникам. Основная же масса золотых, серебряных и бронзовых гривен происходит из курганов «Золотого кладбища» и соседствующих с ним меотских грунтовых могильников второй половины I – начала III в. и отражает формирование в меото-сарматской среде групп с высоким социальным статусом (воины-дружинники и «жрицы»). В более поздний период II–III вв. зафиксированы и пластинчатые гривны.

Таким образом, можно определить гривны из драгоценных металлов на Кубани как важное украшение, подчеркивающее высокий социальный и имущественный статус их носителей. Исследование гривен в памятниках Прикубанья показывает изменение общественного положения меотов на протяжении эллинистического и римского времени, а также укрепление политического статуса и социальную дифференциацию в сарматской среде, приходящуюся на период II в. до н.э. – I в. н.э. Меоты Кубани как самостоятельные племена процветали в IV в. до н.э., пока не были частично уничтожены, частично захвачены и подчинены сарматами в результате вторжения второй половины IV в. до н.э. Правобережные степи оказались в подчинении сираков. В римское время наличие множества гривен в меотских памятниках указывает на то, что среди меотов постепенно выделялась военная конная знать, приближающаяся по статусу к сарматской.

³³ Ждановский 1981, 32; Ждановский 1990, 44.

³⁴ Марченко 1996, 118–119.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР*. (САИ Д 1–30). М.
- Анфимов, И.Н. 1984: Меотский могильник I–II веков близ станицы Елизаветинской. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 83–111.
- Анфимов, И.Н. 1986: Погребальный комплекс II в. до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край). В сб.: В.И. Марковин (ред.), *Новое в археологии Северного Кавказа*. М., 190–197.
- Беглова, Е.А. 1989: Погребальный обряд Уляпских грунтовых могильников в Красновардейском районе. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.), *Меоты – предки адыгов*. Майкоп, 140–157.
- Берлизов, Н.Е. 1997: О датировке «Денисова кургана» (Раскопки Н.И. Веселовского 1902 г.). В сб.: *Древности Кубани*. Вып 5: *Материалы, посвященные памяти Каминского Владимира Николаевича*. Краснодар, 20–24.
- Бочковой, В.В. 2003: *Отчет о раскопках могильника городища Спорное в 2003 г.* Архив археологической лаборатории КубГУ. Краснодар.
- Гущина, И.И., Засецкая, И.П. 1992: К вопросу о хронологии и происхождении «Золотого кладбища» в Прикубанье. В сб.: А.С. Скрипкин (ред.), *Проблемы хронологии сарматской культуры*. Саратов, 45–67.
- Ждановский, А.М. 1975: *Отчет об исследовании могильника в ауле Ленинохабль Теучежского района Адыгейской автономной области в 1975 г.* Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 6524.
- Ждановский, А.М. 1981: Назревшие проблемы социально-политической истории меотов Прикубанья. В сб.: В.Б. Виноградов, И.И. Марченко, *Археология и краеведение Кубани: материалы Первой студенческой научной конференции, Краснодар, апрель 1993 г.* Краснодар, 31–33.
- Ждановский, А.М. 1990: К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья). В сб.: В.Е. Максименко (ред.), *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*. Ростов-на-Дону, 35–48.
- Козенкова, В.И. 1982: *Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант*. М. (САИ В 2–5).
- Кондрашев, А.В. 1989: *Отчет о раскопках могильника Старокорсунского городища № 3 в 1988 г.* Архив КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицина. Ф. 3. Ш. 4/1. № 475.
- Кондрашев, А.В. 1990: *Отчет о раскопках грунтового могильника Старокорсунского городища № 3 за 1989 год*. Архив КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицина. Ф. 3. Ш. 4/1. № 493.
- Лесков, А.М., Лапушнян, В.Л. 1987: *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. М.
- Лимберис, Н.Ю. 2001: *Отчет Краснодарской археологической экспедиции о раскопках грунтового могильника у хутора Прикубанский в 2001 г.* Архив археологической лаборатории КубГУ. Краснодар.
- Марченко, И.И. 1996: *Сираки Кубани*. Краснодар.
- Петренко, В.Г. 1978: *Украшения Скифии VII–III веков до н.э.* М. (САИ Д 4-5).
- Сазонов, А.А. 1992: Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского. В сб.: Н.В. Анфимов (ред.), *Вопросы археологии Адыгеи*. Майкоп, 244–274.
- Скрипкин, А.С. 1990: *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*. Саратов.
- Смирнов, К.Ф. 1964: *Савроматы: ранняя история и культура сарматов*. М.
- Фехнер, М.В. 1967: Шейные гривны. В сб.: Б.А. Рыбаков (ред.), *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* (Труды ГИМ 43). М., 55–88.

Шевченко, Н.Ф. 2005: Новые сарматские погребения с территории «Зубовско-Воздвиженской» группы. *МИАК* 4, 166–178.

REFERENCES

- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly yuga evropeyskoy chasti SSSR* [Brooches of the south of the European part of the USSR]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] D1–30). Moscow.
- Anfimov, I.N. 1984: Meotskiy mogil'nik I–II vekov bliz stanitsy Elizavetinskoy [The Maeotian necropolis of the 1st–2nd centuries AD near the village of Elizavetinskaya]. In: N.V. Anfimov (ed.), *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues of the Archaeology of Adygea]. Maykop, 83–111.
- Anfimov, I.N. 1986: Pogrebal'nyy kompleks II v. do n.e. u khutora Elitnyy (Krasnodarskiy kray) [Burial complex of the 2nd century BC near the khutor of Elitnyy (The Krasnodar Territory)]. In: V.I. Markovin (ed.), *Novoe v arkheologii Severnogo Kavkaza* [Archaeology of the North Caucasus: Recent discoveries]. Moscow, 190–197.
- Beglova, E.A. 1989: Pogrebal'nyy obryad Ulyapskikh gruntovykh mogil'nikov v Krasnogvardeyskom rayone [Funeral rite of the Ulyapsk ground burial grounds in the Krasnogvardeisk District]. *Maeoty – predki adygov* [The Maeotians, the ancestors of the Adyghe]. Maykop, 140–157.
- Berlizov, N.E. 1997: O datirovke “Denisova kurgana” (Raskopki N.I. Veselovskogo 1902 g.) [On the dating of the “Denisov Kurgan” (Excavations by N.I. Veselovskiy in 1902)]. In: *Antiquities of the Kuban*. Iss. 5: *Materials dedicated to the memory of Kaminsky Vladimir Nikolaevich*. Krasnodar, 20–24.
- Bochkovoy, V.V. 2003: *Otchet o raskopkakh mogil'nika gorodishcha Spornoe v 2003 godu* [Report on the 2003 excavation of the necropolis of the Spornoye settlement]. Arhiv arkheologicheskoy laboratorii Kubanskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Archive of the Archaeological Laboratory of the Kuban State University]. Krasnodar.
- Fekhnner, M.V. 1967: Sheynye grivny [Neck torcs]. In: B.A. Rybakov (ed.), *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv* [Essays on the history of the Russian village of the 10th–13th centuries]. (Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya [Proceedings of the State Historical Museum]) 43. Moscow, 55–88.
- Gushchina, I.I., Zaseckaya, I.P. 1992: K voprosu o khronologii i proiskhozhdenii “Zolotogo kladbishcha” v Prikuban'e [On the question of the chronology and origin of the “Golden Cemetery” in the Kuban Region]. In: A.S. Skripkin (ed.), *Problemy khronologii sarmatskoy kul'tury* [Problems of the chronology of the Sarmatian culture]. Saratov, 45–67.
- Kondrashev, A.V. 1989: *Otchet o raskopkakh mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 3 v 1988 godu* [Report on the excavation of the burial ground of Starokorsun settlement No. 3 in 1988]. Arkhiv Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika [Archive of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. F. 3. Sh. 4/1. No. 475.
- Kondrashev, A.V. 1990: *Otchet o raskopkakh gruntovogo mogil'nika Starokorsunskogo gorodishcha № 3 za 1989 god* [Report on the excavation of the ground burial ground of the Starokorsun settlement No. 3 for 1989]. Arkhiv Krasnodarskogo gosudarstvennogo istoriko-arkheologicheskogo muzeya-zapovednika [Archive of the Krasnodar State Historical and Archaeological Museum-Reserve named after E.D. Felitsyn]. F. 3. Sh. 4/1. No. 493.
- Kozenkova, V.I. 1982: *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kul'tury (vostochnyy variant)* [Typology and chronological classification of objects of Koban culture. Oriental variant]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources] V2–5). Moscow.

- Leskov, A.M., Lapushnyan, V.L. 1987: *Shedevry drevnego iskusstva Kubani. Katalog vystavki* [Masterpieces of the Kuban ancient art. Exhibition catalogue]. Moscow.
- Limberis, N.Yu. 2001: *Otchet Krasnodarskoy arkheologicheskoy ekspeditsii o raskopkakh grunтового mogil'nika u khutora Prikubanskiy v 2001 g.* [Report of the Krasnodar archaeological expedition on the excavation of a ground burial ground near the Prikubansky farm in 2001]. Arkhiv arkheologicheskoy laboratorii Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta [Archive of the Archaeological Laboratory of the Kuban State University]. Krasnodar.
- Marchenko, I.I. 1996: *Siraki Kubani* [The Kuban Siraces]. Krasnodar.
- Petrenko, V.G. 1978: *Ukrasheniya Skifii VII–III vekov do n.e.* [Decorations of Scythia of the 7th – 3rd centuries BC]. (Svod arkheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources D4-5]. Moscow.
- Sazonov, A.A. 1992: Mogil'nik pervykh vekov nashey ery bliz khutora Gorodskogo [A necropolis of the first centuries of our era near the Gorodskoy khutor]. In: N.V. Anfimov (ed.), *Voprosy arkheologii Adygei* [Issues of the Archaeology of Adygea]. Maykop, 244–274.
- Shevchenko, N.F. 2005: Novye sarmatskie pogrebeniya s territorii "Zubovsko-Vozdvizhenskoy" gruppy [New Sarmatian burials from the territory of the "Zubovskiy-Vozdvizhenskaya" group]. In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Kavkaza* [Materials and research on the archeology of the North Caucasus]. Armavir, 166–178.
- Skripkin, A.S. 1990: *Aziatskaya Sarmatiya. Problemy khronologii i ee istoricheskoy aspekt* [Asiatic Sarmatia. Problems of chronology and its historical aspect]. Saratov.
- Smirnov, K.F. 1964: *Savromaty: rannyya istoriya i kul'tura sarmatov* [The Sauromatians: early history and culture of the Sarmatians]. Moscow.
- Zhdanovskiy, A.M. 1975: *Otchet ob issledovanii mogil'nika v aule Leninokhabl' Teuchezhskogo rayona adygeyskoy avtonomnoy oblasti v 1975 godu* [Report on the study of the burial ground in the Leninokhabl village of the Teuchezh district of the Adyghe Autonomous District in 1975]. Arkhiv Instituta Arkheologii RAN [Archive of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences]. F. R-1. No. 6524.
- Zhdanovskiy, A.M. 1981: Nazrevshie problemy social'no-politicheskoy istorii meotov Prikuban'ya [The urgent problems of the socio-political history of the Meots of the Kuban region]. In: V.B. Vinogradov, I.I. Marchenko, *Arkheologiya i kraevedenie – VUZu i shkole* [Archaeology and local history – in the High Education and School]. Groznyy, 31–33.
- Zhdanovskiy, A.M. 1990: K istorii sirakskogo soyuza plemen (po materialam kurgannykh pogrebeniy Srednego Prikuban'ya) [On the history of the Syrak alliance of tribes (based on materials from the burial mounds of the Middle Kuban region)]. In: V.E. Maksimenko (ed.), *Don i Severnyy Kavkaz v drevnosti i srednie veka* [Don and the North Caucasus in the Antiquity and the Middle Ages]. Rostov-on-Don, 35–48.

METAL NECK-RINGS OF THE KUBAN SARMATIAN-MAEOTIAN
POPULATION IN THE HELLENISTIC AND ROMAN TIMES
(THE 4th CENTURY BC TO THE 3rd CENTURY AD)

Valeriy Yu. Kononov

LLC "Crimean Regional Center for Archaeological Research", Kerch, Russia

E-mail: kononov1978@mail.ru

Abstract. The author proposes a classification of species and types of neck-rings for the Sarmatian-Maeotian population of the Kuban in the Hellenistic and Roman times. So far, these artifacts have not been specially studied by anyone. Since torques were an important sign of social and property status, the author draws conclusions about the social differentiation of the Sarmatians and Maeotians in the period under consideration. The evolution of neck-rings reflects the complex history of the Sarmatian-Maeotian population of the Kuban of this time. All torques from the Maeotian and Sarmatian sites of the Kuban fall into two chronological groups. The first group, the 4th c. BC, includes torques exclusively from Maeotian sites. Their appearance as a symbol of power and high social status can be associated with the establishment of extensive economic contacts with the Bosphorus, which led to the enrichment of the local nobility. Disappearance of neck-rings from the Maeotian burials in the 3rd – 1st cc. BC is associated with the destruction of the Maeotian nobility as a result of the Sarmatian invasion of the Kuban region in the second half and the end of the 4th c. BC and the transition of the right-bank steppes into the possession of the Siraces. The second group combines various types of torques from the Sarmatian and Maeotian sites in the Kuban. The earliest specimens come from rich Sarmatian burials of the 2nd c. BC – the first half of the 1st c. AD, from the territory of the right bank of the Lower Kuban and the "Zubovskiy-Vozdvizhenskaya" group. These are tubular neck-rings made of gold, decorated with images of animals. The bulk of simple gold, silver and bronze torques comes from the mounds of the "Golden Cemetery" and adjacent Maeotian ground burials of the second half of the 1st and beginning of the 3rd century BC and reflects the formation in the Maeotian-Sarmatian environment of groups with a high social status (warriors and "priestesses"). The study of torques from the Kuban sites shows the change in the social status of the Maeotians during the Hellenistic and Roman times, as well as the strengthening of the political status and social differentiation in the Sarmatian environment in the 2nd c. BC to the 3rd c. AD.

Keywords: Sarmatians, Maeotians, Kuban, neck-rings, metal jewelry

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-33–84

ПОСЕЛЕНИЕ ИЛЬИЧ I: МЕТОДИКА АНАЛИЗА МАССОВОГО МАТЕРИАЛА И ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ КОМПЛЕКСОВ II–IV вв. н.э.

А.В. Сазанов

Институт археологии РАН, Москва, Россия

E-mail: andrei.v.sazanov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1504-1289

Аннотация. Статья посвящена методике анализа массового археологического материала и определению хронологии слоев и комплексов II–IV вв. н.э. поселения Ильич I на основе материалов раскопа I, исследованного в 2016 г. Предлагаемая методика состоит из двух основных блоков. Сначала рассматривается блок, характеризующий керамический комплекс как таковой, включающий статистику по категориям находок (керамика, изделия из металла, стекла, кости), функциональным группам (строительные материалы, архитектурная керамика, пифосы, амфоры, краснолаковая посуда, лощеная посуда, круговая столовая и кухонная посуда), сопоставление статистики круговой и лепной посуды, что имеет особую важность для Боспора. Второй блок, связанный с хронологией обнаруженных находок, включает распределение датированных находок по хронологическим группам, выделение датирующей группы и ее последующий анализ. Полученная таким образом стратиграфическая колонка включает слои и объекты второй половины II – первой половины III в. (слой III.2), середины – второй половины III в. н.э. (слой III.3), начала – третьей четверти IV в. (слой II.1), середины / второй половины IV – начала V в. (слой II.2). Предлагается подробный анализ керамических комплексов каждого из периодов. Попытка синхронизации выделенных комплексов с известными монетными кладами III–IV вв. создает заманчивую возможность для уточнения хронологии рассматриваемых слоев. В этом случае комплексы слоя III.2 можно относить к 240-м гг., слоя III.3 – к 270-м гг., слоя II.1 – к началу второй четверти IV в., слоя II.2 – третьей четверти IV/началу V в.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, поселение Ильич I, позднеримская и ранневизантийская керамика, амфоры, хронология, стратиграфия, методика полевых исследований

Предлагаемая вниманию статья преследует две цели. Первая заключается в изложении наработок методики анализа массового материала, применяемой одним из авторов при исследованиях античных и средневековых комплексов Кры-

Данные об авторе: Андрей Владимирович Сазанов – доктор исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия ИА РАН.

ма и Таманского полуострова¹. Эта методика состоит из двух основных блоков. Сначала рассматривается блок, характеризующий керамический комплекс как таковой. Он включает статистику по категориям находок (керамика, изделия из металла, стекла, кости), функциональным группам (строительные материалы, архитектурная керамика, пифосы, амфоры, краснолаковая посуда, лощеная посуда, круговая столовая и кухонная посуда), сопоставление статистики круговой и лепной посуды, что имеет особую важность для Боспора. Второй блок связан с хронологией обнаруженных находок. Он включает распределение датированных находок по хронологическим группам, выделение датирующей группы и ее последующий анализ. Изложенная методика позволяет, на наш взгляд, получить достаточно полное представление о характере керамического комплекса и обосновать его датировку. Считаем необходимым отметить, что, на наш взгляд, современный уровень публикаций требует репрезентативного воспроизведения в исследованиях не выборочных, т.н. «характерных» вещей из комплекса, а всего комплекса, включая и примесь более раннего материала.

Вторая цель, более узкая и конкретная, – применяя разработанную методику, определить хронологию слоев и комплексов II–IV вв., выявленных на поселении Ильич 1 в 2016 г.² Важность этого, помимо известной общей проблемы хронологии керамики II–IV вв., заключается еще и в следующем.

Как отмечали в своей статье А.И. Завойкин и Н.А. Завойкина, между крепостью-1 и крепостью-2 имелся значительный хронологический разрыв: III – конец IV в. н. э. В этой связи исследователи, предполагая отсутствие («замирание») жизни на городище во второй половине II–III вв. н. э., справедливо заключали, что результаты масштабных работ 2015–2016 гг. позволят внести в этот вопрос окончательную ясность³. Кроме того, изучение М.Г. Абрамзоном нумизматической коллекции Ильичевского городища показало, что в 327 г. н. э. городище и ближайшие укрепления в районе современного пос. Ильич пережили набег варваров, форсировавших Керченский пролив. Об этом, как полагают исследователи, свидетельствует как дата клада с Ильичевского городища 1977 г., так и нумизматический материал из слоя пожара расположенной рядом «батарейки», где был открыт разгромленный и сгоревший дом, позднейшими монетами из которого были статары Рескупорида VI 327/328 г. н.э.⁴

В целом на раскопе I были выявлены комплексы первой половины – середины II в. н.э. (слой III, период 1), второй половины II в. н.э. – первой половины III в. (слой III, период 2), середины – второй половины III в. (слой III, период 3), начала – первой половины IV в. (слой II, период 1), второй половины IV – начала V в. (слой II, период 2), первой половины V в. (слой II, период 3), третьей четверти V–VI в. (слой II, период 4) и второй половины IX в. (слой I, период 1). Данная статья посвящена анализу комплексов второй половины II – второй половины IV/начала V в.

¹ Сазанов 2008.

² Анализируются материалы раскопа I, на котором были открыты выразительные комплексы этого времени. Предварительную информацию об этих раскопках см. Бонин 2017; 2018.

³ Завойкин, Завойкина 2017, 6, 13.

⁴ Абрамзон, Бонин 2017, 406. К этим комплексам примыкает и клад римских монет III–IV вв., найденный у юго-восточной границы городища в 2018 г. – прим. гл. ред. См. Абрамзон, Бабиц 2022.

СЛОЙ III.2. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА II – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА III в. н.э.

В качестве показательного комплекса этого времени нами было взято заполнение хозяйственной ямы, получившей в отчетной документации наименование «Объект 40». Яма подцилиндрической формы, глубиной 2,4–2,5 м, с подбоем в западной части, имела два уровня заполнения. Первый, до глубины 0,8 м, связанный с нивелировкой поверхности в начале – третьей четверти IV в., представлял собой светло-серую супесь с линзами камки. Второй, нижний, – серая супесь мощностью 1,7 м, содержащая многочисленные находки, рассматриваемые далее (рис. 1).

Таблица 1.

Состав комплекса слоя серой супеси ямы – объекта 40 по категориям находок

	Категория	Крышки	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	1	23	8	14	692	738	27.8
2	Изделия из металла						12	0.5
3	Кости животных						1907	71.8
Всего		1	23	8	14	692	2657	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 40						

Общая статистика показывает резкое преобладание костей животных, составляющих две трети комплекса. Вторую по численности группу составляют керамические изделия. Изделия из металла, включающие свинцовые скрепы и монеты, крайне немногочисленны.

Фрагменты керамических изделий, включая строительные материалы, распределяются по следующим функциональным группам.

Таблица 2.

Состав комплекса слоя серой супеси ямы – объекта 40 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Крышки	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Строительные материалы					10	10	1.4
	Кирпич-сырец					3		
	Штукатурка					7		
2	Архитектурная керамика		2			2	4	0.5
	2.1. Керамиды		2			1		
	2.2. Калиптеры					1		
3	Пифосы (рис. 2, 1, 2)		4		2	138	144	19.5

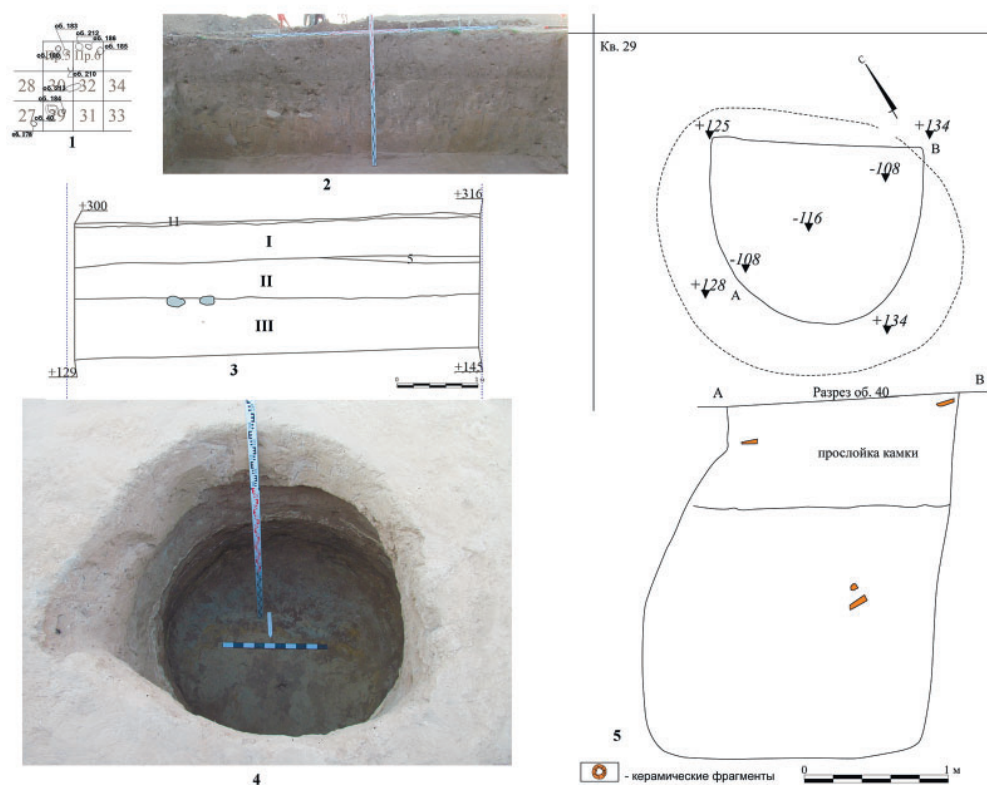

Рис. 1. Слой III.2. Втор. пол. / кон. II– перв. пол. III в. н.э. Яма-объект 40: 1 – местоположение объекта; 2, 3 – стратиграфия северного борта кв. 29; 4 – объект после удаления заполнения; 5 – план и разрез ямы.

Fig. 1. Layer III.2. The second half of the 2nd c. to the first half of 3rd c. AD. Pit-object 40: 1 – location of the object; 2, 3 – stratigraphy of the northern side of Trench 29; 4 – object after removal of the filling; 5 – plan and section of the pit.

	Функциональная группа	Крышки	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
4	Амфоры (рис. 2, 3–17)		6	6	5	392	409	55.4
5	Краснолаковая посуда (рис. 2, 18)		1				1	0.1
6	Круговая лощеная посуда					3	3	0.4
7	Круговая столовая посуда (рис. 2, 19, 22)		2	2	4	126	134	18.2
8	Круговая бытовая посуда (лутерии) (рис. 2, 20, 21)		2				2	0.3

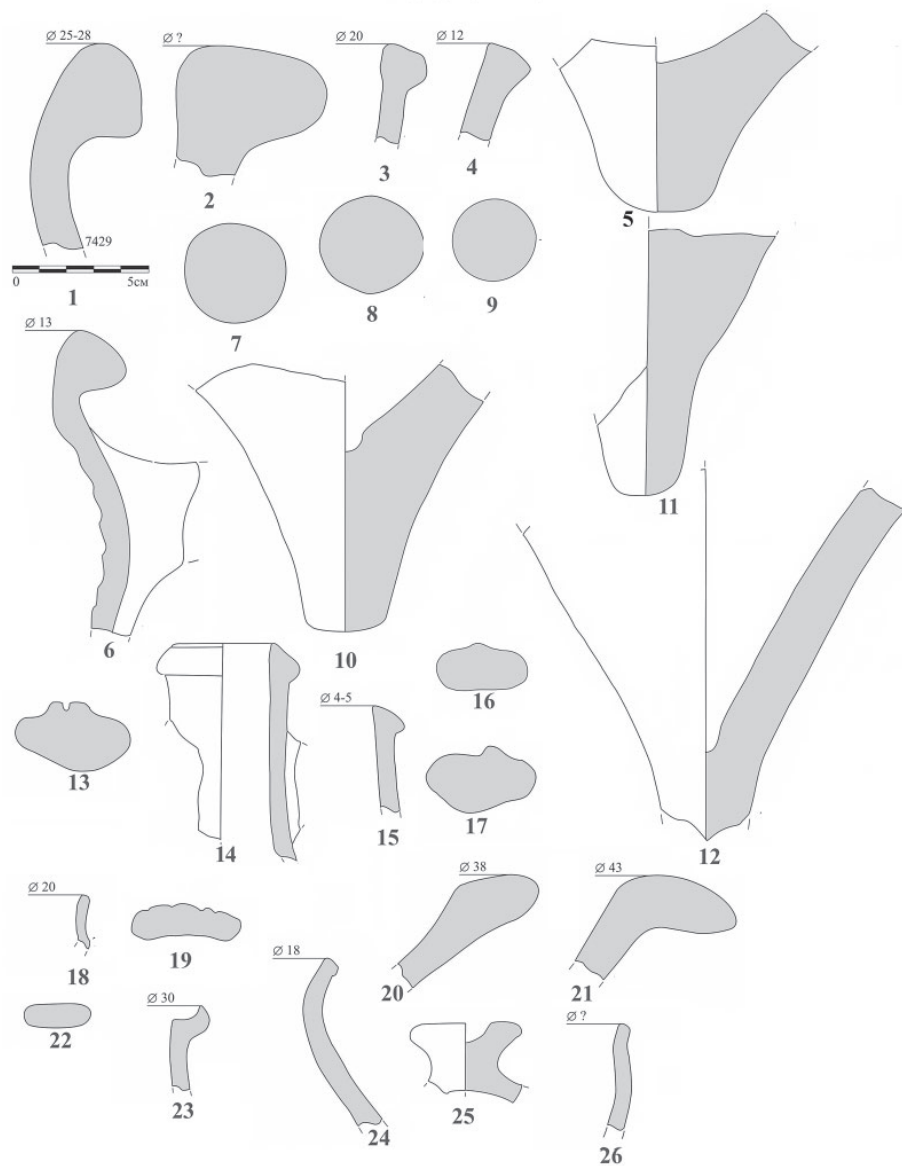

Рис. 2. Слой III.2. Втор. пол. / кон. II – перв. пол. III в. н.э. Комплекс засыпи ямы-объекта 40: 1, 2 – пифосы; 3 – широкогорлая красноглиняная типа Арсеньева/Науменко 1992, рис. 17, 1; 4, 5 – Зеест 75, 6–8 – Зеест 76/846/85; 9–12 – Зеест 83/89; 13 – C IV C 1; 14–17 – C IV D; 18 – краснолаковая миска формы 4.2. Pontic sigillata A; 19 – круговой красноглиняный кувшин; 20, 21 – лутерии; 22 – фляга (?); 23 – круговая кастрюля; 24–26 – кухонная лепная посуда.

Fig. 2. Layer III.2. Second half/late 2nd c. and first half of 3rd c. AD. Filling of the pit-object 40: 1, 2 – pithoi; 3 – red-clay amphora of type Arsenyeva/Naumenko 1992, fig. 17, 1; 4, 5 – Zeest 75; 6–8 – Zeest 76/846/85; 9–12 – Zeest 83/89; 13 – C IV C 1; 14–17 – C IV D; 18 – Pontic sigillata A, form 4.2; 19 – plain red clay jug; 20, 21 – mortariae; 22 – flask (?); 23 – plain pot; 24, 25 – kitchen handmade wares.

	Функциональная группа	Крышки	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
9	Кухонная посуда	1	6		3	21	31	4.2
	9.1. Лепная (рис. 2, 24, 25)	1	5		3	21		
	9.2. Круговая (рис. 2, 23)		1					
Всего		1	23	10	12	692	738	100
Ильич 1–2016		Яма-объект 40						

Ожидаемо преобладают фрагменты амфор, составляющие более половины керамического комплекса. Далее с большим отрывом идут фрагменты пифосов (19.5%) и круговой столовой посуды (18.2%). За ними следуют фрагменты кухонной посуды (4.2%). Эти три группы являются ключевыми. Фрагменты архитектурной керамики, парадной столовой посуды (лощеной и краснолаковой), круговой бытовой посуды (лутерии) единичны.

Соотношение лепной и круговой посуды показывает абсолютное преобладание круговой (82% против 18%).

Таблица 3.

Соотношение лепной и круговой посуды (исключая амфоры) слоя серой супесей – объекта 40

	Технол. группа	Функциональная группа	Крышки	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда			6	2	4	129	141	82
		Краснолаковая посуда (рис. 2, 18)		1				1	
		1.2. Круговая лощеная посуда					3	3	
		1.3. Круговая столовая посуда (рис. 2, 19)		2	1	4	126	133	
		1.4. Круговая бытовая посуда (лутерии и фляги) (рис. 2, 20–22)		2	1			3	
		1.5. Круговая кухонная посуда (рис. 2, 23)		1				1	
2	Лепная посуда		1	5		3	21	30	18
	Всего		1	11	2	7	150	171	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 40							

Датированные находки. Из 750 находок, включающих фрагменты керамических изделий и изделий из металла, поддается датировке 31, что составляет 24.2%

комплекса. Распределение датированных материалов по хронологическим группам показывает небольшой процент «примеси снизу», составляющий 6.5%.

Таблица 4.

Соотношение датированных находок слоя серой супеси ямы– объекта 40 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Крышки	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Монеты	Всего	%
IV–III вв. до н.э.		1				1	3.25
II–III вв.	1	15	7	6		29	93.5
I в. н.э.					1	1	3.25
Всего	1	16	7	6	1	31	100
Ильич 1-2016	Яма-объект 40						

Примесь «снизу». К примеси относятся венчик амфоры типа Солоха II IV–III вв. до н.э. и медная монета Митридата III (39/40–45/46). Остальные датированные материалы компактно укладываются в промежуток II–III вв. н.э.

Датирующие находки. Датировку времени образования комплекса засыпи ямы определяют датированные фрагменты пифосов, амфор, краснолаковой керамики, круговой и кухонной посуды.

Один венчик пифоса находит аналогию с сосудом из комплекса Горгиппии, образовавшегося в результате пожара 240 г. (рис. 2, 1)⁵, параллели второму известны в контекстах Танаиса первой половины III в. и Горгиппии 240 г. (рис. 2, 2)⁶.

После вычета примести «снизу» (венчик «Солоха II») и неопределенных недатированных фрагментов (стенки) мы получаем следующую амфорную статистику, которая с определенной долей вероятности может быть пересчитана в соотношение условно целых сосудов, что дает возможность судить о проценте реальных амфор комплекса.

Таблица 5.

Соотношение типов датирующих амфор из слоя серой супеси ямы– объекта 40

	Тип	Венчики + горла	Ручки	Донья	Всего	%	Количество условно целых сосудов	% условно целых сосудов
1	Арсеньева, Науменко 1992, рис. 17, 1 (рис. 2, 3)	1			1	6.7	1	10
2	Зеест 75 (рис. 2, 4, 5)	1		1	2	13.3	1	10
3	Зеест 76/84 6-85 (рис. 2, 6-8)	1	1	1	3	20.0	2	20

⁵ Алексеева 1997, табл. 110, 33.

⁶ Арсеньева, Науменко 1992, рис. 79, 1; Алексеева 1997, табл. 167, 17.

4	Зеест 83/89 (рис. 2, 9–12)		1	3	4	26.7	3	30
5	C IV C 1 (рис. 2, 13)		1		1	6.7	1	10
6	C IV D (рис. 2, 14–17)	2	2		4	26.7	2	20
Всего		5	5	5	15	100	10	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 40						

Важно соотношение местных красноглиняных и импортных гераклейских узкогорлых светлоглиняных амфор, показывающее преобладание местных тарных сосудов (66% на 33%). В любом случае ареал амфор комплекса свидетельствует о безраздельном господстве понтийских амфор.

Венчик широкогорлой красноглиняной амфоры, по всей видимости, относится к одному из типов амфор, обнаруженных в комплексе Танаиса первой половины III в. (рис. 2, 3)⁷. Венчик и ножка амфоры типа Зеест 75 относятся ко II–III вв. (рис. 2, 4, 5)⁸. Еще три амфорных фрагмента, включающие венчик, ручку и ножку, могут быть отнесены к типам Зеест 76/846–85 (рис. 2, 6–8)⁹. Эти типы амфор известны в комплексах Горгиппии 240 г. и Танаиса первой половины III в.¹⁰ Одна ручка и три ножки относятся к амфорам Зеест 83/89 (рис. 2, 9–12)¹¹. Аналогичные фрагменты происходят из контекстов Горгиппии 240 г. и Танаиса середины II – первой половины III в.¹² Ручка узкогорлой светлоглиняной амфоры типа C IV C 1 относится к середине – второй половине II в. (рис. 2, 13)¹³. Отметим также находку фрагментов сосуда этого типа в контексте Горгиппии 240 г.¹⁴ Два венчика и две ручки относятся к типу C IV D (рис. 2, 14–17), появившемуся в последней четверти II в. и производившегося в течение всего III в.¹⁵

Как мы видим, рассмотренные фрагменты амфор имеют датировку в пределах второй половины II – первой половины III в. Краснолаковая посуда представлена венчиком формы 4.2 Pontic sigillata A (рис. 2, 18), относящейся к концу II – началу III в.¹⁶ Датированная круговая столовая посуда представлена профилированной ручкой одноручного кувшина, имеющей параллели с сосудах из контекстов Танаиса первой половины III в. и Горгиппии 240 г. (рис. 2, 19)¹⁷ Датированная кру-

⁷ Арсеньева, Науменко 1992, рис. 17, 1.

⁸ Крапивина 1993, рис. 30, 26; Зеест 1960, табл. XXXI, 75а; Арсеньева, Науменко 1993, 66, рис. 8, 2; Науменко 2006, 266, рис. 3, 4; Алексеева 1997, табл. 127, 2; 223, 3; 225, 14; Кленина 2004, 24, 25, рис. 7, 68–69.

⁹ Зеест 1960, табл. XXXII, 76, 77, табл. XXXV, 84–85.

¹⁰ Арсеньева, Науменко 1992, 139, рис. 14; Алексеева 1997, табл. 89, 9; 168, 9, 10; Науменко 2012, 67, 70, рис. 12, 1; 15, 13.

¹¹ Зеест 1960, табл. XXXVI, 83, 89.

¹² Алексеева 1997, табл. 149, 2; 156, 3; 166, 4; 171, 14; 172, 17; Арсеньева, Науменко 1992, 139, рис. 15, 16, 39; Науменко 2012, 67, рис. 5, 8.

¹³ Внуков 2016, рис. 4, 7; Арсеньева и др. 2009, рис. 13, 1.

¹⁴ Алексеева 1997, табл. 130, 8.

¹⁵ Внуков 2016, рис. 4, 11–13; Науменко 2017, 25, рис. 4, 4; Алексеева 1997, табл. 106, 2; 111, 5; 120, 1; 124, 1; 131, 14; 152, 11; 167, 3; 172, 1; Арсеньева и др. 2009, 46, рис. 24, 9; 25, 1; Науменко 2012, 67, рис. 12, 4; Кленина 2004, рис. 7, 60.

¹⁶ Журавлев 2010, табл. 19, 122.

¹⁷ Арсеньева, Науменко 1993, рис. 23, 2; Алексеева 1997, табл. 125, 13.

говая бытовая посуда представлена венчиками лутериев и ручкой, видимо, фляги. Венчик красноглиняного лутерия находит параллели в одном из контекстов Гор-гиппии, образовавшихся в 240 г. (рис. 2, 20)¹⁸. Аналогии венчику светлоглиняного (условно – «синопского») лутерия происходят из контекстов зольника Пантикапея II – первой половины III в. (рис. 2, 21)¹⁹. Профиль сечения одной из ручек близок фляге из ямы зольника 2 Пантикапея, датированного II – первой половиной III в. (рис. 2, 22)²⁰.

Датированная кухонная круговая посуда представлена венчиком кастрюли, покрытой бежевым ангобом (рис. 2, 23). Близкие формы происходят из контекстов зольника 2 Пантикапея и южного сектора на высоте Суздальская округи Херсонеса II – первой половины III в.²¹

Датированная *кухонная лепная посуда* представлена венчиком горшка, крышкой и венчиком кружки с одной ручкой. Форма горшка обычна для контекстов III в. (рис. 2, 24)²². Аналогии крышке происходят из контекстов конца I – середины III в. (рис. 2, 25)²³. Венчик кружки с одной ручкой изготовлен из рыхлой слоистой глины с примесью крупных частиц ракушки (рис. 2, 26). Параллели ему происходят из контекстов II–III вв.²⁴

Приведенные выше данные по хронологии предметов из нижнего слоя заполнения ямы позволяют датировать формирование ее засыпи в пределах второй половины/конца II–первой половины III в.

2. СЛОЙ III.3. СЕРЕДИНА – ВТОРАЯ ПОЛОВИНА III в.

Слой середины – второй половины III в. перекрывал ямы предшествующего периода. Как наиболее показательные нами выбраны следующие слои: слой в кв. 23, перекрывавший яму-объект 50; слой в кв. 40, перекрывавший ямы-объекты 194, 228 и 231; слой в прирезке 3, перекрывавший ямы-объекты 205, 219 и 220.

Слой в кв. 23, мощностью 1,20–1,30 м, содержал исключительно фрагменты керамических изделий.

Таблица 6.

Состав комплекса слоя в кв. 23 по категориям находок

Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
Керамические изделия	2	4	3	41	50	100
Всего	2	4	3	41	50	100
Ильич 1-2016	Слой в кв. 23					

Они относились к следующим функциональным группам.

¹⁸ Алексеева 1997, табл. 108, 31.

¹⁹ Голофаст 2013, рис. 8, 2.

²⁰ Голофаст 2013, 219, рис. 12, 5.

²¹ Голофаст 2013, 220, рис. 11, 15; Дорошко 2021, рис. 1, 11.

²² Кастанаян 1981, табл. XXIX, 4.

²³ Кастанаян 1981, табл. XXXI, 2.

²⁴ Кастанаян 1981, табл. XXVIII, 4–6.

Таблица 7.

Состав комплекса слоя в кв. 23 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Венчики (края)+горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Архитектурная керамика				1	1	2
2	Пифосы (рис. 3, 1)	1			3	4	8
3	Амфоры (рис. 3, 2-7)	1	4	2	31	38	76
4	Краснолаковая посуда (рис. 3, 8)			1		1	2
5	Столовая посуда				6	6	12
Всего		2	4	3	41	50	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 23					

Статистика показывает обычное преобладание фрагментов амфор.

Датированные находки. Датированные фрагменты (14% от всех) распределяются по следующим хронологическим группам.

Таблица 8.

Состав комплекса слоя в кв. 23 по хронологическим группам находок

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Всего	%
II–III вв.	1	4		5	71.4
Сер. I – перв. четв. II в. н.э.			1	1	14.3
IV в до н.э.			1	1	14.3
Всего	1	4	2	7	100
Ильич-1-2016	Слой в кв. 23				

Примесь снизу. Явную примесь раннего материала (28.6% от датированных фрагментов) составили ножка колпачковой амфоры группы II В, датирующаяся третьей четвертью IV в. до н.э. (рис. 3, 7), и дно краснолаковой миски с клеймом *planta pedis*, относящееся к середине I – первой четверти II в. н.э. (рис. 3, 8)²⁵.

Датирующие находки. Остальные находки, представляющие собой фрагменты амфор, могут быть расценены как датирующие, учитывая возможность их верхней даты в пределах всего III в. Это венчик амфоры С IV D и ручки амфор В Snr I, Зеест 84б, 83–84 и 86. Распределение амфор по типам следующее.

²⁵ Немцев 2012, рис. 4; Журавлев 2001, 90, рис. 1; 2010, 74–75, табл. 13, 72.

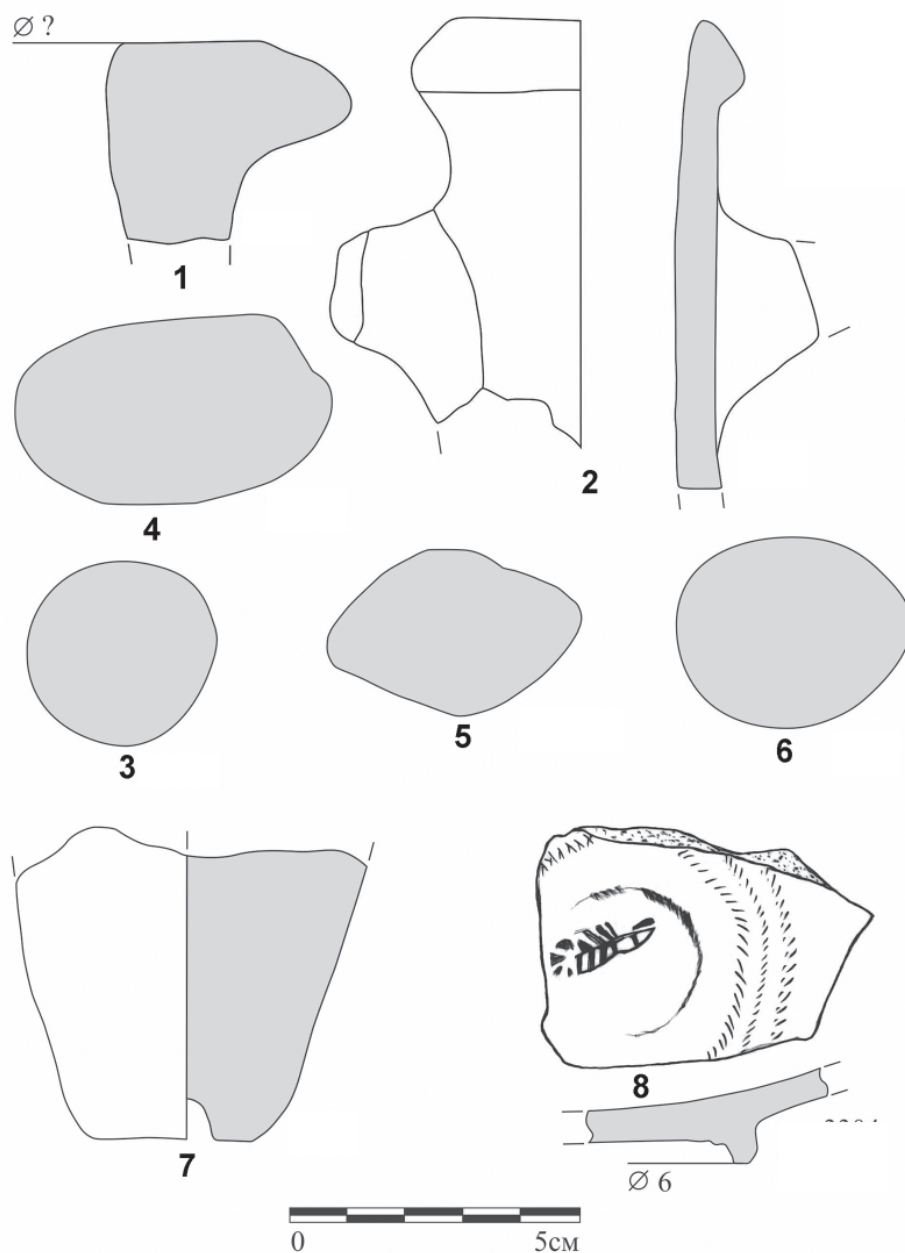

Рис. 3. Слой III.3. Сер. и втор. пол. III в. н.э. Кв. 23: 1 – красноглиняный пифос, 2 – C IV D; 3, 4 – Зеест 83–84; 5 – Зеест 86; 6 – B Snp I; 7 – «колпачковая» ножка амфоры Хиоса группа II B, третья четв. IV в. до н.э.; 8 – донце краснолаковой миски Pontic sigillata 2.1 с клеймом *planta pedis* сер. I – перв. четв. II в. н.э.

Fig. 3. Layer III.3. Middle and second half of 3rd c. AD. Trench 23: 1 – pithoi; 2 – C IV D; 3, 4 – Zeest 83–84; 5 – Zeest 86; 6 – B Snp I; 7 – Chian amphora, group II B, third quarter of the 4th c. BC; 8 – bottom of bowl Pontic sigillata form 2.1 with stamp *planta pedis* of the mid-1st – first quarter of 2nd c. AD.

Таблица 9.

Соотношение типов датирующих амфор из комплекса слоя в кв. 23

	Тип	Венчики+горла	Ручки	Всего	%
1	Зеест 83–84 (рис. 3, 3, 4)		2	2	40
2	Зеест 86 (рис. 3, 5)		1	1	20
3	B Snr I (рис. 3, 6)		1	1	20
4	C IV D (рис. 3, 2)	1		1	20
Всего		1	4	5	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 23			

Амфоры C IV D датируются концом II – III в. н.э. (рис. 3, 2)²⁶. Аналогии венчику происходят из комплексов первой половины – конца III в.²⁷ Амфоры Зеест 84–85 также относятся к концу II – всему III в. (рис. 3, 3, 4)²⁸. Аналогии ручкам этих амфор из рассматриваемого слоя происходят из контекстов III в.²⁹ Амфоры Зеест 86 исследовательница относил ко II–III вв. (рис. 3, 5)³⁰. Амфоры B Snr I входят в группу сосудов II–III вв. (рис. 3, 6)³¹. Профилировка ручки имеет аналогии на амфорах из контекстов первой половины III в.³²

Как мы видим, датирующая группа материала укладывается в конец II–III вв. Учитывая, что нижележащие комплексы датируются первой половиной III в., время образования слоя в кв. 23 корректно отнести к середине – второй половине III в.

Слой в кв. 40, мощностью 0.40 м., содержал фрагменты керамических изделий и кости животных. Последние абсолютно доминировали.

Таблица 10.

Состав комплекса слоя в кв. 40 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Керамические изделия	9	4	3	113	129	36.34
2	Кости животных					226	63.66
Всего		9	4	3	113	355	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 40					

Фрагменты керамических изделий, включающие строительные материалы, распределяются по следующим функциональным группам.

²⁶ Внуков 2016, рис. 1, 13, рис. 4, 12; Сазанов 1993, 17.

²⁷ Арсеньева и др. 2009, рис. 24, 9; Крапивина 1993, 94.

²⁸ Крапивина 1993, 98, рис. 30, 11–14; Krapivina 2010, 70, pl. 37, 17–19.

²⁹ Зеест 1960, табл. XXXIV, 83б; XXXV, 84а, б; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 15; Голофаст 2010, рис. 14, 15; Алексеева 1997, табл. 149, 2; 166, 3, 10; 171, 16.

³⁰ Зеест 1960, табл. XXXVI, 86б–в.

³¹ Vnukov 2010, fig. 2, 9; Kassab Tezgör 2021, 18–19.

³² Арсеньева, Науменко 1992, рис. 26, 2; Науменко 2017, 24, рис. 3, 2; Kassab Tezgör 2010, 125–126, pl. 15, 1; Алексеева 1997, табл. 91, 10; 111, 14–15.

Таблица 11.

Состав комплекса слоя в кв. 40 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Строительные материалы				1	1	0.8
	Обмазка печи				1	1	
2	Архитектурная керамика				2	2	1.6
	2.1. Керамиды				2	2	
3	Пифосы (рис. 4, 1)	1			4	5	3.9
4	Амфоры (рис. 4, 2–6)	2	3	1	85	91	70.5
5	Краснолаковая посуда				4	4	3.1
7	Круговая столовая посуда (рис. 4, 7)	1		1	11	13	10.1
9	Кухонная посуда	5	1	1	6	13	10.1
	9.1. Лепная (рис. 4, 8–14)	5	1	1	6	13	
Всего		9	4	3	113	129	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 40					

Как обычно, абсолютно доминировали амфоры, фрагменты которых составляли две трети комплекса. Одинаковое количество фрагментов (10.1%) относилось к круговой столовой и кухонной посуде. Третью группу составили фрагменты пифосов и краснолаковых сосудов (3.9%).

Фрагменты круговой посуды преобладали над фрагментами лепной.

Таблица 12.

Соотношение лепной и круговой посуды (исключая амфоры)
комплекса слоя в кв. 40

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		1		1	15	17	56.7
		1.1. Краснолаковая посуда				4		
		1.2. Круговая столовая посуда	1		1	11		
2	Лепная посуда		5	1	1	6	13	43.7
Всего			6	1	2	21	30	100
Ильич 1-2016			Слой в кв. 40					

Датированными являются 11 фрагментов сосудов (8.5% от всех). Из них датирующими могут считаться пять (45.5% от датированных фрагментов слоя).

Остальные 6, относящиеся к эпохе бронзы и раннему железному веку, являются примесью раннего материала.

Датирующие находки. Датирующими могут считаться фрагменты амфор типа C IV D, B Snp I, Зеест 73а и, видимо, имитация формы MR 3.

Таблица 13.

Соотношение типов датирующих амфор из слоя в кв. 40

	Тип	Венчики+горла	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	%
1	B Snp I (рис. 4, 2)	1		1	20	1	25
2	Зеест 73а (рис. 4, 3, 4)		2	2	40	1	25
3	C IV D (рис. 4, 5)		1	1	20	1	25
4	MR 3 M 125 (рис. 4, 6)	1		1	20	1	25
Всего		2	3	5	100	4	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 40					

Амфоры B Snp I, относящиеся ко II–III вв. н.э., представлены венчиком, находящим аналоги в контекстах первой половины – середины III в. н.э. (рис. 4, 2)³³. Ручки амфор Зеест 73а, также относящихся ко II–III вв., имеют параллели на сосудах из контекстов Ольвии III в. н.э., Пантикапея и Горгиппии второй половины II – первой половины III в. (рис. 4, 3, 4)³⁴. Ручка амфоры типа C IV D, датирующегося концом II–III вв. н.э., находит аналогии на амфорах из комплексов Танаиса и Горгиппии первой половины III в., а также Ольвии третьей четверти – конца III в. (рис. 4, 5)³⁵. Одно горло может принадлежать амфорам-кувшинам MR 3-M 125 II–III вв., хотя их морфология несколько отличается (рис. 4, 6)³⁶. В Северном Причерноморье хорошо сохранившиеся формы представлены в комплексах Танаиса, Горгиппии и Херсонеса первой половины III в.³⁷ Однако у танаисских экземпляров переход от горла к плечу выделен резким перегибом³⁸. Обычно выделяют три типа глины этих сосудов, два из которых характеризуются включениями слюды и кварца (типы 2 и 3), один – темно-красной глиной без слюдяных включений (тип 1)³⁹. В нашем случае включения представлены кварцитом и железистыми минералами, что может указывать на имитационный тип, может быть, понтийский.

³³ Vnukov 2010, fig. 2, 9; Kassab Tezgör 2021, 18, 19; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 40; Алексеева 1997, табл. 167, 5; 171, 18.

³⁴ Крапивина 1993, 97, рис. 29, 40–44; Алексеева 1997, табл. 99, 15; Голофаст 2010, рис. 27, 5–6; Зеест 1960, табл. XXX, 73а.

³⁵ Внуков 2016, 44, рис. 4, 12–13; Науменко 2012, рис. 12, 6; Арсеньева и др. 2009, рис. 24, 7, 9; Алексеева 1997, табл. 106, 1; 111, 5; 150, 2.

³⁶ Bezecky 2013, no. 70b; 2021, fig. 2, M 125;

³⁷ Науменко 2012, рис. 13, 10; Алексеева 1997, табл. 156, 21; Bezecky 2013, no. 70b.

³⁸ Благодарим за консультации О.П. Дорошко, В.В. Дорошко и С.А. Науменко. Неопубликованное горло кувшина из Херсонеса было обнаружено при раскопках М.И. Золотарева в 1984 г. в комплексе второй четверти III в.

³⁹ Lang 1955, 277–278.

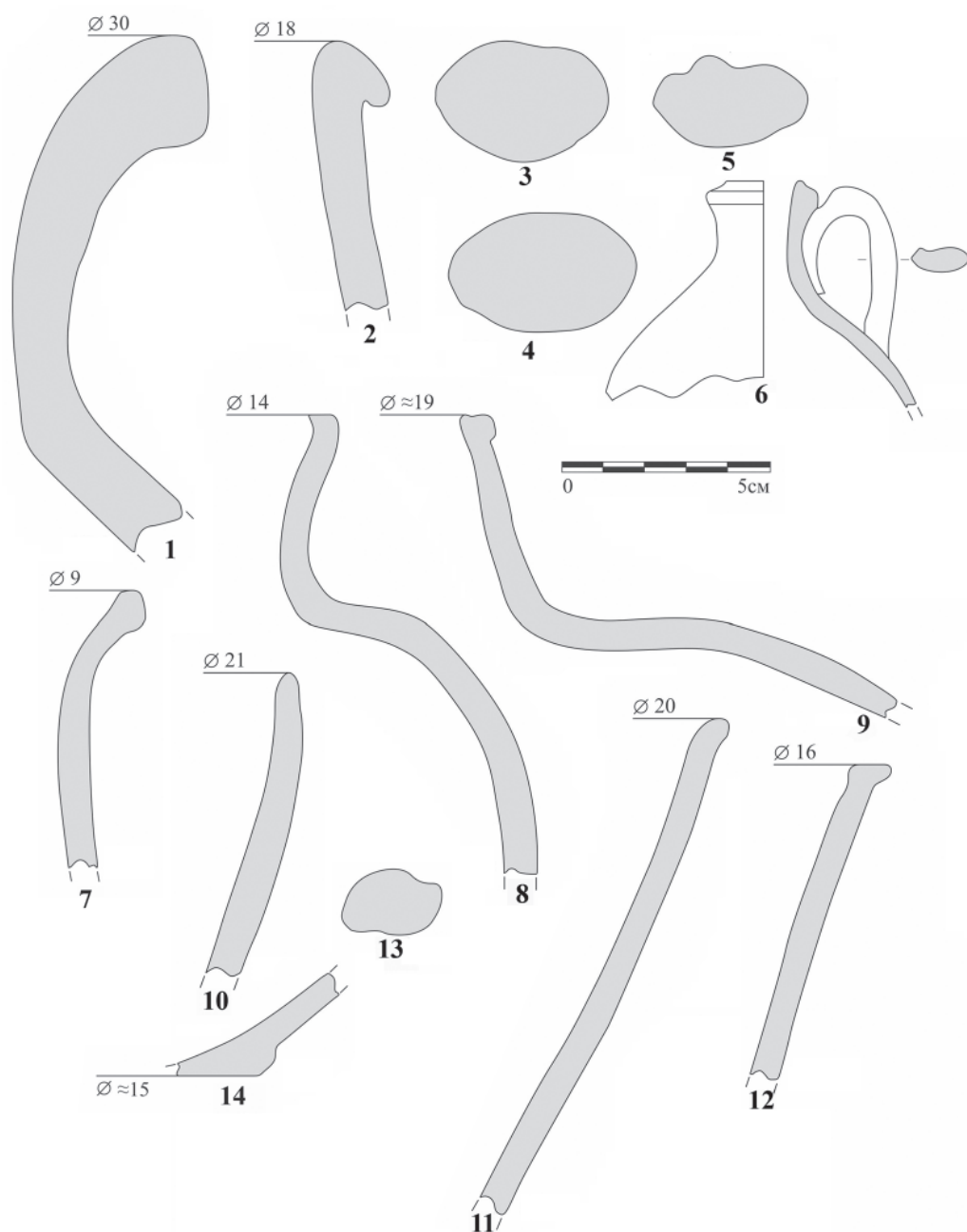

Рис. 4. Слой III.3. Сер. – втор. пол. III в. н.э. Кв. 40: 1 – красноглиняный пифос; 2 – В Snp I; 3, 4 – Зеест 73а; 5 – С IV D; 6 – амфора/кувшин MR 3-M 125; 7 – красноглиняный круговой кувшин; 8–14 – лепные сосуды.

Fig. 4. Layer III.3. Middle to second half of 3rd c. AD. Trench 40: 1 – red-clay pithos; 2 – В Snp I; 3, 4 – Zeest 73a; 5 – С IV D; 6 – amphora/jug MR 3-M 125; 7 – red-clay plain jug; 8–14 – handmade kitchen vessels.

Рассмотренные датирующие материалы слоя в кв. 40 (с учетом перекрывания ими ям с заполнением первой половины III в.) позволяют относить этот слой к середине – второй половине III в.

Слой в прирезке 3, мощностью 0,20 м, содержал керамические фрагменты и кости животных. Фрагменты керамических изделий преобладали, хотя и не очень значительно.

Таблица 14.

Состав комплекса слоя в прирезке 3 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Пробка кера- мическая	Всего	%
1	Керамические изделия	6	2	3	14	1	26	57.78
2	Кости животных						19	42.22
Всего		6	2	3	14	1	45	100
Ильич 1-2016		Слой в прирезке 3						

Фрагменты керамических изделий относились к следующим функциональным группам.

Таблица 15.

Состав комплекса слоя прирезки 3 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Амфоры (рис. 5, 1–4)	3	2		8	13	50
2	Краснолаковая посуда				1	1	3.85
3	Круговая столовая посуда (рис. 5, 5)	1			2	3	11.54
4	Кухонная посуда	2		3	3	8	30.77
	9.1. Лепная (рис. 5, 6-10)	2		3	3	8	
5	Пробки керамические (рис. 5, 11)					1	3.85
Всего		6	2	3	14	26	100
Ильич 1-2016		Слой в прирезке 3					

Как обычно, преобладали амфоры, составлявшие половину всего керамического комплекса. Однако второе место по численности занимали фрагменты кухонной посуды, почти вдвое превосходящие столовую.

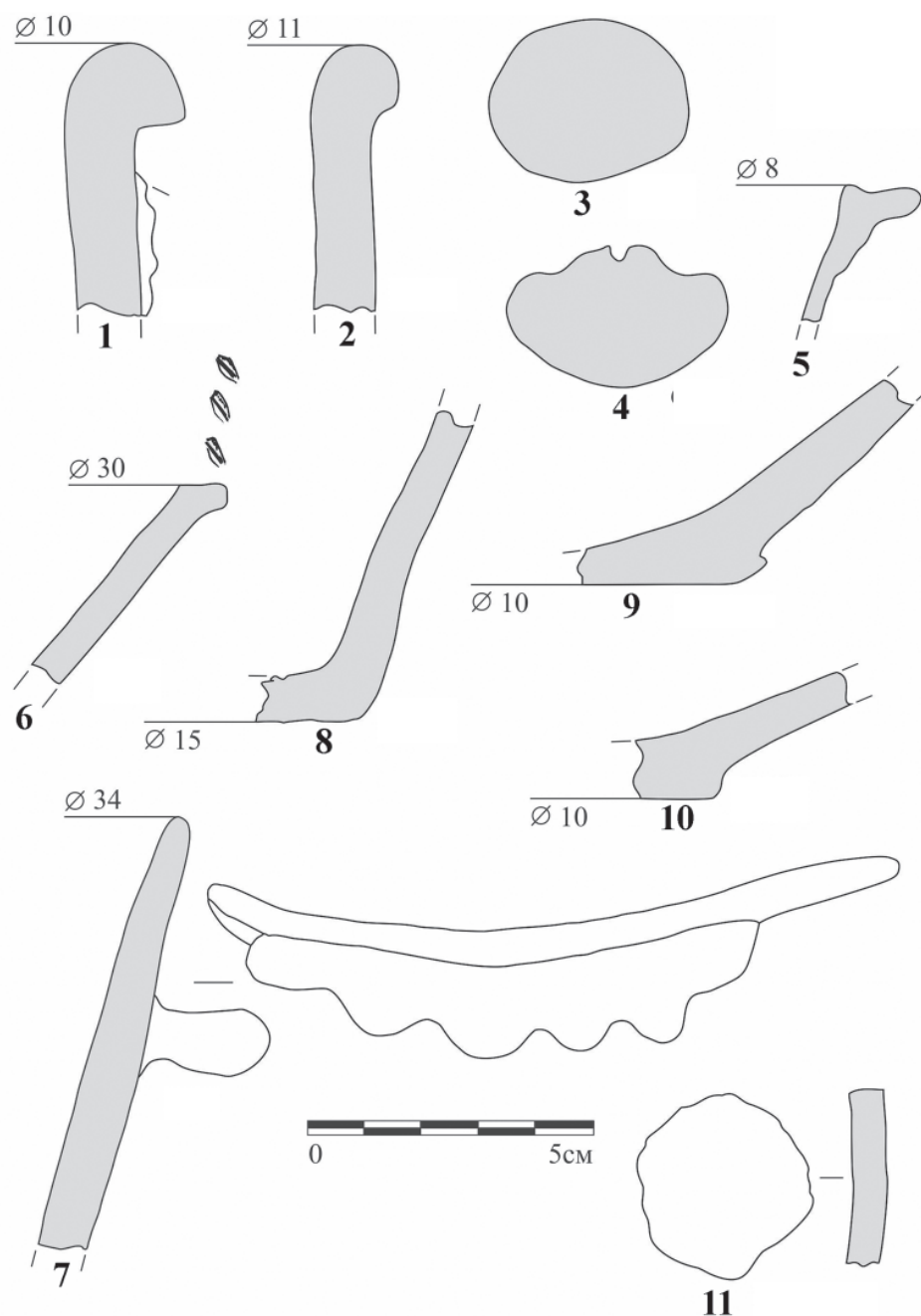

Рис. 5. Слой III.3. Сер. – втор. пол. III в. н.э. Прирезка 3: 1, 2 – Зеест 76; 3 – Зеест 89; 4 – С IV D; 5 – красноглиняный кувшин с расширяющимся кверху горлом; 6–10 – лепные сосуды; 11 – пробка из стенки красноглиняной амфоры.

Fig. 5. Layer III.3. Middle to second half of 3rd c. AD. Annex 3. 1, 2 – Zeest 76; 3 – Zeest 89; 4 – C IV D; 5 – red-clay jug with upwardly opening neck; 6–10 – handmade kitchen vessels; 11 – stopper from wall of red-clay amphora.

Таблица 16.

Соотношение лепной и круговой посуды (исключая амфоры) комплекса слоя в прирезке 3

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		1			3	4	20
		1.1. Краснолаковая посуда				1		
		1.2. Круговая столовая посуда	1			2		
2	Лепная посуда		2	3	3	8	16	80
Всего			3	3	3	11	20	100
Ильич 1-2016			Слой в прирезке 3					

Лепная посуда абсолютно доминировала над круговой (при исключении амфор). Датированными оказались 5 фрагментов из 26, что составляет 19.2% от всей керамики комплекса. Их распределение по хронологическим группам следующее.

Таблица 17.

Соотношение датированных находок комплекса слоя серой слоя в прирезке 3 по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Всего	%
III в.	2	2	4	80
Втор. пол. II – нач. III в.	1		1	20
Всего	3	2	5	100
Ильич 1-2016	Слой в прирезке 3			

Примесь снизу» (20%) представлена венчиком узкогорлой светлоглиняной амфоры типа С IV С второй половины II – начала III в.⁴⁰

Датирующими могут считаться остальные профильные фрагменты амфор: Зеест 76в и 89, С IV D. Они распределяются следующим образом.

Таблица 18.

Соотношение типов датирующих амфор из слоя в прирезке 3

	Тип	Венчики	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	% условно целых сосудов
1	Зеест 76в (рис. 5, 1, 2)	2		2	50	2	50
2	С IV D (рис. 5, 4)		1	1	25	1	25
3	Зеест 89 (рис. 5, 3)		1	1	25	1	25
Всего		2	2	4	100	4	100
Ильич 1-2016		Слой в прирезке 3					

⁴⁰ Внуков 2016, 43, 44.

Венчики амфор Зеест 76, относящиеся ко II–III вв., находят параллели на амфорах из контекстов Горгиппии первой половины III в. (рис. 5, 1, 2)⁴¹. Ручка амфоры Зеест 89, имеющей такую же общую датировку, аналогична встреченной на сосудах из контекстов Ольвии, Танаиса и Горгиппии III в. (рис. 5, 3)⁴². Наконец, профилировка ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры указывает на ее принадлежность к типу C IV D, относящемуся к концу II–III в. (рис. 5, 4)⁴³. Как мы видим, хронология датирующих слоев сосудов укладывается в III в. Учитывая то обстоятельство, что рассматриваемый слой перекрывал ямы с заполнением первой половины III в., его можно датировать серединой – второй половиной III в., ближе к середине этого столетия.

3. СЛОЙ II.1. НАЧАЛО – ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ IV в.

Среди комплексов начала – третьей четверти IV в. мы выбрали слой в кв. 29 и заполнение ямы-объекта 42. Яму (объект 40) в кв. 29 второй половины II – первой половины III в. перекрывал слой периода 1 слоя II, в котором были обнаружены только фрагменты керамических изделий. Они распределяются следующим образом.

Таблица 19.

Состав комплекса слоя в кв. 29 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Амфоры (рис. 6, 1–9)	3	6			9	56.3
2	Краснолаковая посуда				1	1	6.3
3	Круговая лощеная посуда (рис. 6, 11)	1		2		3	18.8
4	Круговая столовая посуда (рис. 6, 10, 12, 13)		1			1	6.3
5	Кухонная посуда				2	2	12.5
	9.1. Лепная				2		
Всего		4	7	2	3	16	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 29					

⁴¹ Зеест 1960, табл. XXXII, 76 в; Алексеева 1997, табл. 95, 1, 2, табл. 106, 13; 150, 1, 9.

⁴² Зеест 1960, табл. XXXVI, 89; Крапивина 1993, 99, рис. 30, 18, 20; Арсеньева, Науменко 1992, рис. 15; 39; Алексеева 1997, рис. 119, 1–2, 149, 2; 225, 23.

⁴³ Внуков 2016, рис. 4, 15; Алексеева 1997, табл. 106, 45; 130, 8; 222, 1; Крапивина 1993, 94, рис. 29, 5.

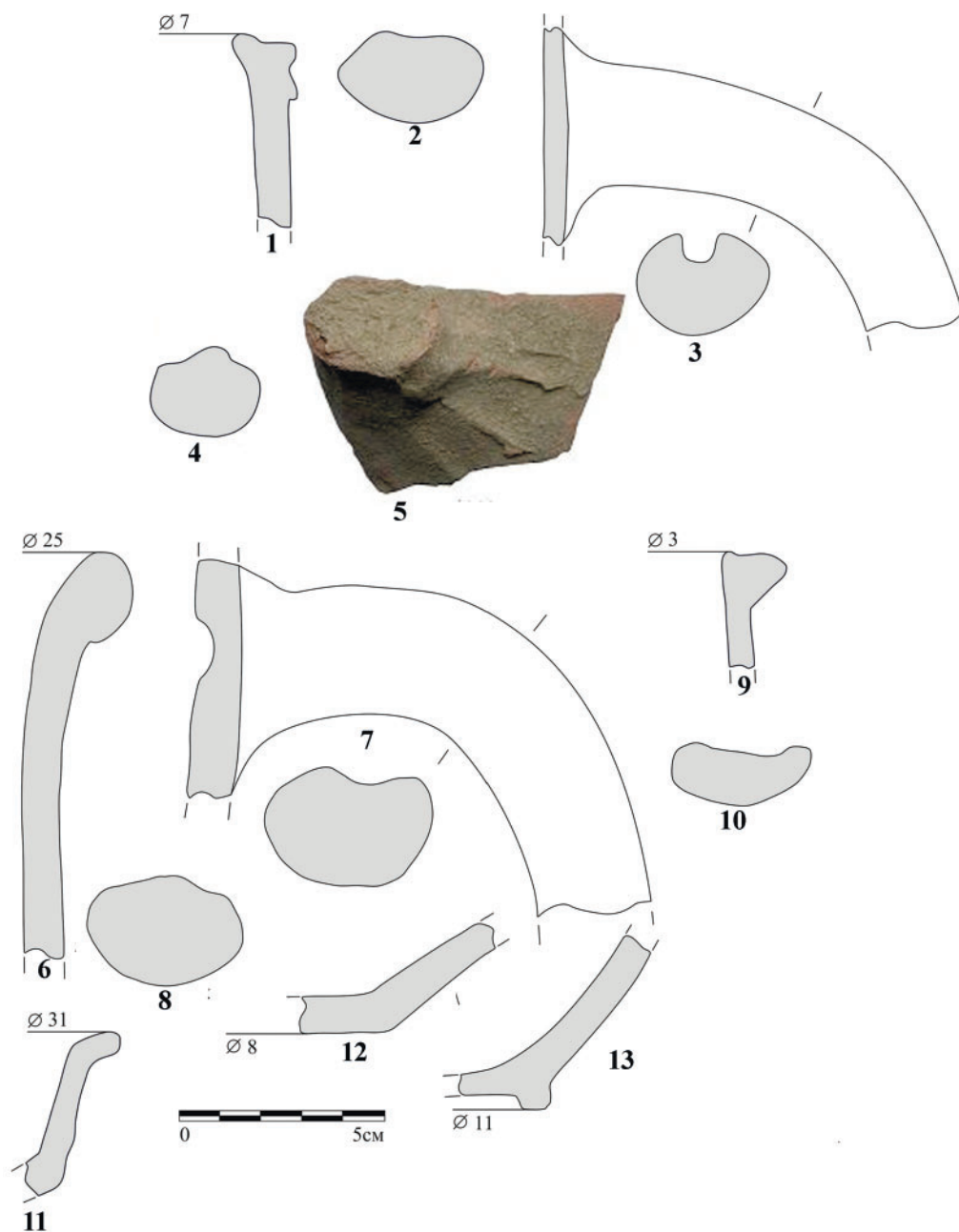

Рис. 6. Слой II.1. Нач. – трет. четв. IV в. Кв. 29: 1, 2 – C Snp I-2; 3 – LRA 1 Precursor Type C 2; 4 – C IV F; 5 – C IV E; 6 – Zeest 85; 7, 8 – Zeest 86; 9 – C IV C 2; 10 – красноглиняный кувшин; 11 – серолощенная миска; 12, 13 – красноглиняные круговые сосуды.
 Fig. 6. Layer II.1. Early to third quarter of 4th c. AD. Trench 29. 1, 2 – C Snp I-2; 3 – LRA 1 Precursor Type C 2; 4 – C IV F; 5 – C IV E; 6 – Zeest 85; 7, 8 – Zeest 86; 9 – C IV C 2; 10 – a red-clay plain pot; 11 – a grey-clay grey glossy bowl; 12, 13 – red-clay plain vessels.

Вновь фиксируется преобладание фрагментов амфор, составляющих почти такой же процент, что и в комплексе ямы. Однако следующую группу составляют фрагменты лощеной (18.8%) и кухонной посуды (12.5%), что резко отличает от доли этих групп керамики в комплексе ямы-объекта 40. Краснолаковая и круговая столовая посуда представлена единичными фрагментами. Круговая посуда преобладала над лепной.

Таблица 20.

Соотношение лепной и круговой посуды (исключая амфоры) комплекса
слоя в кв. 29

	Технол. группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		1	1	2	1	5	71.4
		1.1. Краснолаковая по- суда				1	1	
		1.2. Круговая лощеная посуда	1		2		3	
		1.3. Круговая столовая посуда		1			1	
2	Лепная посуда					2	2	
Всего			1	1	2	3	7	28.6
Ильич 1-2016		Слой в кв. 29						

Датированные материалы. Из 16 находок датированными являются 11, что составляет 45%.

Таблица 21.

Соотношение датированных находок комплекса слоя в кв. 29
по хронологическим группам.

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Всего	%
IV – нач. V в.	1	4		5	45
II–III вв.	1	3	2	6	55
Всего	2	7	2	11	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 29			

«Примесь снизу». Распределение датированных материалов по хронологическим группам показывает большой процент «примеси снизу», составляющий более половины комплекса. Она представлена ручкой кувшина, близкого к кувшинам с биконическим туловом II–III вв., фрагментами лощеных сосудов, фрагментами амфор С IV С 2, Зеест 85, 86.

Венчик амфоры Зеест 85 находит аналогии в контекстах зольника 2 в Керчи и Ольвии. И.Б. Зеест относил эти амфоры ко II–III вв. (рис. 6, 6)⁴⁴. В контексте зольника 2 такие амфоры датируются второй половиной II – первой половиной III в.⁴⁵ При этом Л.А. Голофаст с ссылкой на В.К. Голенко упоминает более широкую дату амфор Зеест 85 – II–IV вв.⁴⁶ В свою очередь В.К. Голенко ссылается на аналогичную дату В.В. Крапивиной⁴⁷. Действительно, в монографии 1993 г. В.В. Крапивина писала о дате типа в пределах II–IV вв.⁴⁸ Судя по тому, что в более поздних работах В.В. Крапивиной амфоры типа Зеест 85 фигурируют исключительно с датой и в группе материала II–III вв., в книге 1993 г., по всей видимости, была допущена элементарная опечатка⁴⁹. В Танаисе эти амфоры характерны для комплексов первой половины III в.⁵⁰ Сказанное позволяет относить амфоры Зеест 85 ко II–III вв. и, соответственно, считать их в рассматриваемом слое «примесью снизу».

Также ко II–III вв. относятся две ручки амфор Зеест 86 (рис. 6, 7, 8)⁵¹. Венчик узкогорлой светлоглиняной амфоры С IV С 2 датируется серединой – второй половиной II / началом III в. (рис. 6, 9)⁵². Отметим также встречаемость этого типа в контекстах Горгиппии, погибших в 240 г.⁵³

Кувшины биконического типа с близкими ручками известны в контекстах II–III вв. (рис. 6, 10)⁵⁴. Несколько сложнее с лощеными сосудами. Венчик (рис. 6, 11) похож на венчики мисок типа 4 по типологии Л. Вагалинского. При этом, однако, у сосудов типа 4 нет резкого ребра и меньший диаметр. Л. Вагалинский датирует их под вопросом I–II вв., отмечая, что параллели есть в комплексах первой половины IV в. и даже позже⁵⁵. С другой стороны, попытки найти этому венчику аналогии в черняховской лощеной керамике, в частности, с внешне похожей миской из Переяславля Хмельницкого, вряд ли корректны, учитывая ее почти вдвое меньший диаметр⁵⁶. Эти моменты делают более логичным отнесение рассматриваемых фрагментов лощеных сосудов к «примеси снизу».

Датирующие находки. Оставшиеся датирующие фрагменты амфор распределяются следующим образом.

Таблица 22.

Соотношение типов датирующих амфор из слоя в кв. 29

	Тип	Венчики	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	% условно целых со- судов
1	С Snp I-2 (рис. 6, 1, 2)	1	1	2	40	1	25

⁴⁴ Зеест 1960, табл. XXXV, 85.

⁴⁵ Голофаст 2010, рис. 14, 1, 7, 11.

⁴⁶ Голофаст 2010, 91.

⁴⁷ Голенко 2007, 121.

⁴⁸ Крапивина 1993, 98, рис. 30, 11.

⁴⁹ Kravivina 2010, 70, pl. 37, 17.

⁵⁰ Шелов 1972, 124–125.

⁵¹ Зеест 1960, табл. XXXVI, 86.

⁵² Внуков 2016, 43, рис. 4, 8; Науменко 2017, рис. 4, С1.

⁵³ Алексеева 1997, табл. 145, 28; 152, 2; 154, 2.

⁵⁴ Дорошко, Дорошко 2018, рис. 7, 7; Дорошко 2019, рис. 1.

⁵⁵ Вагалинский 2002, 110, KY 179, 180.

⁵⁶ Magomedov 2011, abb. 4, 9.

	Тип	Венчики	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	% условно целых со- судов
2	LRA 1 Precursor Type C 2 (рис. 6, 3)		1	1	20	1	25
3	C IV F (рис. 6, 4)		1	1	20	1	25
4	C IV E (рис. 6, 5)		1	1	20	1	25
Всего		1	4	5	100	4	100
Ильич 1-2016		Слой в кв. 29					

Амфоры C Snr I-2 (рис. 6, 1, 2) датируются первой – концом третьей четверти IV в. Венчик и ручка из рассматриваемого слоя имеют аналогии в контекстах этого времени⁵⁷.

К редкому типу LRA 1 Precursor Type C 2 принадлежит ручка, профилированная западиной на верхней плоскости, изготовленная из коричнево-оранжевой глины с включениями песка и белых известковых частиц и покрытая бежевым ангобом (рис. 5, 3). Этот тип амфор, предшественники которого относятся к концу III в., датируется первой половиной – серединой IV в.⁵⁸

Тип амфор C IV F по С.Ю. Внукову или F 3 по С.М. Ильяшенко, датирующий началом – третьей четвертью IV в., представлен ручкой, аналогичной встреченным в контекстах этого периода в Северном Причерноморье (рис. 6, 4)⁵⁹.

Один фрагмент корня ручки светлоглиняной амфоры относится к типу C IV E, датирующемуся второй четвертью IV – началом V в. (рис. 6, 5)⁶⁰.

Таким образом, самая поздняя группа материала включает амфоры, датирующиеся первой – концом третьей четверти IV в. (C Snr I-2), началом – третьей четвертью IV в. (C IV F), первой половиной – серединой IV в. (LRA 1 Precursor Type C 2), второй четвертью IV – началом V в. (C IV E). Это дает основания относить время формирования слоя ко второй – третьей четвертям IV в.

В том же квадрате была выявлена синхронная слою хозяйственная яма, получившая первоначальное название «Объект 42». Яма усечено-конической в разрезе формы, глубиной 0,6–0,88 м, была заполнена однородной серой золистистой супесью, в которой найден рассматриваемый ниже материал (рис. 7).

Общая статистика показывает преобладание фрагментов керамики, составляющих две трети комплекса. Вторую по численности группу составляют кости животных.

⁵⁷ Сазанов 2022, рис. 6, 1, 5; 7; 8, 4; 15; 22, d.

⁵⁸ Oraït 2010, 1016–1017, fig. 10.

⁵⁹ Сазанов 1993, рис 3; 2011, 325; Ильяшенко 2013, рис. 33, 5; Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 1, А; 4, 58; 5; 59; Магомедов 1987, рис. 35, 7; 1991, рис. 17, 3; Oraït 1996, pl. 21, 2; Лысенко, Юрочкин 2004, рис. 7, 6; Кропотов 1998, рис. 1, 4.

⁶⁰ Сазанов 2011, 325.

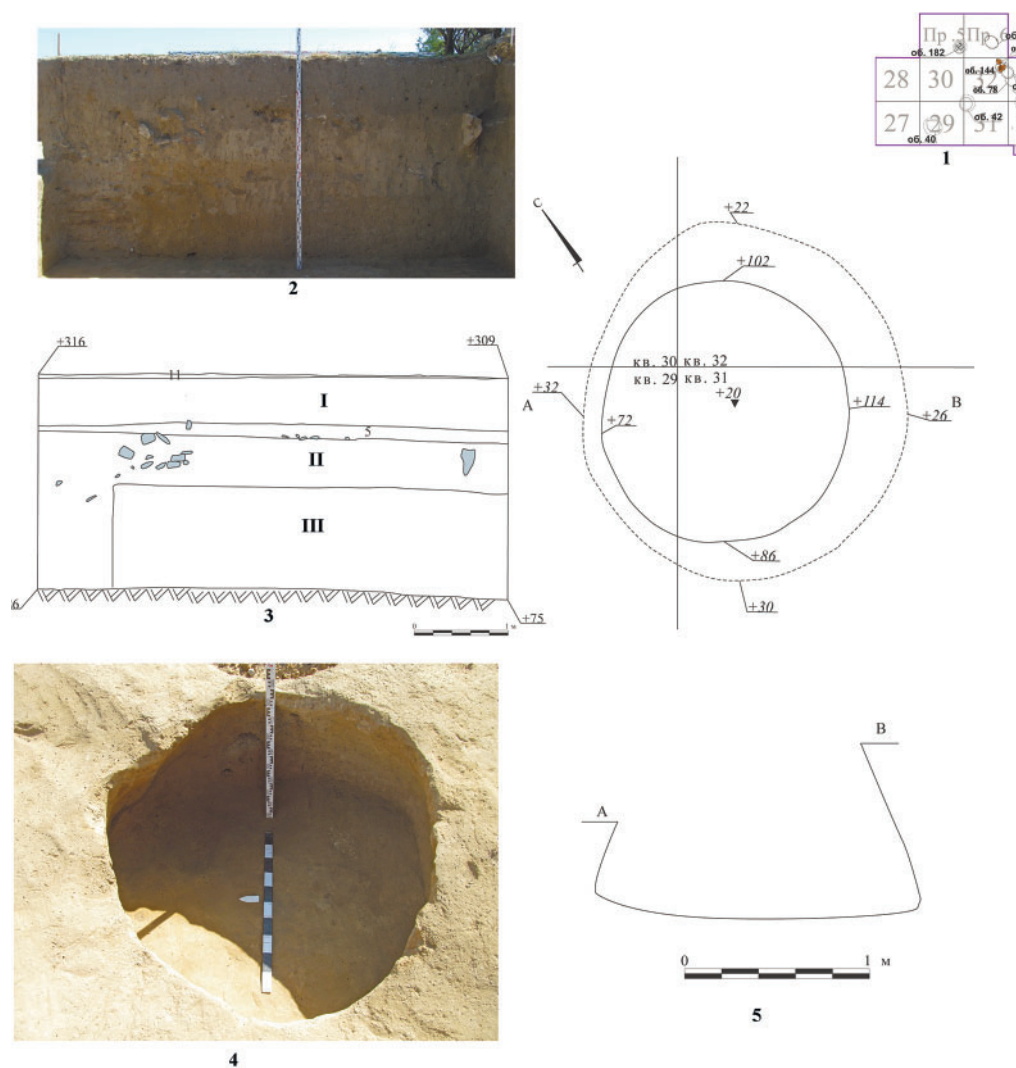

Рис. 7. Слой II. 1. Нач. – трет. четв. IV в. Яма-объект 42: 1 – местоположение объекта; 2, 3 – стратиграфия восточного борта кв. 29; 4 – объект после удаления заполнения; 5 – план и разрез ямы.

Fig. 7. Layer II. 1. Early – third quarter of 3rd c. AD. Pit-object 42: 1 – location of the object; 2, 3 – stratigraphy of the eastern side of Trench 29; 4 – object after removal of the filling; 5 – plan and section of the pit.

Состав комплекса слоя заполнения ямы – объекта 42 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Пробки	Всего	%
1	Керамические изделия	6	11	1	109	1	128	66.67
2	Кости животных						64	33.33
Всего		6	11	1	109	1	192	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 42						

Фрагменты керамических изделий, включающие строительные материалы, распределяются по функциональным группам следующим образом.

Состав слоя заполнения ямы – объекта 40 по функциональным группам находок

[illegible]

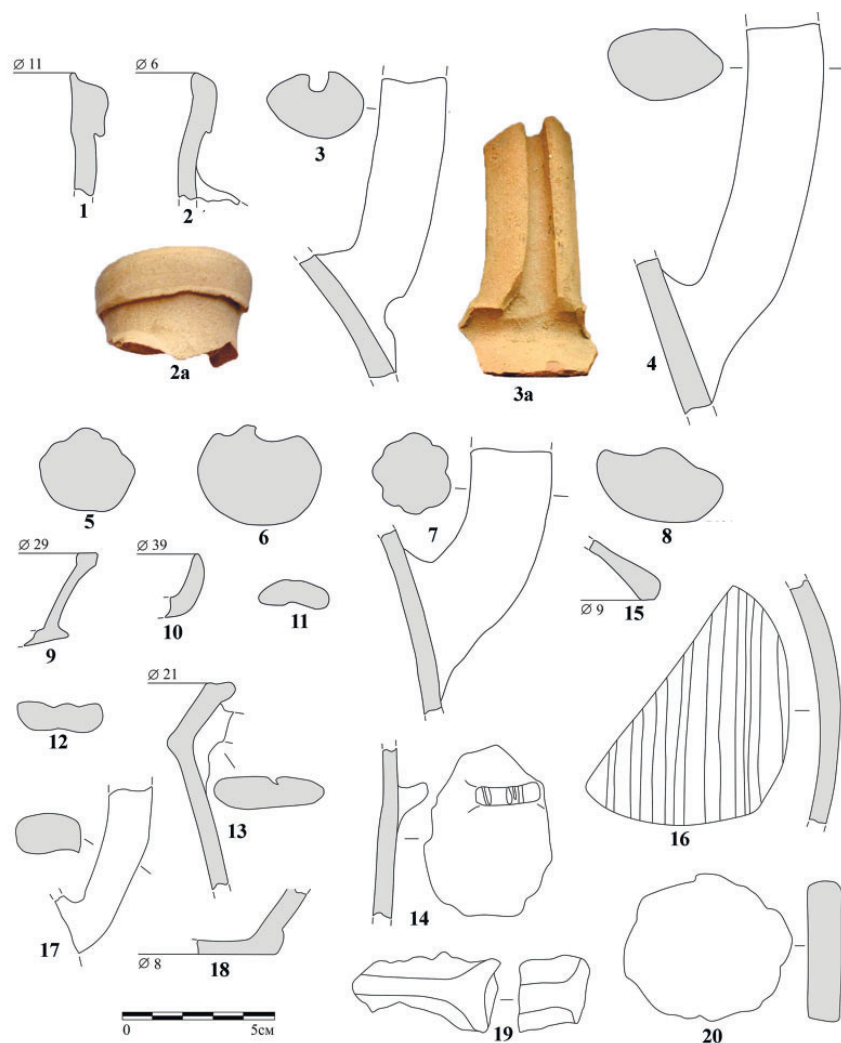

Рис. 8. Слой II.1. Нач. – трет. четв. IV в. Яма-объект 42: 1 – C Snp I-1; 2, 3 – LRA 1 Precursor C 1; 4 – LRA 2; 5 – C IV F; 6 – C IV E; 7 – реберчатая в сечении ручка красноглиняного кувшина, 8 – амфора типа Арсеньева/Науменко 1992, рис. 26, 1; 9 – Pontic sigillata A form 3.1.1-2; 10 – Pontic sigillata A form 8; 11 – Pontic sigillata form 8; 12 – ручка круговой красноглиняной кастрюли; 13 – венчик с уплощенной профилированной ручкой круговой коричневоглиняной кастрюли; 14 – стенка лепного сосуда с ручкой-налепом; 15 – круговая красноглиняная крышка; 16 – стенка лощеного сосуда; 17–19 – лепные сосуды; 20 – пробка керамическая из амфорной стенки.

Fig. 8. Layer II. 1. Early – third quarter of 3rd c. AD. Pit-object 42: 1 – C Snp I-1; 2, 3 – LRA 1 Precursor C 1; 4 – LRA 2; 5 – C IV F; 6 – C IV E; 7 – ribbed cross-section handle of red-clay pot; 8 – engobed amphora of type Arsenyeva/Naumenko 1992, fig. 26, 1; 9 – Pontic sigillata A form 3.1.1-2; 10 – Pontic sigillata A form 8; 11 – jug of Pontic sigillata form 8; 12 – a handle of plain red-clay pot; 13 – corolla with flattened profiled handle of plain brown-clay pot; 14 – wall of handmade vessel with handle; 15 – plain red-clay lid; 16 – a wall of polished vessel; 17–19 – handmade vessels; 20 – stopper from wall of red-clay amphora.

Преобладают фрагменты амфор, составляющие почти 70% комплекса, далее идут фрагменты кухонной посуды. Фрагменты остальных функциональных групп представлены единичными экземплярами.

Соотношение лепной и круговой нетарной посуды показывает абсолютное преобладание круговой (73.3% против 26.7%).

Таблица 25.

Соотношение лепной и круговой нетарной посуды слоя заполнения
ямы – объекта 42

	Технологическая группа	Функциональная группа	Крышки	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		1	3	2		5	11	73,3
		1.1. Краснолаковая посуда		2	1				
		1.2. Круговая лощеная посуда					2		
		1.3. Круговая столовая посуда	1				3		
		1.4. Круговая кухонная посуда		1	1				
2	Лепная посуда				3	1		4	26,7
Всего			1	3	5	1	5	15	100
Ильич I-2016			Яма-объект 42						

Датированные находки. Из 128 находок керамики датированными являются 16, что составляет 12.5%. Они распределяются по следующим хронологическим группам.

Таблица 26.

Соотношение датированных находок слоя заполнения ямы – объекта 42
по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Стенка с на- лепом	Всего	%
IV – нач. V в.	2	6		8	50
II–III вв.	2	2		4	25
Кон. I – нач. II в.	2	1	1	4	25
Всего	6	9	1	16	100
Ильич I-2016			Яма-объект 42		

Примесь «снизу». Половина датированных фрагментов составляет «примесь снизу» конца I – III вв. К ней относятся ручка амфоры, фрагменты краснолаковых и кухонных сосудов.

Ручка красноглиняной ангобированной амфоры имеет аналогии в контекстах Танаиса и Горгиппии второй половины II – первой половины III в. (рис. 8, 8)⁶¹. Венчик одной из краснолаковых мисок может быть отнесен к типу Pontic sigillata A form 3.1.1–2 и датирован последней четвертью I – нач. II в. (рис. 8, 9). Заметим, что у мисок формы 3.1.1 меньший диаметр (20–21 см), а у мисок 3.1.2 диаметр составляет 26,4–27,9 см, что близко к рассматриваемому (29 см)⁶². Венчик второй миски соответствует Pontic sigillata A form 8, датирующейся концом II – первой половиной III в. (рис. 8, 10)⁶³. Ручка может относиться к краснолаковым кувшинам формы 8 Pontic sigillata конца I – начала II в. (рис. 8, 11)⁶⁴. Профилированная ручка красноглиняной кастрюли находит параллели на аналогичных сосудах из контекста второй половины II – первой половины III в. хоры Херсонеса (рис. 8, 12)⁶⁵. Венчик с уплощенной профилированной ручкой коричневоглиняной кастрюли близок сероглиняной кастрюле I – II вв. из Пантикапея (рис. 8, 13)⁶⁶. Стенка лепного сосуда с ручкой-налепом, изготовленной из плотной серой слоистой глины с включениями шамота, относится, по Н.А. Гаврилюк, к лепной керамике греческой группы I–II вв. (рис. 8, 14)⁶⁷.

Датирующие находки. Оставшиеся датирующие фрагменты амфор распределяются следующим образом.

Таблица 27.

Соотношение типов датирующих амфор из слоя заполнения ямы – объекта 42

	Тип	Венчики	Ручки	Всего	%	Условно целые сосуды	% условно целых со- судов
1	C Snr I-1 (рис. 8, 1)	1		1	16.7	1	25
2	LRA 1 Precursor Type C 1 (рис. 8, 2, 3)	1	1	2	33.3	1	25
3	LRA 2 (рис. 8, 4)		1	1	16.7	1	25
4	C IV F (рис. 8, 5)		1	1	16,7	1	25
5	C IV E (рис. 8, 6)		1	1	16.7	1	25
Всего		2	4	6	100	5	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 42					

Комплекс содержал (в пересчете на целые сосуды) по одной амфоре LRA 1 Precursor Type C 1, LRA 2, C IV F, C IV E. Венчик амфоры C Snr I-1 (рис. 8, 1) соответствует в нашей типологии амфор из датированных комплексов Причерноморья

⁶¹ Арсеньева, Науменко 1992, рис. 26, 1; Алексеева 1997, табл. 106, 13.

⁶² Журавлев 2010, 135, табл. 15, 89–91; 16, 95–96.

⁶³ Журавлев 2010, 139, табл. 21, 140.

⁶⁴ Журавлев 2010, 161, табл. 47, 374.

⁶⁵ Кленина 2004, 75, рис. 28, 264.

⁶⁶ Зеест 1957, рис. 2, 6.

⁶⁷ Гаврилюк 2013, рис. 1, 19.

типу 1 подтипу 2 варианту е (1.2е), или, по нашей общей типологии, C Snr I-1–1.2с. Аналогии происходят из контекстов первой и второй половины IV в.⁶⁸

К довольно редкому типу LRA 1 Precursor C 1 относятся ангобированные венчик и ручка, датирующиеся первой половиной – серединой IV в. (рис. 8, 2, 3)⁶⁹. Ручка амфоры LRA 2 имеет аналогии в контекстах периода А Ятруса первой половины IV в. (рис. 8, 4)⁷⁰. Ручка узкогорлой светлоглиняной амфоры C IV F датируется началом – третьей четвертью IV в. (рис. 8, 5)⁷¹. Аналогии происходят в основном из контекстов первой половины IV и в одном случае – из контекстов середины – второй половины IV в.⁷²

Ручка узкогорлой светлоглиняной амфоры C IV E относится ко второй четверти IV – началу V в. (рис. 8, 6)⁷³. Также к первой половине IV в. может относиться реберчатая в сечении ручка красноглиняного кувшина, имеющего широкую дату – II–IV вв. (рис. 8, 7)⁷⁴.

Таким образом, самую позднюю группу материала, определяющую комплекс, составляют фрагменты амфор, датирующиеся IV в. в целом (C Snr I), началом – третьей четвертью IV в. (C IV F), второй четвертью IV – началом V в. (C IV E), первой половиной IV в. (LRA 1 Precursor C 1), первой половиной IV в. (LRA 2).

Приведенные датирующие материалы позволяют отнести формирование единовременной засыпи ямы ко второй – третьей четвертям IV в. Судя по рассмотренным двум комплексам, контексты начала – третьей четверти IV в., или более узко – второй–третьей четвертей IV в., характеризует набор амфор типов C Snr I, C IV F, C IV E, LRA 1 Precursor C 2.

4. СЛОЙ II.2. СЕРЕДИНА / ВТОРАЯ ПОЛОВИНА IV – НАЧАЛО V в.

Один из характерных комплексов этого периода – засыпь ямы в кв. 20, получившей исходное название «Объект 63». При выборке заполнения было выявлено, что в разрезе яма имеет колбообразную форму: прямые стенки в верхней части и заметный перегиб в середине, с расширением книзу. Глубина ямы составила 1,98 м, она была заполнена однородной темно-серой супесью. Засыпь была совершена одномоментно (рис. 9).

⁶⁸ Сазанов 2022, рис. 5, 26; 9, 6; 19–21.

⁶⁹ Opař 2010, 1016, 1017, fig. 8a.

⁷⁰ Böttger 1982, taf. 17, 99–100.

⁷¹ Внуков 2016, 43, рис. 1, 14; Сазанов 1993, рис. 3; 2011, 325. Ссылка на работу А.В. Сазанова 1993 г. дается исключительно в плане аналогии сечения ручки, но не хронологических выкладок, предложенных в этой работе. Современные представления автора о хронологии амфор C IV F и C IV E содержатся в статьях 2011 и 2012 гг. См. Сазанов 2011; 2012.

⁷² Веймарн 1963, рис. 15, 13–14; Сазанов 2012а, рис. 3, 11–12, 15; Кузищин, Иванчик 1998, рис. 4; Науменко 2019, рис. 4, 3.

⁷³ Внуков 2016, 43, рис. 1, 16; Сазанов 1993, рис. 5, 4; 7, тип 1; 2011, 325; 2012а, 130–133, рис. 3, 1; Ильяшенко 2013, рис. 33, 7; Науменко 2019, 90, рис. 4, 9.

⁷⁴ Зубарев 2002, рис. 3, 11, рис. 5, 18–19; 2005, рис. 3; 2012а, 130–133, рис. 3, 34–35; Голофаст 2013, рис. 4, 12–14; Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1; 5; 14–16. На рисунке в публикации В.Ю. Юрочкина и В.Г. Зубарева 2001 г. сосуд изображен как двуручная амфора, что является результатом весьма предположительного графического восстановления сосуда по сохранившейся одной части профиля. На сегодняшний день такие амфоры неизвестны. Речь, по всей видимости, все-таки должна идти о кувшинах с реберчатыми или, по не совсем корректной терминологии авторов публикации, «гофрированными» ручками.

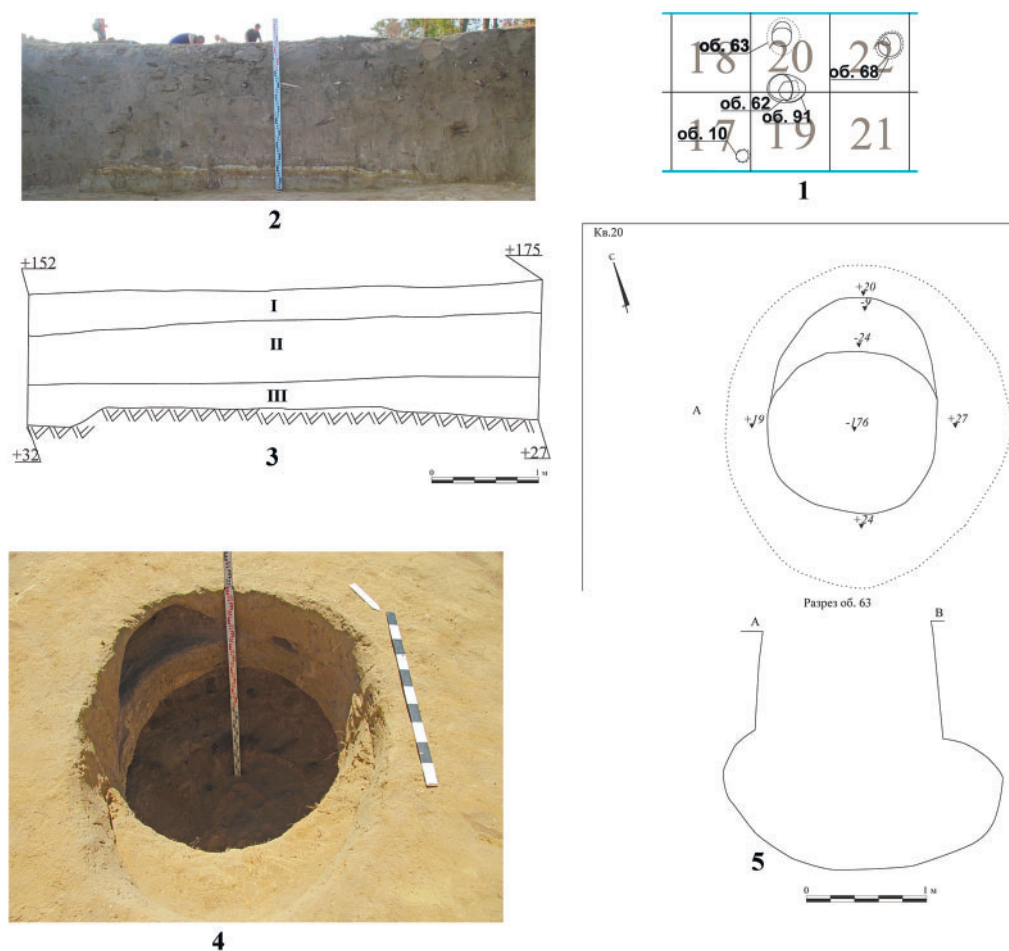

Рис. 9. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Яма-объект 63: 1 – местоположение объекта; 2, 3 – стратиграфия восточного борта кв. 20, 4 – объект после удаления заполнения; 5 – план и разрез ямы.

Fig. 9. Layer II. 2. Mid/Second half of 4th – early 5th c. AD. Pit-object 63: 1 – location of the object; 2, 3 – stratigraphy of the eastern side of Trench 20; 4 – object after removal of the filling; 5 – plan and section of the pit.

Общая статистика находок с абсолютным преобладанием керамических изделий достаточно обычна.

Таблица 28.

Состав комплекса заполнения ямы – объекта 63 по категориям находок

	Категория	Венчики (края)	Ручки	Донья	Стенки	Грузила	Пробки	Неопределенные	Всего	%
1	Керамические изделия (включая строительные материалы)	36	25	18	635	2	6	1	723	88
2	Изделия из металла								1	0.1
3	Изделия из камня								1	0.1
4	Изделия из стекла								1	0.1
5	Кости животных								94	11.5
Всего		36	25	18	635	2	6	1	820	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 63								

Фрагменты керамических изделий, включающие строительные материалы, распределяются по функциональным группам следующим образом.

Таблица 29.

Состав комплекса заполнения ямы – объекта 63 по функциональным группам находок

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Строительные материалы				71	73	10.1
	1.1. Обмазка печи					2	
	1.2. Кирпич-сырец				71	71	
2	Архитектурная керамика	1				1	0.1
	2.1. Керамиды (рис. 10, 1)	1				1	
3	Пифосы (рис. 10, 2)	1			16	17	2.4
4	Амфоры (рис. 10, 3–11, рис. 11, 1–12, рис. 12, 4–15, 19)	7	20	6	465	498	68.9
5	Краснолаковая посуда (рис. 11, 13–16, рис. 12, 1, 2, 16)	2		6	6	14	1.9
7	Круговая столовая посуда (рис. 12, 17, 18, рис. 13, 1–3)	3	1	1	39	44	6.1
8	Кухонная посуда	22	4	5	36	67	9.3
	8.1. Лепная (рис. 13, 6–12)	21	4	3	36	64	
	8.2. Круговая (рис. 13, 4, 5, рис. 14, рис. 15, 1, 2)	1		2		3	

	Функциональная группа	Венчики (края, бортики) + горла	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
9	Грузила (рис. 15, 3, 4)					2	0.3
10	Пробки керамические (рис. 16, 1–6)					6	0.8
11	Неопределенные (рис. 16, 7)					1	0.1
Всего		36	25	18	635	723	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 63					

Такая статистика с преобладанием фрагментов амфор, составляющих примерно две трети всех керамических фрагментов, также обычна. Некоторым отличием являются достаточно многочисленные фрагменты кирпича-сырца, видимо, происходящие из разрушенных построек. Лепная и круговая нетарная посуда представлена примерно в одинаковом количестве.

Таблица 30.

Соотношение лепной и круговой нетарной посуды заполнения ямы – объекта 63

	Технологическая группа	Функциональная группа	Венчики (края, бортики)	Ручки	Донья	Стенки	Всего	%
1	Круговая посуда		6	1	9	45	61	47.7
		1.1. Краснолаковая посуда	2		6	6	14	
		1.2. Круговая столовая посуда	3	1	1	39	44	
		1.3. Круговая кухонная посуда	1		2		3	
2	Лепная посуда		22	4	5	36	67	52.3
Всего			28	5	14	81	128	100
Ильич 1-2016			Яма-объект 63					

Датированные находки. Из 723 керамических находок комплекса надежно и более-менее узко датированных 54, что составляет 7.5%. Хронологическое распределение датированных фрагментов отражает следующая таблица.

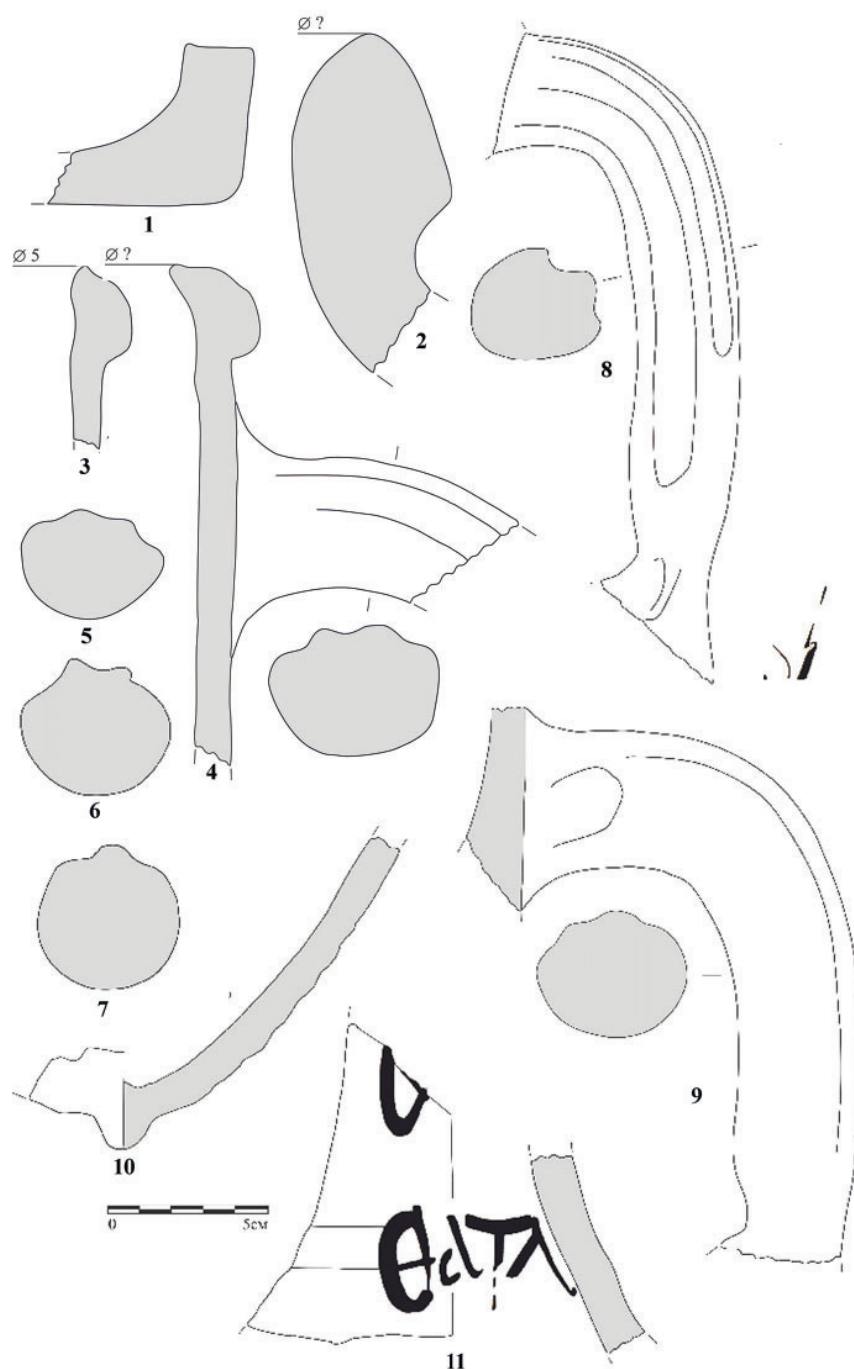

Рис. 10. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63: 1 – бортик красноглиняной керамики; 2 – красноглиняный пифос; 3–11 – С IV E.

Fig. 10. Layer II. 2. Mid/Second half of 4th – early 5th c. AD. Pit-object 63: 1 – roof tile of red clay; 2 – pithoi; 3–11 – C IV E.

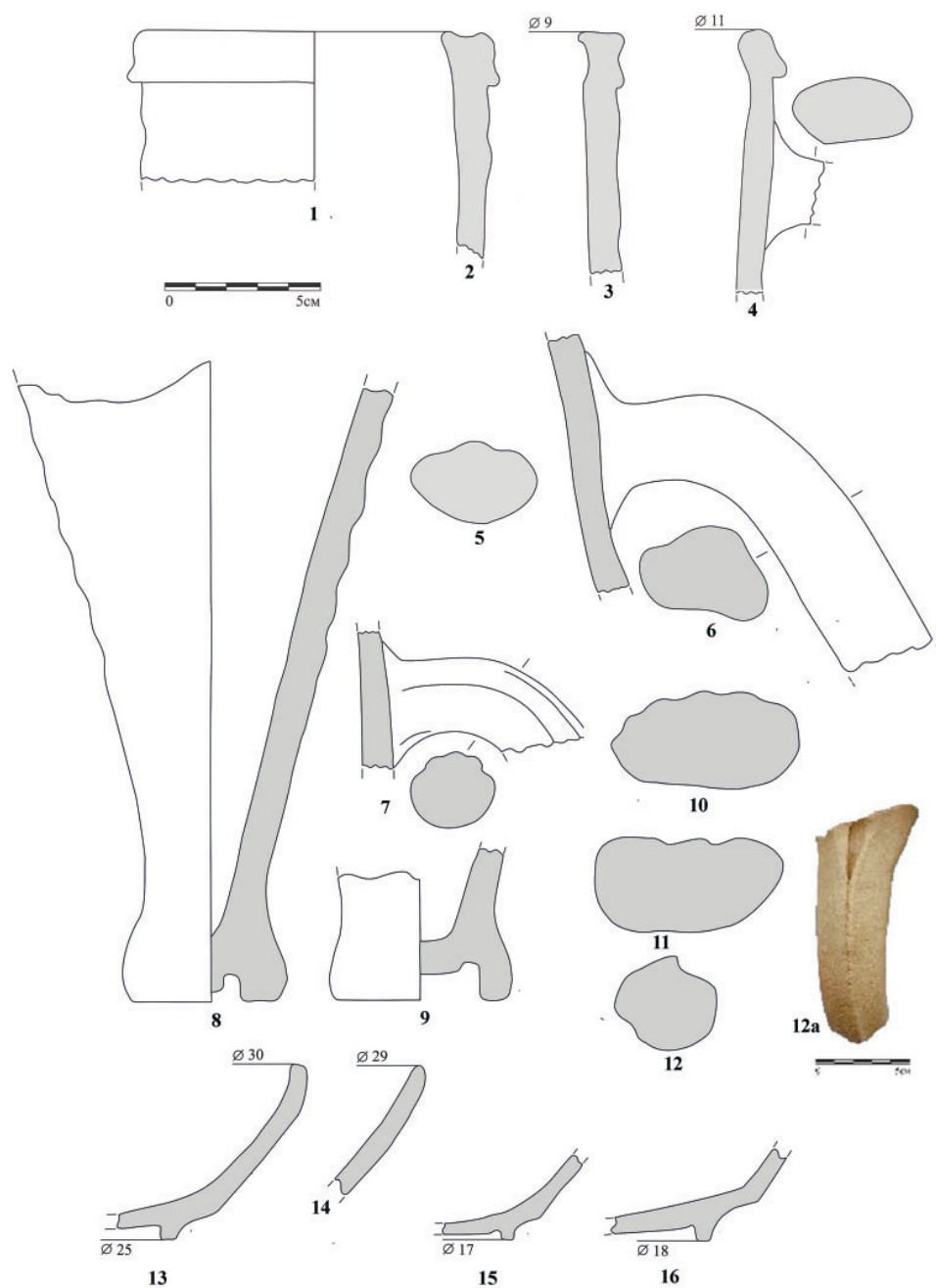

Рис. 11. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63; 1–4 – С Snp I-1; 5, 6 – С Snp I-2; 7–9 – С IV F; 10, 11 – Зеест 96/97; 12, 12 а – LRA 1 A; 13–16 – PRSW 1.
 Fig. 11. Layer II. 2. Mid/Second half of the 4th – early 5th c. AD. Pit-object 63; 1–4 – С Snp I-1; 5, 6 – С Snp I-2; 7–9 – С IV F; 10, 11 – Zeest 96/97; 12, 12a – LRA 1 A; 13–16 – PRSW 1.

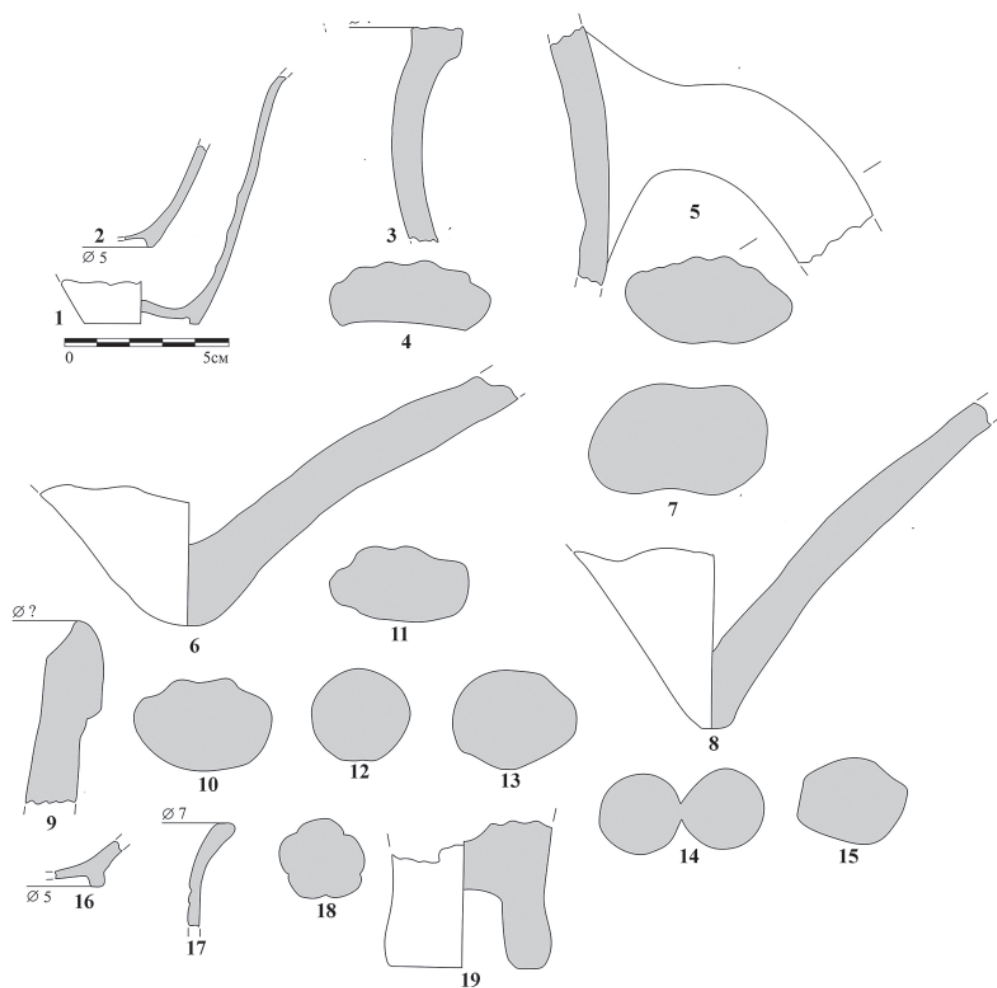

Рис. 12. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V вв. Кв. 20. Яма-объект 63: 1, 2 – Sigillata Pontica VI; 3 – кувшин с реберчатыми ручками II–IV вв.; 4–6 – Зеест 72; 7 – Зеест 75; 8 – Зеест 84б; 9 – Зеест 89а; 10 – Mid Roman Amphora 7; 11 – тип: Алексеева 1997, табл. 225, 20; 12 – С II; 13 – Син II; 14 – Син III; 15 – Зеест 67б; 16 – Sigillata Pontica VI; 17 – венчик кругового красноглиняного кувшина, 18 – реберчатая ручка кругового кувшина I–II вв., 19 – ножка хиосской амфоры типа III B или III C.

Fig. 12. Layer II. 2. Mid/Second half of the 4th – early 5th c. AD. Trench 20. Pit-object 63: 1, 2 – Sigillata Pontica VI; 3 – jug with ribbed cross-section handles of the 2nd – 4th c. AD; 4–6 – Zeest 72; 7 – Zeest 75; 8 – Zeest 84b; 9 – Zeest 89a; 10 – Mid Roman Amphora 7; 11 – Alekseeva 1997, pl. 225, 20, 12 – C II; 13 – Sin II, 14 – Sin III, 15 – Zeest 67b; 16 – Sigillata Pontica VI; 17 – plain jug of red clay; 18 – plain jug with ribbed cross-section handles of the 1st–2nd cc. AD; 19 – foot of Chian type III B–C.

Таблица 31.

Соотношение датированных находок заполнения ямы – объекта 63
по хронологическим группам

Хронологическая группа	Венчики (края, бортики, горла)	Ручки	Ножки (поддоны)	Всего	%
IV – нач. V в.	7	21	6	34	63
III – перв. пол. IV в.			2	2	3.7
II–III вв.	1	6	4	11	20.4
II–IV вв.	1			1	1.9
I в. до н.э. – I в. н.э.		4	1	5	9.3
V в. до н.э.			1	1	1.9
Всего	9	31	14	54	100
Ильич 1-2016	Яма-объект 63				

Датирующие находки составили 34 фрагментов, примесь «снизу» – 20, т.е. 37%, что весьма значительно.

Примесь снизу. Группа III – первой половины IV в. представлена двумя фрагментами краснолаковых чашек, относящихся к позднему варианту формы Sigillata Pontica VI (рис. 12, 1, 2)⁷⁵. Один венчик можно отнести к кувшинам с реберчатыми ручками II–IV вв. (рис. 12, 3)⁷⁶. Наиболее многочисленна группа II – III вв. Она представлена амфорами Зеест 72 (рис. 12, 4–6)⁷⁷, Зеест 75 (рис. 12, 7)⁷⁸, Зеест 84б (рис. 12, 8)⁷⁹, Зеест 89а (рис. 12, 9)⁸⁰, Mid Roman Amphora 7 (рис. 12, 10)⁸¹, типа Горгиппия табл. 225, 20 (рис. 12, 11)⁸². Существенно присутствие в составе примеси группы I в. до н.э. – I в. н.э., представленной амфорами С II (рис. 12, 12)⁸³, Син II (рис. 12, 13)⁸⁴, Син III (рис. 12, 14)⁸⁵, Зеест 67б (рис. 12, 15)⁸⁶. Круговая посуда этой группы представлена донцем раннего варианта краснолаковой миски Sigillata Pontica VI (рис. 12, 16)⁸⁷, венчиком красноглиняного кувшина и реберчатой ручкой, близкими происходящим из пантикапейского зольника 1, датирующегося I – второй четвертью II в. н.э. (рис. 12, 17, 18)⁸⁸. Самой ранней находкой является

⁷⁵ Hayes 1985, tav. XXIII, 8; Сазанов 1999, рис. 14, 4; Голофаст 2001, рис. 11, 1–2; Шаров 2007, 77.

⁷⁶ Голофаст 2010, 93, рис. 16, 1–3; Алексеева 1997, табл. 113, 2; Зубарев 2002, рис. 3, 11; 5, 42–43; 6, 9; 2005, рис. 3.

⁷⁷ Арсеньева, Наumenko 1992, 141, 145, рис. 19; 25; Сазанов 2012б, 348–349, рис. 1, 1, 3–5, 9; Алексеева 1997, табл. 225, 6, 9; Наumenko 2012, 71, рис. 12, 6.

⁷⁸ Зеест 1960, табл. XXXI, 75а; Крапивина 1993, 99, рис. 30, 26.

⁷⁹ Зеест 1960, табл. XXXV, 84б; Алексеева 1997, табл. 92, 19–21.

⁸⁰ Зеест 1960, табл. XXXVI, 89а; Алексеева 1997, табл. 90, 2.

⁸¹ Bezeczky 2013, pl. 45, 590; Крапивина 1993, 95, рис. 29, 19; Алексеева 1997, табл. 224, 3; Negru et al. 2003, fig. 1; 2.

⁸² Алексеева 1997, табл. 225, 20; Голофаст 2010, 90–91, рис. 12, 16, 21.

⁸³ Внуков 2003, рис. 36.

⁸⁴ Внуков 2003, 138–139, рис. 55.

⁸⁵ Внуков 2003, 45, 202, рис. 13.

⁸⁶ Зеест 1960, табл. XXIX, 67б; Крапивина 1993, 95, рис. 29, 14–17.

⁸⁷ Hayes 1985, 94, tav. XXIII, 8.

⁸⁸ Голофаст 2013, 211, 213, рис. 2, 5; 4, 13–14.

ножка хиосской амфоры типа III В или III С, по С.Ю. Монахову, датирующаяся второй – третьей четвертью V в. (рис. 12, 19)⁸⁹.

Датирующие находки. Датирующими являются фрагментам амфор (С Snr I, С IV F, С IV E, Зеест 96–97, LRA 1 A) и краснолаковых мисок (PRSW 1)⁹⁰.

Таблица 32.

Соотношение типов датирующих амфор из заполнения ямы – объекта 63

	Тип	Венчики + горла	Ручки	Донья	Всего	%	Количество условно целых сосудов	% условно целых сосудов
1	С Snr I-1 (рис. 11, 1–4)	3			3	10	3	20
2	С Snr I-2 (рис. 11, 5, 6)		5		5	16.7	3	20
3	С IV F (рис. 11, 7–9)		1	2	3	10	2	13.3
4	С IV E (рис. 10, 3–11)	3	11	1	15	50	6	40
5	LRA 1 A (рис. 11, 12, 12a)		1		1	3.3	1	6.7
6	Зеест 96-97 (рис. 11, 10, 11)		3		3	10	2	13.3
	Всего	6	21	3	30	100	15	100
Ильич 1-2016		Яма-объект 63						

Среди амфор преобладали С IV E, имеющие общую датировку вторая четверть IV – начало V в. (рис. 10, 3–11)⁹¹. Венчик находит аналогии на сосудах из контекстов второй половины IV – начала V в. (рис. 10, 3)⁹². Горло с ручкой также имеет параллели на амфорах из комплексов второй четверти / второй половины IV – начала V в. (рис. 10, 4)⁹³. Аналогичные по профилировке ручки встречены на амфорах того же времени (рис. 10, 5–9)⁹⁴. Ножка соответствует нашему типу 1, аналогии известны в комплексах того же времени (рис. 10, 10)⁹⁵.

Вторую по количеству фрагментов группу составляли амфоры С Snr I. Тип С Snr I-1, относящийся к первой четверти IV – третьей четверти IV / первой трети V в., представлен четырьмя венчиками (рис. 11, 1–4). Аналогии одному из них

⁸⁹ Монахов 2003, табл. 6, 2, 4; Завойкин 2013, рис. 2, 4. Ножка может быть как от амфор «развитого» варианта III–В, так и от III–С. Глубина подрезки может быть одинаковой. Благодарим С.Ю. Монахова за консультацию.

⁹⁰ Недостаточная разработка хронологии лепной керамики, имеющей на сегодняшний день широкие датировки (III–VI вв.) не позволяет использовать эту группу материала как датирующую даже при наличии аналогий. См. Гаврилюк 2013; Гаврилюк, Молев 2018.

⁹¹ Внуков 2016, 43, рис. 1, 16; Сазанов 2011, 325–326.

⁹² Сазанов 1993, рис. 6; 2012a, 129–133, рис. 1, 4; 3, 1; Ильяшенко 2013, рис. 33, 7; Науменко 2019, рис. 4, 9; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 46, 1; Орайт 2004, pl. 19, 1.

⁹³ Сазанов 1993, рис. 5, 4; 6; 7; 2012a, 129–133, рис. 3, 1–2; Науменко 2019, рис. 4, 9; Арсеньева, Науменко 2001, рис. 46, 1.

⁹⁴ Сазанов 1993, рис. 3; 5, 4; 7; 2012a, 129–133, рис. 1, 4; 3, 1, 14; Науменко 2019, рис. 4, 6, 9, 11.

⁹⁵ Сазанов 1993, рис. 8; Науменко 2019, рис. 4, 7, 11; Крапивина 1993, рис. 29, 22–23.

встречены на амфоре из комплекса первой половины IV в., второму – на амфорах из контекстов первой и второй половины IV в. (рис. 11, 1–3)⁹⁶. Один венчик имеет сходство с горлом амфоры из Тиры, условия находки которого неизвестны (рис. 11, 4)⁹⁷.

Несколько ручек относятся к типу C Snr I-2, датирующемуся началом второго десятилетия IV – третьей четвертью IV / первой третью V в. (рис. 11, 5, 6)⁹⁸. Третью группу составляют фрагменты амфор C IV F и Зеест 96–97.

Амфоры C IV F, датирующиеся началом – третьей четвертью IV в. представлены одной ручкой и двумя доньями⁹⁹. Параллели ручке происходят из контекстов этого времени (рис. 11, 7)¹⁰⁰. Аналогии одной ножке известны в контекстах первой – третьей четверти IV в. (рис. 11, 8)¹⁰¹. Аналогии второй ножке встречены в синхронных контекстах (рис. 11, 9)¹⁰².

Три ручки амфор типа Зеест 96–97, датируются IV – второй четвертью VI в. (рис. 11, 10–11)¹⁰³.

Наконец, последняя группа по численности, но не по значению для датировки комплекса, представлена ручкой светлоглиняной амфоры LRA 1 A, датирующейся второй половиной IV – первой половиной V в. (рис. 11, 12–12a)¹⁰⁴.

Краснолаковая керамика представлена фрагментами мисок PRSW 1, датирующимися по комплексам первой третью IV – началом V в. (рис. 11, 13–16)¹⁰⁵.

Как мы видим, материалы, определяющие время единовременной засыпи ямы, датируются началом – третьей четвертью IV в. (амфоры C IV F), второй четвертью IV – началом V в. (амфоры C IV E), второй половиной IV – первой половиной V в. (амфора LRA 1 A), IV – второй четвертью VI в. (амфоры Зеест 96–97), первой четвертью IV – третьей четвертью IV / первой третью V в. (амфоры C Snr I), первой третью IV – началом V в. (краснолаковые миски PRSW 1). Эти даты позволяют отнести время засыпи ямы ко второй половине / третьей четверти IV – началу V в.

⁹⁶ Сазанов 2022, 131, 136, рис. 4, 2–3, 5, 7; 5, 1; 7, 1b; 9, 1.

⁹⁷ Самойлова 1978, рис. 4, 1.

⁹⁸ Науменко 2019, рис. 9, 12; Сазанов 2022, 136, рис. 4, 11; 5, 19; 7, 1.

⁹⁹ Внуков 2016, 43, рис. 1, 14; Сазанов 2011, 326.

¹⁰⁰ Сазанов 1993, рис. 3; 2012a, 125–129, рис. 3, 12; Магомедов 1991, рис. 18, 11.

¹⁰¹ Сазанов 1993, рис. 1, 2; 2012a, 125–129, рис. 3, 24; Магомедов 1991, рис. 18, 17; Юрочкин, Труфанов 2003, рис. 5, 59.

¹⁰² Сазанов 1993, рис. 4; 2012a, 125–129, рис. 3, 23–24; Веймарн 1963, рис. 15, 14; Зайцев 1997, рис. 63; Власов и др. 2011, рис. 16, 5; Науменко 2019, рис. 4, 5; Магомедов 1987, рис. 35, 7; 1991, рис. 18, 18.

¹⁰³ Зеест 1960, табл. XXXVIII, 97; Сазанов 1989, рис. 2ж; 2000, рис. 6, 1; 2012a, 133–135; Сазанов, Ивашенко 1989, рис. 3, 6, 8; 10, 7.

¹⁰⁴ Böttger 1982, taf. 22, 136–138; Remolà 2000, fig. 78, 4, 11; 79, 4; Morais 2005, fig. 2, 7.

¹⁰⁵ Arsen'eva, Domžalski 2002, fig. 5, 2, 10; 6, 12, 16, 19; 7, 12; 32, 38; Сазанов 2012a, 135–138, рис. 1, 6; Сазанов 2019, 236, рис. 2, 1, 2, 6, 8; Нессель 2003, рис. 2, 4; 3, 1, 3; Веймарн 1963, рис. 13, 7, 9, 11; Пуздровский и др. 2001, рис. 3, 7; Юрочкин, Зубарев 2001, рис. 1, 19; Зайцев, Мордвинцева 2003, рис. 9, 13; Крапивина 1993, рис. 48, 21–22.

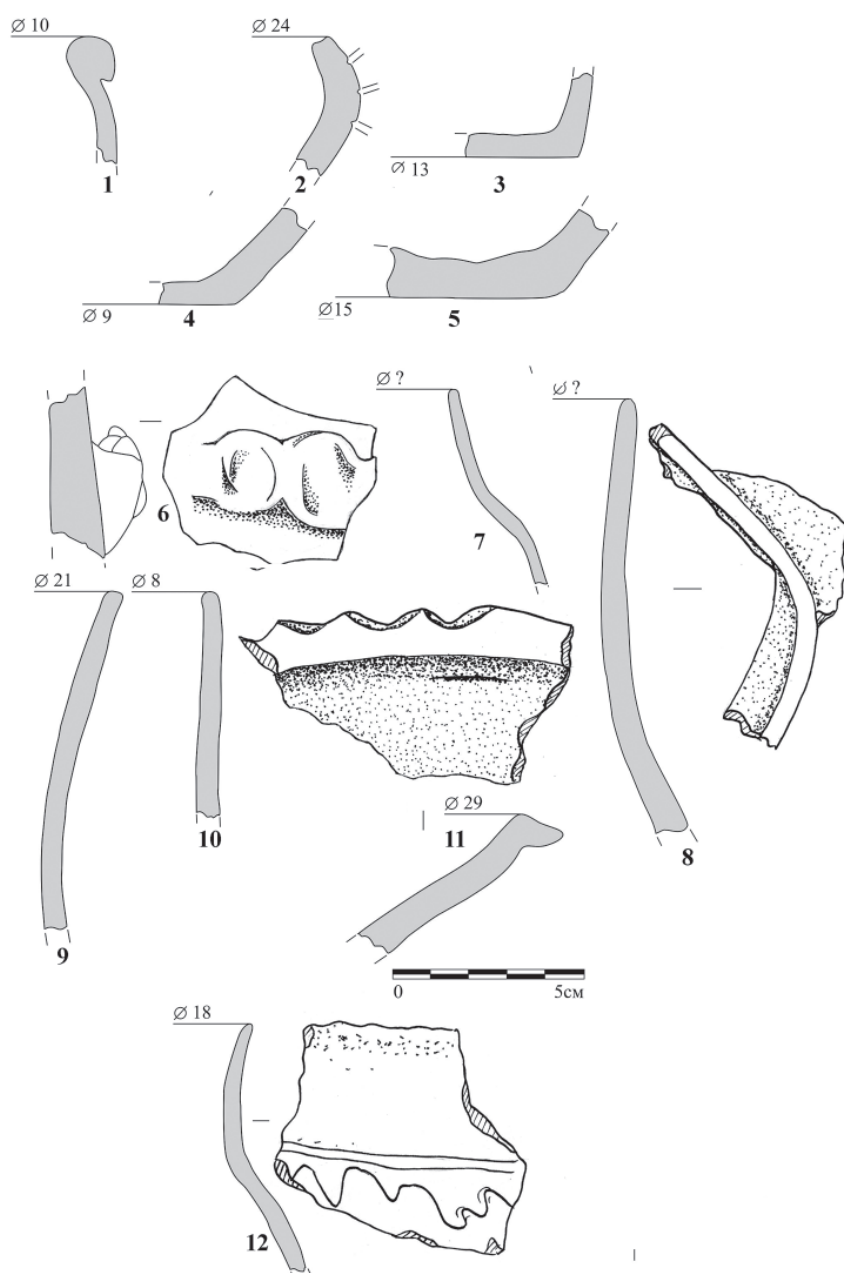

Рис. 13. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63: 1 – венчик кругового красноглиняного кувшина; 2 – венчик круговой красноглиняной миски; 3 – донце кругового красноглиняного кувшина; 4–5 – донья красноглиняных круговых закрытых кухонных сосудов; 6–12 – лепная кухонная посуда.

Fig. 13. Layer II. 2. Mid/Second half of the 4th – early 5th c. AD. Pit-object 63: 1, 3 – plain jugs of red clay; 2 – plain bowl of red clay; 4, 5 – plain kitchen vessels; 6–12 – handmade kitchen

vessels.

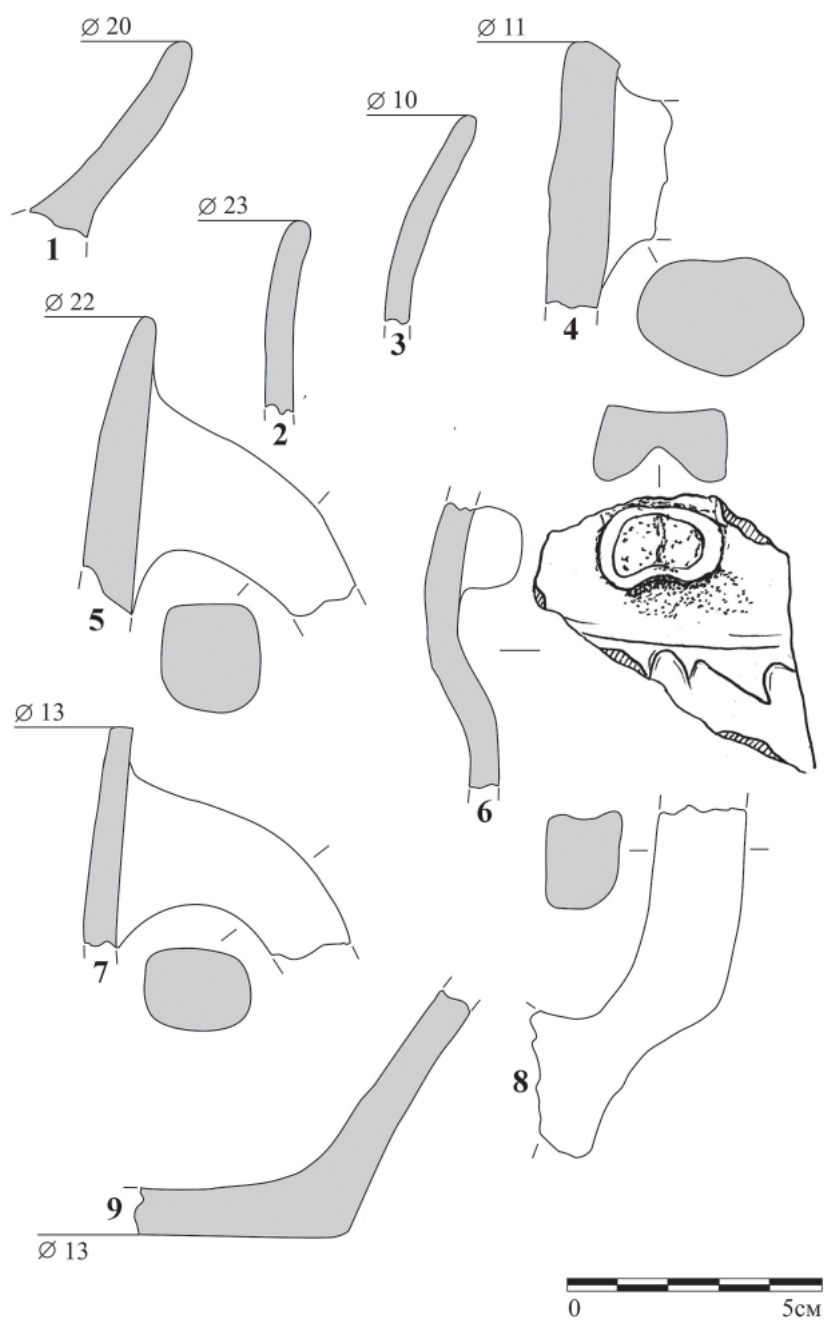

Рис. 14. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63: Лепная кухонная посуда.

Fig. 14. Layer II. 2. Mid/Second half of 4th – early 5th c. AD. Pit-object 63: handmade kitchen vessels.

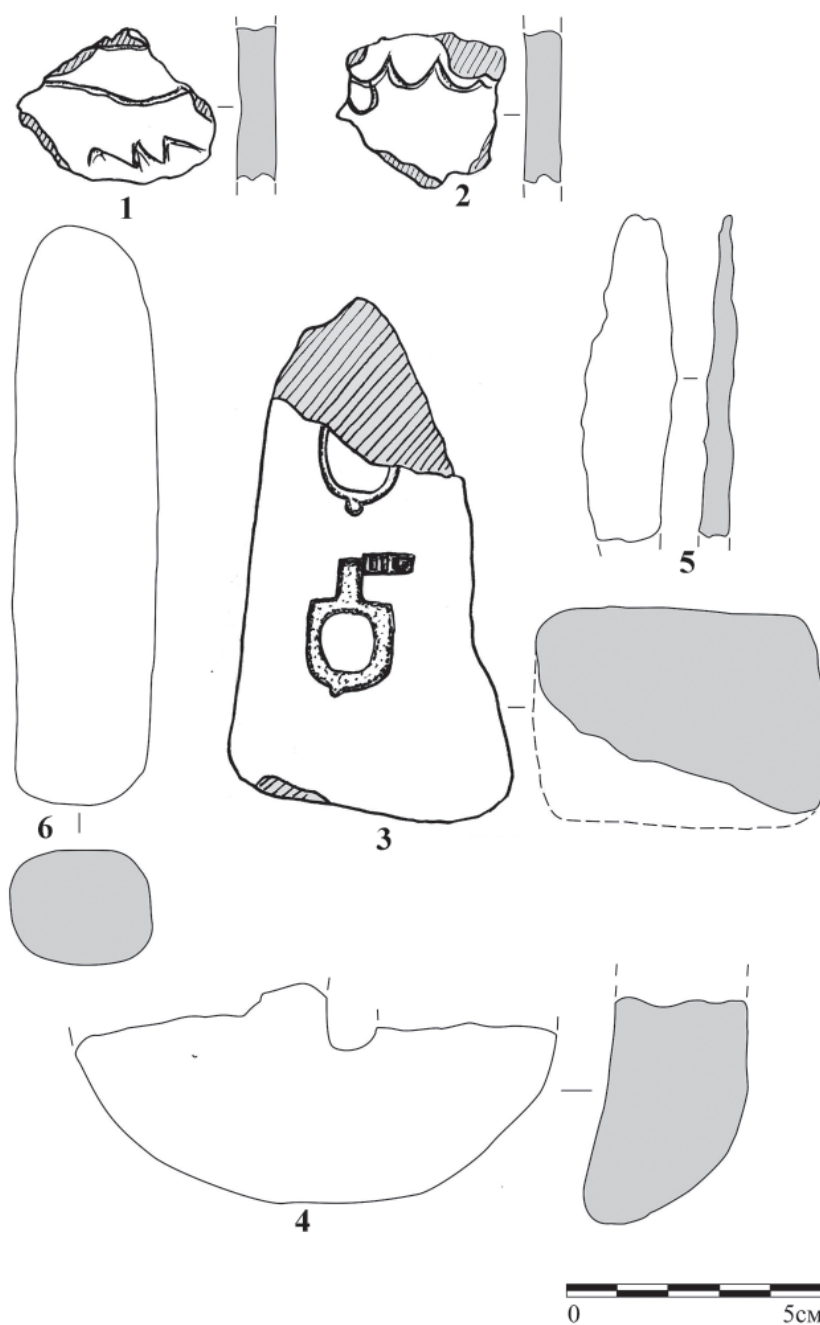

Рис. 15. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63: 1, 2 – лепная кухонная посуда; 3, 4 – керамические грузила; 5 – фрагмент железного ножа; 6 – лощильный камень.

Fig. 15. Layer II. 2. Mid/Second half of the 4th – early 5th century AD. Pit-object 63: 1, 2 – hand-made kitchen vessels; 3, 4 – ceramic sinkers; 5 – fragment of an iron knife; 6 – grinding stone.

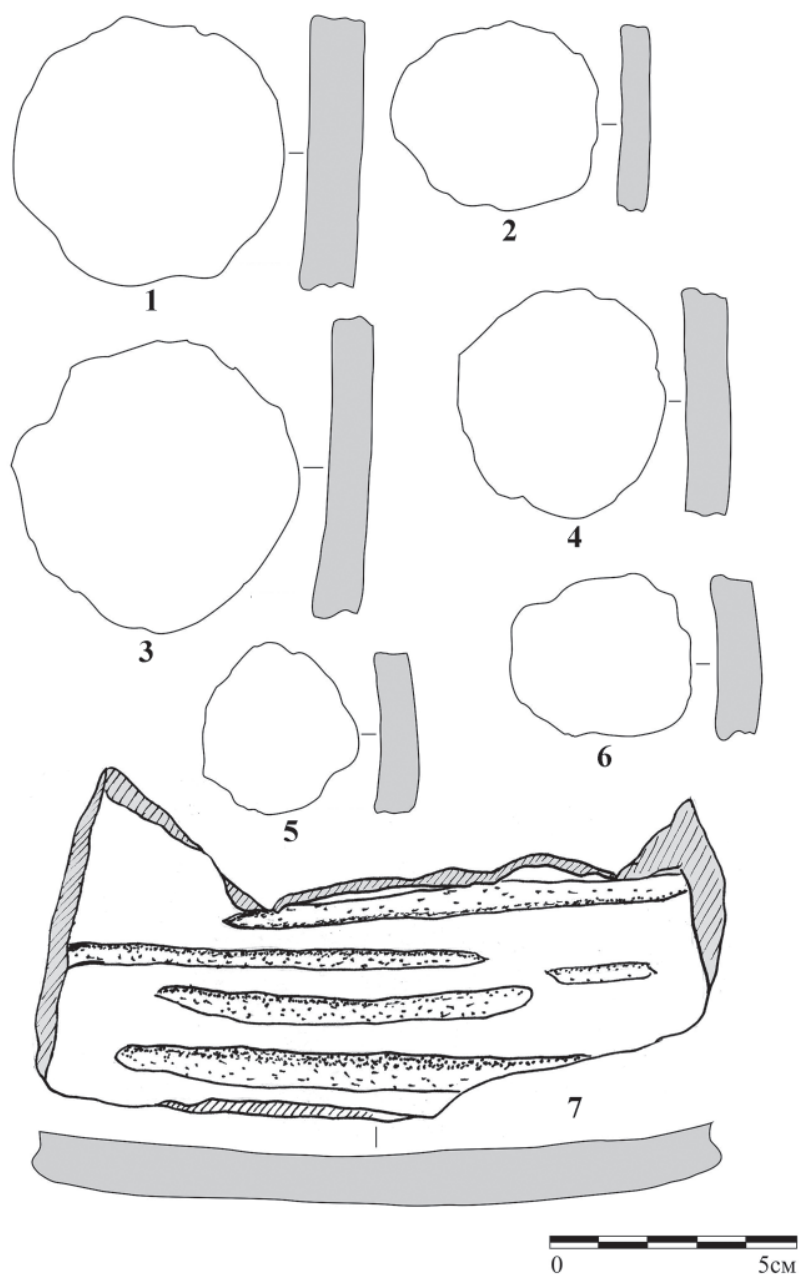

Рис. 16. Слой II. 2. Сер. / втор. пол. IV – нач. V в. Кв. 20. Яма-объект 63: 1–6 – пробки из амфорных стенок; 7 – стенка красноглиняного сосуда с прочерченными на внутренней стороне глубокими непересекающимися линиями (неопределенный предмет).
 Fig. 16. Layer II. 2. Mid/Second half of the 4th – early 5th century AD. Pit-object 63: 1–6 – plugs made from amphora walls; 7 – a wall of a red-clay vessel with deep non-intersecting lines on the inside (undefined object).

Рассмотренные комплексы поселения Ильич I позволяют предложить дробную периодизацию слоев II–IV вв. н.э. Выявленные контексты датируются второй половиной II – первой половиной III в., серединой – второй половиной III в., началом – третьей четвертью IV в., серединой / второй половиной IV – началом V в. Эта стратиграфическая колонка в первом приближении совпадает с колонкой Танаиса, за исключением слоя середины – второй половины III в., а также со стратиграфией поселения «Белинское».

Интересную картину дает весьма предварительная синхронизация выделенных комплексов с известными монетными кладами III–IV вв. Комплексы первого периода заканчивают свое существование в первой половине III в. Они, видимо, синхронны комплексам Горгиппии и Пантикапея со слоями разрушений 238–239 гг. Перекрывающий их слой, датированный нами второй половиной III в., по материалу все-таки ближе к его середине и может быть синхронизирован с «кошельком» с самыми поздними монетами 267/268 гг. из комплекса рассматриваемого поселения, обнаруженным на раскопе III и связанного с одним из погребений, а также, возможно, с синхронными кладами статеров из Семеновки (1957 г.), Илурата (1976 г.) и поселения на Темир-Горе (2009 г.). Лежавшие выше комплексы поселения «Ильич I», в целом датированные нами началом – третьей четвертью IV в., также ближе ко второй четверти IV в., что создает заманчивую возможность их синхронизации со слоями пожаров 327 г.¹⁰⁶ В этом случае комплексы слоя III.2. можно относить к 240-м гг., слоя III.3 – к 270-м гг., II.1 – к началу второй четверти IV в., II.2 – третьей четверти IV / началу V в., что, конечно, остается предположительным и требует дальнейших исследований с надежным обоснованием такой синхронизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон, М.Г., Бабиец, А.И. 2022: Клад римских монет III–IV вв. н.э. с Ильичевского городища. *ПИФК* 4, 184–200.
- Абрамзон, М.Г., Бонин, А.В. 2017: Монеты из раскопок городища и поселения Ильичевка в 2015–2016 гг. *ПИФК* 3, 392–430.
- Алексеева, Е.М. 1997: *Античный город Горгиппия*. М.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1992: *Усадьбы Танаиса*. М.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 1993: Комплекс находок из подвала МБ II–III вв. н. э. *ВТ* 1, 61–113.
- Арсеньева, Т.М., Ильяшенко, С.М., Науменко, С.А. 2009: Новые закрытые комплексы Танаиса II и III вв. н.э. *ДБ* 13, 38–78.
- Арсеньева, Т.М., Науменко, С.А. 2001: Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. *ДБ* 4, 56–124.
- Бонин, А.В. 2017: Городище и поселение Ильичевка (Краснодарский край, Темрюкский район). В сб.: *Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016. Материалы спасательных археологических исследований* 19, 26–31.
- Бонин, А. В. 2018: Охранно-спасательные работы на городище и поселении Ильичевка в Темрюкском районе. *АО 2016*, 203–204.
- Вагалински, Л.Ф. 2002: *Излъскана керамика от I - начало на VII век Южно от Долен Дунав (България)*. София.

¹⁰⁶ Абрамзон, Бонин 2017, 404, 406.

- Веймарн, Е.В. 1963: Археологічні роботи в районі Інкермана. *Археологічні пам'ятки УРСР* 13, 15–89.
- Власов, В.П., Смокотина, А.В., Храпунов, И.Н. 2011: Культурный слой на могильнике Нейзац. В кн.: *Исследования могильника Нейзац*. Симферополь, 179–249.
- Внуков, С.Ю. 2003: *Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. (морфология)*. М.
- Внуков, С.Ю. 2016: Еще раз о типологии, эволюции и хронологии светлоглиняных (позднегераклейских) узкогорлых амфор. *РА* 2, 36–47.
- Гаврилюк, Н.А. 2013: Лепная керамика причерноморских памятников Европейского Боспора I–IV вв. н.э. *Таврійські студії* 1(4), 43–50.
- Гаврилюк, Н.А., Молев, Е.А. 2018: Лепная керамика из объектов и слоев III–VI вв. н. э. боспорского города Китея. *ПИФК* 3, 60–72.
- Голенко, В.К. 2007: *Древний Киммерик и его округа*. Симферополь.
- Голофаст, Л.А. 2001: Стекло ранневизантийского Херсонеса. *МАИЭТ* VIII, 96–260.
- Голофаст, Л.А. 2010: Амфорная тара из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. *МАИЭТ* XVI, 82–139.
- Голофаст, Л.А. 2013: Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи. *БИ* 28, 207–228.
- Дорошко, В.В. 2019: Гончарные кувшины римского времени с биконическим туловом на высоком поддоне: к вопросу о времени и месте производства. В сб.: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы конференции*. Т. 1. М., 82–86.
- Дорошко, В.В., Дорошко, О.П. 2018: Ранний вещевой комплекс пункта римского военного базирования на высоте Суздальская. В сб.: В.Н. Зинько (ред.), *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации. Материалы международной научной конференции*. (XIX Боспорские чтения). Симферополь–Керчь, 128–134.
- Дорошко, О.П. 2021: Кухонная гончарная посуда римского времени из южного сектора на высоте Суздальская (исследования 2009, 2012, 2017–2018 гг.). В сб.: *Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Материалы научной конференции. Севастополь, 20–24 сентября 2021 г.* Севастополь, 94–99.
- Журавлев, Д.В. 2001: К вопросу о клеймах *planta pedis* на римской керамике. В сб.: *ANAXARSIS. Памяти Юрия Германовича Виноградова*. Севастополь, 90–99. (ХСб XI).
- Журавлев, Д.В. 2010: *Краснолаковая керамика Юго-Западного Крыма первых веков н.э. (по материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины)*. Симферополь. (МАИЭТ. Suppl. 9).
- Завойкин, А.А. 2013: Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории. *ДБ* 17, 132–152.
- Завойкин, А.А., Завойкина, Н.В. 2017. Ильичевская крепость и ее обитатели. *ДБ* 21, 122–153.
- Зайцев, Ю.П. 1997: Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском, Бахчисарайском районах. В кн.: *Археологические исследования в Крыму. 1994 г.* Симферополь, 102–116.
- Зайцев, Ю.П., Мордвинцева, В.И. 2003: Исследование могильника у с. Суворово в 2001 г. *МАИЭТ* X, 57–77.
- Зеест, И.Б. 1957: Пантикапейская керамика сарматского времени. В кн.: *Пантикапей*. М., 139–159. (МИА 56).
- Зеест, И.Б. 1960: *Керамическая тара Боспора*. М. (МИА 83).
- Зубарев, В.Г. 2002: Некоторые вопросы позднеантичной истории Европейского Боспора по результатам раскопок городища у села «Белинское». *ДБ* 5, 120–132.
- Зубарев, В.Г. 2005: Возможности использования амфорных инноваций при датировании слоёв и комплексов поселений (из практики раскопок городища «Белинское»). *БИ* X, 80–89.

- Ильяшенко, С.М. 2013: *Стандартные dipinti на узкогорлых светлоглиняных амфорах Танаиса и его округа III–IV вв. н.э.* Симферополь–Керчь.
- Кастанаян, Е.Г. 1981: *Лепная керамика боспорских городов.* Л.
- Кленина, Е.Ю. 2004: *Керамические сосуды II–III вв. н.э. из усадьбы «Близнецы».* Познань.
- Крапивина, В.В. 1993: *Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э.* Киев.
- Кропотов, В.В. 1998: Світлоглиняні вузькогорлі амфори «Інкерманського» типу. *Археологія* 4, 128–134.
- Кузищин, В.И., Иванчик, А.И. 1998: «Усадьба Василидов» в окрестностях Херсонеса Таврического. *ВДИ* 1, 205–233.
- Лысенко, А.В., Юрочкин, В.Ю. 2004: Некрополь Пантикапея-Боспора (по материалам исследований 2000–2002 гг.). В сб.: *«О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Сборник научных трудов (по материалам конференции в честь 210-летия со дня рождения Петра Ивановича Кеппена).* Киев, 94–166.
- Магомедов, Б.В. 1987: *Черняховская культура северо-западного Причерноморья.* Киев.
- Магомедов, Б.В. 1991: *Каменка-Анчекрак. Поселение черняховской культуры.* Киев.
- Монахов, С.Ю. 2003: *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель.* М.–Саратов.
- Науменко, С.А. 2006: Амфоры из закрытых комплексов Танаиса середины III в. н.э. В сб.: *Материалы Первой Абхазской международной конференции.* Сухум, 261–267.
- Науменко, С.А. 2012: Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I – середины III вв. н.э. *ВТ* 3, 63–88.
- Науменко, С.А. 2017: Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом. *ВТ* 4, 22–31.
- Науменко, С.А. 2019: Позднеантичный Танаис и его амфоры. *ВТ* 5, 86–101.
- Немцев, С.О. 2012: К проблеме хронологической классификации «колпачковых» ножек амфор Хиоса IV в. до н.э. *БИ* 26, 255–274.
- Нессель, В.А. 2003: Краснолаковая керамика из могильника Килен-балка. *ХСб* XII, 107–123.
- Пуздровский, А.Е., Зайцев, Ю.П., Неневоля, И.И. 2001: Новые памятники III–IV вв. н.э. в юго-западном Крыму. *МАИЭТ* VIII, 32–50.
- Сазанов, А.В. 1989: О хронологии Боспора ранневизантийского времени. *СА* 4, 41–60.
- Сазанов, А.В. 1993: Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор. *МАИЭТ* III, 16–22, 350–355.
- Сазанов, А.В. 1999: Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV–V вв. *ПИФК* VII, 224–293.
- Сазанов, А.В. 2000: Керамические комплексы Боспора 570–580 гг. *ДБ* 3, 221–259.
- Сазанов, А.В. 2008: К методике исследования средневекового Херсона. *Археологія* 4, 76–93.
- Сазанов, А.В. 2011: Поздние типы узкогорлых светлоглиняных амфор и проблемы хронологии Боспора позднеримского времени. В сб.: *Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда.* Т. I. СПб–Нижний Новгород, 325–327.
- Сазанов, А.В. 2012а: Азиатский Боспор в позднеримское время. В сб.: *ISEUM: Сборник статей, посвященных истории, религии и культуре Древнего мира.* М., 120–181.
- Сазанов, А.В. 2012б: Хронология амфор мирмекийского типа (Zeest- 72 – Bottger I.5) римского времени. *ДБ* 16, 321–347.
- Сазанов, А.В. 2019: Джон Вильям Хейс и его «Late Roman Pottery»: 47 ans après. В сб.: *Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: материалы III Международной научной конференции.* Т. 1. М., 233–241.
- Сазанов, А.В. 2022: Амфоры С SNP I: проблемы типологии и хронологии. *ПИФК* 1, 90–144.
- Сазанов, А.В., Иващенко, Ю.Ф. 1989: К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора. *СА* 1, 84–102.

- Самойлова, Т. Л. 1978: Основные типы амфор I–IV вв. н. э. из Тиры. В кн.: *Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья*. Киев, 261–266.
- Шаров, О.В. 2007: *Керамический комплекс некрополя Чатыр-Даг. Хронология комплексов с римскими импортами*. СПб.
- Шелов, Д.Б. 1972: *Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры*. М.
- Юрочкин, В.Ю., Зубарев, В.Г. 2001: Комплекс с монетами IV века из раскопок городище Белинское. *ДБ* 4, 454–473.
- Юрочкин, В.Ю., Труфанов, А.А. 2003: Позднеантичный погребальный комплекс в низовьях реки Качи. *ХСб* XII, 199–225.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415–491.
- Bezczeky, T. 2013: *The Amphorae of Roman Ephesus*. Wien.
- Bezczeky, T. 2021: Ephesus wines. In: *Roman Amphora Contents: Reflecting on the Maritime Trade of Foodstuffs in Antiquity (In honour of Miguel Beltrán Lloris): Proceedings of the Roman Amphora Contents International Interactive Conference (RACIIC) (Cadiz, 5–7 October 2015)*. Oxford, 377–388.
- Böttger, B. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus, In *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. II. Berlin, 33–148.
- Hayes, J.W. 1985: Sigillata Pontica, In *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle forme ceramiche II. Ceramica ine romana nel bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. Rome, 92–96.
- Kassab Tezgör, D. 2010: Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. *Varia Anatolica* XXII, 121–140.
- Kassab Tezgör, D. 2021: *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya))*. Oxford.
- Krapivina, V.V. 2010: Amphorae of the 3rd–4th centuries A.D. in Olbia Pontica. *Varia Anatolica* XXI, 69–73.
- Lang, M. 1955: Dated Jars of Early Imperial Times. *Hesperia* 24, 277–285.
- Magomedov, B. 2011: Zum Forschungsstand der Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur. In: J. Bemmman, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder (eds.), *Drehscheibentöpferei im Barbaricum – Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums*. Bonn, 373–381.
- Morais, R. 2005: From Oppidvm to Dives Bracara: The city trade through the amphorae. In: J.M. Gurt Esparraguera, J. Buxeda i Garrigós, M.A. Cau Ontiveros (eds.), *LRCW 1. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*. Oxford, 55–67. (BAR IS 1340).
- Negru, M., Badescu, A., Avram, R. 2003: Kapitän II amphorae in Roman Dacia. *Rei Cretariae Romanae fauorvm Acta* 38, 209–214.
- Opaït, A. 1996: *Aspecte ale vietii economice din provincia Scythia (secolele IV–VI p. Chr.) Productia ceramicii locale si de import*. Bucuresti.
- Opaït, A. 2004: *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th Centuries AD)*. Oxford. (BAR IS 1274).
- Opaït, A. 2010: On the origin of Carthage LR Amphora 1. In: *LRCW3 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. Vol. II. Oxford, 1015–1022. (BAR IS 2185).
- Remolà, J.A. 2000. *Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis)*. Barcelona. (Colección Instrumenta 7).
- Vnukov, S. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *ACSS* 16, 361–370.

REFERENCES

- Abramzon, M.G., Babiets, A.I. 2022: A Hoard of the Third and Fourth Centuries AD Roman Coins from the Ilyich Settlement. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 4, 184–200.
- Abramzon, M.G., Bonin, A.V. 2017: Monety iz raskopok gorodishha i poseleniya Il'ichevka v 2015–2016 gg. [Excavation coins from the fortified settlement Il'ichevka (2015–2016 seasons)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 392–430.
- Alekseeva, E.M. 1997: *Antichnyy gorod Gorgippiya* [Gorgippia, the ancient city]. Moscow.
- Arsen'eva T.M., Domžalski K. 2002. Late Roman red slip pottery from Tanais. *Eurasia Antiqua* 8, 415–491.
- Arsenyeva, T.M., Naumenko, S.A. 1992: *Usad'by Tanaisa* [The estates of Tanais]. Moscow.
- Arsenyeva, T.M., Naumenko, S.A. 1993: Kompleks nakhodok iz podvala MB II–III vv. n. e. [A complex of finds from the Basement MB of the 2nd – 3rd centuries AD]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 1, 61–113.
- Arsenyeva, T.M., Naumenko, S.A. 2001: Raskopki Tanaisa v centre vostochnoy chasti gorodishcha [Excavations of Tanais in the center of the eastern part of the settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 4, 56–124.
- Arsenyeva, T.M., Ilyashenko, S.M., Naumenko, S.A. 2009: Novye zakrytye komplekсы Tanaisa II i III vv. n.e. [New Closed Complexes of Tanais of the 2nd and 3rd centuries AD]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 13, 38–78.
- Bezeczky, T. 2013: *The Amphorae of Roman Ephesus*. Wien.
- Bezeczky, T. 2021: Ephesus wines. In: *Roman Amphora Contents: Reflecting on the Maritime Trade of Foodstuffs in Antiquity (In honour of Miguel Beltrán Lloris): Proceedings of the Roman Amphora Contents International Interactive Conference (RACIIC) (Cadiz, 5–7 October 2015)*. Oxford, 377–388.
- Böttger, B. 1982: Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus. In: *Iatrus-Krivina. Spatantike Befestigung und fruhmittelalterliche Siedlung and der unteren Donau*. Bd. II. Berlin, 33–148.
- Doroshko, V.V. 2019: Goncharnye kuvshiny rimskogo vremeni s bikonicheskim tulovom na vysokom poddone: k voprosu o vremeni i meste proizvodstva [Roman time pottery jugs with biconical body on a high pallet: to the issue of time and the place of production]. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: Materialy konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of Crimea with the Mediterranean region and the Orient: Conference Proceedings] Vol. 1. Moscow, 82–86.
- Doroshko, V.V., Doroshko, O.P. 2018: Ranniy veshchevoy kompleks punkta rimskogo voennogo bazirovaniya na vysote Suzdal'skaya [Early material complex of the Roman military point at the Suzdal height]. In: V.N. Zinko (ed.), *Bospor Kimmeriyskiy i varvarskiy mir v period antichnosti i srednevekov'ya. Traditsii i innovatsii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [The Cimmerian Bosphorus and the Barbarian World in the Antiquity and the Middle Ages. Traditions and Innovations. Materials of the International Scientific Conference]. (XIX Bosporskie chteniya [XIX Bosporan readings]). Simferopol–Kerch, 128–134.
- Doroshko, O.P. 2021: Kukhonnaya goncharnaya posuda rimskogo vremeni iz yuzhnogo sektora na vysote Suzdal'skaya (issledovaniya 2009, 2012, 2017–2018 gg.) [Kitchen pottery of the Roman times from the southern sector at Suzdal'skaya Heights (2009, 2012, 2017–2018 seasons)]. In: *Antichnye relikvii Khersonesa: Otkrytiya, Nakhodki, Teorii. Materialy nauchnoy konferentsii*. Sevastopol, 20–24 sentyabrya 2021 goda [Antique Relics of Chersonesus: Discoveries, Findings, Theories. Materials of the Scientific Conference. Sevastopol, September 20–24, 2021]. Sevastopol, 94–99.

- Gavrilyuk, N.A. 2013: Lepnaya keramika prichernomorskich pamyatnikov Evropeyskogo Bospora I–IV vv. n.e. [Handmade pottery of the Black Sea sites of the European Bosphorus in the 1st–4th centuries AD]. *Tavriys'ki studii* [Taurian Studies] 1(4), 43–50.
- Gavrilyuk, N.A., Molev, E.A. 2018: Lepnaya keramika iz ob'ektov i sloev III–VI vv. n.e. bosporskogo goroda Kiteya [Handmade pottery from objects and layers of the 3rd–6th centuries AD of the Bosporan city of Kytaiion]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 3, 60–72.
- Golenko, V.K. 2007: *Drevniy Kimmerik i ego okrug* [Ancient Kimmerik and its vicinity]. Simferopol.
- Golofast, L.A. 2001: Steklo rannevizantiyskogo Khersonesa [Glass of Early Byzantine Chersonesus]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII, 96–260.
- Golofast, L.A. 2010: Amfornaya tara iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni u podnozhia gory Mitridat v Kerchi [Amphorae from excavations at the Roman cinder at the foot of the Mt Mithridates in Kerch]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] XVI, 82–139.
- Golofast, L.A. 2013: Prostaya goncharnaya keramika iz raskopok zol'nika rimskogo vremeni u podnozhia gory Mitridat v Kerchi [Plain pottery from excavations at the Roman cinder at the foot of Mt Mithridates in Kerch]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 28, 207–228.
- Hayes, J. W. 1985: Sigillata Pontica. In: *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Atlante delle forme ceramiche II. Ceramica in romana nel bacino mediterraneo (tardo ellenismo e primo impero)*. Rome, 92–96.
- Ilyashenko, S.M. 2013: Standartnye dipinti na uzkogorlykh svetloglinyanykh amforakh Tanaisa i ego okrug III–IV vv. n.e. [Standard dipinti on the narrow-necked light clay amphorae of Tanais and its outskirts of the 3rd and 4th centuries AD]. Simferopol–Kerch.
- Kassab Tezgör, D. 2010: Typologie des amphores sinopéennes entre les IIe–IIIe s. et le VIe s. ap. J.-C. *Varia Anatolica* XXII, 121–140.
- Kassab Tezgör, D. 2021: *Corpus des amphores romaines produites dans les centres de mer Noire (Collections des musées de la côte turque de la mer Noire (Ereğli, Amasra, Sinop, Samsun, Giresun, Ordu, Trabzon et Amasya))*. Oxford.
- Kastanayan, E.G. 1981: *Lepnaya keramika bosporskikh gorodov* [Handmade pottery of the Bosporan cities]. Leningrad.
- Klenina, E.Yu. 2004: *Keramicheskie sosudy II–III vv. n.e. iz usadby "Bliznetsy"* [Ceramic vessels of the 2nd–3rd centuries AD from the estate "Bliznetsy"]. Poznan.
- Krapivina, V.V. 1993: *Ol'viya. Material'naya kul'tura I–IV vv. n.e.* [Olbia. The material culture of the 1st–4th centuries AD]. Kiev.
- Krapivina, V.V. 2010: Amphorae of the 3rd–4th centuries A.D. in Olbia Pontica. *Varia Anatolica* XXI, 69–73.
- Kropotov, V.V. 1998: Svitloglinyani vuz'kogorli amfori "Inkermans'kogo" tipu [Narrow-necked light clay amphorae of the "Inkerman" type]. *Arkheologiya* [Archaeology] 4, 128–134.
- Kuzishchin, V.I., Ivanchik, A.I. 1998: "Usad'ba Basilidov" v okrestnostyakh Chersonesa Tavricheskogo [The "Basilids' homestead" in the vicinity of Taurian Chersonesus]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 1, 205–233.
- Lang, M. 1955: Dated Jars of Early Imperial Times. *Hesperia* 24, 277–285.
- Lysenko, A.V., Yurochkin, V.Y. 2004: Nekropol' Pantikapeya-Bospora (po materialam issledovaniy 2000–2002 gg.) [The Necropolis of Panticapaeum-Bosporus (materials of 2000–2002 seasons)]. In: *"O drevnostyax Yuzhnogo berega Kryma i gor Tavricheskikh". Sbornik nauchnykh trudov (po materialam konferentsii v chest' 210-letiya so dnya rozhdeniya Petra Ivanovicha Keppena)* [In "About antiquities of the South Coast of Crimea and Taurian Mountains". Collection of scientific papers (based on the materials of the conference in honor of the 210th anniversary of the birth of Peter Ivanovich Keppen)]. Kiev, 94–166.

- Magomedov, B.V. 1987: *Chernyakhovskaya kul'tura severo-zapadnogo Prichernomor'ya* [Chernyakhov culture of the north-western Black Sea region]. Kiev.
- Magomedov, B.V. 1991: *Kamenka-Anchekrak: poselenie chernyakhovskoy kul'tury* [Kamenka-Anchekrak: a settlement of the Chernyakhov culture]. Kiev.
- Magomedov, B. 2011: Zum Forschungsstand der Drehscheibenkeramik in der Černjachov-Kultur. In: J. Bemmann, M. Hegewisch, M. Meyer, M. Schmauder (Hrsg.), *Drehscheibentöpferei im Barbaricum – Technologietransfer und Professionalisierung eines Handwerks am Rande des Römischen Imperiums*. Bonn, 373–381.
- Monakhov, S.Yu. 2003: *Grecheskie amfory v Prichernomor'e. Tipologiya amfor vedushchikh centrov-eksportirov tovarov v keramicheskoy tare: Katalog-opredelitel* [Greek amphorae in the Black Sea region. Typology of amphorae of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: A catalogue]. Moscow–Saratov.
- Morais, R. 2005: From Oppidum to Dives Bracara: The city trade through the amphorae. In: J.M. Gurt Esparraguera, J. Buxeda i Garrigós, M.A. Cau Ontiveros (eds.), *LRCW 1. Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and Archaeometry*. Oxford, 55–67. (BAR IS 1340).
- Naumenko, S.A. 2006: Amfory iz zakrytykh kompleksov Tanaisa serediny III v. n.e. [Amphorae from the closed complexes of Tanais of the mid-3rd century AD]. In: *Materialy Pervoy Abkhazskoy mezhdunarodnoy konferentsii* [Materials of the First Abkhaz International Conference]. Sukhum, 261–267.
- Naumenko, S.A. 2012: Sostav amfor v zakrytykh kompleksakh Tanaisa kontsa I – serediny III vv. n.e. [The composition of amphorae in the closed complexes of Tanais of the end 1st – mid-3rd century AD]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 3, 63–88.
- Naumenko, S.A. 2017: Torgovye svyazi Tanaisa s Pontiyskim regionom [Trade relations of Tanais with the Pontic region]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 4, 22–31.
- Naumenko, S.A. 2019: Pozdneantichnyy Tanais i ego amfory [Late Antique Tanais and its amphorae]. *Vestnik Tanaisa* [Bulletin of Tanais] 5, 86–101.
- Negru, M., Badescu, A., Avram, R. 2003: Kapitän II amphorae in Roman Dacia. *Rei Cretariae Romanæ fautorvm Acta* 38, 209–214.
- Nemtsev, S.O. 2012: K probleme khronologicheskoy klassifikatsii “Kolpachkovykh” nozhek amfor Chiosa IV v. do n.e. [On the Problem of Chronological Classification of the “Cap” bottoms of Chian Amphorae of the 4th century BC]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporos Studies] 26, 255–274.
- Nessel, V.A. 2003: Krasnolakovaya keramika iz mogil'nika Kilen-balka [Red-slipped pottery from the Kilen-balka burial ground]. *Khersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XII, 107–123.
- Opaiț, A. 1996: *Aspecte ale vietii economice din provincia Scythia (secolele IV–VI p. Chr.) Productia ceramicii locale si de import*. Bucuresti.
- Opaiț, A. 2004: *Local and Imported Ceramics in the Roman Province of Scythia (4th–6th Centuries AD)*. Oxford. (BAR IS 1274).
- Opaiț, A. 2010: On the origin of Carthage LR Amphora 1. In: *LRCW3 Late Roman Coarse Wares, Cooking Wares and Amphorae in the Mediterranean: Archaeology and archaeometry. Comparison between western and eastern Mediterranean*. Vol. II. Oxford, 1015–1022. (BAR IS 2185).
- Puzdrovskiy, A.E., Zaytsev, Yu.P., Nenevolya, I. I. 2001: Novye pamyatniki III–IV vv. n.e. v yugo-zapadnom Krymu [New sites of the third and fourth centuries AD in the South-Western Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] VIII, 32–50.
- Remolà, J.A. 2000. *Las ánforas tardo-antiguas en Tarraco (Hispania Tarraconensis)*. Barcelona. (Colección Instrumenta 7).
- Samoylova, T.L. 1978: Osnovnye tipy amfor I–IV vv. n. e. iz Tiry [The main types of amphorae of the 1st – 4th centuries AD from Tyras]. In: *Arkheologicheskie issledovaniya Severo-*

- Zapadnogo Prichernomor'ya* [Archaeological Studies of the North-Western Black Sea Region]. Kiev, 261–266.
- Sazanov, A.V. 1989: O khronologii Bospora rannevizantiyskogo vremeni [On the chronology of the Bosphorus of early Byzantine times], *SA* 4, 41–60.
- Sazanov, A.V. 1993: Pozdnie tipy uzkogorlykh svetloglinyanykh amfor [Late types of narrow-necked light-clay amphorae]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] III, 16–22, 350–355.
- Sazanov, A.V. 1999: Keramicheskie komplekсы Severnogo Prichernomor'ya vtoroy poloviny IV–V vv. [Pottery contexts of the Northern Black Sea region of the second half of the 4th–5th centuries AD]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] VII, 224–293.
- Sazanov, A.V. 2000: Keramicheskie komplekсы Bospora 570–580 gg. [Pottery contexts of the Bosphorus dated to AD 570–580]. *DB 3* [Antiquities of the Bosphorus], 221–259.
- Sazanov, A.V. 2008: K metodike issledovaniya srednevekovogo Chersona [To the Research Methodology of Medieval Cherson]. *Arkheologia* [Archaeology] 4, 76–93.
- Sazanov, A.V. 2011: Pozdnie tipy uzkogorlykh svetloglinyanykh amfor i problemy khronologii Bospora pozdnerimskogo vremeni [Late types of narrow-necked light clay amphorae and problems of the chronology of the Bosphorus of the late Roman time]. In: *Trudy III (XIX) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s'ezda* [Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. I. St Petersburg–Nizhny Novgorod, 325–327.
- Sazanov, A.V. 2012: Aziatskiy Bospor v pozdnerimskoe vremya [Asiatic Bosphorus in late Roman time]. In: *ISEUM: Sbornik statej, posvyashhennykh istorii, religii i kul'ture Drevnego mira* [ISEUM: Collected Articles on History, Religion and Culture of the Ancient World]. Moscow, 120–181.
- Sazanov, A.V. 2012a: Khronologiya amfor mirmekiyskogo tipa (Zeest 72 – Bottger I.5) rimskogo vremeni [Chronology of amphorae of the Myrmekion type (Zeest 72 – Bottger I.5) of the Roman period]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus] 16, 321–347.
- Sazanov, A.V. 2019: John William Hayes i ego “Late Roman Pottery”: 47 ans après [John William Hayes and his “Late Roman Pottery”: 47 ans après]. In: *Istoricheskie, kul'turnye, mezhnatsional'nye, religioznye i politicheskie. svyazi Kryma so Sredizemnomorskim regionom i stranami Vostoka: materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Historical, cultural, interethnic, religious and political relations of the Crimea with the Mediterranean region and the countries of the East: Proceedings of the III International Scientific Conference]. Vol. 1. Moscow, 233–241.
- Sazanov, A.V. 2022: Amfor S SNP I: problemy tipologii i khronologii [Amphorae C SNP I: Problems of typology and chronology]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 90–144.
- Sazanov, A.V., Ivashhenko, Yu.F. 1989: K voprosu o datirovkax pozdneantichnykh sloev gorodov Bospora [On the dating of the late antique layers of the Bosporan cities]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 1, 84–102.
- Sharov, O.V. 2007: *Keramicheskiy kompleks nekropolya Chatyr-Dag. Khronologiya kompleksov s rimskimi importami* [Ceramic complex of the Chatyr-Dag necropolis. Chronology of complexes with Roman imports]. Saint Petersburg.
- Shelov, D.B. 1972: *Tanais i nizhniy Don v pervye veka nashey ery* [Tanais and the Lower Don in the first centuries of our era]. Moscow.
- Vagalinski, L.F. 2002: *Izl'skana keramika ot I nachalo na VII vek Yuzhno ot Dolen Dunav (B'lgariya)* [Molded pottery from the 1st – early 7th century from south of the Lower Danube (Bulgaria)]. Sofia.
- Vlasov, V.P., Smokotina, A.V., Khrapunov, I.N. 2011: Kul'turnyy sloy na mogil'nike Neyzatsz [Cultural layer at the Neyzatz necropolis]. In: *Issledovaniya mogil'nika Neyzatsz* [Studies of the Neyzatz Necropolis]. Simferopol, 179–249.

- Vnukov, S.Yu. 2003: *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [Black Sea amphoras of the 1st century BC – 2nd century AD (morphology)]. Moscow.
- Vnukov, S. 2010: Sinopean Amphorae of the Roman Period. *ACSS* 16, 361–370.
- Vnukov, S.Yu. 2016: Eshhe raz o tipologii, evolyutsii i khronologii svetloglinyanykh (pozdneg-erakleyskikh) uzkogorlykh amfor [Once again about the typology, evolution and chronology of light-clay (Late Heracleian) narrow-necked amphorae]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 2, 36–47.
- Weimarn, E.V. 1963: Arkheologicheskie raboty v rayone Inkermana [Archaeological works in the Inkerman area]. In: *Arkheologicheskie pamyatniki UkSSR* [Archaeological sites of the Ukrainian SSR] 13, 15–89.
- Yurochkin, V.Yu., Zubarev, V.G. 2001: Kompleks s monetami IV veka iz raskopok gorodishhe Belinskoe [A complex with coins of the 4th century AD from excavations at the Belinskoe settlement]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 4, 454–473.
- Yurochkin, V.Y., Trufanov, A.A. 2003: Pozdneantichnyy pogrebal'nyy kompleks v nizov'yakh reki Kachi [Late Antique funeral complex in the lower reaches of the Kachi River]. *Chersonesskiy sbornik* [Chersonesus Collection] XII, 199–225.
- Zaytsev, Yu.P. 1997: Okhranye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom, Bakhchisarayskom rayonakh [Rescue researches in Simferopol, Belogorsky, Bakhchisaraysky districts]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 g.* [1994 Archaeological Studies in the Crimea], 102–116.
- Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003: Issledovanie mogil'nika u s. Suvorovo v 2001 g. [Excavations at the necropolis near the village of Suvorovo in 2001]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria] X, 57–77.
- Zavoykin, A.A. 2013: Amfory Khiosa v kontekste istorii Fanagorii [Chian Amphorae in the context of the history of Phanagoria]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 17, 132–152.
- Zavoykin, A.A., Zavoykina, N.V. 2017: Il'ichevskaya krepost' i ee obitateli [Ilyich Fortress and its inhabitants]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 21, 122–153.
- Zeest, I. B. 1957: Pantikapeyskaya keramika sarmatskogo vremeni [Panticapaeon pottery of the Sarmatian time]. In: *Panticapaeum* (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR] 56). Moscow, 139–159.
- Zeest, I.B. 1960: *Keramicheskaya tara Bospora* [Ceramic containers of the Bosporus] (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and Research on Archaeology of the USSR] 83. Moscow.
- Zhuravlev, D. V. 2001: K voprosu o kleymakh *planta pedis* na rimskoy keramike [Stamps of *planta pedis* on the Roman pottery]. In: *ANAXARSIS. Pamyati Yuriya Germanovicha Vinogradova*. [ANAXARSIS. In: Memory of Yuri Germanovich Vinogradov (Chersonesskiy sbornik [Chersonesus Collection] XI). Sevastopol, 90–99.
- Zhuravlev, D.V. 2010: *Krasnolakovaya keramika Yugo-Zapadnogo Kryma pervykh vekov n.e. (po materialam pozdneskifskikh nekropoley Bel'bekskoy doliny)* [Terra sigillata of the South-western Crimea of the first centuries AD (on the materials of the Late Scythian necropolises of the Belbek valley)]. (Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii [Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tauria]. Suppl. 9). Simferopol.
- Zubarev, V.G. 2002: Nekotorye voprosy pozdneantichnoy istorii Evropeyskogo Bospora po rezul'tatam raskopok gorodishha u sela "Belinskoe" [Some questions of the late Antique history of the European Bosporus based on the results of excavations at the settlement near the village of "Belinskoe"]. *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosporus] 5, 120–132.
- Zubarev, V.G. 2005: Vozmozhnosti ispol'zovaniya amfornykh innovatsiy pri datirovanii slojov i kompleksov poseleniy (iz praktiki raskopok gorodishha "Belinskoe") [Possibilities of using amphora innovations while the dating of layers and complexes of settlements (from the practice of excavation at the settlement of "Belinskoe")]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporus Studies] X, 80–89.

ILYICH 1 SETTLEMENT: METHODOLOGY OF MASS POTTERY
MATERIAL ANALYSIS AND PROBLEMS OF THE CHRONOLOGY OF
CONTEXTS OF THE 2nd – 4th CENTURIES AD

Andrei V. Sazanov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: andrei.v.sazanov@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the methodology of analysis of mass archaeological material and determining the chronology of layers and contexts of the 2nd – 4th centuries AD from the Ilyich 1 settlement on the basis of materials of 2016 excavation at the Site I. The proposed methodology consists of two main blocks. The first one characterizes a ceramic context as such, including statistics on categories of finds (ceramics, metal, glass and bone items), functional groups (building materials, architectural ceramics, pithoi, amphorae, red slip wares, polished ware, plain dining and kitchen wares), comparison of statistics of plain and handmade wares that has special importance for Bosphorus. The second block, connected with the chronology of finds, includes the distribution of dated finds into chronological groups, separation of the dating group and its subsequent analysis. The stratigraphic column obtained this way includes layers and sites of the second half of the 2nd to the first half of the 3rd century AD (layer III.2), middle/second half of the 2nd century AD (layer III.3), early to the third quarter of the 4th century (layer II.1), middle/second half of the 4th and early 5th century (layer II.2). A detailed analysis of ceramic contexts from each period is offered. An attempt to synchronize selected complexes with the known coin hoards of the 3rd and 4th centuries AD creates a tempting opportunity to specify chronology of considered layers. In this case, the contexts of layer III.2 can be dated to the AD 240s, layer III.3 – to the AD 270s, layer II.1 – to the second quarter of the 4th century and layer II.2 – to the third quarter of the 4th/early 5th century AD.

Keywords: Northern Black Sea, Ilyich 1 Settlement, Late Roman and Early Byzantine pottery, amphorae, chronology, stratigraphy, methodology of field studies

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-85–91

КАМЕЯ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА

В.Г. Черненко¹, С.М. Ильяшенко², Л.О. Базилевич³

¹Государственный исторический музей, Москва, Россия

²Институт археологии Российской академии наук, Москва, Россия

³Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, Владимир, Россия

¹ E-mail: victoriagent.chernenko@gmail.com

² E-mail: silyas@list.ru

³ E-mail: ludmila.basilevich@gmail.com

¹ ORCID: 0000-0003-1784-4608

² ORCID: 0000-0002-8364-4383

³ ORCID: 0000-0002-5683-8828

Аннотация. В статье впервые публикуется небольшая камея из сердолика в виде головки юной женщины или ребенка, найденная при раскопках некрополя Танаиса в 2019 г. С III в. до н.э. камеи приобретают широкую популярность среди различных слоев населения античной ойкумены. Объемные украшения служили вставками в перстни, серьги и броши. Значительную часть камей составляют небольшие головки Эрота-Амура и Медузы Горгоны из сердолика или сардоникса. Подобные изделия встречаются в слоях памятников Северного Причерноморья, в частности Крыма и Тамани. Авторы статьи датируют камею из Танаиса I–II вв. н.э. атрибутируют изображение как портрет юного члена императорского дома в образе Эрота. Подобные небольшие камеи могли быть подарками в качестве символов любви и привязанности, поскольку Эрот выступал в роли олицетворения любви. О.Я. Неверов предполагал, что небольшие каменные вставки в перстни в виде детской головки могли быть средством пропаганды культа династии Птолемеев, а позднее римских императоров, унаследовавших эллинистические традиции. Такие камеи представляли собой изображения детей Клеопатры VII, а позднее императорских наследников в виде Гора-Эрота.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, Танаис, Херсонес, Пантикапей, камея, глиптика

Перстни со вставками в виде камей и инталий нередко встречаются в слоях античных поселений и некрополей Северного Причерноморья. Иногда они служили личными печатями для маркировки личных вещей, опечатывания амбаров и кладовых, скрепления документов (Plin. NH. 37. 3). Об использовании гемм-печатей свидетельствуют не только античные авторы, но и многочисленные отти-

Данные об авторах: Виктория Геннадьевна Черненко – сотрудник ГИМ; Сергей Михайлович Ильяшенко – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН; Людмила Олеговна Базилевич – хранитель музейных предметов Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

ски на глине¹. Популярность изделий, которые принято считать печатями, заметно снижается к началу III в. до н.э.; затем изображения тиражируются, а иконография схематизируется. Возможно, это связано с использованием перстней различными слоями населения. Если в V–IV вв. до н.э. перстни в основном изготавливаются из золота и встречаются лишь в богатых захоронениях², то позднее оправа изготавливалась из любого металла (золото, серебро, медь, железо), что свидетельствует о доступности перстней широким слоям населения. В эпоху эллинизма камеи служат вставками в ювелирных изделиях – кольцах, браслетах, серьгах, брошах, подвесках. Пик популярности таких изделий приходится на римское время, особенно на III в. н.э.³. Символика изображения на перстне или вставке как правило была связана с владельцем. Одна из таких камей, служившая вставкой перстня, публикуется впервые в настоящей заметке.

В полевом сезоне 2019 г. экспедиция Археологического музея-заповедника «Танаис» под руководством С.М. Ильяшенко исследовала участок некрополя Танаиса (раскоп XXXIII)⁴. В западной части раскопа было вскрыто погребение 103 подбойной конструкции с каменным закладом, ориентированное по оси В–З. В подбое расчищено парное захоронение в гробовищах взрослой женщины и девочки-подростка. В заполнении выше и ниже каменного заклада, обоих гробовищах и вне их обнаружено множество предметов середины II – первой половины III в. н.э. Находка бронзовой лучковой фибулы⁵, относящейся к группе 15, серии I, варианту 4(5), по классификации А.К. Амброза⁶, входившей в состав инвентаря погребения взрослой женщины, позволяет датировать могилу концом II – первой половиной III в. н.э.

В том же погребении, среди фаланг кисти левой руки женщины был найден перстень белого металла⁷ с сердоликовой вставкой-камеей⁸ (рис. 1; 2) в виде юной головки с полными щеками, маленьким носом и большими глазами. Мы полагаем, что это изображение Амура-Эрота или Медузы Горгоны (рис. 2).

Небольшие камеи в виде человеческого лица были популярны в античную эпоху и часто использовались в качестве вставок перстней и украшений другого рода. Некоторое количество подобных камей происходит из раскопок поселений и некрополей на территории Крыма. Так, например, во время раскопок Херсонеса Таврического К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1907 г. в склепе 2265 были найдены золотые парные серьги с камеей из халцедона на щитке и с подвеской-пирамидкой⁹. Камень изображает голову Медузы Горгоны: волосы откинута назад, глаза широко открыты, тонкий нос, полные щеки. Типологически близкие парные золотые серьги со вставками-камьями из белого халцедона, но без подвесок

¹ Неверов 2000, 24–15; Масленников 2011, 264–276; Краснодубец 2017, 128–135.

² Артамонов 1966, 37–39.

³ Molesworth, Henig 2011, 179.

⁴ Ильяшенко 2020.

⁵ Полевая опись, № 89.

⁶ Амброз 1966, 50–51. Определение С.И. Безуглова.

⁷ Кольцо сложное, многосоставное; шинка пластинчатая, сплошная, округлой формы; рант овальный, припаян к верхней части шинки. Каст (размером 15 x 14 мм) овальной формы; по краю рельефный орнамент в виде насечек. Диаметр внешний – 20 мм; внутренний – 17,5 мм. Толщина шинки – 1 мм. Размер камей – 11 x 9 мм.

⁸ Полевая опись, № 92.

⁹ Журавлев, Новикова, Коваленко, Шемаханская 2017, 47–48, кат. 88, табл. 14, 15, 28.

Рис. 1 Перстень с сердоликовой вставкой (фото: Бунин Д.С.).
Fig. 1 Ring with carnelian insert (photo: Bunin D.S.).

Рис. 2 Перстень вид сбоку (фото: Бунин Д.С.; реставрация предмета проведена художником-реставратором Галушко Е.В.).
Fig. 2 Side view of the ring (photo: Bunin D.S.; restoration of the object was carried out by the artist-restorer Galushko E.V.).

происходят из херсонесского погребения 14, открытого Р.Х. Лёпером в 1913 г.¹⁰. Эти предметы хранятся в собрании ГИМ, а аналогичные изделия из некрополей Пантикапея и Херсонеса – Государственном Эрмитаже, где серьги и отдельные вставки с рельефными изображениями Медузы составляют значительную часть музейной коллекции античных камней¹¹. Примечательно, что на этих изображениях Медузы отсутствуют крылышки и змеи у лица, характерные для ее образа на других изделиях¹². Традиционно изображения Медузы на камнях из некрополей городов Северного Причерноморья относят к III в. н.э. Важно отметить, что все перечисленные изделия изготовлены из сардоникса, в то время как публикуемая танаисская камея – из сердолика.

Сердоликовые камни подобного типа хорошо известны. Например, в собрание ГЭ входит происходящий с территории Восточного Средиземноморья перстень I в. до н. э. – I в. н.э. с сердоликовой камеей в форме головы ребенка. Камея аналогична танаисской находке: широко открытые глаза, небольшие рот и нос, полные щеки, волосы зачесаны по бокам к ушам. Обращает на себя внимание косичка в месте пробора. Подобные камейные изображения ребенка трактуются как портреты Птолемея Филадельфа в образе Эрота и рассматриваются в качестве средства политической пропаганды¹³.

¹⁰ Журавлев, Новикова, Коваленко, Шемаханская 2017, 57, кат. 90, табл. 14; 15; 29.

¹¹ Неверов 1988, 127–137.

¹² Неверов 1988, 133–137, № 325–352.

¹³ Арсентьева, Горская 2019, 94.

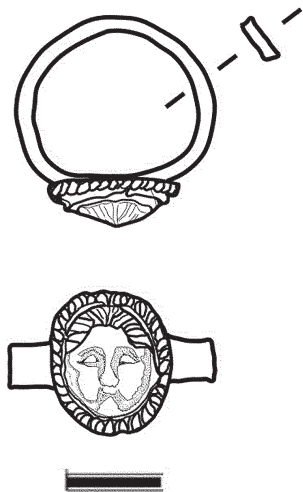

Рис. 3 Прорисовка перстня (рисунок выполнен Пресновой Н.Н.).
Fig. 3 Drawing of the ring (drawing by Presnova N.N.).

Подобные камеи в форме головы Амура-Эрота – не редкость. О.Я. Неверов в каталоге «Античные камеи в собрании Эрмитажа» (1988) учитывает 13 изделий из сердолика, которые датируются I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁴. Исследователь полагает, что камеи такого типа представляют портреты детей Клеопатры VII от браков с Цезарем и Антонием, либо юных Юлиев-Клавдиев¹⁵. Сердоликовые камеи-«Эроты» нередко встречаются в Северном Причерноморье. Собрание ГИМ включает золотую подвеску с сердоликовой вставкой-камеей в виде головки Эрота из склепа 2255 некрополя Херсонеса, датируемую I–III вв. н.э.¹⁶. Однако не все известные камеи в форме головы Эрота выполнены из сердолика. Так, например, эрмитажный золотой перстень из раскопок некрополя Херсонеса (склеп № 1013) в 1899 г. имеет вставку из желтого прозрачного стекла, повторяющую иконографию сердоликовых камей, но он датируется II в. н.э. По определению О.Я. Неверова, подобные этого времени камеи представляют изображения Анния Вера, сына Марка Аврелия¹⁷.

Камеи в виде детской головы, по-видимому, изначально использовались в качестве средства пропаганды культа членов династии Птолемеев, а позднее – римских императоров, унаследовавших эллинистические традиции, на что указывает тиражирование подобных изделий. Часть их происходит из Пантикапея и Херсонеса¹⁸, что, на наш взгляд, объясняет распространение подобных изделий в Северном Причерноморье политическими контактами региона с Римом. Местное население могло использовать подобные геммы в качестве оберегов, подобно тем, что изображали Эрота и Медузу. В классический и раннеэллинистический периоды ограниченный репертуар изображений использовался в качестве традиционных амулетов-филактериев для отражения зла или болезней: фаллос, фронтальный глаз, голова Медузы¹⁹. В первые века н.э. растет число таких оберегов, причем изображения Медузы на камнях из оникса и стекла наиболее часты во всем античном мире²⁰. В I–III вв. н.э. изображения Медузы и Амура-Эрота являются одними из самых популярных сюжетов для римских камей. Круглая форма вставок в виде голов Медузы или Амура прекрасно подходила для изготовления роскошных украшений²¹. Считалось, что изображение Горгоны способно оградить человека от зла как при жизни, так и защитить его в загробном мире, а образ

¹⁴ Неверов 1988, 43–45, 73–74.

¹⁵ Неверов 1988, 43, № 18.

¹⁶ Неверов 1988, 75–76, кат. 130, табл. 39; 40; 43.

¹⁷ Неверов 1988, 153.

¹⁸ Неверов 1988, 43–45, 73–74.

¹⁹ Faraone 2011, 60.

²⁰ Riha 1990, 48, 128, Taf. 5 (64, 65).

²¹ Peleg-Barkat, Tepper 2011, 100.

Эрота олицетворял любовь и скорбь об умершем. Такие небольшие камеи могли выступать и в качестве любовных даров и символов привязанности²². На геммах нередко изображались не только головка Эрота-Амура, но и его фигура по грудь или в полный рост; все вставки с таким сюжетом также датируются первыми веками н.э.²³.

Однако из-за разнообразия материалов и общепринятой иконографии трудно установить место изготовления камей. Некоторые из них снабжены легендами на греческом языке, реже латыни, что свидетельствует об изготовлении этих изделий в грекоязычных провинциях²⁴.

Подводя итоги, отметим, что сердоликовая вставка из Танаиса изображает, скорее всего, голову Эрота, чем Медузы. Особенности иконографии и материал, из которого изготовлены аналогичные предметы в коллекциях ГИМ и ГЭ, позволяют отнести изделие к I–II вв. н.э. Публикуемая камея, по-видимому, была создана в русле официальной пропаганды культа императорской династии, но в Танаисе перстень с резным камнем в виде детского портрета – члена императорской семьи – мог служить подарком владелице или ее оберегом.

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз, А.К. 1966: *Фибулы юга европейской части СССР*. М. (САИ Д1–30).
- Артамонов, М.И. 1966: *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*. Прага–Л.
- Арсентьева, Е.И., Горская, О.В. 2019: *Античные ювелирные изделия из частных собраний. Кольца и перстни. Каталог коллекции*. СПб.
- Журавлев, Д.В., Новикова, Е.Ю., Коваленко, С.А., Шемаханская, М.С. 2017: *Золото Херсонеса Таврического (Ювелирные изделия из собрания Государственного исторического музея)*. М.
- Краснодубец, Е.М. 2017: Оттиски личных печатей и метки на керамических изделиях из раскопок в районе Античного театра Херсонеса Таврического. В сб.: А. В. Зайков, Д.А. Костромичев, Е.С. Лесной (ред.), *Античные Реликвии Херсонеса: Открытия, Находки, Теории. Материалы научной конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года*. Севастополь, 128–135.
- Масленников, А.А. 2011: Оттиски перстней-печатей и другие анэпиграфные клейма на некоторых типах керамики из раскопок сельских поселений Крымского Приазовья. *ПИФК* 4, 264–276.
- Неверов, О.Я. 1988: *Античные камеи в собрании Эрмитажа. Иллюстрированный каталог*. М.
- Неверов, О.Я. 2000: Оттиски печатей на керамических изделиях из Северного Причерноморья. В сб.: С.Л. Соловьев (ред.-сост.), *Античное Причерноморье*. СПб., 24–45.
- Faraone, C. A. 2011: Text, Image and Medium. The Evolution of Graeco-Roman Magical Gemstones. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *“Gems of Heaven”: Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 50–62.
- Molesworth, H., Henig, M. 2011: Love and Passion. Personal Cameos in Late Antiquity from the Content Collection. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *“Gems of Heaven”: Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 179–186.

²² Molesworth, Henig 2011, 180.

²³ Spier 1992, 97.

²⁴ Molesworth, Henig 2011, 179–180.

- Peleg-Barkat, O., Tepper, Y. 2011: Engraved Gems from Sites with a Military Presence in Roman Palestine. The cases of Legio and Aelia Capitolina. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *"Gems of Heaven": Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 99–105.
- Riha, E. 1990: *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst und Kaiseraugst*. Augst. (Forschungen in Augst. Bd. 10).
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu–California.

REFERENCES

- Ambroz, A.K. 1966: *Fibuly Yuga Evropeyskoy chasti SSSR [Fibulae of the South of the European part of the USSR]*. (Svod arheologicheskikh istochnikov [Corpus of Archaeological Sources D1–30]) Moscow.
- Arsentyeva, E.I., Gorskaya, O.V. 2019: *Antichnye yuvelirnye izdeliya iz chastnykh sobraniy. Kol'tsa i perstni. Katalog kollektsii [Antique jewelry from private collections. Rings. Catalogue]*. Saint Petersburg
- Artamonov, M.I. 1966: *Sokrovishcha skifskikh kurganov v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha [Treasures of the Scythian burial mounds in the collection of the State Hermitage]*. Prague–Leningrad.
- Faraone, C. A. 2011: Text, Image and Medium. The Evolution of Graeco-Roman Magical Gemstones. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *"Gems of Heaven": Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 50–62
- Krasnodubets, E.M. 2017: Ottiski lichnykh pechatey i metki na keramicheskikh izdeliyakh iz raskopok v rayone antichnogo teatra Khersonesa Tavricheskogo [Impressions of personal seals and marks on pottery from excavations in the area of the ancient theater in Taurian Chersonesus]. In: *Antichnye relikvii Khersonesa: Otkrytiya, Nahodki, Teorii [Ancient relics of Chersonese: Discoveries, Finds, Theories]*, 128–135.
- Maslennikov, A. A. 2011: Ottiski perstney-pechatey i drugie anepigrafnye kleyma na nekotorykh tipakh keramiki iz raskopok sel'skikh poseleniy Krymskogo Priazov'ya. [Signet-ring impressions and other anepigraphic stamps on pottery from the rural settlement excavations in the Crimean Azov region] *Problemy istorii filologii, kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4, 264–276.
- Molesworth, H., Henig, M. 2011: Love and Passion. Personal Cameos in Late Antiquity from the Content Collection. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *"Gems of Heaven": Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 179–186.
- Neverov, O.Ya. 1988: *Antichnye kamei v sobranii Ermitazha. Ilyustrirovannyj katalog [Antique cameos in the Hermitage collection. Illustrated catalogue]*. Moscow.
- Neverov, O.Ya. 2000: Ottiski pechatey na keramicheskikh izdeliyakh iz Severnogo Prichernomor'ya [Impressions of seals on pottery from the Northern Black Sea region]. *Antichnoe Prichernomor'e [Ancient Black Sea region]*, 24–45.
- Peleg-Barkat, O., Tepper, Y. 2011: Engraved Gems from Sites with a Military Presence in Roman Palestine. The cases of Legio and Aelia Capitolina. In: Ch. Entwistle, N. Adams (eds.), *"Gems of Heaven": Recent Research on Engraved Gemstones in Late Antiquity, c. AD 200–600*. London, 99–105.
- Riha, E. 1990: *Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. Forschungen in Augst und Kaiseraugst*. Augst. (Forschungen in Augst. Bd. 10).
- Spier, J. 1992: *Ancient Gems and Finger Rings: Catalogue of the Collections of the J. Paul Getty Museum*. Malibu–California.
- Zhuravlev, D.V., Novikova, E.Yu., Kovalenko, S.A., Shemahanskaya, M.S. 2017: *Zoloto Khersonesa Tavricheskogo (Yuvelirnye izdeliya iz sobraniya Gosudarstvennogo*

istoricheskogo muzeya) [Gold of Taurian Chersonesus (Jewelry in the State Historical Museum)]. Moscow.

CAMEO FROM THE TANAIS NECROPOLIS

Victoria G. Chernenko¹, Sergey M. Ilyashenko², Lyudmila O. Bazilevich³

¹*State Historical Museum, Moscow, Russia*

²*Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

³*The Vladimir-Suzdal Museum-Reserve, Vladimir, Russia*

¹ *E-mail:* victoriagent.chernenko@gmail.com ² *E-mail:* silyas@list.ru

³ *E-mail:* ludmila.basilevich@gmail.com

Abstract. The article publishes for the first time a small carnelian cameo made in the form of the head of a young woman or child, found during excavations of the Tanais necropolis in 2019. From the 3rd c. BC cameos are gaining wide popularity among various segments of the population of the ancient ecumene. Such engraved stones served as inserts in rings, earrings and brooches. A significant part of the cameos are small heads of Eros-Amur and Medusa Gorgon made of carnelian or sardonyx. Similar items are found in the layers of the sites of the Northern Black Sea region, in particular the Crimea and Taman Peninsula. The authors of the article date the cameo from Tanais to the 1st/2nd centuries AD and attribute the image as a portrait of a young member of the imperial house in the image of Eros. Such small cameos could be gifts as symbols of love and affection, since Eros acted as the personification of love. O.Ya. Neverov suggested that small stone inserts in rings in the form of a child's head could be a means of promoting the cult of the Ptolemaic dynasty, and later the Roman emperors who inherited Hellenistic traditions. Such cameos were images of the children of Cleopatra VII, and later of the imperial heirs in the form of Horus-Eros.

Keywords: Northern Black Sea region, Tanais, Taurian Chersonesus, Panticapaeum, cameo, glyptics

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 92–107
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 92–107
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-92–107

ВНОВЬ К «СПОРАМ ОБ ЭЛЛИНИЗМЕ»

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация. В свое время автору доводилось писать о предэллинизме в греческом мире IV в. до н.э., и в связи с этим он изложил свое понимание эллинизма как такового. Высказанные нами тогда соображения вскоре получили в литературе отклик, – в частности, со стороны А.С. Балахванцева. В данной статье мы отвечаем нашему оппоненту, развивая некоторые положения своей концепции. При ряде пунктов несогласия нам представляется интересным предложение коллеги считать эллинизм (поскольку он связан с эллинизацией) феноменом только истории Востока. В таком случае тот же период применительно к истории греческого мира должен получить иное название. И тут может оказаться подходящим предлагавшийся нами и ранее термин «постклассика».

Ключевые слова: эллинизм, Греция, Восток, полис, гражданский коллектив, греко-восточный синтез, цивилизация, постклассика

Высказанные нами в свое время¹ суждения об эллинизме продолжают вызывать отклики коллег. В недавней статье по той же тематике² мы посылно ответили на возражения О.Л. Габелко³ и И.А. Ладынина⁴ (с последним, впрочем, мы во многом являемся единомышленниками). Но необходимость соблюдать лимит объема не позволила нам рассмотреть там же и критику со стороны А.С. Балахванцева⁵. Теперь нам представляется уместным сделать и это.

Наши разногласия с вышеупомянутым исследователем начинаются уже с коренных общемировоззренческих вопросов. Уважаемый оппонент пишет: «Взгля-

Данные об авторе: Игорь Евгеньевич Суриков – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ.

¹ Суриков 2014, 96–117; Суриков 2015, 19–68.

² Суриков 2022.

³ Габелко 2018.

⁴ Ладынин 2018.

⁵ Балахванцев 2020.

ды И.Е. Сурикова вполне логично вытекают из его общего подхода к истории и историческому факту и, в конечном счете, объясняются исповедуемым автором историческим идеализмом»⁶. Будь на дворе советские времена с присущей им монополией «единственно верного» марксистского, материалистического учения – далее непременно последовало бы продолжение в том духе, что к Сурикову за подобный «уклонизм» следовало бы применить оргвыводы. Риторiku подобного рода – дескать, другой ученый стоит на «неправильных», «чуждых» идеологических позициях – как-то даже не ожидаешь встретить в наши дни.

Будучи знаком с Арчилом Савеличем со студенческих лет, автор этих строк хорошо знает, что он уже тогда был убежденным марксистом – и, как ясно, таким и остался⁷. На то его полное право, равно как и наше полное право – придерживаться иного мнения. А мнение это действительно можно сформулировать так, как мы уже делали: «Мы глубоко убеждены... в том, что в действительности сознание определяет социальное бытие, а не наоборот. Вначале происходит “революция в умах”, а потом уже в результате этого изменяются общественные условия»⁸.

В идеалистических концепциях нам импонирует, помимо прочего, и то, что они достаточно многочисленны и разнообразны, а это уже хорошее противоядие против догматизма. Из них нам близка, в частности, та, которую развивал Г. Риккерт⁹, противопоставлявший «науки о природе» и «науки о культуре» (хотя сказанное не означает, что мы безоговорочно придерживаемся точки зрения Риккерта; нам ближе формулировка М. Вебера, см. ниже). Это верно уловил А.С. Балахванцев, замечая по данному поводу: «Сторонники такого подхода объявляют все исторические реалии уникальными и единичными, а историю, как и другие гуманитарные науки, относят к числу идеографических¹⁰ (описательных)... Убедительную критику этого направления дал еще С.Л. Утченко»¹¹.

Однако в указанной здесь работе С.Л. Утченко¹² критика соответствующих взглядов ведется с сугубо марксистских позиций, что специально оговаривает и сам ее автор¹³. Соответственно, она и может быть убедительной только в рамках марксистского дискурса, а для тех, кто находится вне его, она никакой силы не имеет. Да и в целом если мы скажем, что «Утченко опроверг Риккерта», то это

⁶ Балахванцев 2020, 24.

⁷ В связи с тем, что мы в вышеупомянутой статье (Суриков 2022, 53) высказали полемические суждения против марксистских воззрений, А.М. Сморгков, выступивший в роли внутреннего рецензента статьи, выразил в своем отзыве сомнение в необходимости такой полемики: она, дескать, неактуальна, поскольку на позициях марксизма ныне у нас уже никто из антиковедов не стоит. Как можно убедиться, это не так.

⁸ Суриков 2022, 53. Добавим несколько слов к сказанному в этой цитате. Одно из двух: либо исторический процесс творится людьми, их действиями (но действию предшествует в качестве причины намерение, так что первичны разум и воля – вещи нематериальные), либо он творится не людьми. Стало быть, какими-то силами, высшими по отношению к людям и от людей не зависящими. Но признание таких сил – свойство религиозного мировоззрения.

⁹ См. в русском переводе: Риккерт 1998.

¹⁰ Sic! Нужно – «идеографических».

¹¹ Балахванцев 2020, 24.

¹² Утченко 1998. Следует сказать, что эту свою работу (текст доклада) Сергей Львович явно не относил к числу особенно важных и даже не опубликовал ее. Она была обнаружена в его архиве и увидела свет много лет спустя после смерти ее автора.

¹³ Утченко 1998, 7: «Какова же должна быть по этим вопросам позиция историка-марксиста?».

прозвучит как «Лысенко опроверг Моргана» или, скажем, «Данилевский опроверг Дарвина» – не вполне сопоставимы масштабы фигур.

Как же исторические реалии не уникальны и не единичны? В мире физических явлений возможно (и обязательно!) полное повторение ситуаций. Так, одна и та же химическая реакция, проводимая при одних и тех же условиях, неизбежно даст в точности один и тот же результат и в десятый, и в сотый, и в миллионный раз. Но известен ли хоть один случай полного повторения ситуаций в истории? Думается, вопрос этот – риторический: однозначно можно утверждать, что таких случаев не было.

Впрочем, причисляя нас к ортодоксальным «риккертIANцам», полностью отрицающим элементы закономерного в истории, А.С. Балахванцев допускает упрощающее утрирование. Наша позиция на самом деле сложнее; в свое время мы формулировали ее так (просим у читателя прощения за самоцитирование, но здесь оно необходимо): «В отличие, скажем, от физики, где все процессы повторяются в одной и той же форме, следуя неизменным законам природы (например, любое тело, находящееся в состоянии свободного падения, всегда приобретает строго одинаковое ускорение), о столь же неизменных «законах истории» говорить не приходится. Разумеется, нельзя отрицать, что какие-то закономерности присутствуют (возможно, корректнее было бы называть их тенденциями), однако же в исторической жизни ничто и никогда не повторяется с полной точностью. В этом плане история – в принципе область феноменального»¹⁴.

А теперь для сравнения приведем характеристику подхода М. Вебера, даваемую самим С.Л. Утченко: «Один из наиболее известных учеников Риккерта – Макс Вебер – хоть и не признавал для истории законов такого типа, как “законы природы” (Naturgesetze), но все же считал возможным говорить о неких правилах (Regeln), которые могут помочь выделить (freilegen) то или иное событие в сплетении его причин и следствий»¹⁵. Нетрудно заметить, сравнив данные выше цитаты, что великий Вебер и скромный автор этих строк (которому не стыдно быть единомышленником такого корифея) говорят, в общем-то, об одном и том же, разве что пользуясь несколько отличающейся лексикой: у Вебера – «правила», у нас – «тенденции». Закономерности, о которых идет речь, настолько сложны (еще бы, ведь человеческое общество, в котором они действуют, и само является суперсложной системой; точнее, уже каждый человек как личность – суперсложная система, так что же говорить об обществе, состоящем из массы самых разнообразных личностей?), что пока еще отнюдь не постигнуты в полной мере историками, и вряд ли это произойдет в ближайшем будущем.

Обратимся теперь к вопросам более конкретным и ближе связанным непосредственно с эллинистической проблематикой. А.С. Балахванцев так характеризует нашу точку зрения: «Первое, что сразу обращает на себя внимание: противопоставление эллинизма полисному этапу практически превращает первый в этап бесполисный»¹⁶. Вновь налицо утрирование наших взглядов. Никто в здравом уме не будет заявлять, что в период эллинизма не было полисов: естественно, не только сохранялись почти все старые, но и появлялись новые, основываемые раз-

¹⁴ Суриков 2014, 78.

¹⁵ Утченко 1998, 5.

¹⁶ Балахванцев 2020, 24.

личными монархами на Востоке. Однако весьма существенным нюансом является то, что греческие полисы в это время в большинстве своем уже не являлись независимыми государствами. Те, которые возникали на территории царств, таковыми и не мыслились, они изначально подчинялись царям; но и многие из тех, которые ранее были суверенными, теперь этот суверенитет утратили – юридически или по меньшей мере фактически¹⁷.

Конечно, нам всегда могут сказать в ответ (и говорили), что существовал же, например, полис Родос, который и сохранял независимость, и даже процветал. Но был ли эллинистический Родос типичным случаем? Конечно же, нет. Этот феномен сложился в результате неповторимого сочетания ряда совершенно конкретных обстоятельств. А исключения если и не подтверждают правило, как часто выражаются, то уж, во всяком случае, и не отменяют правила. Нас интересуют ситуации, соответствующие общим тенденциям эпохи, а не лежащие в стороне от них.

Итак, мы выходим на действительно принципиальную проблему: следует ли считать суверенитет, политическую независимость интегральным признаком полиса? Единства мнений среди антиковедов в данном отношении нет. Такой выдающийся специалист по полисной тематике, как М. Хансен, считает: «Город-государство [имеется в виду полис – *И.С.*] – это самоуправляющееся государство, но не обязательно независимое»¹⁸. Но можно ли вообще называть *государством* политическую единицу, которая не является независимой? Нет ли тут противоречия в определении? Так ведь можно и аттические демы назвать государствами: в каждом из них имелись органы управления, которые копировали соответствующие полисные органы¹⁹ (вплоть до народного собрания демонов). Но считать их органами *государственной власти*, а демы (и схожие с ними образования) – государствами можно, думается нам, только в том случае, если исходить из какого-то совсем уж расширительного (и тем самым не имеющего существенной эвристической ценности) понимания государства²⁰.

Нашу же позицию по рассматриваемому вопросу А.С. Балахванцев определяет следующим образом: «И.Е. Суриков, вслед за Э.Д. Фроловым, воспринимает полис не иначе как суверенное государство»²¹. И далее приводит примеры (за ними далеко ходить не надо, они всем хорошо известны) полисов, которые уже в доэллинистические времена не обладали независимостью, поскольку были подчинены какой-либо внешней силой.

Ранее и О.Л. Габелко указывал нам на аналогичные обстоятельства – «и власть персидских царей, и господство варварских династий»²², – напоминая и

¹⁷ Так, Афины при Деметрии Фалерском (317–307 гг. до н.э.) вроде бы функционировали как полноценный полис: работали основные органы власти, принимались законы и т.п. Однако все прекрасно понимали, что существует высшая инстанция – Кассандр, за которым всегда останется последнее слово. См. к вопросу Saldutti 2022.

¹⁸ Hansen 2006, 12.

¹⁹ Суриков 2021, 18.

²⁰ Тут нужно еще оговорить, что английский термин «state», которым, естественно, пользуется Хансен в своей англоязычной работе, не подразумевает обязательной политической независимости, таким образом, отличается по своему семантическому полю от русского термина «государство». Ср. штаты (states) как составные части США.

²¹ Балахванцев 2020, 24.

²² Габелко 2018, 185.

о тирании, которая тоже ведь противоречила политическому суверенитету гражданского коллектива. Что мы тогда ответили этому ученому, то же самое в полной мере можно повторить и здесь: «Все это было, но в том-то и дело, что в полисный период подобные ситуации воспринимались как грубейшее отклонение от нормы, как то, чего быть не должно. Тиранов свергали, от чужеземного владычества пытались избавиться, в случае утраты политического суверенитета боролись за его восстановление. А вот во времена эллинизма греки послушно склонились перед новыми реалиями и уже не пытались что-то принципиально изменить, довольствуясь симулякрами, такими, как “дружба” эллинистических владык»²³.

Да, не всякому полису была свойственна независимость. Но независимость, с нашей точки зрения, является интегральным признаком нормального, полноценного полиса, так сказать, здорового полиса. А отсутствие этого признака является собой, таким образом, болезнь (считаем вполне возможным говорить о болезнях применительно к социальным организмам, равно как и к физическим). И этим снимаются возражения А.С. Балахванцева. Следует ли назвать, скажем, наличие двух рук интегральным признаком человека? Полагаем, что да, хотя встречаются люди и однорукие, и вовсе безрукие. Ведь при определении любого феномена имеется в виду норма, а не отклонение. Иначе придется давать определение в духе «человек есть живое существо, имеющее четыре конечности, или три, или две, или одну, или ни одной», и это доведет нас до полного абсурда.

А.С. Балахванцев задает вопрос, который, очевидно, представляется ему риторическим: «Спрашивается: неужели подчинение полиса внешней силе превращало его в нечто качественно иное? Если да, то хотелось бы знать, во что?»²⁴. Наш ответ: в неполноценный полис, в больной полис. В крайних случаях – в труп полиса.

Еще одна цитата из статьи нашего оппонента. «Как показывает история архавики и классики, олигархия, да и тирания, вполне сочетаются с полисным устройством. Хрестоматийный пример – Спарта. Неужели она не полис?»²⁵. Стремясь уличить нас в непоследовательности и противоречиях, в «избирательном подходе к источникам»²⁶, А.С. Балахванцев сам допускает ненужное сближение и едва ли не смешение совершенно разных состояний полисной государственности. В связи с олигархией вообще никаких проблем не возникает. Олигархия – точно такой же нормальный тип полисного устройства, как и демократия, ни в малейшей мере не отклонение. Олигархические полисы в греческом мире были, пожалуй, многочисленнее, чем демократические, так что это тип даже более распространенный. Спарта, кстати, фигурирует как олигархия только в некоторой части литературы (в основном марксистской, да и то скорее не собственно исследовательской, а учебной, где неизбежна некоторая схематизация²⁷). В самой античности спартанский полис не воспринимался как олигархический. Для Аристотеля, так любившего все классифицировать, все «раскладывать по полочкам», Спарта представляла собой проблему, которую великий мыслитель (в «Политике») решил тем, что отнес это государство к редкой категории «смешанного государственного устройства».

²³ Суриков 2022, 53.

²⁴ Балахванцев 2020, 24.

²⁵ Балахванцев 2020, 24.

²⁶ Балахванцев 2020, 24.

²⁷ Например: Кузищин 1986.

Спарта – не только не «не-полис», но один из самых ярких примеров полиса. В ней нет абсолютно ничего, что не соответствовало бы принципам полисной государственности в самом строгом их применении. В частности, принцип суверенитета гражданского коллектива был сформулирован в ней раньше, чем где-либо в Элладе. Уже в Великой ретре Ликурга стояли знаменательные слова: «Господство и сила да принадлежит народу» (Plut. Lycurg. 6).

А вот тирания (она тоже упомянута А.С. Балахванцевым как режим, вполне сочетающийся с полисным устройством) – это совсем иное дело. Она являет собой несомненное отклонение от базовых полисных принципов. И в то же время тирании в греческих полисах регулярно возникали. Сочетается ли тирания с полисным устройством? Воспользуемся метафорой, к которой мы уже прибегали выше, и построим вопрос «по аналогии»: сочетается ли болезнь с человеческим организмом? Совместима ли она с ним? Надо полагать, что ответ будет положительным: очень мало людей могут сказать о себе, что они никогда не болели. Но означает ли это, что мы должны внести болезнь в число интегральных признаков нормального человеческого организма? Разумеется, нет. Она тоже являет собой именно отклонение, а здоровье – норму. Так и с полисами: утрата суверенитета (является ли виновником ее внешняя сила или тиран) – отклонение, болезнь. Заболевший организм стремится вернуться к норме, к здоровью; закономерно, что тирании, как правило, были недолговечны. Может быть, мы несколько многословно формулируем этот тезис, даже прибегая к самоповторам, – просто нам хочется сделать нашу точку зрения как можно более ясной.

Неизбежно придется выходить на одно из ключевых утверждений, высказанных нами, причем особенно часто подвергавшееся критике со стороны тех, кто с нами не согласен. Речь идет о переходе «от гражданина к подданному» в социальной психологии, свершавшемся на протяжении IV в. до н.э., в переходную эпоху, а в эллинистический период дошедшем до логического предела; «на выходе» имеем откровенный сервизм. А.С. Балахванцев замечает, что сервизм подобного рода не был для греков чем-то новым и вспоминает в данной связи «о проявлениях коллаборационизма Фессалии, Беотии, Эгины, Аргоса и других областей и полисов Эллады в эпоху греко-персидских войн, политическую верхушку которых не покоробило выразить покорность Ахеменидам»²⁸.

Здесь необходимо внести некоторые уточнения. Аргос, строго говоря, не перешел на сторону Персии, а оставался нейтральным, не вступив в состав Эллинского союза. Поведение этого государства обуславливалось прежде всего тем, что вождем Эллинского союза являлась Спарта – злейший враг Аргоса на протяжении многих веков, чьему главенству аргосцы не подчинились бы ни при каких обстоятельствах. Собственно, Геродот прямо пишет, что власти Аргоса в ответ на приглашение в союз заявили, что войдут в него, если их полису в нем будет предоставлена гегемония на равных правах со спартанским. Им, естественно, было отказано, и, резюмирует «отец истории», «по словам аргосцев, они не могли вынести высокомерия спартанцев и предпочли скорее подчиниться варварам, чем уступить лакедемонянам» (Herod. VII. 149).

²⁸ Балахванцев 2020, 25.

Далее, Эгина была членом Эллинского союза, ее корабли сражались и при Артемисии, и при Платеях. О Беотии как изменнической области нельзя говорить обобщенно: Феспии и Платеи воевали на стороне греков. «Мидизм» беотийцев бросается в глаза прежде всего потому, что крайняя олигархия, правившая тогда в Фивах, крупнейшем беотийском центре, проявила это персофильство в наиболее демонстративной форме. Из-за этого, как известно, планировалось даже разорить Фивы; город был пощажен, но еще долго на нем лежало в глазах прочих греков позорное пятно предательства, о котором фиванцам напоминали при всяком удобном случае. Уже это показывает, что тогда сервизм еще решительно осуждался, а вот позже его стали воспринимать как нечто вполне допустимое.

А.С. Балахванцев констатирует, что для эллинистического полиса характерна «большая открытость гражданского коллектива, в который теперь входят – причем в обычной, а не чрезвычайной ситуации – и не греки... Эта черта была абсолютно несвойственна полисам архаического и классического времени, когда города оставались всецело греческими и стремились сохранить замкнутость гражданства»²⁹. Приведем еще другой отмечаемый им факт, который, по мнению ученого, тоже противоречит нашим представлениям о превращении граждан в подданных: «... на протяжении IV–II вв. до н.э. резко сокращается число бесправных пенестов в Фессалии и илотов в Спарте, причем значительная часть последних получает гражданские права»³⁰.

Наблюдения сами по себе совершенно верные, но о чем они свидетельствуют? Именно о том, о чем мы писали еще в работах, указанных в прим. 1, – о девальвации самого понятия гражданства: охотнее делятся тем, что меньше ценят. Девальвировалось же оно потому, что само гражданство все больше утрачивало свое реальное наполнение, превращалось в фикцию. В связи с этим, по сути, фикцией в период эллинизма стала и афинская демократия, под ее названием фактически скрывалась олигархия.

А.С. Балахванцев не согласен и с этим, он полагает, что в эллинистических Афинах наличествовала умеренная демократия, а иное положение дел, дескать, существует лишь «в понимании автора [этих строк – *И.С.*]»³¹. Он апеллирует при этом к авторитету Х. Хабихта³²; в том месте, на которое дается ссылка, этот немецкий исследователь употребляют формулировку «полусвободная демократия», причем применительно, подчеркнем, к одной конкретной ситуации – положению дел в афинском полисе в те времена, когда там пребывал «живой бог» Деметрий Полиоркет. Этот последний всем в государстве и распоряжался, верховная власть реально находилась в его руках; трудно представить, чтобы подобные условия были подходящими для функционирования полноценной демократии.

Когда прекратило существование демократическое устройство в Афинах? Даже если мы пойдем на уступки и примем самую позднюю из предлагавшихся датировок этого события (Б. Дрейер – ок. 260 г. до н.э.³³), – все равно перед нами предстанет та же динамика: если не с самого начала эллинизма, то спустя неко-

²⁹ Балахванцев 2020, 26.

³⁰ Балахванцев 2020, 24.

³¹ Балахванцев 2020, 24–25.

³² Хабиht 1999, 72–77.

³³ Dreyer 2001.

торое время демократия перерождается в олигархию, называющую себя демократией. Аналогичная картина и в других полисных республиках, которые остались (относительно) независимыми. Понятие демократии продолжает использоваться, но лишь в своем самом минималистском значении – оно теперь, как определяет О.Л. Габелко, «практически синонимично политической независимости»³⁴, и не более того.

«...Изучение практики взаимоотношений Ахейского союза и монархии Антигонидов показывает, что даже наличие регулярно проводившегося празднества в честь Антигона Досона и личные связи с царским домом не позволяют утверждать о превращении ахейской политической элиты в раболепствующих “подданных”. Все это вместе взятое убедительно доказывает, что всерьез говорить об исчезновении полиса при эллинизме не приходится», – пишет А.С. Балахванцев³⁵. Мы, напомним, никогда и не утверждали (это было бы нелепостью), что в эллинистическое время полис исчез; не самый корректный прием в споре – передать тезис, с которым полемизируешь, в искаженном виде. Что касается греков Ахейского союза – они действительно, пожалуй, в наименьшей степени из всех тогдашних греков оказались привержены пресловутому «раболепству» и держались, как говорится, до последнего. Но сказать, что их совсем не коснулся сам рассматривавшийся нами процесс движения «от гражданина к подданному», тоже вряд ли можно, о чем свидетельствует хотя бы то же учреждение празднества в честь Досона. Ведь оно говорит, что Досон был ахейцами сакрализован, стал предметом культа. А сакрализация и культ живых индивидов ведут начало со времен предэллинизма³⁶, когда процесс, о котором идет речь, как раз был запущен и расцвел пышным цветом при эллинизме.

Ответим теперь на следующее замечание, которое делает нам А.С. Балахванцев: «Второе уязвимое место в концепции И.Е. Сурикова – это восприятие им эллинизма в качестве этапа только древнегреческой истории»³⁷. Но тут имеет место не какая-либо ошибка или недосмотр с нашей стороны, а сознательно взятый ракурс. Да, мы рассматривали эллинизм как период истории античной Греции: в работах, в которых это делалось, в связи с их тематикой был необходим и неизбежен именно такой угол зрения, а не какой-либо иной. Эллинистическим Востоком нам никогда не доводилось специально заниматься и вряд ли когда-нибудь доведется; что же касается эллинизма в Греции (включая Македонию), он ведь действительно является периодом именно древнегреческой истории³⁸. Только в этих географических рамках (имеем в виду греческий мир в широком смысле, включая колонизованные регионы) интересовал нас феномен эллинизма, и, соответствен-

³⁴ Габелко 2018, 187.

³⁵ Балахванцев 2020, 25.

³⁶ Первый случай – Лисандр (Muccioli 2005; Beck-Schachter 2016). М. Флауэр в интересной статье (Flower 1988) высказал представляющиеся нам убедительными соображения относительно того, почему это явление не получило сразу же продолжения и дальнейшего развития, отсрочившегося на несколько десятилетий (следующий случай – Филипп II): когда вскоре стали предприниматься попытки аналогичной сакрализации Агесилая Великого, последний в пике Лисандру решительнейшим образом воспрепятствовал подобным поползновениям.

³⁷ Балахванцев 2020, 25.

³⁸ В то время как эллинизм на Востоке – периодом восточной истории (о том, как понимает сферу распространения эллинизма сам А.С. Балахванцев, см. ниже).

но, наши концептуальные построения никак не обессиливаются указаниями на то, что на Востоке «постулируемого И.Е. Суриковым перехода от гражданина к подданному – из-за отсутствия первого элемента – просто не наблюдалось... Более того, там шел прямо противоположный процесс: часть подданных становились еще и гражданами»³⁹.

Завершает полемику с нами А.С. Балахванцев следующим саркастическим пассажем: «Таким образом, мы можем в очередной раз наблюдать “величайшую трагедию науки: убийство прекрасной гипотезы безобразным фактом”. Впрочем, в данном случае это представляется вполне естественным: пытаться проникнуть в суть эллинизма, руководствуясь рожденной еще в античности теорией “порчи нравов”, пусть и переименованной в “социальную психологию”, – дело заведомо бесперспективное»⁴⁰.

Полагаем, нам удалось показать, что факты («безобразные» или не безобразные – это уж *ad libitum*), наблюдаемые во времена предэллинизма и эллинизма, повторим и подчеркнем, *в греческом мире*, отнюдь не противоречат нашим выкладкам, а, напротив, подтверждают их. Далее, нам непонятно нигилистическое отношение коллеги к такой солидной научной дисциплине, как социальная психология, сводимой им к древней теории «порчи нравов». Последняя (она встречается уже у Геродота) применялась, кстати, не к таким ситуациям, какие рассматривались нами в связи с переходом к эллинизму, а к совсем иным – к крушению империй и его причинам. Соответствующий фактор в разговорном дискурсе часто формулируют так: «предались излишествам и впали в ничтожество». У самого же галикарнасского историка сказано несколько иначе (слова вложены в уста Кира Великого): «Ведь, говорил он, в благодатных странах люди обычно бывают изнеженными и одна и та же страна не может производить удивительные плоды и порождать на свет доблестных воинов. Тогда персы согласились с мнением Кира... Они предпочли, сами владея скудной землей, властвовать над другими народами, чем быть рабами на тучной равнине» (Herod. IX. 122). Много позже нечто подобное имело место и в Римской империи «времени упадка».

Коснемся еще нескольких тезисов, высказываемых в статье А.С. Балахванцева уже не в связи с критикой наших идей, а в рамках его собственных характеристик ряда эллинистических реалий. В частности, «эллинистической монархии, которая хотя и унаследовала определенные институты у своих предшественников (в первую очередь Ахеменидов), значительно отличалась от них в плане большей централизации (лишение сатрапов права содержать наемные войска и чеканить монету, введение царского и династийного культа), опорой не на землевладельческую знать, а на самоуправляющиеся гражданские общины, формированием классов не по этническому принципу»⁴¹.

Касательно большей централизации – это подмечено совершенно верно. Да, эллинистические царства были даже еще в большей степени абсолютными монархиями, чем Ахеменидское, в большей степени «восточными деспотиями». А вот по поводу утверждения о формировании классов не по этническому признаку не

³⁹ Балахванцев 2020, 25.

⁴⁰ Балахванцев 2020, 25.

⁴¹ Балахванцев 2020, 26.

можем не заметить: а как же «доминирующий этнокласс»? Эта категория⁴² была введена П. Брианом и прочно получила «права гражданства» в науке. С.В. Смирнов констатирует, что «после падения державы Ахеменидов старый персидский этнокласс перестал занимать доминирующее положение, и ему на смену пришел новый – греко-македонский»⁴³. Что касается опоры монархов не на знать (речь, понятно, идет о местной, негреческой знати), а на гражданские общины, – с этим дело обстоит тоже не вполне так, как пишет А.С. Балахванцев. Возьмем, например, державу Селевкидов (когда хотят установить какие-то характерные черты эллинизма, чаще всего апеллируют к реалиям именно этого государственного образования, поскольку птолемеевский Египет – общество с ярко выраженной уникальной спецификой и поэтому нетипичное, а из «малых царств» каждое тоже по-своему не вполне типично, к тому же о них куда меньше данных). По словам того же С.В. Смирнова, «необходимость союза с местной аристократией была, по сути, залогом существования государства Селевкидов»⁴⁴.

Далее А.С. Балахванцев отмечает факт «сближения греко-македонян и народов Востока»⁴⁵ в период эллинизма. «Сближение» – здесь, пожалуй, не вполне то слово. Сближение каких-то двух начал подразумевает взаимность, двусторонность процесса, движение обеих этих начал навстречу друг другу. Да, именно сближение победителей-эллинов и побежденных «варваров» предполагалось «политикой слияния народов», проводившейся Александром. Однако после его смерти, как известно, эта политика была в основном свернута диадохами и полноценного продолжения не нашла. Нам представляется, что для эллинистической цивилизации корректнее будет говорить об одностороннем движении восточных «варваров» к греческой культуре, о приобщении их к ней, – иными словами, о том, для чего уже давно существует понятный и общепринятый термин «эллинизация». Тяготение местных жителей ко всему эллинскому, кстати, объяснялось не столь обаянием более высокой культуры, как часто выражаются (это критерий современный и субъективный, и самим людям Востока вряд ли культура пришлецов казалась более высокой, чем их собственная), сколько причиной более прагматичной: это была культура пресловутого «доминирующего этнокласса», в который восточные элиты стремились вписаться или хотя бы быть к нему поближе.

Весьма оригинально определение А.С. Балахванцевым географических рамок эллинизма. Здесь не обойтись без довольно пространной цитаты. «...Необходимо признать, что сфера эллинизма охватывала лишь те завоеванные Александром, его полководцами и эллинистическими, прежде всего греко-бактрийскими царями регионы, где реализовывался греко-восточный синтез: Ближний и Средний Восток, Среднюю Азию, а также, возможно, Северо-Западную Индию. Соответственно, в нее нет оснований включать Южную Италию, Сицилию, Эпир, Македонию, полисы и союзы Балканской Греции и Эгеиды, в которых наблюдается явный контину-

⁴² См. о ней: Смирнов 2014 (с историей вопроса).

⁴³ Смирнов 2014, 321. Заметим, что пора бы, пожалуй, уже и отказываться понемногу от ставших привычными словоупотреблений типа «греко-македонский» или «греко-македоняне», так как ныне уже можно считать доказанным, что древние македоняне были ветвью греческого этноса, а не каким-то отдельным народом. В свете этого говорить «греко-македоняне» – это то же самое, что говорить, например, «греко-ионийцы» или «греко-этолийцы».

⁴⁴ Смирнов 2014, 2021.

⁴⁵ Балахванцев 2020, 27.

итет с классической эпохой. Понимание эллинизма как конкретно-исторического явления, *принадлежащего истории Древнего Востока* [курсив наш – И.С.], очень хорошо соответствует самого термину. Слово Ἑλληνισμός означает “подражание греческому” и может без внутреннего противоречия применяться лишь по отношению к негреческим регионам и этносам, но не к самой Элладе»⁴⁶.

Прочитав эти строки, мы вначале, признаться, были сильно озадачены. Казалось бы, возражение напрашивалось само собой: если эллинизм как период имел место только на Востоке, что же тогда было в это время в греческом мире? Как это проводить по «ведомству периодизации»? Мы, историки, привыкли оперировать периодами. Они наличествуют в любом вузовском и, наверное, даже школьном учебнике, причем обязательно датируются. В одних случаях приблизительно (например, «архаический период – VIII–VI вв. до н.э.»), в других предлагается точность даже до года. Так, за начало классического периода принимаются либо основание афинской демократии Клисфеном в 507 г. до н.э., либо начало Греко-персидских войн в 500 г. до н.э., либо отражение вторжения персов в 480–479 гг. до н.э. (в западной литературе именно этот вариант наиболее распространен).

За конец того же классического периода и, соответственно, за начало следующего, эллинистического, принимают либо битву при Херонее (338 г. до н.э.), либо воцарение Александра (336 г. до н.э.), либо начало Восточного похода (334 г. до н.э.), либо кончину завоевателя в Вавилоне (323 г. до н.э.). Иногда в качестве рубежа между периодами предлагаются и более редкие, экзотичные «вехи», как принятие диадохами царских титулов (306–305 гг. до н.э.) или даже завершение войн между ними и стабилизацию мира эллинистических государств (281–280 гг. до н.э.). Впрочем, дело, понятно, не в конкретных годах. Принципиален вопрос: если в истории Древней Греции в 323 г. до н.э. (скажем) завершается классический период, а в 30 г. до н.э. наступает римский, между ними же, как всегда считалось, простирается эллинистический, а А.С. Балахванцев предлагает его применительно к Греции изъять, то, получается, там между классическим и римским вообще не было периода? Но так не бывает.

Таково было наше первое мнение. Однако по дальнейшем размышлении нам представилось, что предложение нашего коллеги создает парадоксальную, но, кажется, интересную и продуктивную возможность разрешить одну концептуальную коллизию, связанную с понятием эллинизма. А именно: одной из наиболее ключевых черт последнего (может быть, даже самой ключевой) называют пресловутый синтез – «греко-восточный синтез», как у А.С. Балахванцева, или «греко-варварский синтез», как, например, у О.Л. Габелко⁴⁷. И неизбежно вставал вопрос, который мы ранее формулировали так: «...здесь в качестве черты, основополагающей для эллинизма как такового, выдвигается особенность, на деле характерная лишь для обществ эллинистического Востока... Получается: если в каком-либо регионе античного мира рассматриваемой эпохи вообще не фиксируется вышеупомянутый греко-варварский синтез, то, стало быть, в этом регионе не было и эллинизма... Но в подобном случае мы должны решительно отказаться от таких, например, словосочетаний, как “эллинистическая Греция” и “эллинистическая Македония”. Если, конечно, не считать, что взаимоотношения греков и маке-

⁴⁶ Балахванцев 2020, 28.

⁴⁷ Габелко 2009, 171.

донян – это тоже вариант “греко-варварского синтеза”. Но так, разумеется, никто не думает, и когда говорят о пресловутом синтезе... имеют в виду, конечно, взаимоотношения эллинов с восточными “варварами” – в основном жителями бывшей Ахеменидской державы. А синтеза в этом духе Балканская Греция, разумеется, не знала, это всем известно»⁴⁸.

По большому счету, следовало бы сказать даже не «Балканская Греция», а шире – «греческий мир», ибо к Великой Греции или, скажем, Северному Причерноморью отмеченный выше факт тоже в полной мере относится. И вот теперь А.С. Балахванцев предлагает именно исключить из нашего лексикона понятия «эллинистическая Греция», «эллинистическая Македония» и т.п., а эллинизм считать феноменом, относящимся только к истории Древнего Востока. И этим решается проблема синтеза, о котором шла речь.

Что такое, собственно, эллинизм? Это – эллинизация. Если задуматься над первоначальным смыслом двух слов, то они фактически оказываются едва ли не полными синонимами. «Эллинизм», по верному замечанию А.С. Балахванцева, означает подражание греческому (со стороны не-греков, как понятно). Эллинизация – приобщение к греческому, опять же со стороны не-греков. Разве не одно и то же? Притом, заметим, «эллинизм» – существительное, встречающееся в источниках и созданное согласно нормам греческого словообразования, а «эллинизация» – новодел, искусственная «гибридная» лексема, в которой к греческому корню прицеплен латинский суффикс.

С этой точки зрения эллинизации и, следовательно, эллинизма не могло быть в регионах, где некому было эллинизоваться. И если мы примем, что эллинизм – период истории Востока, то для того исторического периода, который тогда же имел место в греческом мире (ибо, повторим, не может быть такого, чтобы на месте периода зияло «пустое место») возникает необходимость в отдельном наименовании. И нужно постараться дать наименование этому *периоду истории Древней Греции*, тем более что знаменитый термин Дройзена и в принципе не очень удачен – с подобной его оценкой, думаем, мало кто не согласится. И нас не должна мучить робость (дескать, как же это мы ниспровергнем термины, введенные великими?). И великие могли ошибаться. Названия периодов не даны раз и навеки, вариации вполне допускаются. Так, для периода, хронологические рамки которого обозначаются как XI–IX вв. до н.э., мы встречаем в литературе обозначения «гомеровский период», «темные века», «ранний железный век», а в последние десятилетия выдвигались и иные варианты, например, Т.В. Блаватской⁴⁹ (очень громоздкая, вряд ли приемлемая формулировка), В.П. Яйленко⁵⁰ («раннеархаический период»), да и автором этих строк⁵¹ («переходный период»).

Так как же с тем, что поныне называют эллинизмом в Греции? Мы неоднократно предлагали термин «постклассика»⁵². Если использовать его, то в периодизации древнегреческой истории за классическим периодом пойдет постклассический. Впрочем, мы отнюдь не питаем радужных иллюзий и прекрасно понимаем,

⁴⁸ Суриков 2015, 22–23. Из более ранних суждений аналогичного характера ср. Кошеленко 1990, 13.

⁴⁹ Блаватская 2003, 15–19.

⁵⁰ Яйленко 1990, 5.

⁵¹ Суриков 2018, 31–32.

⁵² Суриков 2015, 356; Суриков 2022, 57.

что коллегам, специализирующимся по эллинизму (а таких у нас много⁵³) подобная замена отнюдь не понравится и не будет ими принята. Новое название они сочтут «унизительным» для столь милой им эпохи. Однако настойчиво повторим: эпоха эта характеризовалась оскудением оригинальности и креативности, утратой греческой цивилизацией ее уникальности.

Исторический период можно оценить по тому, что он дал на выходе, в итоге. Что мы имеем на выходе из классического периода – в его конце и в начале следующего? Уж не говорим о достижениях культуры (скажем, греческая философия IV в. до н.э. – это один из *двух высочайших взлетов* в истории всей философской мысли, наряду с немецкой классической философией). Еще раз сделаем уступку и, не трогая культурной жизни, останемся чисто в сфере военно-политической. Но и тут, как легко видеть, продукты эллинской классики – это фигуры грандиозные, титанические: Филипп II, Александр, диадохи... А продукты эллинистического периода (пока приходится называть его так), последние правители независимых греческих государств, – жалкие карлики не только в сравнении с вышеперечисленными гигантами, но и, за редкими исключениями, безотносительно.

ЛИТЕРАТУРА

- Балахванцев, А.С. 2020: Споры об эллинизме. *Восток (Oriens)* 4, 21–31.
- Блаватская, Т.В. 2003: *Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н.э.)*. СПб.
- Габелко, О.Л. 2009: Еще раз о проблеме «предэллинизма». В кн.: О.Л. Габелко (ред.), *Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире*. Казань, 173–183.
- Габелко, О.Л. 2018: Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма. В кн.: О.Л. Габелко, А.В. Махлаюк, А.А. Сеницын (ред.), *PENTH-KONTAETIA. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею Игоря Евгеньевича Сурикова*. СПб., 180–190.
- Кошеленко, Г.А. 1990: Эллинизм: к спорам о сущности. В кн.: Е.С. Голубцова (ред.), *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 7–13.
- Кузищин, В.И. 1986: Афинская демократия и спартанская олигархия как политические системы. В кн.: В.И. Кузищин (ред.), *История Древней Греции*. М., 164–183.
- Ладынин, И.А. 2018: Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? *Диалог со временем* 65, 185–206.
- Риккерт, Г. 1998: *Науки о природе и науки о культуре*. М.
- Смирнов, С.В. 2014: «Доминирующий этнокласс» в государстве Селевкидов при Селевке I и Антиохе I: основные проблемы. В кн.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 317–330.
- Суриков, И.Е. 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады»). В кн.: А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.), *Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства*. М., 76–122.
- Суриков, И.Е. 2015: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. М.
- Суриков, И.Е. 2018: *Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты (Opuscula selecta II)*. М.

⁵³ Суриков 2022, 46.

- Суриков, И.Е. 2021: *Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III)*. М.
- Суриков, И.Е. 2022: О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки. *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»* 2, 44–60.
- Утченко, С.Л. 1998: Факт и миф в истории. *ВДИ* 4 (227), 4–14.
- Яйленко, В.П. 1990: *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М.
- Хабиخت, Х. 1999: *Афины. История города в эллинистическую эпоху*. М.
- Beck-Schachter, A.J. 2016: The Lysandreia. In: T. Figueira (ed.), *Myth, Text, and History in Sparta*. Piscataway, 105–167.
- Dreyer, B. 2001: Wann endet die klassische Demokratie Athens? *Ancient Society* 31, 27–66.
- Flower, M.A. 1988: Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult. *Classical Quarterly* 38.1, 123–134.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Muccioli, F. 2005: Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society. Vol. 2: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 199–213.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104.1, 159–190.

REFERENCES

- Balakhvantsev, A.S. 2020: Spory ob ellinisme [Disputes about Hellenism]. *Vostok (Oriens) [The East (Oriens)]* 4, 21–31.
- Blavatskaya, T.V. 2003: *Cherty istorii gosudarstvennosti Ellady (XII–VII vv. do n.e.) [Features of the history of Hellas' statehood (12th–7th centuries BC)]*. St Petersburg.
- Beck-Schachter, A.J. 2016: The Lysandreia. In: T. Figueira (ed.), *Myth, Text, and History in Sparta*. Piscataway, 105–167.
- Dreyer, B. 2001: Wann endet die klassische Demokratie Athens? *Ancient Society* 31, 27–66.
- Flower, M.A. 1988: Agesilaus of Sparta and the Origins of the Ruler Cult. *Classical Quarterly* 38.1, 123–134.
- Gabelko, O.L. 2009: Eshche raz o probleme “predellinizma” [Once again on the “pre-Hellenism” problem]. In: O.L. Gabelko (ed.), *Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskoy mire [Politics, ideology, and historiography in the Roman and Hellenistic world]*. Kazan, 173–183.
- Gabelko, O.L. 2018: Polemicheskie zametki ob istoricheskikh sud'bach grecheskogo polisa v epochu ellinizma [Polemical notes on historical fates of the Greek polis in the period of Hellenism]. In: O.L. Gabelko, A.V. Makhlayuk, A.A. Sinitsyn (eds.), *ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Issledovaniya po antichnoy istorii i kul'ture. Sbornik, posvyashchennyy yubileyu Igorya Evgen'evicha Surikova [ΠΕΝΤΗΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Studies of Ancient history and culture. A collection of articles to Igor Evgen'evich Surikov's anniversary]*. St Petersburg, 180–190.
- Habicht, C. 1999: *Afiny. Istoriya goroda v ellinisticheskuyu epokhu [Athens. The history of the city in the Hellenistic period]*. Moscow.
- Hansen, M.H. 2006: *Polis: An Introduction to the Ancient Greek City-State*. Oxford.
- Koshelenko, G.A. 1990: Ellinizm: k sporam o sushchnosti [Hellenism: towards the discussions on the essence]. In: E.S. Golubtsova (ed.), *Ellinizm: ekonomika, politika, kul'tura [Hellenism: economics, politics, culture]*. Moscow, 7–13.
- Kuzishchin, V.I. 1986: Afinskaya demokratiya i spartanskaya oligarkhiya kak politicheskie sistemy [Athenian democracy and Spartan oligarchy as political systems]. In: V.I. Kuzishchin (ed.), *Istoriya Drevney Gretsii [History of Ancient Greece]*. Moscow, 164–183.

- Ladynin, I.A. 2018: Ponyatie ellinizma v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii: stadial'nost' i zakonomernost' ili istoricheskaya konkretnost' i sluchaynost'? [The notion of Hellenism in Soviet and post-Soviet research: a regular stage or an idiographic contingency?]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time] 65, 185–206.
- Muccioli, F. 2005: Gli onori divini per Lisandro a Samo. A proposito di Plutarchus, *Lysander* 18. In: L. de Blois, J. Bons, T. Kessels, D.M. Schenkeveld (eds.), *The Statesman in Plutarch's Works: Proceedings of the Sixth International Conference of the International Plutarch Society*. Vol. 2: *The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives*. Leiden–Boston, 199–213.
- Rickert, H. 1998: *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Sciences on nature and sciences on culture]. Moscow.
- Saldutti, V. 2022: The Mixed Constitution of Demetrius Phalereus. *Klio* 104/1, 159–190.
- Smirnov, S.V. 2014: “Dominiruyushchiy etnoklass” v gosudarstve Selevkidov pri Selevke I i Antioke I: osnovnye problemy [“Dominant ethno-class in the Seleucid State under Seleucus I and Antiochus I: main problems”]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the emergence of the Bosporan Kingdom]. Moscow, 317–330.
- Surikov, I.E., 2014: Nekotorye problemy bosporskogo politogeneza V–IV vv. do n.e. (“vzglyad iz Ellady”) [Some problems of Bosporan state formation in 5th – 4th centuries BC (“a view from Hellas”)]. In: A.V. Podosinov, O.L. Gabelko (eds.), *Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2012 god: Problemy ellinizma i obrazovaniya Bosporskogo tsarstva* [The earliest states of Eastern Europe. 2012: Problems of Hellenism and the emergence of the Bosporan Kingdom]. Moscow, 76–122.
- Surikov, I.E., 2015: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Na poroge novogo mira* [Ancient Greece: politicians in the context of the epoch. On the threshold of a new world]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2018: *Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty (Opuscula selecta II)* [Ancient Greece: State formation, political and legal institutions (Opuscula selecta II)]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2021: *Antichnaya Gretsia: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III)* [Ancient Greece: Machinery of political life (Opuscula selecta III)]. Moscow.
- Surikov, I.E., 2022: O nekotorykh osobennostyakh ellinisticheskoy tsivilizatsii: polemicheskie zametki [On some peculiarities of the Hellenistic civilization. Polemical notes]. *Vestnik RGGU. Seriya “Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Literary theory. Linguistics. Cultural studies” series] 2, 44–60.
- Utchenko, S.L. 1998: Fakt i mif v istorii [Fact and myth in history]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4 (227), 4–14.
- Yaylenko, V.P. 1990: *Arkhaicheskaya Gretsia i Blizhniy Vostok* [Archaic Greece and the Near East]. Moscow.

ONCE AGAIN TOWARDS “DISPUTES ABOUT HELLENISM”

Igor E. Surikov

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Russian State University for Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: isurikov@mail.ru

Abstract. The author some time ago wrote on pre-Hellenism in the Greek world of the 4th century BC and in this connection set forth his interpretation of Hellenism as such. His observations soon received reaction in the literature, in particular from A.S. Balakhvantsev. In this article, the author answers to his opponent, while developing some propositions of his conception. Some points of divergence notwithstanding, we consider interesting the colleague's suggestion to define Hellenism (as it was connected with Hellenization) as a phenomenon of only Eastern history. In such a case, the same period conformably to the history of the Greek world should get another name. And here the term “post-Classical” may appear appropriate, which suggested by the author also previously.

Keywords: Hellenism, Greece, the East, polis, citizen body, Greco-Eastern synthesis, civilization, post-Classical

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 108–123
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 108–123
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-108–123

МАНЕФОН СЕВЕННИТСКИЙ И ЕГО МЕСТО В ЕГИПЕТСКОЙ ЖРЕЧЕСКОЙ КОРПОРАЦИИ

М.С. Апенко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: mikhap97@live.com

ORCID: 0000-0002-5344-4938

Аннотация. Манефон Севеннитский – один из наиболее ярких представителей жречества эллинистического Египта. Хотя о нем сохранились некоторые сведения в античной традиции, крайне мало известно о его месте и роли в египетской жреческой корпорации, особенно о египетской составляющей его жизни, в частности, о египетском варианте его имени. Автор статьи анализирует деятельность жреца Манефона. Внутри жреческой корпорации выделяются три основные категории жречества по характеру их отношения к Птолемам, царям новой чужеземной династии: 1) лица, не проявлявшие лояльности к ним, 2) лица, поддерживавшие царей, но не принимавшие активного участия в деятельности по легитимации власти новой династии и 3) лица, активно поддерживающие царей, иницируя формы их пропаганды. Автор относит Манефона к третьей категории жрецов: тот активно участвовал в мероприятиях по укреплению легитимности правящей династии, являлся одним из создателей культа Сараписа и в своем историческом труде *Αἰγυπτιακά* доказывал, что представители новой династии Птолемеи наделены сакральной царственностью. О конкретной деятельности Манефона в качестве египетского жреца сложно сказать что-то определенно. Автор полагает, что, вероятнее всего, Манефон был жрецом храмов в Севенните и Гелиополе.

Ключевые слова: Древний Египет, эллинизм, Птолемеи, Манефон Севеннитский, жречество, царский культ

Одним из наиболее известных представителей жречества эллинистического Египта по праву считается Манефон Севеннитский – автор дошедшего во фрагментах масштабного грекоязычного труда *«Αἰγυπτιακά»*, основанного на египетских источниках и посвященного истории Египта. Вместе с тем это довольно загадочная личность: о нем сохранились различные сведения в античной традиции, но крайне известно мало о египетской составляющей деятельности Манефона,

Данные об авторе: Михаил Сергеевич Апенко – аспирант кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. – начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого».

месте и роли его в египетской жреческой корпорации. Задачей настоящего исследования является анализ свидетельств о Манефоне именно в данном аспекте.

1. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЕГИПЕТСКОГО ИМЕНИ МАНЕФОНА

Вопрос о египетском прототипе известного только в грецизированной форме (Μανεθώ, Μανεθων, Μανεθως) имени Манефона заслуживает особого внимания, тем более что знания о египетской составляющей его жизни незначительны. По этому вопросу существуют разные точки зрения. Обычно исследователи предлагают варианты прототипа, включающие имя бога Тота: *Mꜣt-n-Dḥwty* – «истина Тота»¹, *mꜣꜣ.n.i-Dḥwty* – «видел я Тота»² или *mr-n-Dḥwty* – «возлюбленный Тотом»³. Такая интерпретация имени Манефона предполагает связь его деятельности (передачи знаний и в особенности сведений об истории Египта) с египетским богом – покровителем мудрости и науки⁴. Бог Тот часто упоминается и как хранитель хроник того или иного царя⁵, поэтому связь его образа с деятельностью Манефона оказывается даже более явной. В пользу этой интерпретации имени свидетельствует и то, что Севеннитский ном⁶, в котором родился Манефон, с востока граничил с XV нижнеегипетским номом⁷. В этом номе находится важный культовый центр почитания Тота – город *Bꜥḥ* (недалеко от современного поселения Эль-Баклия)⁸. Однако, поддержав эту интерпретацию, придется признать, что Манефон получил крайне подходящее имя для своей будущей деятельности по невероятно удачному стечению обстоятельств. Другим аргументом против этих трактовок является то, что в греческом языке при передаче с египетского языка имени бога Тота *Dḥwty* конечное *t* не исчезает⁹. В таком случае имя жреца записывалось бы, скорее, как Μανεθωθ¹⁰. В.В. Струве даже предполагал, что «традиционная форма Μανεθως получилась из первоначального Μανεθωθ путем обычной описки»¹¹.

Но данное предположение не подтверждается источниками. В большинстве из них эта форма записи имени не засвидетельствована. Более того, в древнейшем памятнике, где фигурирует имя некоего Манефона, в письме pHib. I.72¹², датированном 241/240 г. до н.э., оно, скорее, соответствует форме Μανεθος (в самом тексте: dat. Μανεθωι). Лишь в передаче Георгием Синкеллом работы Африкана «Хроно-

¹ Spiegelberg 1928, 145–148.

² Griffiths 1970, 79–80.

³ Lepsius 1849, 405, n.1; Струве 2005, 95.

⁴ Тураев, 1898; Kurth, 1986, 497–523.

⁵ Redford 1986a, 67–75.

⁶ Севеннитский ном – XII нижнеегипетский ном, расположенный в центре Дельты. Столицей нома является город Севеннит, важный политический центр в эпоху Позднего Царства и столица XXX династии (Helck 1974, 179–182).

⁷ XV нижнеегипетский ном также именуется номом Ибиса, расположен в восточной части Дельты. Столицей нома является города ВаН, Баклия, важный центр почитания Бога Тота (Helck 1974, 190–191).

⁸ Тураев 1898, 122.

⁹ Тураев 1898, 12–13.

¹⁰ Струве 2005, 95–96.

¹¹ Струве 2005, 96.

¹² Здесь и далее папирусы Хибе по изданию: Turner, Lenger 1955.

графия» только в паре фрагментов зафиксирован вариант имени Μανέθωθ (Manetho. Frg. 55¹³ = Synk.¹⁴ 135.24: ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ δευτέρου τόμου Μανεθῶθ βασιλεῖς 96, ἔτη βρκα. «Во втором томе Манетота 96 царей, 2121 год»; Manetho. Frg. 57.a = Synk. 137.2: Τρίτου τόμου Μανεθῶθ. «Третий том Манетота»). Мы считаем трактовки, в которых фигурирует имя бога Тота, не вполне убедительными.

Существуют и иные реконструкции египетской формы имени Манефона: *mri-ntr-3^c* – «любимый богом великим»¹⁵, *mniw-ḥtr* – «хранитель лошадей»¹⁶, *mniw-t3-ḥwt* – «хранитель храмов»¹⁷. Необходимо отметить, что эти реконструкции являются чисто гипотетическими, поскольку такие имена не зафиксированы в древнем Египте.

В конечном счете приходится констатировать, что удовлетворительной интерпретации египетского варианта имени «Манефон» на данный момент не существует¹⁸. Более того, кажется, что большинство исследователей при интерпретации этого имени используют уже известную информацию о Манефоне. Таким образом, они скорее восстанавливают вариант египетского имени, который наиболее удачно подходил бы Манефону, нежели то имя, которое он реально носил при жизни.

2. ОБРАЗОВАНИЕ МАНЕФОНА

Из текстов Иосифа Флавия следует, что жрец Манефон получил особое греческое образование (Ios. С. Ар. I, 73: ἀνὴρ τῆς Ἑλληνικῆς μετεσχηκῶς παιδείας – «человек причастный греческой образованности»¹⁹). Но когда он мог его получить? Вопрос о времени жизни Манефона будет рассмотрен ниже, но даже если допустить, что он родился до завоевания Египта Александром в 332 г. до н.э., вполне вероятно, что он мог приобщиться к греческой образованности за время правления Аргеадов или иметь к ней доступ еще до кампании Александра. Тесные связи между египетской и греческой культурами в период правления Аргеадов демонстрирует пример гробницы оппозиционного новым македонским правителям Египта жреца Петосируса. В ней изображены предметы греческого импорта,

¹³ Здесь и далее фрагменты Манефона Севеннитского приводятся по изданию: Waddell 1980.

¹⁴ Здесь и далее по: Mosshammer 1984.

¹⁵ Redford 1986b, 118–121.

¹⁶ Černý 1941, 57–61.

¹⁷ Thissen 1987, 93–96.

¹⁸ Gundacker 2018, 3.

¹⁹ Перевод слова μετεσχηκῶς в данном контексте представляет некоторую сложность. Перед нами перфектное причастие глагола μετέχω – «принимать участие, быть причастным» (Liddell, Scott, Jones, McKenzie 1996, 1120: partakein, sharein). Стоит отметить, что в историографии существует несколько вариантов перевода этого фрагмента: так в издании У. Уоддела предложен вариант перевода who was manifestly imbued with Greek culture «который был явно проникнут греческой культурой» (Waddell 1980, 77), По предположению В.В. Струве, данная фраза означает, что жрец получил греческое образование, но сам ученый перевода фразе не дает (Струве 2005, 99). Если говорить об употреблении глагола μετέχω со словами, обозначающими образование и культуру, нужно обратиться к речи Исократ «Панегирик»: Isoc.4.50, пер. К.М. Колобова: Ἑλλήνας καλεῖσθαι τοὺς τῆς παιδείας τῆς ἡμετέρας ἢ τοὺς τῇ σκοινῇ φύσεως μετέχοντας. «Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения». Таким образом, Иосиф Флавий, скорее всего, имел в виду, что уровень греческого образования, которым обладал Манефон, был сопоставим с таковым у настоящего грека, а значит, он получил специальное греческое образование.

что говорит об определенном включении египетских провинциальных центров в эллинистическую ойкумену. Эти изображения показывают, что, даже будучи противником македонской власти над Египтом, жрец все-таки не представляет своей жизни без этих предметов и, соответственно, без связанного с ними нового образа жизни²⁰, с которым в Египет пришло и греческое образование. Так что нет сомнений в том, что Манефон получил особое греческое образование в Египте.

3. ДАТИРОВКИ ЖИЗНИ МАНЕФОНА

Чтобы определить место и роль Манефона в египетской жреческой корпорации, необходимо уточнить датировку его жизни. В историографии существует несколько мнений на этот счет. В.В. Струве предполагал, что период активной деятельности Манефона пришелся на конец IV в. до н.э., т.е. на время правлений Александра Македонского и Птолемея²¹. Однако большинство современных исследователей полагает, что это происходило в правление первых двух Птолемеев²².

Античная историческая традиция сохранила сведения об участии Манефона во введении культа Сараписа в правление Птолемея I (Plut. De Is. et Os. 28; Tac. Hist. IV. 83–84). Плутарх и Тацит сообщают схожую легенду о том, как был создан этот культ, но только в версии Плутарха в этом процессе участвует Манефон²³. Эту же легенду сообщает Климент Александрийский, но он приписывает создание культа Птолемею II (Clem. Al. Protr. IV. 42–43). Кирилл Александрийский (Cyr. C. Iul. I. 13) датирует эти события 124-й Олимпиадой, т.е. 284–281 гг. до н.э., временем соправления двух первых Птолемеев²⁴. Георгий Синкелл, опираясь на письмо в приписанной Манефону «Книге Сотиса» (Ἐπιστολὴ Μανεθῶ τοῦ Σεβεννύτου πρὸς Πτολεμαῖον τὸν Φιλάδελφον – «Письмо Манефона Севеннитского

²⁰ Ладынин 2015, 48–64.

²¹ Струве 2003, 124–126.

²² Moyet 2011, 86–87; Ладынин 2017, 30–31.

²³ Полный текст легенды в передаче Плутарха: Plut. De Is. et Os. 28: Πτολεμαῖος δ' ὁ Σωτὴρ ὄναρ εἶδε τὸν ἐν Σινώπῃ τοῦ Πλούτωνος κολοσσόν... κελεύοντα κομίσαι τὴν ταχίστην αὐτὸν εἰς Ἀλεξάνδρειαν. ἀγνοοῦντι δ' αὐτῶι καὶ ἀποροῦντι ποῦ καθίδρυται, καὶ διηγουμένωι τοῖς φίλοις τὴν ὄψιν, εὐρέθῃ πολυπλανῆς ἀνθρώπος ὄνομα Σωσίβιος, ἐν Σινώπῃ φάμενος ἑωρακέναι τοιοῦτον κολοσσόν οἷον ὁ βασιλεὺς ἰδεῖν ἔδοξεν. ἔπεμψεν οὖν Σωτέλη καὶ Διονύσιον, οἱ χρόνωι πολλῶι καὶ μόλις, οὐκ ἄνευ μέντοι θείας προνοίας, ἤγαγον ἐκκλέψαντες. ἐπεὶ δὲ κομισθεὶς ὤφθη, συμβαλόντες οἱ περὶ Τιμόθεον τὸν ἐξηγητὴν καὶ Μανέθωνα τὸν Σεβεννύτην Πλούτωνος ὄν ἄγαλμα, τῶι Κερβέρωι τεκμαιρόμενοι καὶ τῶι δράκοντι, πείθουσι τὸν Πτολεμαῖον ὡς ἐτέρου θεῶν οὐδενὸς ἀλλὰ Σαράπιδός ἐστιν· οὐ γὰρ ἐκεῖθεν οὕτως ὀνομαζόμενος ἦκεν, ἀλλ' εἰς Ἀλεξάνδρειαν κομισθεὶς τὸ παρ' Αἰγυπτίοις ὄνομα τοῦ Πλούτωνος ἐκτίσατο τὸν Σάραπιν. «Птолемей Сотер увидел во сне в Синопе колосса Плутона, приказавшего доставить его наиболее быстрым образом в Александрию. Птолемею было неизвестно и непонятно, где он (колосс) располагался, и когда он рассказал друзьям увиденное, нашелся мужчина, который много путешествовал, по имени Сосибий, сказавший, что видел в Синопе того же колосса, что и царь, кажется, видел. Итак, послал царь Сотела и Дионисия, которые много времени спустя и с трудностями, но, однако же, не без предвидения богов вернулись, укравши колосс. Когда же его принесенный увидели, собранные Тимофей экзегет и Манефон из Севеннита решили, что это была статуя Плутона, основываясь на (изображении) кербера и змея. Они убедили Птолемея, что это был не кто иной, как Сарапис. Ведь прибыв он не с таким наименованием, но, в Александрию прибыв, получил египетское имя Плутона, Сарапис» (пер. Н. Трухиной).

²⁴ Подробнее о создании культа Сараписа: Huss 2001, 241–245; Pfeiffer 2008.

к Птолемею Филадельфу»)²⁵, сообщает, что Манефон занимал должность жреца при Птолемеях II. Таким образом, источники позволяют датировать период активной деятельности Манефона концом правления Птолемея I и временем Птолемея II, но представляется логичным, что жрец занимался активной деятельностью и до создания культа Сараписа. Такая важная работа предполагает высокий статус в жреческой иерархии, а значит, и, скорее всего, достижение зрелого возраста. Итак, можно сделать вывод, что жрец осуществлял свою деятельность в конце IV – начале III в. до н.э.

Возможно, данную датировку следует расширить до середины III в. до н.э. Следует обратить внимание на папирус с письмом от 241/240 г. до н.э., в котором некий Манефон упомянут в качестве высокопоставленного жреца, возможно, служившего в Гераклеопольском номе (pHib. I.72). Кроме того, во фрагменте текста Манефона, относящегося к XII династии, Фаюмский оазис обозначен термином «Арсиноитский ном». Ном с таким названием был создан Птолемеями Филадельфом только в 256 г. до н.э. (Manetho. Fr. 34–36)²⁶. Однако в упомянутом письме мог иметься в виду тезка Манефона, а название нома могло быть изменено позднейшими авторами. В конечном счете такое уточнение не меняет сути: деятельность Манефона приходилась на правление первых Птолемеев.

Отметим важные особенности этого периода. Именно в это время происходит оформление отношений между греко-македонской царской властью и египетским жречеством. Во-первых, цари династии Птолемеев начинают проводить особые собрания египетского жречества, т.н. синоды, на которых царь вместе со жречеством решали важные вопросы, связанные с развитием династических культов династии Птолемеев²⁷. Во-вторых, начинается постепенное развитие династических культов членом династии Птолемеев на египетской почве: в правление Птолемея II вводится культ Арсинои Филадельфы²⁸. Эти сведения показывают, что цари старались добиться вовлечения большей части египетского жречества во взаимоотношения с царской властью.

В это же время египетская элита, в основном жречество, лишается своей роли в управлении страной. Все основные должности в военной сфере и администрации оказались переданы грекам и македонянам²⁹. Сложно сказать, можно ли охарактеризовать этот процесс как формирование греко-македонского этнокласса³⁰, но приходится констатировать, что именно представители этих этнокультурных общностей играли важнейшую роль во внутренней политике страны.

4. МЕСТО МАНЕФОНА В СИСТЕМЕ ЕГИПЕТСКОГО ЖРЕЧЕСТВА

Какое же место в этой системе занимал Манефон? Ответ на этот вопрос уже попытался дать И. Мойер, обративший внимание на то, что кроме Манефона на

²⁵ Waddell 1980, 208, 210.

²⁶ Moyer 2011, 86–87.

²⁷ Huss 1991, 190–191; Gorre, Veisse 2020, 115.

²⁸ Minas 2000, 93–96; Caneva 2014, 129–178; см. также более подробно о развитии династического культа Птолемеями: Winter 1978, 147–160; Quaegebeur 1989, 93–116; Minas 2000.

²⁹ Manning 2010, 82.

³⁰ Briant 1982, 82.

царской службе оказались и другие представители египетской элиты³¹. Так, исследователь упоминает военачальника Нектанеба³², занимавшего важные посты в Египте в конце IV – начале III в. до н.э. (очевидно, при Александре и его преемниках и/или первых Птолемах) (см. далее), а также выделил группу жрецов, тем или иным образом вовлеченных в отношения с царями династии Птолемеев. В особенности он обратил внимание на Джедхора-Льва, военачальника предположительно времени Птолемея I³³, фиванских жрецов Смендеса³⁴ (см. далее) и его сына Амасиса³⁵, в надписях которых проявилась их связь с царским домом Птолемеев, а также жреца Сену³⁶ из Коптоса (см. далее). По мнению И. Мойера, данная группа, в которую он включил и Манефона, должна была играть роль медиаторов в отношениях между царской властью и местным населением³⁷.

Подобная интерпретация представляется достаточно точной. Действительно, анализируя частные памятники многих жрецов, можно оценить степень их лояльности царю³⁸ или узнать о получении ими от царя неких пожалований. Однако (и это важно отметить) последнее не обязательно служит доказательством лояльности жреца и не всегда является свидетельством большой роли жреца в политике государства.

Например, мемфисский жрец Несисисти-Падибастет³⁹ получил от царя важный титул жреца культа Арсинои (BM 379, стлб. 7–8: *hm-ntr n s3t-nsw snt-nsw hmt-nsw s3t Imn nbt t3wy Trsin3 ntrt mr-sn...* «жрец дочери царя, сестры царя, и супруги царя, дочери Амона, владычицы обеих Земель (Арсинои), богини любящей брата...»), но при этом он не выражает особой лояльности правящей династии, связывая свои успехи с богом Птахом (BM 379, стлб. 8: *nfr.wi mh ib.f r ntr.f Pth tnw r ntrw dmd*): «Как хорошо тому, кто обосновывает сердце свое для бога своего, Птаха, избранного по сравнению с богами всеми вместе взятыми»; (BM 379, стлб. 10: *di.f sp.i m(r)* «сделал он (Птах) дела мои удачными»). Таким образом, даже важное

³¹ Moyer 2011, 86–90.

³² Gorre 2009a, 396–401.

³³ Информация об этом жреце известна нам по текстам на его статуе (Chevereau 2001, 177; Derchain 1997, 127–128). Датировку временем Птолемея I предложил К.Б. Уэллес (Welles 1970, 510). Ж. Горр отмечает, что критерии для такой датировки остаются неясны (Gorre 2009a, 482–483, n 22). В любом случае не стоит переоценивать значение подобных военных назначений: в правление Птолемея I ядром армии были греки и македонцы (Fischer-Bovet 2014, 116–118).

³⁴ Gorre 2009a, 70–71.

³⁵ Gorre 2009a, 72–78. Нужно отметить, что Амасис является одним из наиболее значимых жрецов времени Птолемея III: Он получил титул номарха Мемфиса, титул жреца культа «сокола-Нектанеба» (обожествленного царя Нектанеба II, почитание которого поощрялось в III в. до н.э. Птолемеями) (Gorre 2009b, 55–69) и большое число иных жреческих назначений (Gorre 2009a, 72–78). Мы, однако, не будем подробно останавливаться на этой фигуре, поскольку он был, в лучшем случае, младшим современником Манефона и условия, при которых он возвысился, отличаются от тех, что застал Манефон.

³⁶ Gorre 2009a, 103–118.

³⁷ Moyer 2011, 86–90.

³⁸ Хотя сами жрецы в частных надписях не указывают прямо, лояльны ли они по отношению к царю, мы все равно можем это определить. Если жрец в частном памятнике полностью воздерживается от упоминаний царя или переносит его качество сакрального царя – исполнителя ритуала – на божество или частное лицо (в т.ч. на себя), то мы можем с уверенностью говорить о том, что жрец не является сторонником царя и не выражает по отношению к нему никакой лояльности (Rössler-Köhler 1991).

³⁹ Reymond 1981, 60–70; Gorre 2009a, 285–296; Панов 2017, 101–108.

назначение, напрямую связывающее жреца с династическим культом Птолемеев, не сделало его лояльным по отношению к правящей династии.

Карьера фиванского жреца Смендеса может служить примером иной ситуации: жрец получил назначения от царя и царю верен (*tnw nsw hr 3hw.f stp.n hm.f ds.f imy.w W3st*: «/тот, кого/ царь отметил над полезными ему (букв. “его”), /тот, кого/ Его величество выбрал самолично из числа жителей Фив»)⁴⁰, но статус его в жреческой иерархии оставался все еще относительно низким, эти назначения еще не сделали его по-настоящему значимой фигурой среди элиты эллинистического Египта⁴¹. И хотя мы не сомневаемся в лояльности Смендеса, можно ли помещать его и других жрецов, подобных ему, в один ряд с Манефоном, который самым активным образом взаимодействовал с царями династии Птолемеев?

Несколько значительных деталей можно выделить в сведениях об уже упомянутом военачальнике Нектанебе⁴². На его саркофаге нанесена надпись, в которой он называет себя «князем и правителем» Чару (Urk. II.24.6: *r-p^t h3ty-^c m T3rw*⁴³), нома Имет и Севеннитского нома (Urk. II.25.6: *h3ty-^c m Imnt m Tb-ntr* – «вельможа, номарх в номе Имет⁴⁴ в Севеннитском номе»). На основании этих данных И. Мойер и другие исследователи делают вывод о том, что Нектанеб играл значительную роль в элите государства⁴⁵. Однако важно отметить, что титул *r-p^t h3ty-^c* мог как обозначать реальные полномочия правителя определенной области, так и быть чисто церемониальным, почетной должностью⁴⁶. И. Гермер считает, что в ситуациях, когда с титулом *r-p^t h3ty-^c/h3ty-^c* указывается определенная локация, весьма вероятно, что у данного титула есть реальные полномочия, и он не является почетным⁴⁷. Другое разделение предлагает Ж. Горр. Он обращает внимание на различие между *h3ty-^c* и *r-p^t h3ty-^c*. Первый титул, даже при наличии топонима, он считает почетным, а второй – имеющим реальное значение⁴⁸. Таким образом, он считает, что только титул *r-p^t h3ty-^c m T3rw* «номарх и правитель Чару» имеет реальное, а не церемониальное значение, то есть полномочия этого вельможи не распространяются на другие упомянутые в его титулах номы и его роль во внутренней политике Египта оказывается гораздо меньшей, чем обычно считают исследователи. Помимо этого, неясно, к какому времени относятся титулы Нектанеба: сложно сказать, сохранил ли хотя бы один из них свое реальное значение в период правления Аргеадов и Птолемеев.

Кроме того, Нектанеб не проявляет особой лояльности по отношению к современным ему царям. В тексте надписи не назван по имени ни один македонский царь, его современник, а сам Нектанеб переносит на себя качества, характерные только для египетского царя-ритуалиста. Так, он именует себя хранителем маат,

⁴⁰ Quaegebeur 1995, 148.

⁴¹ Gorre 2009a, 70–71.

⁴² Gorre 2009a, 396–401.

⁴³ Чару (Силе) – столица XIV нижнеегипетского нома, нома #nt-iAbt, расположенного на Востоке Дельты (Helck 1974, 187–190).

⁴⁴ Ном Имет – обозначение XVIII и XIX нижнеегипетских ном, расположенных на востоке Дельты. Центр XVIII нома был город Бубастис, а XIX – город Танис. В Позднее время, в том числе и в нашем случае, под номом Имет понимается только Танисский ном (Helck 1974, 195–197).

⁴⁵ Moyer 2011, 86–87; Lang 2013, 27–28.

⁴⁶ Helck 1977, 1042.

⁴⁷ Guernier 2003, 332.

⁴⁸ Gorre 2009a, 456–461.

т.е. миропорядка, поддержанием которого посредством совершения ритуала, по египетским представлениям, занимался только царь (Urk. II.24.16: *nb m3ʿt kf isft* «владыка маат, изгоняющий исефет»⁴⁹). При этом он все равно сотрудничал с македонской властью: например, титул *hk3-h3swt m hnty-ʿ3bt* (Urk. II.24.6: «правитель чужеземцев в (номе) «Крайний Восток»»), скорее всего, подразумевает реальную военную должность, возможно, командира наемных подразделений⁵⁰. Хотя Нектанеб и называет себя «первым военачальником» царской армии (Urk. II.25.3: *mr-m33 wr tpy n hm.f* «великий первый начальник войска его величества»), этот титул, без сомнения, является преувеличением. Основой армии Птолемеев в первой половине III в. до н.э. были греки и македоняне⁵¹, поэтому Нектанеб вряд ли мог быть назначен их командующим. Таким образом, можно констатировать, что реальные полномочия этого вельможи оказываются менее значимы, чем предполагали некоторые исследователи. Вряд ли стоит воспринимать его как настоящего «медиатора» между домом Птолемеев и египетской элитой.

В отличие от Нектанеба, присвоившего себе царские ритуальные качества, представителей жречества гораздо чаще можно отнести к лояльным сторонникам династии Птолемеев. Сложно, однако, оценить, насколько активной была их поддержка македонской династии и была ли их деятельность направлена на укрепление ее позиций. Например, жрец Сену⁵² явно поддерживал царскую власть Птолемеев. Он сообщает, что имел отношение к созданию статуй царской четы Птолемея II и Арсиной Филадельфы (Urk. II. 56.1–3: *sʿhʿ.i twtw n nsw-bity nb ʿ3wy Wsr-k3-Rʿ mrj ʿImn s3 Rʿnb hʿw Ptlwmys ʿnh dt hnʿ rpwt n hmt nsw* «Возвел я изображения царя Верхнего и Нижнего Египта Усеркара Мериамона («Силен двойник (бога) Ра, Возлюбленного Амоном»), сына Ра, владыки воссияний Птолемея, наделенного жизнью, вместе со статуями жены царя»), а также восстанавливал храм в Коптосе от имени царя (Urk. II. 67.4, *7 hws.n.i h3yt...ht.i hr rn wr n hm.f*: «соорудил я вход ... выгравировал я имя великое Величества его»). Кроме того, этот жрец имеет титул хранителя «царского покоя» Арсиной (Urk. II. 57.11: *imy-r ipt-nsw hmt nsw wrt* «хранитель царского покоя великой жены царя»). Ответ на вопрос, какое значение имеет термин «царский покой» (Wb. I.67.14–68.3: *ipt-nsw*), остается на сегодняшний день неясен, поскольку традиционный перевод этого термина «царский гарем, женская половина дворца», по всей видимости, не является точным⁵³. Ж. Горр предполагает, что данное слово обозначает объекты, связанные с культом Арсиной⁵⁴. Какую бы интерпретацию мы ни выбрали, в любом случае данные свидетельства характеризуют жреца Сену как важного вельможу, действующего в интересах царской власти.

Между тем важно отметить, что Сену, хоть и является лояльным жрецом, не участвует в создании новых форм царской легитимности, его деятельность скорее сводится к воспроизведению тех форм царского культа, которые уже были выработаны до него. Его можно отнести к категории жрецов, которые поддерживают

⁴⁹ О понятиях Маат и Исефет см. Демидчик 2005, 12–28; Blöbaum 2006, 120.

⁵⁰ Gorre 2009a, 397.

⁵¹ Fischer-Bovet 2014, 116–118.

⁵² Gorre 2009a, 103–118.

⁵³ Lorton 1974, 100.

⁵⁴ Gorre 2009a, 118.

царя, но не принимают активного участия в деятельности по легитимации власти новой династии, по созданию новой идеологической базы монархии.

Пример иного рода дают памятники жреца Хормаахеру из Панополя, который известен нам тем, что занимался реконструкцией святилища Мина в Ахмиме⁵⁵. Во внутренних помещениях этого святилища мы находим изображения совершающего ритуал царя Птолемея II (Urk. II. 27.12–14 *Wsr-k3-R^c mry-Imn Pdwrmys*: «Усеркара Мериамон Птолемей»). Кроме того, рядом с этим изображением находится вход в «святая святых», где расположена надпись, посвященная уже Арсиное Филладельфе (Urk. II. 27.7–16: *rp^ct wr(t) hsw(t) nb(t) im3 bnr(t) mrt hnwt Mhw Rsy nfr(t) hr [nt] m šwtu hmt nsw wr(t) nb(t) tšwy sšt nsw nHpr-k3-R^c Ptl[wmys] hmt nsw [šrsyn]*: «властительница, великая похвалами, владычица обаяния, сладостная любовью, госпожа Севера и Юга, прекрасная лицом, красивая в (венце из) двух перьев⁵⁶, великая жена царя, владычица Обеих Земель, дочь царя Хеперкара («Воссуществовал двойник (бога) Ра») Птолемея жена царя [Арсиния]»). Также в одном из помещений храма изображена культовая сцена, где Тутмос III преподносит Маат местным божествам⁵⁷. Эта сцена была или восстановлена, или размещена самим жрецом при реконструкции храма.

Согласно предположению Ж. Горра, Хормаахеру специально употребил в ритуальной сцене с участием Птолемея I его редкое тронное имя Хеперкара, которое ранее носили второй царь XII династии Сенусерт I и основатель XXX династии Нектанеб I⁵⁸, а также поместил эту сцену рядом с ритуальными изображениями Тутмоса III, чтобы особым образом легитимировать правление династии Птолемеев⁵⁹. Трудно сказать, насколько верно последнее допущение, однако тронное имя Хеперкара, скорее всего, использовано действительно специально, чтобы выразить особую связь Птолемея I с царями прошлого. Мотив преемственности от царей XXX династии имел определенное значение в идеологии Птолемеев III в. до н.э., выражаясь в поддержании культа изображений Нектанеба II (т.н. «соколов-Нектанебов») ⁶⁰, а также в возникновении неофициальной легенды о рождении от этого царя Александра Македонского, которая отразилась со временем в позднеантичном «Романе об Александре»⁶¹. Однако более значимой представляется содержащаяся в этом имени отсылка к царствованию Сенусерта I. Именно этот царь воспринимался и как фактический создатель государственности II тыс. до н.э., и как в определенном смысле основоположник египетского общественного

⁵⁵ Kees 1914, 51–56; Kuhlmann 1979, 165–189. К. Кульманн называет это святилище *Felstempel des Eje* – «скальным храмом Эйе». Он предполагает, что часть святилища была построена Тутмосом III, а затем была узурпирована последним царем XVIII династии Эйе (Kuhlmann 1979, 165–189).

⁵⁶ Венец *Swty* – особый венец, состоящий из пары перьев. Данный венец часто носят божества Мин, Амон и Ра, а также Хор и Монту в антропоморфном образе как часть более крупной короны. Цари никогда не носят только венец *Swty*, но часто два пера являются составляющими частями короны и ассоциируются с Хором. Венец *Swty* носят богини Хатхор и Исида. В случае с регалиями Арсинои это традиционный символ женской короны, который в данном случае должен также отсылать к названным выше богиням (Collier 1996, 53–61; Nillson 2010, 250–259).

⁵⁷ Kuhlmann 1979, 178–179.

⁵⁸ Beckerath 1999, 82–83; 226.

⁵⁹ Gorre 2009a, 166.

⁶⁰ Gorre 2009b, 55–69.

⁶¹ Berg 1973, 381–387; Ладынин 2017, 126–140.

устройства⁶², и соотнесение с этой его ролью миссии Птолемея I в начале эллинистической государственности Египта вполне вероятно⁶³.

Этот прием жреца Хормаахеру дает нам повод вновь обратиться к труду Манефона, а именно к вопросу о причинах создания этого текста. Можно ли предположить, что труд Манефона имел, помимо прочего, некую пропагандистскую цель? Такая постановка вопроса может иметь основания, поскольку известно, что Манефон достаточно активно взаимодействовал с царской властью (например, при создании культа Сараписа).

Несомненно, что основной целью Манефона было написание общей истории Египта, адресованной греческой аудитории. К этому времени в античной историографии не существовало ее достоверного изложения (в частности, появившийся в начале эллинизма труд Гекатея Абдерского содержал целый ряд искажений)⁶⁴, поэтому взятая Манефоном на себя задача дать такое изложение, чтобы показать прошлое Египта его новой греко-македонской элите, была актуальна⁶⁵. Но кроме этой задачи, которую можно назвать просветительской, перед Манефоном стояла и другая: показать, что в Египте на протяжении его истории «сакральная царственность непременно переходила от одного царского дома к другому, пока не стала достоянием домов Аргеадов и Птолемеев»⁶⁶. По сути дела, решению этой же задачи было подчинено и использование жрецом Хормаахеру в сцене с участием Птолемея I его тронного имени Хеперкара, проводящего преемственность между ним и другим основоположником новой исторической эпохи в прошлом Египта.

Таким образом, как Хормаахеру, так и Манефон относились к той группе жрецов, которая не только была лояльной к царской власти, но и активно участвовала в создании идеологической базы новой династии. В целом же проведенный нами обзор персоналий египетской элиты начала македонского времени позволяет выделить три основные модели отношения к новым чужеземным царям Египта: 1) лица, не проявляющие лояльности по отношению к ним (Нектанеб), 2) лица, поддерживающие царя, но не принимающие активного участия в деятельности по легитимации власти новой династии (Сену) и 3) лица, которые активно работают на царей, иницируя формы их пропаганды. Обратим внимание, что две последние модели представлены именно жрецами, причем Манефон явно представляет третью из них.

5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАНЕФОНА В КАЧЕСТВЕ ЕГИПЕТСКОГО ЖРЕЦА

Для уточнения места и роли Манефона в египетской жреческой корпорации необходимо рассмотреть и его конкретную деятельность в качестве жреца. На самом деле, об этой стороне деятельности Манефона нам известно крайне мало. Начать следует с уже упомянутого выше письма pHib. I.72 от 241/240 г. до н.э. В нем сообщается о краже печати храма Геракла в Хебихе в Гераклеопольском номе жрецом Хесмэнисом и его сыном Семтеусом (pHib. I.72. 4–6: [πρότ]ερόν

⁶² Ладынин 2017, 39–41; 193–205.

⁶³ Ладынин 2017, 81–93.

⁶⁴ Ладынин 2017, 221–229.

⁶⁵ Moyer 2011, 140–141; Dillery 2015, xv–xvi; Ладынин, Немировский 2018, 1035.

⁶⁶ Ладынин 2016, 268.

σοι ἐνεφάνισα ἐν τῷ Χοίαχ μηνὶ περὶ τῆς σφραγίδος τοῦ ἱεροῦ διότι [- ca.10 - αὐτὴν Χεσμῆνις] καὶ Σεμθεὺς ὁ υἱὸς ἐν τῷ Ἀθὺρ μηνὶ ἀπὸ ἐνάτης. «Ранее я сделал тебе доклад в месяце Хоиах о священной печати, потому что присвоена она Хесмэнисом и Семтеусом сыном его в 9 день месяца Атхюра»). Эта печать была украдена, чтобы написать письма, в том числе некоему Манефону, видимо, с целью получить какую-то выгоду для себя (pHib. I.72. 6–7: τοῦτο δὲ ἔπ[ρ]αξεν πρὸς τὸ [- ca.22 -] ὥν [ἄ]ν βούλωνται γράφειν Μανεθῶι καὶ οἷς ἄν βούλωνται. «Это же он сделал для того, чтобы [...] поскольку захотели написать Манефону и кому еще они захотели бы»). То, как автор письма особенно выделяет среди возможных адресатов некоего Манефона, может означать, что он занимает значимое место в жреческой иерархии и от него действительно каким-то образом зависит положение других жрецов. При этом из контекста упоминания данного жреца вовсе не следует, что его деятельность как-то «привязана» к Гераклеопольскому ному или ограничена им. В таком случае можно допустить, что имеется в виду как раз Манефон Севеннитский, уже написавший к этому времени свой труд, обративший на себя внимание в качестве лоялиста Птолемеев и занявший видное место на общеегипетском уровне. Разумеется, такую идентификацию нельзя провести с полной уверенностью, и остается возможность, что речь в письме идет о тезке нашего героя, важном жреце в Гераклеопольском номе.

Некоторые сведения о Манефоне Севеннитском нам передает Георгий Синкелл. В своем труде «Избранная хронография» (Ἐκλογὴ Χρονογραφίας) он сообщает, что Манефон был жрецом египетских храмов (Manetho, frg. 3 Waddell: Μανεθῶ Σεβεννύτης, ἀρχιερεὺς τῶν ἐν Αἰγύπτῳ μιᾶρῶν ἱερῶν «Манефон Севеннитский, жрец отвратительных храмов Египта»). Обычно употребленный здесь титул ἀρχιερεὺς в Египте эпохи Птолемеев обычно обозначает значимую жреческую должность⁶⁷: так, в трехязычных декретах синодов египетского жречества этому понятию соответствовал египетский термин *imy-r gsw-prw* «смотритель храмов» (Wb.V.199.15–16)⁶⁸. Представляется, однако, маловероятным, что Синкелл, используя термин ἀρχιερεὺς, имел в виду конкретный жреческий титул; скорее, следует воспринимать это слово как формальное обозначение принадлежности Манефона к жреческой корпорации. Синкелл жил в VIII–IX вв. н.э. и пользовался переписанными фрагментами текста Манефона. Поэтому никаких выводов, кроме того, что Манефон был, или, что будет точнее, считался жрецом, не представляется возможным сделать.

Дополнительную информацию о возможной деятельности Манефона дает приписываемое ему письмо Птолемею Филадельфу, которое цитирует в своей работе Синкелл⁶⁹. Необходимо отметить, что мы не считаем это письмо подлинным.

⁶⁷ Daumas 1952, 183.

⁶⁸ El-Masry, Altenmuller, Thissen 2012, 80.

⁶⁹ Полный текст письма: Synk. 73.5-14: Επιστολὴ Μανεθῶ τοῦ Σεβεννύτου πρὸς Πτολεμαῖον τὸν Φιλάδελφον. Βασιλεῖ μεγάλῳ Πτολεμαίῳ Φιλαδέλφῳ Σεβαστῶι Μανεθῶ ἀρχιερεὺς καὶ γραμματεὺς τῶν κατ' Αἴγυπτον ἱερῶν ἀδύτων, γένει Σεβεννύτης, ὑπάρχων Ἡλιουπολίτης, τῷ δεσπότῃ μου Πτολεμαίῳ χαίρειν. Ἡμᾶς δεῖ λογίζεσθαι, μέγιστε βασιλεῦ, περὶ πάντων ὧν ἐὰν βούλῃ ἡμᾶς ἐξετάσαι πραγμάτων ἐπιζητοῦντί σοι περὶ τῶν μελλόντων τῷ κόσμῳ γίγνεσθαι, καθὼς ἐκέλευσάς μοι, παραφανήσεται σοι ἃ ἔμαθον ἱερὰ βιβλία γραφέντα ὑπὸ τοῦ προπάτορος τρισημέριστου Ερμού. «Ἐρρωσό μοι, δέσποτά μου βασιλεῦ. «Πисьмо Манефона Севеннитского Птолемею Филадельфу Великому царю Птолемею Филадельфу Августу, Манефон, высший жрец и писец священных храмов Египта, родом из Севеннита,

Во-первых, в письме по отношению к Птолемею Филадельфу использован эпитет Август (Βασιλεῖ μεγάλῳι Πτολεμαίῳι Φιλαδέλφῳι Σεβαστῳι «великому царю Птолемею Филадельфу Августу»). Подобное обращение могло бы быть мыслимо в римское время, но никак не в царствование Птолемея II. Во-вторых, в тексте упомянут Гермес Трисмегист, имя божества, которое не встречается вплоть до I в. до н.э. (ἐμαθον ἐν τῇ βιβλίᾳ γραφέντᾳ ὑπὸ τοῦ προπάτορος τρισμεγίστου Ερμού «изучил в священной книге, написанной предком Трижды великим Гермесом»)⁷⁰. Еще одним свидетельством против достоверности этого письма является использование по отношению к Птолемею II эпитета «Филадельф». При жизни Птолемея II данный эпитет по отношению к царю не засвидетельствован и относился только к его покойной жене, Арсиное Филадельфе⁷¹. В аутентичном письме более логичным и правильным было бы использование имен и царя, и царицы вместе с эпителезой «боги-адельфы» (θεοὶ Ἀδελφοί)⁷².

Однако, несмотря на серьезные сомнения в принадлежности этого текста самому Манефону, можно допустить, что он основан на реальных сведениях о его жизни и деятельности, известных его составителю. Последний, стремясь выдать это письмо за подлинное, не стал бы сообщать вымышленную информацию о Манефоне, а, напротив, воспроизвел бы известные ему из доступных источников сведения, представлявшиеся достоверными⁷³. Соответственно, можно доверять сообщению этого текста как о происхождении Манефона из Севеннита, так о его высоком положении в жреческой иерархии и, вероятно, в Гелиопольском храме (Μανεθῶ ἀρχιερεὺς καὶ γραμματεὺς τῶν κατ' Αἴγυπτον ἱερῶν ἀδύτων, γένει Σεβεννύτης, ὑπάρχων Ἠλιουπόλιτης «Манефон, верховный жрец и писец священных храмов в Египте, родом из Севеннита, живущий в Гелиополе»).

Подводя итог, констатируем, что хотя информация о жизни Манефона слишком мала (многие детали его биографии и даже его настоящее имя остаются загадкой), тем не менее представляется возможным представить роль и место этого жреца в жреческой корпорации. По-видимому, Манефон занимал довольно высокое положение в жреческой среде, являясь жрецом храмов в Севенните и Гелиополе. Кроме того, он участвовал в важных мероприятиях, направленных на укрепление легитимности правящей династии: он оказывается одним из создателей культа Сараписа, а в своем историческом труде «Αἰγυπτιακά» показывает, что сакральная царственность стала достоянием династии Птолемеев. Деятельность Манефона позволяет отнести его к особой категории жрецов – сторонников царей династии Птолемеев, активно сотрудничавших с ней и участвовавших в создании новых форм ее пропаганды.

живущий в Гелиополе, приветствует владыку моего Птолемея. Нам нужно подумать, о великий царь, обо всех вещах, которые ты хочешь, чтобы мы исследовали, касательно спрошенного тобой о том, каким предначертано быть мирозданию. Как приказано мне, раскрою тебе, что изучил в священной книге, написанной предком, Трижды великим Гермесом. Прощай, владыка, мой царь».

⁷⁰ Speyer 1971, 255.

⁷¹ Hazzard 2000, 4.

⁷² Caneva 2014, 155.

⁷³ Waddell 1980, xi; Laquer 1928, 1061.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Berg, B. 1973: An Early Source of the Alexander Romance. *GRBS* 14, 381–387.
- Blöbaum, A.I. 2006: “Denn ich bin ein König, der Maat liebt”: Herrscherlegitimation im spätzeitlichen Ägypten. Aachen.
- Briant, P. 1982: *Rois, tributs et paysans. Etudes sur les formations tributaires du Moyen-Orient ancien*. Paris.
- Caneva, S.G. 2014: *From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty*. Leuven.
- Černý, J. 1941: Il MAN-copto e l’etimologia del nome di Manetone. In: sine nomine (Hrsg.), *Miscellanea Gregoriana: raccolta di scritti pubblicati nel I centenario dalla fondazione del Pont. Museo Egizio (1839–1939) (Monumenti vaticani di archeologia e d’arte 6)*. Vatikanstadt, 57–61.
- Chevereau, P. 1985: *Prosopographie des cadres militaires égyptiens de Basse Époque*. Paris.
- Collier, S. 1996: *The Crowns of Pharaoh: Their Development and Significance in Ancient Egyptian Kingship*. Los Angeles.
- Daumas, F. 1952: *Les moyens d’expression du Grec et de l’Égyptien comparés dans les decrets de Canope et de Memphis*. Le Caire.
- Demidchik, A.E. 2005: *Besymyannaya piramida. Gosudarstvenny doktrina drevneegyptskoy monarkhii [A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]*. Saint Petersburg.
- Демидчик, А.Е. 2005: *Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб.
- Derchain, Ph. 1997: *Die antiken Skulpturen in Chatsworth. (monumenta Artis Romanae 26)*. Mayence.
- Dillery, J. 2015: *Clio’s Other Sons: Berossus and Manetho, with an afterword on Demetrius*. Ann Arbor.
- El-Masry, Y., Altenmüller, H., Thissen, H.J. 2012: *Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr.* Hamburg.
- Fischer-Bovet, C. 2014: *Army and Society in Ptolemaic Egypt (Armies of the Ancient World)*. Cambridge.
- Gorre, G. 2009a: *Les relations du clergé égyptien et des Lagides d’après les sources privées*. Leuven.
- Gorre, G. 2009b: Nectanébo-le-faucon et la dynastie lagide. *AS* 39, 55–69.
- Gorre, G., Veisse, A. 2020: Birth and disappearance of the priestly synods in the time of the Ptolemies. In: G. Gorre, St. Wackenier (eds.), *Quand la fortune du royaume ne dépend pas de la vertu du prince: Un renforcement de la monarchie lagide de Ptolémée VI à Ptolémée X (169–88 av. J.–C.)?* Leuven, 113–140.
- Griffiths, J.G. 1970: *Plutarch’s De Iside et Osiride*. Cambridge.
- Guermeur, I. 2003: Rev: Derchain Ph. Les impondérables de l’hellénisation. *Turhout*, 2000. *BiOr* 60, N 3–4. Col. 327–340.
- Helck, W. 1974: *Die altägyptische Gaue (Beihefte zum Tübinger Atlas des vorderen Orients, Reihe B, 42)*. Wiesbaden.
- Helck, W. 1977: Hatia. In: W. Helck, E. Otto (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. II. Wiesbaden, 1042.
- Huß, W. 1991: Die in ptolemäischen Zeit verfaßten Synodal-Dekreten der ägyptischen Priester. *ZPE* 88, 189–208.
- Huss, W. 2001: *Ägypten in der hellenistischen Zeit, 332–30 v. Chr.* München.
- Kees, H. 1914: Das Felsheiligtum des Min bei Achmim. *RT* 36, 51–56.
- Kroll, W. 1926: *Historia Alexandri Magni*. Berlin.

- Kuhlman, K.P. 1979: Der Felstempel des Eje bei Achmim. *MDAIK* 35, 165–189.
- Kurth, D. 1986: Thot. In: W. Helck, E. Otto (Hrsg.), *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. VI. Wiesbaden, 497–523.
- Ladynin, I.A. 2009: “Sokoly-Nektaneby”. Skulpturnye izobrazheniya Nektaneba II pered bogom Khorom i ikh kontseptsiya [“Nectanebos-The Falcons”: sculpture images of Nectanebo II before the god Horus and their concept]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 3–26.
- Ладынин, И.А. 2009: «Соколы-Нектанебы»: Скульптурные изображения Нектанеба II перед богом Хором и их концепция. *ВДИ* 4, 3–26.
- Ladynin, I.A. 2015: Grobnitsa Petosirisa v Tuna-el-Gebel i eye “mir-dvoynik”: k vozmozhnoy interpretatsii pamyatnika v svete nastroyeni egipetskoj elity v nachale ellinisticheskogo vremeni [The Tomb of Petosiris at Tuna El-Gebel and Its “World of Doubles”: An Interpretation of the Monument in the Light of the Egyptian Elite’s Moods of the Early Hellenistic Time]. *Vostok* [Oriens] 5, 48–64.
- Ладынин, И.А. 2015: Гробница Петосириса в Туна эль-Гебель и ее «мир-двойник»: к возможной интерпретации памятника в свете настроений египетской элиты в начале эллинистического времени. *Восток* 5, 48–64.
- Ladynin, I.A. 2016: Dinasticheskiy kul’t i eponimnoe zhrechestvo Ptolemeev [The dynastic cult and the eponymous priesthood of the Ptolemies]. In: S.Yu. Saprykin, I.A. Ladynin (eds.), “Bogi sredi ludey”: kul’t praviteley v ellinisticheskoy, postellinisticheskoy i rimskoy mire [‘Gods among Men’: The Rulers’ Cult in the Hellenistic, Post-Hellenistic and Roman World]. Moscow, 265–312.
- Ладынин, И.А. 2016: Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. В кн.: С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. М., 265–312.
- Ladynin, I.A. 2017: “Snova pravit Egipet!” Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsyakh i konstruktakh pozdneegipetskikh istoriografii i propagandy. [‘Egypt Rules Again!’ The Start of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]. Saint-Petersburg.
- Ладынин, И.А. 2017: «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб.
- Ladynin, I.A., Nemirovskiy, A.A. 2018: Manefon i ego trud v novom monograficheskom issledovanii J. Dillery. Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 2, 1032–1052.
- Ладынин, И.А., Немировский, А.А. 2018: Манефон и его труд в новом монографическом исследовании. J. Dillery. Clio’s Other Sons. Berossus and Manetho. A Discussion of the First Written Histories of Babylon and Egypt. Ann Arbor, 2015. *ВДИ* 2, 1032–1052.
- Lang, Ph. 2013: *Medicine and Society in Ptolemaic Egypt*. Leiden.
- Laqueur, R. 1928: Manethon. In: Au. Pauly, G. Wissowa, W. Kroll, K. Witte, K. Mittelhaus, K. Ziegler (Hrsg.), *Paulys Real-Enzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 27. Stuttgart, 1060–1101.
- Lepsius, R. 1849: *Die Chronologie der Aegypter*. Berlin.
- Liddell, H.G., Scott, R., Jones, H.S., McKenzie, R. (eds.) 1996: *A Greek-English Lexicon*. Oxford.
- Lorton, D. 1974: Rev: Reiser E. Der königliche Harim im alten Ägypten und seine Verwaltung. Wien, 1972. *JARCE* 11, 98–101.
- Manning, J.G. 2010: *The Last Pharaohs: Egypt Under the Ptolemies, 305–30 BC*. Princeton.
- Minas, M. 2000: *Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige. Ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den griechischen und demotischen Papyri*. Mainz.
- Mosshammer, A.A. 1984: *Georgii Syncelli Ecloga chronographica*. Leipzig.

- Moyer, I. 2011: *Egypt and the limits of Hellenism*. Cambridge.
- Nillson, M. 2010: *The Crown of Arsinoe. The creation and development of an imagery of authority*. Gothenburg.
- Panov, M.V. 2017: *Istochniki po istorii zhrecheskikh semey Memfisa i Letopolya v pozdnyi period*. [Documents on the History of the Priestly Families from Memphis and Letopolis in the Late Period]. Novosibirsk.
- Панов, М.В. 2017: *Источники по истории жреческих семей Мемфиса и Летополя в поздний период*. Новосибирск.
- Pfeiffer, St. 2008: The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt. In: P. McKechnie, Ph. Guillaume (eds.), *Ptolemy II and His World*. Leiden, 387–408.
- Quaegebeur, J. 1989: The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. *AS* 20, 93–116.
- Quaegebeur, J. 1995: À la recherche du haut clergé thébain à l' époque gréco-romaine. In: S.P. Vleeming (ed.), *Hundred-gated Thebes: Acts of a colloquium on Thebes and the Theban area in the Graeco-Roman period*. Leiden, 139–162.
- Redford, D. 1986a: *Pharaonic King-Lists, Annals and Day-Books – A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History*. Mississauga.
- Redford, D. 1986b: B The Name Manetho. In: L.H. Lesko (Hrsg.) *Egyptological Studies in Honor of Richard A. Parker*. Hannover, London, 118–121.
- Reymond, E.A. 1981: *From the Records of a Priestly Family from Memphis*. V1. Wiesbaden.
- Rössler-Köhler, U. 1991: *Individuelle Haltungen zum ägyptischen Königtum der Spätzeit: Private Quellen und ihre Königswertung im Spannungsfeld zwischen Erwartung und Erfahrung*. Harrassowitz, XIV (Göttinger Orientforschungen. IV. Reihe: Ägypten; 21). Wiesbaden.
- Speyer, W. 1971: *Die literarische Fälschung im heidnischen und christlichen Altertum: ein Versuch ihrer Deutung*. Bd. I, 2 Munich.
- Spiegelberg, W. 1928: Der Name Manetho, *OLZ* 31, 145–148.
- Struve, V.V. 2003: *Manefon i ego vremya* [Manetho and his time]. Saint Petersburg.
- Струве, В.В. 2003: *Манефон и его время*. СПб.
- Thissen, H.J. 1987: Der Name Manetho. *Enchoria* 15, 93–96.
- Turayev, B.A. 1898: *Bog Tot. Opyt issledovaniya v oblasti istorii drevneegipetskoj kultury* [God Thoth. An Attempt of Study in the Field of the Ancient Egyptian Culture]. Leipzig.
- Тураев, Б.А. 1898: *Бог Тот. Опыт исследования в области истории древнеегипетской культуры*. Лейпциг.
- Turner, E.G.M., Lenger, Th. 1955: *The Hibeh Papyri, Part II. Edited with translation and notes*. London.
- Waddell, W.G. 1980: *Manetho. With an English translation by W.G. Waddell*. Cambridge, London.
- Welles, C.B. 1970: The role of the Egyptians under the First Ptolemies. In: D.H. Samuel (ed.), *Proceedings of the Twelfth International Congress of Papyrology. Ann Arbor, 13–17 August 1968*. Toronto, 505–510.
- Winter, E. 1978: Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. In: H. Maehler (Hrsg.), *Das ptolemäische Ägypten: Akten des Internationalen Symposions, 27–29. September 1976 in Berlin*. Mainz, 147–160.

MANETHO OF SEBENNYTOS AND HIS ROLE IN THE EGYPTIAN
PRIESTHOOD

Mikhail S. Apenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: mikhap97@live.com

Abstract. Manetho of Sebennyptos is one of the most famous Egyptian priests of Ptolemaic Egypt. An ancient tradition has preserved a large amount of information about him. Meanwhile, little is known about his position and role as a member of the wider Egyptian priesthood and about his life. Even his real Egyptian name remains a mystery. The main purpose of this article is to place Manetho in the larger context of the Egyptian priesthood and thus to define his position and role within it. We would also like to determine what kind of activity he was engaged in as an Egyptian priest. The article reveals three main categories of the Egyptian priesthood, based on the attitude towards the ruler of the Ptolemaic dynasty: 1) priests who did not show loyalty to the dynasty; 2) priests who supported the new dynasty, but did not take an active part in its legitimation; 3) priests who actively worked for the kings and initiated new forms of dynastic propaganda. Manetho must be transferred to the third group. He took part in various activities to increase the legitimacy of the new dynasty: he was one of the founders of the cult of Sarapis and used his work *Αἰγυπτιακά* to show that the Ptolemaic dynasty was endowed with a sacred kingdom. As for the specific activities of Manetho as an Egyptian priest, we cannot say anything with a high degree of certainty. Thus, based on the sources, it can be assumed that Manetho was a priest in a number of temples of Sebennyptos and Heliopolis.

Keywords: Ancient Egypt, Hellenism, Ptolemies, Manetho of Sebennyptos, priesthood, royal cult

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 124–144
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 124–144
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-124–144

ГРАЖДАНЕ ПОЛИСОВ, ПОДДАННЫЕ И СОЮЗНИКИ ЦАРЕЙ: ЗАМЕТКИ О МАКЕДОНИИ ВРЕМЕНИ АНТИГОНИДОВ И ИХ ДЕРЖАВЕ

Ю.Н. Кузьмин

*Самарский филиал Московского городского педагогического университета, Самара,
Россия*

E-mail: yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1560-2245

Аннотация. В статье анализируется характер державы Антигонидов (с конца 270-х гг. до н.э. по 168 г. до н.э.) и статус в ней «македонян» (граждан македонских полисов и других территориально-административных структур в собственно Македонском царстве), граждан фессалийских городов, бывших частью Македонской державы, граждан греческих полисов, имевших «союзный» статус, в разное время включенных в державу Антигонидов (Коринф, Афины, Халкида, Эретрия, Кавн и др.). Также проанализированы декреты ряда македонских и союзных Антигонидам полисов по поводу асии (священной неприкосновенности) нескольких святилищ (Асклепийона на Косе, храма Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре и др.); они могут свидетельствовать о восприятии данных полисов извне как субъектов межгосударственных отношений в религиозно-культурной сфере. Также затронут и ряд более частных сюжетов.

Ключевые слова: Македония, держава Антигонидов, Фессалия, Коринф, Афины, Эвбея, Кария, граждане, подданные, асия

Памяти Андрея Ивановича Попова

В хронологическом плане данная работа посвящена столетнему периоду истории династии Антигонидов от ее окончательного утверждения в Македонии при Антигоне II Гонате (283–239 гг.¹) в 270-х гг. и до царствования последнего Антигониды Персея (179–168 гг.).

Данные об авторе: Юрий Николаевич Кузьмин – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, международного права и зарубежного регионоведения Самарского филиала МГПУ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00099 («Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в пост-классическое время: правовые основы, практики, дискурсы»).

¹ Здесь и далее все даты – до н.э.

До поражения во второй войне с Римом (200–197 гг.) Антигониды правили державой, которая в периоды расширений (при Антигоне II, Антигоне III и в первой половине царствования Филиппа V) простиралась от Адриатики до Карики. Македония была лишь ее центром. Даже после 197 г. и утраты большей части владений вне Македонии два последних Антигониды, Филипп V и Персей, сохраняли контроль над Пеонией, некоторыми фракийскими и фессалийскими территориями (см. далее). В настоящее время очевидно, что держава Антигонидов времени их правления в Македонии имела больше черт, сближавших ее с «классической моделью» эллинистической державы, чем это допускалось прежде.

С 224 г. Антигониды возглавляли Эллинский союз – симмахию, объединявшую в течение четверти века немалую часть государств Балканской Греции². В состав союза входили как независимые государства (федерации ахейцев, беотийцев, акарнанов, фокидян, эпиротов), так и македоняне с фессалийцами.

МАКЕДОНИЯ

Македонское государство эллинистической эпохи образовывали два элемента – монархия и «македоняне» («этнос македонян»). При этом политическое доминирование царей было несомненным. Македоняне были подданными монархов, но при этом и гражданами полисов или других структур, являвшихся частью «этноса македонян». Это отражено в происходящих не из Македонии эпиграфических источниках: когда рядом с именем указываются этникон «македонянин» (Μακεδών), а также полисоним и/или локальный этникон (например, «Филарх, сын Гелланиона, македонянин-элимиот из Пифия»³; «Клеохар, сын Пифея, македонянин из Амфиполя»⁴).

«Македония» являлась т.н. «национальной» территорией – согласно терминологии М. Хадзопулоса⁵, центром державы Антигонидов. Македонские земли делились на то, что можно назвать царским доменом (χωρά βασιλική), и территории полисов, объединений городов или сельских поселений, а также этносов.

Земли, не входившие в χωρά βασιλική, образовывали четыре больших военно-административных округа, к которым, как это теперь очевидно, восходили т.н. «части» (μερίδες) – «республики», на которые римляне поделили Македонское царство в 167 г.⁶ К первому «округу» относились территории восточнее р. Стримон (его центром был Амфиполь); второму – земли между Стримоном и Аксием (центр – Фессалоника); третьему – территории Боттии и Пиерии от Аксия до Пеней (центр – Пелла); четвертому – т.н. Верхняя Македония (центром была, видимо, Гераклея в Линкестиде). Четвертый округ, скорее всего, так и именовался «Верхняя Македония»; третий – «Боттия»; второй – «Амфакситида»; название первого неизвестно (имеются эмиссии, явно относящиеся ко времени последних Антигонидов, от имени «македонян первой части» – «Μακεδόνων πρώτης μερίδος»⁷).

² Об устройстве Эллинского союза см. Scherberich 2009, 177–194.

³ FD III 4 417III, сткк. 14–15: ... Φιλάρχῳ Ἑλληνίων Μακεδόνι Ἐ[λ]ειμιώτ[η] ἐκ Πυθείου.

⁴ Knoepfler, Décrets érétriens 10, сткк. 2–3: ... Κλεοχάρης Πυθείου Μακεδόν ἐξ Ἀμφιπόλεως.

⁵ См. подробнее: Hatzopoulos 1995, 164–177.

⁶ Hatzopoulos 1996 I, 231–260. Критика П. Жюэлем концепции о делении Македонского царства на округа (Juhel 2011, 579–612) не является убедительной (ср. Hatzopoulos 2020, 119–121).

⁷ Krenydi 2018, 284–285.

Во главе округов, а также некоторых меньших административных единиц стояли стратеги, назначавшиеся царями⁸. Одним из стратегов Ботии при последних Антигонидеях мог быть Гиппократ, сын Никократа, при котором в Берое был принят закон о гимнасиархе (ЕКМ I [= I. Beroia] 1).

На восточном направлении «национальная» македонская территория включала земли за р. Стримон, но Филиппы, основанные на фракийских землях Филиппом II, которые обычно считают македонским городом, могли находиться за ее пределами и иметь что-то вроде «союзного» статуса в отношениях с Антигонидеями. Показательно, что нет ни одного примера, когда в источниках гражданин Филипп именуется «македонянином»⁹.

Македонские города в царстве Антигонидов имели различное происхождение, исторические и политические традиции. Среди них были: старые города Нижней Македонии (Боттии и Пиерии), изначальных владений царей из династии Аргеадов-Теменидов (Эги, Бероя, Миеза, Эдесса и др.); бывшие греческие колонии, завоеванные македонскими монархами (Мефона, Амфиполь и др.) и иные поселения (Пелла); а также города, основанные царями (самые важные из них – это Фессалоника и Кассандрия). Города преобладали в Нижней Македонии и на т.н. «новых землях», территориях восточнее р. Аксий. В Верхней Македонии доминировали этносы, хотя важными городами были Гераклея в Линкестиде и Эана в Элимее.

В эпиграфических источниках македонские города эллинистического времени обозначаются как полисы (πόλεις – например: IG XII 4 1 220I–III–221AI), их гражданские коллективы как политевмы (πολιτεύματα – SEG XLIX 722, стк. 11; 855, сткк. 21–22), а жители – как политы-граждане (πολίται – SEG XLVIII 785). Города имели собственное гражданство, своды законов и органы власти. В них функционировали народные собрания, советы, а также различные магистраты (эпистаты, архонты, жрецы-эпонимы, стратеги, номофилаки, казначеи). Случаи вмешательства в дела ряда полисов со стороны царей засвидетельствованы, но они явно не были постоянной практикой. Будучи частями монархического государства, македонские города не могли проводить внешнюю политику, которая являлась прерогативой царского двора.

В Пелле, Эгах, а также в Деметриаде в Магнесии – трех «столицах» Антигонидов, являвшихся автономными полисами, находились царские дворцы, хотя резиденции, использовавшиеся царями, несомненно, были и в некоторых других важных городах (среди них Фессалоника и Амфиполь)¹⁰.

Согласно эпиграфическим данным, гражданские коллективы македонских полисов подразделялись на филы, а также имущественные классы (цензовые детали неизвестны, но более обеспеченные подданные македонских царей зачислялись в элитные части армии – корпус пельгастов и агему, а также в отряд гипаспистов)¹¹. Юноши готовились к гражданской жизни и военной службе проходя эфебию и посещая гимнасии. Наиболее важными источниками об этом аспекте истории ма-

⁸ Ср. Hatzopoulos 2020, 120.

⁹ См. подробнее: Hatzopoulos 2016a, 106–112.

¹⁰ О дворцах македонских царей см. Ferrara 2020.

¹¹ Hatzopoulos 2001, 56–73, 103–107.

кедонского общества являются законы об обязанностях гимнасиарха из Берои¹² и эфебарха из Амфиополя¹³, которые, судя по всему, относятся ко времени последних Антигонидов¹⁴.

Благодаря надписям из Драмы (регион Амфиополя) и Неа Потидеи (Кассандрии) времени царствований Филиппа V или его преемника Персея, сохранивших идентичные тексты установлений с подробным описанием процедуры набора в армию Антигонидов (Hatzopoulos 2001, № 2 I–II = SEG XLIX 722, 855), известен социальный аспект македонской военной организации эллинистического времени. В этих надписях фигурирует ранее не встречавшийся термин *πυρόκαυστις*, который можно перевести как «очаг» или «костер». В ряде случаев *πυρόκαυστις*, видимо, аналогичен *οἰκία* (семья, дом) и должен пониматься как административная мобилизационная единица, выставлявшая одного воина (призыв проводился на основе числа мужчин в семье и их возраста)¹⁵.

Имеется мнение о том, что в Македонии женщины имели более высокий социальный и правовой статус, в сравнении с супругами граждан греческих полисов¹⁶. В одной из надписей эллинистической эпохи из Дия сохранился список имен 68 граждан, который был выполнен в разное время несколькими резчиками (SEG L 589). В нем присутствует раздел с именами вдов (*χῆραι πολίτιδες*), которые, согласно точке зрения М. Хадзопулоса (BE 2002 254), считались главами семей.

Очевидно, что «македонянин», бывший царским подданным и гражданином родного полиса или этноса, не имел подобного «гражданского» статуса в других частях Македонии. В надписи, происходящей из Эордеи (или Элимеи) в Верхней Македонии, относящейся к концу 180-х гг. (EAM 87), говорится о том, что по решению Филиппа V группа воинов из Эвии получила земельный участок, который ранее принадлежал некоему Коррагу, сыну Пердикки, «бывшему одним из метеков в Грее» (... τῶν ἐν Γρίῳ μετοίκων).

Остается под вопросом, где являлся метеком Корраг – в Грее, если буквально понимать надпись (по другим источникам это место неизвестно; есть сомнения, что оно имело статус полиса), Эвии или даже в Эордее (Элимее)¹⁷. Возможно, что Корраг, согласно имени и патронимику, несомненно, бывший македонянином¹⁸, получил от царя землю в Эордее (Элимее), хотя происходил из другого места. После его смерти или в силу того, что по какой-то причине пожалование было аннулировано¹⁹, Филипп V передал надел Коррага отряду воинов из Эвии.

В пользу теории о смерти Коррага может свидетельствовать параллель с ситуацией, зафиксированной в Пифии, входившем в Трехградье в Перребии, где

¹² Gauthier, Hatzopoulos 1993.

¹³ Lazaridou 2015, 1–45.

¹⁴ Gauthier, Hatzopoulos 1993, 35–41; Hatzopoulos 1996 I, 134–138; Lazaridou 2015, 41–44; Hatzopoulos 2016b, 31–33. Закон об эфебархе сохранился благодаря копии римского времени, датированной 125-м годом македонской провинциальной эры (= 24/23 г.), но то, что он относится к концу монархии Антигонидов не вызывает сомнений.

¹⁵ Hatzopoulos 2001, 91–96. Мнение Х. Хрисафиса (Chrysafis 2014, 455–468) о *πυρόκαυστις*, как синониме термина *λόχος* (подразделения из 16 воинов), интересно, но подобная трактовка ставит больше вопросов, чем дает ответов.

¹⁶ Carney 2010, 409–410, 413–414.

¹⁷ Hatzopoulos 1996 I, 97.

¹⁸ Ср. Gabbert 1988, 11; Mari 2019, 219.

¹⁹ Ср. Mari 2019, 219.

царь Деметрий II вернул (или включил) в царский домен виноградник некоего Павсания, который умер, не оставив завещания (Tziafalias, Helly 2010, 85 [№ II] = SEG LX 605)²⁰. Виноградник мог быть царским пожалованием и после смерти Павсания подлежал возврату, т.к. усопший не имел наследников. Однако более вероятно, что в Македонии земли, утратившие владельцев, становились царской собственностью (анalogии этому имеются на эллинистическом Востоке²¹).

В случае Коррага мог иметь место следующий сценарий. Его обозначение как метека указывает на то, что он владел наделом земли полиса или этноса, а не участком из царского домена (в данном случае его наименование μέτοικος не имело бы смысла). Фразу «τὸν ἐν Γρήαι μετοίκων» можно понимать, что, будучи метеком в полисе Эвия, или этносе зордов (или элимиотов), он лишь жил в Греции. Соответственно, Корраг имел право купить землю вне пределов своей «малой родины». Однако, когда он умер, видимо, не оставив наследников, надел стал царской собственностью и был передан Филиппом V отряду воинов, попросивших об этом.

В Македонии эллинистического времени имелись и категории населения, стоявшие вне «гражданской» организации. В сильно поврежденной надписи из района Кирра в Нижней Македонии, датируемой, видимо, первой половиной III в. и содержащей текст обширного документа о переустройстве городского пространства, присутствует слово λαοί, за которым идет несколько имен (ЕКМ II 2 401, стк. 31). В эпоху эллинизма на Востоке это был один из терминов, обозначавших зависимое население, прикрепленное к земле²². Еще совсем недавно доминировало мнение, которое, к примеру, четко сформулировано в монографии Ф. Папазоглу о лаой и паройках, что «в Македонии и Греции, главных частях царства Антигонидов, лаой не засвидетельствованы, и, если мы посмотрим правде в глаза, их не могло быть»²³. Однако в свете киррской надписи следует признать, что институт лаой имел место в Македонии. К данной категории могли относиться фракийцы, кельты и иллирийцы, проживание которых в центральных районах Македонии при последних Антигонидеях фиксируется в литературных источниках (Polyb. XXIII. 10. 4–6; Liv. XL. 30. 5)²⁴. Возможно, что лаой в Македонии эллинистического времени трудились наряду с рабами²⁵ как на царских землях, так и в крупных частных хозяйствах²⁶.

ФЕССАЛИЯ

Важнейшей частью державы Антигонидов являлась Фессалия. Впервые фессалийские земли (как собственно Фессалия, так и ее т.н. «периферийные регио-

²⁰ Martín González, Paschidis 2020, 69.

²¹ Haussoullier 1923, 519 = P. Dura 12. См. подробнее: Tziafalias, Helly 2010, 86–93.

²² См. подробнее: Papazoglou 1997, 9–141.

²³ Papazoglou 1997, 2.

²⁴ Ср. Hatzopoulos 2020, 54.

²⁵ В литературных и эпиграфических источниках имеются указания о рабовладении в Македонии эллинистического времени. Среди надписей присутствуют манумиссии – документы об освобождении рабов и их условиях (ЕКМ I [I. Beroia] 45–46). В законе о гимнасиархе из Бери рабы, вольноотпущенники и их сыновья попадают в категорию лиц, которым запрещено посещение гимнасия, предназначенного только для граждан (ЕКМ I [I. Beroia] 1B, сткк. 26–28).

²⁶ В сельском хозяйстве важную роль играл труд свободных крестьян, имевших свои наделы (например, Филипп V распускал армию для сбора урожая – Polyb. IV.66.7).

ны» – Перребия, Фтиотидская Ахайя и др.) были интегрированы в Македонскую державу Филиппом II к концу 350-х гг.²⁷ Однако ни тогда, ни позднее, в эпоху эллинизма, Фессалия не была включена в т.н. «национальную» македонскую территорию²⁸. Только часть Перребии – т.н. Трехградье (Пифий, Долиха и Азор) – административно вошло в один из верхнемакедонских регионов, Элимею (однако см. далее замечание о статусе Магнесии при Антигонидях)²⁹.

Фессалийцы, особенно знаменитая конница, играли важную роль в военной организации Македонской державы, а представители ряда аристократических семей были частью придворной элиты династий Аргеадов-Теменидов и Антигонидов. Несмотря на это, фессалийцы не раз пытались освободиться от македонского владычества (после убийства Филиппа II в 336 г.; вслед за смертью Александра Великого, в ходе Ламийской войны в 323–322 гг.; в начале 220-х гг. в финале неудачной для Македонии Деметриевой войны против этоло-ахейского альянса). Судя по всему, фессалийцы были свободными в конце 280-х – начале 270-х гг., во время «междоусобицы» в Македонии после гибели диадоха Лисимаха и распада его державы и до окончательного прихода к власти Антигонидов.

После утверждения Антигонидов в Македонии в 270-х гг. Фессалия вновь стала частью Македонской державы, но как это произошло, неизвестно³⁰. Однако показательно, что, видимо, с конца первой половины 270-х гг. фессалийские гегемоны не появлялись в совете Дельфийской амфикистии, в которой во время доминирования в ней этолийцев обычно отсутствовали народы, находившиеся под властью Антигонидов³¹. Свобода от македонских царей была обретена фессалийцами после поражения Филиппа V во второй войне против Рима (200–197 гг.). Позднее за помощь римлянам во время их войны с Антиохом III Филиппу удалось вернуть контроль над некоторыми периферийными фессалийскими регионами (в первую очередь Фтиотидской Ахайей).

В позднеантичной исторической традиции (у Порфирия и Евсевия) Антигониды, начиная с Антигона Гоната и кончая Филиппом V, именуются «царями» фессалийцев (Euseb. Chron. I. 241–247 Schoene). Данное определение не следует понимать буквально, но оно отражает внешние представления о положении фессалийцев в составе Македонской державы.

Описывая события начала царствования Филиппа V, Полибий отмечал: «казалось, что фессалийцы жили согласно законам, что существенно отличало их от македонян, но на самом деле с ними обращались так же, как и с македонянами, и они подчинялись всем царским распоряжениям»³². Оценка Полибием положения фессалийцев при Антигонидях представляет ретроспективный взгляд со стороны, который следует признать в целом корректным (и, что важно, он близок по времени к описываемой эпохе, особенно в сравнении с упомянутой выше позднеантичной традицией), но его необходимо уточнить на основе эпиграфических источников. Также следует помнить о том, что, характеризуя собственно Маке-

²⁷ Graninger 2010, 314–316.

²⁸ Cp. Hatzopoulos 1996 I, 207.

²⁹ FD III 4 417III. См. подробнее: Hatzopoulos 2020, 41–42; cp. Graninger 2010, 323.

³⁰ Об истории Фессалии в III в. см. Helly 2009, 339–368.

³¹ Cp. Graninger 2010, 320.

³² Polyb. IV.76.2: Θετταλοὶ γὰρ ἐδόκουν μὲν κατὰ νόμους πολιτεύειν καὶ πολὺ διαφέρειν Μακεδόνων, διέφερον δ' οὐδέν, ἀλλὰ πᾶν ὁμοίως ἐπασχον Μακεδόσι καὶ πᾶν ἐποίουν τὸ προσταττόμενον τοῖς βασιλικοῖς.

донию и последних Антигонидов, Полибий проявил непонимание сущности Македонского государства и продемонстрировал весьма субъективное отношение к македонским царям и македонянам³³.

Надписи свидетельствуют, что в державе Антигонидов фессалийские города, как центральные, так и периферийные, обладали полисным статусом, в них были народные собрания и локальные магистраты (таги, гимнасиархи, жрецы и др.), они имели собственное гражданство, законы и право признавать асилию (см. далее).

В фессалийской Магнесии находилась Деметриада – город, основанный ок. 294 г. Деметрием Полиоркетом, ставший одной из резиденций Антигонидов наряду с Пеллой и Эгами в Македонии. Впрочем, судя по всему, земли вокруг Деметриады, а, возможно, и вся Магнесия административно были частью македонской «национальной территории», включавшей и царские владения – *χώρα βασιλική*, которые зафиксированы в эпиграфике (SEG LVI 626)³⁴. Деметриада, будучи важным портом, являлась одним из космополитичных полисов, порожденных эпохой эллинизма. Гражданский коллектив Деметриады изучен не очень хорошо, но надгробия, происходящие из местных некрополей, сохранили имена множества людей, которых можно назвать «метеками»: это были граждане Амфиполя, Кассандрии, эпироты, критяне, выходцы с Востока (одним из них был жрец Исиды египтянин Уафр³⁵).

Остается открытым вопрос, функционировал ли в какой-либо форме при Антигониде Фессалийский союз, прежде объединявший четыре части собственно Фессалии? Б. Элли, один из крупнейших специалистов по фессалийской истории и эпиграфике, не раз высказывался против предположений о существовании Фессалийского союза в составе державы Антигонидов³⁶. Однако «фессалийцы» упоминаются сообща в декрете одного из фессалийских городов, название которого не сохранилось, по поводу асиии косского Асклепийона в 243 г.³⁷ Высказывались предположения, что это может быть декрет Лариссы³⁸. Также упоминания «фессалийцев» как общности в III в. присутствуют в нескольких внешних эпиграфических источниках³⁹, хотя их точная датировка затруднена.

В 224 г. «фессалийцы» вошли в созданный Антигоном III Эллинский союз и наряду с другими участниками этой симмахии – независимыми государствами – отправляли представителей в союзный синедрион (Polyb. IV. 9. 4; XI. 5. 4; ср. SVA III 507). Данное обстоятельство может указывать на то, что и ранее отношения Антигонидов и фессалийских общин, объединенных в некую структуру, формально носили, видимо, «союзный» характер.

Обширная надпись о политографии (пополнении гражданского коллектива) в Лариссе (в 217 и 215 гг.) засвидетельствовала процесс взаимодействия македонского монарха и важнейшего из фессалийских полисов (IG IX 2 517). Надпись включает тексты двух писем Филиппа V магистратам (тагам) и гражданам Ларис-

³³ Hatzopoulos 2014, 99–106, 120.

³⁴ См. подробнее: Stamatopoulou 2018, 343–376; ср. Hatzopoulos 2020, 42.

³⁵ Stamatopoulou 2018, 365.

³⁶ Например: Helly 2009, 352–355.

³⁷ IG XII 4 1 217, стк. 7: [... καὶ κοινὰ πὸτ τὸ ἔθνος τ]ὸ Πετθαλοῦν καὶ ἰδία πὸτ τὰν π[όλιν τὰν ...].

³⁸ Bosnakis, Hallof 2003, 236.

³⁹ Кос: IG XII 4 1 133 passim; Эги в Эолиде: Malay, Riel 2009, 48–53.

сы, а также двух постановлений народного собрания по их поводу. Филипп V обращался к гражданам Лариссы посредством писем (ἐπιστολαί) с рекомендациями, а не прямых распоряжений. Постановления лариссян датированы именами местных магистратов – коллегии пяти тагов, а также гимнасиархов, наряду с месяцами и днями согласно локальному календарю (годы царствования Филиппа V – 5-й и 7-й – упомянуты только при цитировании его писем). Гражданский коллектив обозначается и в царских письмах, и в постановлениях лариссян термином *πολιτεῖα*.

После того как Филипп V поддержал обращение к нему группы лариссян с предложением расширить гражданский коллектив полиса, пострадавшего от «войн» (явно имеется в виду закончившаяся незадолго до этого Союзническая война против этолийцев), решение о чем было принято народным собранием (217 г.), в городе сложилась конфликтная ситуация. Часть старых граждан настояла на лишении новых соотечественников их статуса. За этим последовало вмешательство Филиппа (215 г.), который во втором письме рекомендовал лариссянам восстановить новых граждан в правах, что и было сделано.

По мнению ряда исследователей (М. Фейель, Р. Утьен и др.), Филипп V был не просто вовлечен в политографию в Ларисе. Именно он инициировал после 217 г., когда завершилась Союзническая война, пополнение гражданских коллективов не только здесь, но и в ряде других фессалийских городов (Фаланна и Фарсал), а также полисов Беотийской и Ахейской федераций, входивших в возглавляемый им Эллинский союз⁴⁰.

Однако декреты о политографиях в Фаланне (IG IX 2 1228) и Фарсале (IG IX 2 234 = I. Thess. I 50) не указывают на роль македонского царя, а их проведение, очевидно, было инициировано самими полисами. Несмотря на то что на основании палеографии оба документа обычно относят ко второй половине III в.⁴¹, декрет Фарсала производит впечатление более раннего в сравнении с надписью о политографии в Лариссе (217–215 гг.), а исторический фон указывает на то, что пополнение гражданского коллектива в Фаланне имело место скорее в начале II в. после того, как фессалийские земли перестали быть частью державы Антигонидов. Политографии в Беотии и на Пелопоннесе, очевидно, также не были связаны с политикой Филиппа V⁴².

После 197 г. Филиппу V, ставшему на сторону Рима во время войны с Антиохом III, удалось с разрешения римлян вернуть контроль над Фтиотидской Ахайей и Долопией. Ок. середины 170-х гг. в Долопии засвидетельствован македонский *praefectus* (очевидно – стратег) Эвфранор, погибший в ходе восстания (Liv. XLII. 41. 13–14). Полностью автономными все фессалийские земли стали только после крушения монархии Антигонидов в 168 г.

ЮЖНАЯ ГРЕЦИЯ, ЭГЕИДА И МАЛАЯ АЗИЯ

Помимо Македонии и Фессалии со времени Антигона Гоната в державу Антигонидов были включены и некоторые территории в Элладе, отчасти унаследован-

⁴⁰ Feyel 1942, 285–297; Oetjen 2010, 237–254; ср. D’Agostini 2019, 151.

⁴¹ Например: De Luca 2020, 82, 85.

⁴² См. подробнее: Kuzmin, Sizov 2021–2022; ср. Marchand 2010, 332–342; Scherberich 2012, 97–105.

ные им от Деметрия Полиоркета. Главными оплотами владычества Антигонидов вне Македонии в это время являлись Деметриада в Магнесии, Халкида на Эвбее, Пирей и Коринф.

Внук Гоната Филипп V называл Деметриаду, Халкиду и Коринф «оковами Эллады» (Polyb. XVIII. 11. 4–5; 45. 4–6; Strabo IX. 4. 15; Plut. Arat. 16. 6; App. Mac. 8). Эта «цепь» функционировала вплоть до поражения царя во второй войне с римлянами. Неизвестно, бытовало ли определение «оковы Эллады» до Филиппа V, но в более раннее время к ним можно причислить и Пирей (до его освобождения от гарнизона Антигонидов в 229 г. после восстановления подлинной независимости Афинского государства; см. далее).

Представляется, что главным критерием для включения формально автономного полиса именно в «державу» Антигонидов (не используя более абстрактное определение «сфера влияния») следует признать размещение на его территории царского гарнизона. К этому необходимо добавить ограничение права ведения внешней политики. Как будет показано далее на примере Афин, отношения Антигонидов и зависимых греческих полисов строились на основе договоров.

После утверждения Антигона Гоната в Македонии центром земель и государств, входивших в греческую часть державы Антигонидов, был Коринф. В этом полисе находилась резиденция Кратера, единоутробного брата Гоната, который представлял интересы царя в южной Греции (возможно, что в сферу ответственности Кратера входила и Эвбея).

Антигониды контролировали Коринф с конца IV в. до 197 г. — от занятия города Деметрием Полиоркетом до разгрома Филиппа V римлянами и его отказа от греческих владений. За это время они дважды теряли контроль над Коринфом: ок. 249–245 гг. в результате восстания сына Кратера Александра, провозгласившего себя независимым правителем; в 243–224 гг., когда полис, лишь недавно вернувшийся под власть Антигона Гоната, был захвачен ахейцами и около двадцати лет являлся частью Ахейского союза. Последний период контроля Антигонидов над Коринфом начался с передачи ахейцами контроля над городом Антигону III в 224 г. за помощь в войне против Клеомена III⁴³.

Очевидно, что Кратер был стратегом, а не эпистатом или кем-то еще⁴⁴. Стратегами Полиэн и Плутарх называют Архелая и Феофраста, которые примерно в 245–243 гг. вместе с философом Персеем командовали гарнизоном Антигона Гоната в Коринфе и являлись его представителями в данном полисе (Polyaen. VI. 5; Plut. Arat. 23. 5). Говоря о статусе Кратера, можно провести параллели с Таврионом, представлявшим интересы Антигонидов на Пелопоннесе после создания Антигоном III Эллинского союза. Плутарх прямо называет Тавриона стратегом (Plut. Arat. 52. 2), а Полибий говорит о нем, как об ответственном за дела Пелопоннеса⁴⁵.

Имеющиеся источники не дают ответа на вопрос о юридическом характере отношений коринфян с Антигонидами. В 197 г., во время переговоров с римлянами и их греческими союзниками, Филипп V отнес Коринф к «наследственным

⁴³ См. Dixon 2014.

⁴⁴ О стратегах, управлявших внешними владениями Антигонидов и представлявших царские интересы в союзных государствах, см. подробнее: Bengtson 1944, 330–381.

⁴⁵ Например: Polyb. IV.6.4: ... ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ βασιλικῶν πραγμάτων ὑπ' Ἀντιγόνου καταλειμμένος; IV.87.1: ... ὁ ἐπὶ τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τεταγμένος.

владениям» (Liv. XXXII. 34. 12–13: ... quas a maioribus suis acceperisset). Впрочем, эта характеристика явно не отражает правовых аспектов.

Из коринфского декрета об асии храма Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре (208 г.), когда Коринф был частью державы Филиппа V (I. Magnesia 42), следует, что в нем функционировало народное собрание, принявшее решение признать неприкосновенность (см. далее). Скорее всего, отношения Антигонидов с коринфянами носили союзный характер, но зависели и от неформальных факторов – сотрудничества македонских царей, их представителей и элиты коринфского полиса⁴⁶.

Определенной моделью в понимании характера отношений Антигонидов и зависимых греческих полисов может быть пример Афинского государства после окончания в конце 260-х гг. Хремонидовой войны и до 229 г. Освободившись от власти Деметрия Полиоркета в 287 г. и заключив с ним мирный договор (IG II³ 1 911, сткк. 33–43), хотя последнему и его наследнику Антигону Гонату удалось сохранить контроль над Пиреем⁴⁷, Афины стали независимым государством. Выступив против Гоната в составе коалиции Египта, Спарты и ряда других государств в ходе Хремонидовой войны (ок. 268–262 гг.), афиняне, очевидно, хотели вернуть Пирей, но в итоге потерпели поражение и капитулировали (подборка источников: SVA III 477). В последующие тридцать с лишним лет Афинское государство можно считать частью державы Антигонидов⁴⁸. В середине 250-х гг. Антигон даровал афинянам «свободу» (Euseb. Chron. II. 120 Schoene), что, очевидно, выразилось в отказе царя от прямого вмешательства во внутренние дела Афин (подобная практика имела место в первые годы после окончания Хремонидовой войны⁴⁹) и в выводе гарнизонов из Мусейона в самих Афинах, а также Рамнунта, Элевсина и Афидн. Лишь после смерти наследника Гоната Деметрия II в 229 г. и ослабления Македонии у афинян появилась возможность освободиться; они добились этого, договорившись с Диогеном, командиром царских гарнизонов в Пирее и ряде других мест об их выводе⁵⁰.

Из декрета в честь некоего Феог(...), принятого в какой-то момент после окончания Хремонидовой войны (в 260/259 г. при архонте Филострате, согласно хронологии М. Осборна⁵¹, но, возможно, и позднее⁵²), известно, что афиняне «возобновили дружбу с царем Антигоном»⁵³. Очевидно, что именно «дружба» (φιλία) была правовой основой отношений Антигонидов и афинян до освобождения последних в 229 г. Видимо, что в какой-то момент φιλία дополнила и συμμαχία: литературные и эпиграфические источники фиксируют военное сотрудничество Антигонидов и афинян (в ходе войны против Александра, сына Кратера, в первой

⁴⁶ Ср. Dixon 2014, 2–4.

⁴⁷ Habicht 1997, 96–97, 124–125; Worthington 2021, 100–101.

⁴⁸ Habicht 1997, 150–166; Osborne 2012, 50–54; Oetjen 2014, 13–18, 62–67, 111–126; Waterfield 2021, 178–185; Worthington 2021, 122–133.

⁴⁹ Ср. Osborne 2012, 24, 50–51. Показательным, хотя и единственным примером является назначение «царем Антигоном» и при этом «избрание демосом» Аполлодора стратегом, отвечавшим за прибрежные земли (I. Rhamnous 8, сткк. 6–8: [ἐπειδὴ Ἀπολλόδωρος κ]ατασταθεὶς στρατηγὸς ὑπὸ τε τοῦ βασιλέως Ἀντίγονου καὶ [ὑπὸ τοῦ δήμου] χειροτονηθεὶς ἐπὶ τὴν χώραν τὴν παραλίαν ...).

⁵⁰ См. подробнее: Osborne 2012, 24, 49–52; Oetjen 2014, 111–118.

⁵¹ Osborne 2012, 142, 153.

⁵² См. подробнее: Paschidis 2008, 179–181.

⁵³ IG II³ 1 982, сткк. 18–20: [... ἀνανέω]σιν τῆς φιλί[ας τῆς πρὸς τὸν βασιλ]έα Ἀντίγον[ον].

половине 240-х гг. и в следующем десятилетии – против ахейцев в годы Деметриевой войны). Известны имена афинян, выступавших посредниками в отношениях их полиса с Антигонидами (например, Элпиник, сын Мнесиппа из Рамнунта и др.⁵⁴). Македонские цари, их супруги и потомство были включены в жертвоприношения за здоровье и спасение вместе с советом и демосом, а Антигон Гонат удостоился от афинян культовых почестей – ἰσόθεοι τιμαί (I. Rhamnous 7). Но фоном всего этого было военное присутствие Антигонидов в Афинском государстве⁵⁵. Гераклит, последний македонский стратег в Пирее, контролировал и ряд других мест (Мунихия, Суний и Саламин)⁵⁶. После потери Коринфа, захваченного ахейцами в 243 г., очевидно, что именно стратег Антигонидов в Пирее фактически представлял их интересы в центральной и южной Греции. Сами афиняне явно не считали себя свободными с конца 260-х гг.; вывод царских гарнизонов и разрыв с Антигонидами в 229 г. позиционировался ими как обретение свободы⁵⁷.

На протяжении III – начала II в. в державу Антигонидов входил ряд полисов на островах Эгеиды и в Малой Азии. Очевидно, что Антигон Гонат, заключив ок. 278 г. мирный договор с Селевкидом Антиохом I, не отказался от интересов в Малой Азии, как это иногда считается⁵⁸.

Важной частью державы Антигонидов была Эвбея. В разное время цари из этой династии контролировали различные части острова, но главными пунктами македонского военного присутствия являлись Халкида и Эретрия⁵⁹. Как уже упоминалось выше, Филипп V включал Халкиду в т.н. «оковы Эллады». В первой половине 240-х гг. Эвбея или часть острова контролировалась Александром, сыном Кратера, во время его мятежа против Гоната. Под властью Антигонидов Эвбея оставалась до Второй Македонской войны и поражения Филиппа V в ней. Важную информацию о статусе Халкиды и Эретрии в державе Антигонидов могут дать декреты об асиии святилища Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре (см. далее). Полисы Эвбеи не образовывали койнон в эпоху македонского владычества и не входили в Эллинский союз времени Антигона III и Филиппа V.

Интересный пример взаимодействия царя из династии Антигонидов с зависимым полисом можно увидеть на примере небольшого острова Нисирос, расположенного ок. карийского побережья, и Филиппа V. Ок. 200 г. некий Каллий, бывший гражданином Нисироса и приближенным Филиппа, был отправлен им с письмом на родину, в котором царь, контролировавший на тот момент остров, «даровал» его жителям «отеческие законы»⁶⁰. Нисирос мог быть захвачен Филиппом незадолго до этого, в ходе кампаний в Эгеиде и на западе Малой Азии, но нельзя исключать, что остров был включен в состав Македонской державы

⁵⁴ Paschidis 2008, 172–185.

⁵⁵ Oetjen 2014, 62–67.

⁵⁶ Plut. Arat. 34.2–3, 6; Paus. II.8.6; ср. IG II² 1225, сткк. 7–9: ... καὶ νῦν καθεστῆκως ὑπὸ τ[ο]ῦ βασιλέως στρατηγὸς ἐπὶ τοῦ Πε<ι>ραιέως καὶ τῶν ἄλλων τῶν ταττομένων μετὰ τοῦ Πειραιέως. См. Paschidis 2008, 177–179.

⁵⁷ Декрет в честь Евриклида, одного из освободителей Афин в 229 г. (IG II³ 1 1160, стк. 10 ... καὶ τὴν ἐλευθερίαν ἀποκατέστησ[εν τῇ πόλει]). См. подробнее: Oetjen 2014, 112–113.

⁵⁸ Hammond, Walbank 1988, 251; contra: Buraselis 1982, 114–119.

⁵⁹ Knoepfler 2001, 362–363; Giannakopoulos 2012, 49–70; Marchand 2020, 168–188.

⁶⁰ IG XII 3 91, сткк. 1–4: βασιλεὺς Φίλιππος Νισυρίοις χαίρειν. ἀφέσταλκα Καλλίαν πρὸς ὑμᾶς, ὄντα καὶ ἡμῖν συνήθη καὶ ὑμέτερον πολίτην; сткк. 15–18: ... καὶ ἀπαγγέλλων δεδώκεν βασιλῇ ἡμῖν νόμοις τοῖς πατρίοις καὶ ὑπάρχουσιν χρῆσθαι.

ранее в связи с Карийской экспедицией Антигона III в первой половине 220-х гг.⁶¹ Дарование «отеческих законов» было актом эвергесии – благодеяния; подобная практика играла важную роль во взаимоотношениях эллинистических монархов с эллинскими государствами, как зависимыми, так и полностью автономными⁶².

В Малой Азии в сфере интересов Антигонидов до начала II в. была Кария. Видимо, в начале 260-х гг. Антигон Гонат захватил или контролировал в данное время Кавн, о чем свидетельствует декрет из этого города, датированный «15-м годом царствования Антигона» (269–268 гг.) (I. Kaunos 4)⁶³. Текст обрывается на преамбуле, но в декрет была включена и датировка кавнским жрецом-эпонимом⁶⁴.

Могла ли датировка документов некоторых полисов за пределами Македонии годами царствований Антигонидов быть следствием более глубокой интеграции в их державу? На первый взгляд, положительный ответ не вызывает сомнений, но ситуация сложнее. Если посмотреть на практику датировки городских документов в самой Македонии, то становится очевидным, что там никакой унификации не было. Показательный пример дают синхронные декреты шести македонских полисов по поводу асиии косского Асклепийона, которые относятся ко второй половине лета 243 г. Постановления только двух полисов – Берои и Амфиполя – датированы царскими годами (41-й год царствования Антигона Гоната). Также в них добавлены и местные датировки – в Берое именем жреца-эпонима и месяцем с указанием дня; в Амфиполе именами эпистата, жреца и месяцем с указанием дня. В Эгах и Пелле решения датированы именами жрецов-эпонимов; в Пелле также указан и месяц (горпизей). Декреты Кассандрии и Филипп не имеют датировок. Следует отметить отсутствие датировок годами царствования Антигона Гоната в царских резиденциях – Пелле и Эгах⁶⁵.

Возвращаясь к немакедонским полисам, входившим в державу Антигонидов, следует упомянуть датированный месяцем ксандиком 23-го года царствования Филиппа V (198 г.), но имеющий и локальную датировку декрет Панамар в Карии, который позволяет сделать предположение об их статусе (I. Stratonikeia I 4). В данном декрете чествуется некий Асклепиад, отправленный царем в Панамары в качестве эпистата. Включение в датировку года царствования Филиппа V могло быть связано с присутствием в Панамарах его представителя.

ПЕОНИЯ И ФРАКИЙСКИЕ ЗЕМЛИ

Севернее Македонии располагалась Пеония, которая к 217 г. была постепенно захвачена Антигонидами и интегрирована в их державу, в составе которой она на-

⁶¹ См. подробнее: Thompson 1971, 616–618; Olshausen 1974, 126–127; Le Bohec 1993, 350–351.

⁶² «Отеческие законы» были дарованы «царем Антигоном Сотером», в котором можно видеть Антигона Гоната или Антигона III (Habicht 2006, 288; Le Bohec 1993, 47–48), жителям о. Иос (IG XII Suppl. 168).

⁶³ Неопубликованная надпись из Афин в честь Аристиды, сына Мнеситея, в которой упомянута его успешная миссия «в Азию» к царю Антигону (Petrakos 2003 [2004], 15–16), могла быть связана с пребыванием Гоната в Карии в начале 260-х гг. (Waterfield 2021, 159).

⁶⁴ О датировке данного документа царствованием именно Антигона Гоната, а не его деда Антигона I, и историческом фоне см. подробнее: Kuzmin 2015, 73–85.

⁶⁵ Декрет граждан Эг датирован именем эпонимного «жреца Антигона». Очевидно, что это личное имя жреца, а не указание на то, что это жрец Антигона Гоната, как считает А. Чошкун (Coşkun 2021, 34).

ходила вплоть до крушения македонской монархии. Пеонийские земли управлялись стратегами (в конце царствования Филиппа V и при Персее стратегом в Пеонии был некий Дидас – Liv. XL. 21. 9)⁶⁶. Пеонийские контингенты включались в армии Антигонидов. Контроль над Пеонией осуществлялся с помощью сети крепостей. Важность Пеонии заключалась в том, что данный регион был «буфером», защищавшим Македонию от дарданов, которые примерно со второй половины III в. представляли перманентную угрозу для Антигонидов. После ликвидации римлянами монархии Антигонидов пеоны не получили независимости, а их страна была разделена и присоединена ко второй и четвертой македонским «республикам» (Liv. XLV. 29. 12–13).

В державу Антигонидов входили и некоторые фракийские территории, состав которых не был постоянным. Для конца царствования Филиппа V (184 г.) имеются упоминания об Ономасте, «ὁ ἐπὶ Θράκης τεταγμένος» (Polyb. XXII. 13. 3), который, очевидно, являлся стратегом⁶⁷. В сфере его ответственности был регион Маронеи до отторжения этого полиса от царства Филиппа по решению римлян. Даже в конце царствования Персея под его контролем находились некоторые места во Фракии восточнее р. Нест (Diod. XXI. 8. 8; Liv. XLV. 29. 6)⁶⁸.

АНТИГОНИДЫ И АСИЛИЯ

Важную информацию о характере отношений Антигонидов с их македонскими подданными и союзными общинами дают декреты о признании священной неприкосновенности (асилии) нескольких святилищ и их праздников. С середины III в. до 180-х гг. Антигониды признали асилию Асклепийона на Косе и панэллинских игр в честь Асклепия (лето 243 г.), праздника Артемиды Левкофриены и ее храма в Магнесии-на-Меандре (208 г.) и Кизика (конец 180-х гг.).

Благодаря надписям, найденным на Косе, известно о признании асилии местного Асклепийона Антигоном Гонатом и не менее чем восемью македонскими полисами (Эги, Бероя, Пелла, Кассандрия, Амфиполь, Филиппы)⁶⁹, а также еще два города, чьи названия не сохранились из-за повреждения надписей⁷⁰.

То, что в декретах Эг, Берои и Пеллы не засвидетельствовано решение Антигона Гоната признать асилию (упомянутое в постановлениях Кассандрии, Амфиполя и Филипп, которые косские посланники – теоры, посетили позднее во время их путешествия по Македонии⁷¹), может служить аргументом в пользу мнения о том, что по крайней мере в 243 г. македонские полисы могли признавать асилию самостоятельно⁷². Возможно, что теоры встретились с Гонатом уже после посе-

⁶⁶ См. подробнее: Bengtson 1944, 339–345; Hatzopoulos 2020, 41; Lilchik Adams 2022, 295–366.

⁶⁷ О значении выражения «ὁ ἐπὶ <...> τεταγμένος» для обозначения лица на царской службе см. Juhel 2009, 60–63.

⁶⁸ См. подробнее: Hammond, Walbank 1988, 611–612.

⁶⁹ О статусе Филипп и возможности того, что этот полис находился за пределами «национальной» македонской территории см. выше.

⁷⁰ Одним из них, очевидно, была Фессалоника (Bosnakis, Hallof 2020, 304), другим, возможно, Дий (Kuzmin 2021, 218), хотя высказывались предположения об Эдессе (Bosnakis, Hallof 2020, 306) и Пидне (Hatzopoulos 2021, 208–209).

⁷¹ Кассандрия: ... κατὰ τὴν τοῦ βασιλέως βούλησιν (IG XII 4 1 220I, стк. 10); Амфиполь и Филиппы: ... καθάπερ καὶ ὁ βασιλεὺς Αντίγονος προαίρεῖται (IG XII 4 1 220II, стк. 31; 220III, сткк. 48–49).

⁷² Raynor 2016, 253–262; contra: Hatzopoulos 2021, 204–206, 211–212.

щения ими Пеллы, т.к. согласие царя признать асилию было упомянуто только в постановлениях городов, в которых они побывали позднее. В декретах Эг, Берои и Пеллы говорится о том, что Асклепийон получает асилию, «как и другие святилища, имеющие неприкосновенность»⁷³. При этом явно подразумевается неприкосновенность храма в традиционном понимании⁷⁴.

Также сохранились декреты об асии косского Асклепийона нескольких принадлежавших к державе Антигонидов полисов из периферийных фессалийских регионов (Фивы во Фтиотидской Ахайе, Гомолий в Магнесии и Гонны в Перребии), написанные на койнэ⁷⁵, и фрагменты двух постановлений на фессалийском варианте эолийского диалекта (IG XII 4 1 217–218), но из-за повреждений стел невозможно установить имена полисов, их издавших. В наименее поврежденных декретах – Гонн и Фив – также отсутствуют указания на македонское владычество и санкцию царя.

Есть мнение, что Антигон Гонат после обращения к нему теоров с Коса издал *διάγραμμα* со своим решением, адресованную его подданным и союзным общинам⁷⁶. Согласно другой точке зрения, царь отправил письма в отдельные города, как это, возможно, имело место позднее в случае с асией Кизика (ок. 180 г.), когда сначала Филипп V получил просьбу, согласился с ней, а затем послал письмо гражданам г. Дий, сообщив о своем решении (SEG XLVIII 785)⁷⁷. Похожий механизм засвидетельствован и в случае с письмом Филиппа V совету и народу Халкиды о признании им празднества в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Из писем Антиоха III и Аттала I по этому же поводу известно, что оба царя обещали сообщить о своем решении подданным (I. Magnesia 18, сткк. 25–28 – Антиох III; 22, сткк. 19–23 – Аттал I).

К. Ригсби высказал предположение, что Антигону Гонату могло принадлежать одно из писем об асии косского Асклепийона (IG XII 4 1 208), исходя из лексики, происходившее из царской канцелярии, но из-за состояния текста не позволяющее установить автора⁷⁸. В конце письма постулируется, что царь объявит своим подданным о признании им асии святилища, но только в пределах его границ⁷⁹. Очевидно, что неприкосновенность не распространялась этим монархом на полис косцев.

Есть основания считать, что широкой кампании косцев в 243 г. – от Малой Азии до Сицилии и Италии – с просьбами о признании асии и приглашением принять участие в празднике в честь Асклепия в следующем году предшествовало их более раннее обращение к некоторым царям и государствам⁸⁰. Об этом свидетельствуют два письма вифинского царя Зиэла (Зигэла), во втором из которых, да-

⁷³ ... καθάπερ καὶ τὰ λοιπὰ ἱερὰ τὰ ἄστυα (Bosnakis, Hallof 2020, 291, АП, стк. 18 [Эги], АП, стк. 36–37 [Бероя]; IG XII 4 1 221 AI, стк. 13 [Пелла]).

⁷⁴ Ср. Sosin 2009, 380.

⁷⁵ IG XII 4 1 216A–B I–III (Гонны, Гомолий, Фтиотидские Фивы).

⁷⁶ Giovannini 1977, 469; contra: Rigsby 1996, 135, n. 67.

⁷⁷ Mari 2018, 135–136.

⁷⁸ Rigsby 1996, 117–118. Впрочем, не обязательно, что данным монархом был именно Гонат (ср. Bosnakis, Hallof 2020, 302 + Anm. 37).

⁷⁹ IG XII 4 1 208, сткк. 9–13: ... καὶ τοῖς ὑφ' ἡμᾶς τασσομένοις παραδώσομεν ἄστυον ἡγεῖσθαι τὸ ἱερὸν ὡς τοὺς ὄρους τεθείκατε.

⁸⁰ Coşkun 2021, 32–35.

тированном 243 г.⁸¹, имеется отсылка к признанию асии, уже имевшему место ранее (о чем говорится в первом письме – IG XII 4 1 209). Можно допустить, что и Антигон Гонат признал асией Асклепийона ранее, а в 243 г. его подданные, уже знавшие о решении царя, ориентировались на него (некоторые общины включили упоминания об этом в свои постановления, другие не сделали этого). Однако, судя по всему, подконтрольную Гонату Фессалию и первые македонские полисы (среди них Эги, Бероя и Пелла) косские теоры посетили летом 243 г., еще до признания асии самим царем (см. выше)⁸².

В 208 г. Филипп V признал равный дельфийским Пифийским играм и другим «венчанным агонам» (на которых наградой являлись венки) статус праздника в честь Артемиды Левкофриены в Магнесии-на-Меандре. Об этом известно благодаря выдержке из царского письма, процитированного в халкидском декрете по данному поводу (I. Magnesia 47). Известно, что праздник и асией храма Артемиды из подданных и союзников Филиппа, помимо Халкиды, признали также Эретрия и Гистия на Эвбее (I. Magnesia 48), Коринф (I. Magnesia 42), перребские полисы Гонны и Фаланна (I. Magnesia 33) и, возможно, Ларисса (I. Magnesia 26)⁸³. Самому Филиппу V могло принадлежать письмо «царя», от которого сохранилось только начало первой строки (I. Magnesia 24: βασιλ[εὺς ...]).

Из коринфского декрета (I. Magnesia 42) следует, что решение о признании асии приняло народное собрание (ἐκκλησία), санкция Филиппа V в нем не упоминается, хотя резюме решения царя было включено в декрет, принятый советом и народным собранием Халкиды, еще одного «звена» в македонских «оковах» Эллады. С другой стороны, в декрете соседней с Халкидой Эретрии Филипп V также не фигурирует. Подобная ситуация и в Гоннах в Перребии (I. Magnesia 33). Тексты декретов перребской Фаланны и эвбейской Гестии не были приведены магнесийцами, ими было только упомянуто положительное решение граждан этих полисов о признании асии.

Может ли присутствие ссылок на решение царя о признании асии (в случае как Асклепийона, так и храма Артемиды) в декретах некоторых македонских и союзных полисов и отсутствие этого в других указывать на разный «правовой» характер отношений царей с ними и разную степень их автономии в державе Антигонидов? Или – царская санкция имела во всех случаях, но не была упомянута в декретах некоторых полисов? Пока дать однозначный ответ невозможно.

Однако представляется допустимым следующий вывод относительно статуса македонских, фессалийских и других греческих полисов в составе державы Антигонидов в контексте признания асии косского Асклепийона и святилища Артемиды в Магнесии-на-Меандре. Для косцев и магнесийцев все они (и македонские, и союзные греческие общины), несмотря на вхождение в державу Антигонидов, очевидно, являлись субъектами межгосударственных отношений в культурно-религиозной сфере. И косцы, и магнесийцы не ограничились лишь обращениями к

⁸¹ Bosnakis, Hallof 2020, 293, VIII, сткк. 73–74.

⁸² Ср. Kuzmin 2021, 223–224.

⁸³ Rigsby 1996, 201. Предполагаемый декрет Лариссы написан на эолийском диалекте и достаточно сильно поврежден; в его конце упоминается, что стелу с текстом постановления должны установить на агоре рядом со статуей «царя» (I. Magnesia 26, сткк. 26–28).

царям, Антигону Гонату и Филиппу V, но направили миссии и в города, входившие в державу Антигонидов⁸⁴.

ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ АНТИГОНИДОВ, ИХ ПОДДАННЫХ И СОЮЗНИКОВ

Антигониды взаимодействовали со своими подданными в Македонии, а также с союзниками через распоряжения (*διαγράμματα*) и письма (*ἐπιστολαί*)⁸⁵ при посредничестве «друзей», эпислатов, стратегов и иных представителей.

Эпиграфические источники демонстрируют работу канцелярии Антигонидов. Помимо отдельных царских писем и диаграмм (наибольшее их число относится ко времени Филиппа V⁸⁶), сохранились циркулярные документы (*διαγράμματα*), связанные с функционированием военной организации, копии которых были найдены как в разных частях Македонии, так и державы Антигонидов. Это тексты военных установлений времени Филиппа V или Персея из Кассандрии и, видимо, Амфиполя (Hatzopoulos 2001, № 2 I–II), а также копии диаграммы об обеспечении гарнизонов, происходящие из Халкиды на Эвбее и Кина в Восточной Локриде (Hatzopoulos 2001, № 1 I–II).

В македонских полисах эллинистического времени эпислаты, очевидно, являлись городскими магистратами, отвечавшими за связь с царским двором⁸⁷. Однако вне пределов Македонии эпислаты Антигонидов представляли их интересы в некоторых союзных и зависимых государствах (в 222 г. беотиец Брахилл был оставлен Антигоном III эпислатом в Спарте после разгрома Клеомена III и занятия города македонянами – Polyb. XX. 5. 12; выше упоминался эпислат Асклепиад, отправленный Филиппом V в Панамары в Карию в начале II в.). Также за взаимодействие с союзными общинами отвечали стратеги и командиры расквартированных в них гарнизонов Антигонидов.

Как и в других эллинистических государствах, в Македонской державе времени Антигонидов ближнее окружение царя именовалось «друзьями» (*φίλοι*)⁸⁸. В первую очередь ими являлись выходцы из локальных элит македонских общин, представлявшие при дворе и их интересы (хороший пример дают несколько семей из Берио)⁸⁹, однако на службе Антигонидов присутствовали и выходцы из других государств, как бывших частью их державы, так и находившихся вне ее.

Некий Дорофей, сын Дора из Селевкии, был приближенным царицы Филы, супруги Антигона Гоната. Фила являлась дочерью Селевка I и, возможно, что Дорофей прибыл в Македонию вместе с ней. Дорофей удостоился почестей от граждан Кассандрии за помощь в их взаимодействии с Филой (SEG XXXIX 595).

⁸⁴ В связи с этим следует упомянуть, что в 243 г. косцы обращались с просьбой о признании асии к подданным и союзникам Птолемея III (Эн и Мароней) и Александра II Эпирского (Левкада), а магнесийцы в 208 г. к подданным и союзникам Селевкидов и Атталидов.

⁸⁵ См. подробнее: Mari 2018, 125–130.

⁸⁶ Hatzopoulos 2014, 107–119; ср. Mari 2018, 129–130 + n. 32.

⁸⁷ Hatzopoulos 1996 I, 372–429. Согласно традиционной концепции, эпислаты в городах, подчинявшихся эллинистическим монархам, в том числе и в македонских полисах времени Антигонидов, были внешними царскими представителями (например: Papazoglou 2000, 172–176).

⁸⁸ См. подробнее: Le Bohec 1985, 93–124

⁸⁹ См. подробнее: Paschidis 2006, 251–267; Kuzmin 2013, 66–99.

Одним из приближенных Филиппа V в начале его царствования являлся Петрей, бывший, очевидно, фессалийцем из Лариссы⁹⁰. Он был одним из тех, кто сообщил царю о тяжелой демографической ситуации в данном полисе, что привело к политографии 217–215 гг.

«Другом» Деметрия II был Автокл, сын Энесидема из Халкиды, удостоившийся почестей на Делосе (IG XI 4 680) и проксении в Оропе (I. Oropos 57). О его деятельности в роли придворного ничего не известно, но важность Халкиды для державы Антигонидов была показана выше.

Известны имена афинян, находившихся на службе Антигонидов. Среди них были Дикеарх и его отец Аполлоний, служившие Антигону Гонату и его преемнику Деметрию II (в разные годы они возглавляли гарнизоны в Рамнунте, Элевсине, Панакте и Эретрии) (I. Rhamnous 17)⁹¹.

В ходе Карийской экспедиции (ок. 227 г.) Антигон III установил отношения с Олимпихом, ранее бывшим селевкидским стратегом. Резиденция Олимпиха находилась в Алинде. В литературной традиции единственное упоминание об Олимпихе сохранилось у Полибия, который отнес его к «династам», рассказывая о помощи родосцам после землетрясения, происшедшего ок. 227–225 гг. (Polyb. V. 90. 1). Основной массив информации об Олимпихе присутствует в эпиграфических источниках, включая его переписку с Филиппом V⁹². Видимо, в какой-то момент Олимпих стал стратегом карийской части державы Антигонидов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Македонская держава времени Антигонидов была сложной многоуровневой структурой, схожей в данном отношении с другими эллинистическими державами. Она включала собственно Македонию, Фессалию, а также ряд греческих государств, наряду с некоторыми неэллинистическими территориями.

Непосредственными подданными Антигонидов были лишь «македоняне» – граждане полисов и этносов. Греческие полисы, принадлежавшие к державе Антигонидов, обладали автономией и собственным гражданством, и, как свидетельствуют декреты об асии, воспринимались извне субъектами межгосударственных отношений в религиозно-культурной сфере. Однако пример Коринфа показывает, что в глазах самих Антигонидов некоторые из них были чем-то вроде «наследственных владений».

Присутствие гарнизонов в стратегически важных местах обеспечивало контроль Антигонидов над Элладой (Коринф, Деметриада, Халкида, Пирей и др.) и защиту северных рубежей Македонии (крепости в Пеонии). Важным элементом в доминировании Антигонидов на Балканах в последней четверти III в. был Эллинский союз.

Изучение структуры державы Антигонидов и характера отношений царей из этой династии с подданными, а также с союзными общинами, включая и экономические аспекты, представляется важным и перспективным направлением в рамках

⁹⁰ Olshausen 1974, 133–135; Le Bohec 1985, 110–111; Habicht 2006, 73; Paschidis 2008, 265–267.

⁹¹ См. Paschidis 2008, 185–186; Oetjen 2014, 54–62.

⁹² Об Олимпихе см., например: Billows 1995, 94–96.

исследований эллинистической государственности и взаимоотношений монархов с полисами и иными политическими субъектами.

ADDENDUM

На с. 135 в прим. 63 упоминается «неопубликованная надпись из Афин в честь Аристида, сына Мнеситея», в которой среди прочего говорится о его миссии к Антигону «в Азию» и приводится мнение Р. Уотерфилда о том, что данная поездка была связана с возможным пребыванием Гоната в Кarii в начале 260-х гг. (Waterfield 2021, 159). Недавно декрет в честь Аристида был издан (I. Rhamnous 404) и теперь очевидно, что афинское посольство к Антигону Гонату в Азию имело место раньше, ок. 280 г.

О декрете в честь Аристида, важном источнике для истории Афинского государства в 280–260-х гг. и его отношениях с Антигонидами (Деметрием Полиоркетом и Антигоном Гонатом) см.: Clinton K. The Reunion of the Athenian Asty with the Piraeus, 280–279 BC. *Grammateion* 11, 2022, 7–16; Rose T., Wallace Sh. The Athenian Revolt from Demetrios Poliorketes: New Evidence from Rhamnous (I. Rhamnous 404). *Ancient History Bulletin* 36/3–4, 2022, 166–178.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bengtson, H. 1944: *Die Strategie in der hellenistischen Zeit* II. München.
- Billows, R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden–New York–Köln.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2003: Alte und neue Inschriften aus Kos I. *Chiron* 33, 203–262.
- Bosnakis, D., Hallof, K. 2020: Alte und neue Inschriften aus Kos VI. *Chiron* 50, 287–326.
- Buraselis, K. 1982: *Das hellenistische Makedonien und die Ägäis*. München.
- Carney, E.D. 2010: Macedonian Women. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden, Mass., 409–427.
- Chrysafis, Ch.I. 2014: *Pyrokausia*: its Meaning and Function in the Organization of the Macedonian Army. *Klio* 96/2, 455–468.
- Coşkun, A. 2021: The Chronology of the Asyia Dossier from Kos Revisited in Light of Some Recent Epigraphic Discoveries. *Philia* 7, 29–46.
- D'Agostini, M. 2019: *The Rise of Philip V. Kingship and Rule in the Hellenistic World*. Alessandria.
- De Luca, G. 2020: Decreto di Falanna sulla concessione della cittadinanza. *Axon* 4/2, 81–92.
- Decourt, J.-C. 1990: Décret de Pharsale pour une politographie. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik* 81, 163–184.
- Dixon, M.D. 2014: *Late Classical and Early Hellenistic Corinth, 338–196 B.C.* London–New York.
- Ferrara, F.M. 2020: *Basileus e Basileia. Forme e luoghi della regalità macedone*. Roma.
- Feyel, M. 1942: *Polybe et l'histoire de Béotie au III-e siècle avant notre ère*. Paris.
- Gabbert, J. 1988: The Language of Citizenship in Antigonid Macedonia. *The Ancient History Bulletin* 2/1, 10–11.
- Gauthier, Ph.L., Hatzopoulos, M.B. 1993: *La loi gymnasiarchique de Béroia*. Athènes.
- Giannakopoulos, N. 2012: Remarks on the Decrees of the Euboean Cities for the Leukophryena. *Архаϊογνωσία* 16/1–3 (2010–2012), 49–70.

- Giovannini, A. 1977: Le statut des cités de Macédoine sous les Antigonides. In: *Ancient Macedonia—II*. Thessaloniki, 465–472.
- Graninger, D. 2010: Macedonia and Thessaly. In: J. Roisman, I. Worthington (eds.), *A Companion to Ancient Macedonia*. Malden, Mass., 306–325.
- Habicht, Chr. 1997: *Athens from Alexander to Antony*, Cambridge, MA–London.
- Habicht, Chr. 2006: *The Hellenistic Monarchies. Selected Papers*. Ann Arbor.
- Hammond, N.G.L., Walbank, F.W. 1988: *A History of Macedonia III*. Oxford.
- Hatzopoulos, M.B. 1995: Τα όρια της Μακεδονίας. *Πρακτικά της Ακαδημίας Αθηνών* 70/1, 164–177.
- Hatzopoulos, M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings I*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Hatzopoulos, M.B. 2014: Vies parallèles: Philippe V d'après Polybe et d'après ses propres écrits, *Journal des Savants* 1, 99–120.
- Hatzopoulos, M. 2016a: Philippos, πόλις ἑλληνικὴ Μακεδόνων κτίσμα. In: J. Fournier (ed.), *Philippos, de la Préhistoire à Byzance. Études d'archéologie et d'histoire*. Athènes, 97–112.
- Hatzopoulos, M.B. 2016b: *Νεότης γεγυμνασμένη. Macedonian Lawgiver Kings and the Young*. Athens.
- Hatzopoulos, M.B. 2020: *Ancient Macedonia*. Berlin–Boston.
- Hatzopoulos, M.B. 2021: Quatre nouveaux décrets macédoniens: géographie historique et institutions. *Revue des études grecques* 134/1, 199–213.
- Haussoullier, B. 1923: Une loi grecque inédite sur les successions «ab intestate». *Revue historique de droit français et étranger* 2, 515–553.
- Helly, B. 2004: Décrets de cités thessaliennes à Cos. *Chiron* 34, 87–107.
- Helly, B. 2009: La Thessalie au IIIe siècle av. J.-C. In: *Αρχαιολογικό Εργό Θεσσαλίας και Στερέας Ελλάδας* 2/1. Βόλος, 339–368.
- Juhel, P.O. 2009: {Ο ἐπὶ + substantif au génitif}, titre des fonctionnaires de l'administration hellénistique en général et des hauts fonctionnaires royaux de la Macédoine antigonide en particulier. *Tyche* 24, 59–76.
- Juhel, P.O. 2011: Un fantôme de l'histoire hellénistique: le «district» macédonien. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 54/4. 579–612.
- Knoepfler, D. 2001: *Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté*. Paris.
- Kremydi, S. 2018: “Autonomous” Coinages under the Late Antigonids. Athens.
- Kuzmin, Y.N. 2013: *Aristokratiya Beroii v epokhu ellinizma [The Aristocracy of Beroia in the Hellenistic Epoch]*. Moscow.
- Кузьмин Ю.Н. 2013: *Аристократия Берои в эпоху эллинизма*. М.
- Kuzmin, Y.N. 2015: The Antigonids, Caunus and the so-called «Era of Monophthalmus»: Some Observations Prompted by a New Inscription. In: V. Goušchin, P.J. Rhodes (eds.), *Deformations and Crises of Ancient Civil Communities*. Stuttgart, 73–85.
- Kuzmin, Yu.N. 2021: “Novye” i “starye” dekrety makedonskich polisov po povodu asilii svyatilisha Asklepiya na Kose [“New” and “Old” Decrees of the Macedonian Poleis on the asyilia of the Koan Sanctuary of Asklepios]. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies]* 4(74), 215–236.
- Кузьмин Ю.Н. 2021: «Новые» и «старые» декреты македонских полисов по поводу асиии святилища Асклепия на Косе. *ПИФК* 4(74), 215–236.
- Kuzmin, Yu.N., Sizov, S.K. 2021–2022: The Mass Replenishment of Citizen Bodies in Greek poleis from Thessaly to Peloponnese in the second half of the Third Century BC. I. Philip V and the *politographia* in Larissa. *Mnemon* 21, 23–46; II. *Mnemon* 22 (in print).
- Кузьмин Ю.Н., Сизов С.К. Массовые пополнения гражданских коллективов в греческих полисах от Фессалии до Пелопоннеса во второй половине III в. до н.э. I. Филипп V и *политография* в Лариссе. *Мнемон* 21, 23–46; II. *Мнемон* 22 (в печати).

- Lazaridou, K.D. 2015: Εφηβάρχικος νόμος από την Αμφίπολη. *Αρχαιολογική Εφημερίς* 154, 1–45.
- Le Bohec, S. 1985: Les *philoï* des rois Antigonides. *Revue des études grecques* 98, 93–124.
- Le Bohec, S. 1993: *Antigone Dôsôn, roi de Macédoine*. Nancy.
- Lilchik-Adams, V. 2022: Makedonskata strategiya Paionia [The Macedonian *strategia* Paionia]. In: A. Yakimovski, V. Sarakinski (eds.), *Paionia i Paiontsite: izvori – istoriya – archeologiya* [Paionia and Paionians: Sources – History – Archaeology]. Skopje, 295–366.
- Лилчиќ Адамс В. Македонската стратегија Пајонија. In: А. Јакимовски, В. Саракински (eds.), *Пајонија и Пајонците: извори – историја – археологија*. Скопје, 295–366.
- Malay, H., Riel, M. 2009: Two New Hellenistic Decrees from Aigai in Aiolis. *Epigraphica Anatolica* 42, 39–60.
- Marchand, F. 2010: The *Philippeis* of IG VII 2433. In: R.W.V. Catling, F. Marchand (eds.), *Onomatologos. Studies in Greek Personal Names Presented to Elaine Matthews*. Oxford, 332–342.
- Marchand, F. 2020: The Making of a Fetter of Greece: Chalcis in the Hellenistic Period. In: F. Marchand, H. Beck (eds.), *The Dancing Floor of Ares. Local Conflict and Regional Violence in Central Greece*. Calgary, 168–188.
- Mari, M. 2018: Power in Dialogue. The Letters and *Diagrammata* of Macedonian Kings to Local Communities. In: P. Ceccarelli, L. Doering, T. Fögen, I. Gildenhard (eds.), *Letters and Communities. Studies in the Socio-Political Dimensions of Ancient Epistolography*. Oxford, 121–146.
- Mari, M. 2019: At the Roots of a Revolution. Land Ownership, Citizenship and Military Service in Macedonia before and after Philip II. In: Z. Archibald, J. Haywood (eds.), *The Power of Individual and Community in Ancient Athens and Beyond. Essays in Honour of John K. Davies*. Swansea, 213–239.
- Martín González, E., Paschidis, P. 2020: *A Supplement to Επιγραφές Άνω Μακεδονίας*. Athens.
- Oetjen, R. 2010: Antigonid Cleruchs in Thessaly and Greece: Philip V and Larisa. In: G. Reger, F.X. Ryan, T.F. Winters (eds.), *Studies in Greek Epigraphy and History in Honor of Stephen V. Tracy*, 237–254.
- Oetjen, R. 2014: *Athen im dritten Jahrhundert v. Chr. Politik und Gesellschaft in den Garnisonsskemen auf der Grundlage der inschriftlichen Überlieferung*. Duisburg.
- Olshausen, E. 1974: *Prosopographie der hellenistischen Königsgesandten I*. Louvain.
- Papazoglou, F. 1997: *Laoi et paroikoi. Recherches sur la structure de la société hellénistique*. Beograd.
- Papazoglou, F. 2000: Polis et souveraineté. *Živa antika* 50, 169–176.
- Paschidis, P. 2006: The Interpenetration of Civic Elites and Court Elite in Macedonia. In: A.M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds.), *Rois, cités, nécropoles. Institutions, rites et monuments en Macédoine*. Athènes, 251–267.
- Paschidis, P. 2008: *Between City and King. Prosopographical Studies on the Intermediaries between the Cities of the Greek Mainland and the Aegean and the Royal Courts in the Hellenistic Period (322–190 BC)*. Athens.
- Petrakos, B. 2003 (2004): *Το Έργον της Αρχαιολογικής Εταιρείας* 50. Αθήναι.
- Raynor, B. 2016: Theorodokoi, Asylia, and the Macedonian Cities. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 56, 225–262.
- Rigsby, K.J. 1996: *Asylia: Territorial Inviolability in the Hellenistic World*. Berkeley–Los Angeles–London.
- Scherberich, K. 2009: *Koinè Symmachia: Untersuchungen zum Hellenenbund Antigonos' III. Doson und Philipps V. (224–197 v. Chr.)*. Stuttgart.
- Scherberich, K. 2012: Philipp V. und der «demographische Notstand» in Thessalien. In: L.-M. Günther (ed.), *Migration und Bürgerrecht in der hellenistischen Welt*. Wiesbaden, 97–105.

- Sosin, J.D. 2009: Magnesian Inviolability. *Transactions of the American Philological Association* 139, 369–410.
- Stamatopoulou, M. 2018: Demetrias: The Archaeology of a Cosmopolitan Macedonian Harbour. In: M. Kalaitzi, P. Paschidis, C. Antonetti, A.-M. Guimier-Sorbets (eds.), *Βορειοελλαδικά. Tales from the Lands of the Ethne. Essays in honour of Miltiades B. Hatzopoulos*. Athens, 343–376.
- Thompson, W.E. 1971: Philip V and the Islanders. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association* 102, 615–620.
- Tziafalias, A., Helly, B. 2010: Inscriptions de la Tripolis Perrhébie. *Lettres royales de Démétrios II et Antigone Dôsôn. Studi ellenistici* 24, 71–125.
- Waterfield, R. 2021: *The Making of a King. Antigonus Gonatas of Macedon and the Greeks*. Chicago.
- Worthington, I. 2021: *Athens after Empire. A History from Alexander the Great to the Emperor Hadrian*. New York.

CITIZENS OF POLEIS, SUBJECTS AND ALLIES OF THE KINGS:
NOTES ON MACEDONIA UNDER THE ANTIGONIDS
AND ON THEIR EMPIRE

Yuri N. Kuzmin

Samara branch of Moscow City University, Samara, Russia

E-mail: yurimac@yandex.ru; yuri.kuzmin.1978@gmail.com

Abstract. The article deals with the nature of the Antigonid empire (from the end of 270s BC through 168 BC) and the status of the «Macedonians» (citizens of the Macedonian poleis and other administrative structures in the Macedonian kingdom proper), citizens of the Thessalian cities that were part of the Antigonid empire, citizens of the Greek poleis, who had in different times the ‘allied’ status (Corinth, Athens, Chalcis, Eretria, Caunus, etc.). In addition, decrees of a number of both the Macedonian poleis and the Greek ones allied to the Antigonids concerning the asyilia (sacred inviolability) of several Greek sanctuaries (the Koan Asklepieion, the temple of Artemis Leukophryene in Magnesia-on-Meander, etc.) are also analyzed. These decrees may testify to a perception abroad of these poleis as subjects of interstate relations in the religious and cultural spheres. Some more particular topics are concerned as well.

Keywords: Macedonia, the Antigonid empire, Thessaly, Corinth, Athens, Euboea, Caria, citizens, subjects, asyilia

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 145–157
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 145–157
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-145–157

МАГИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ: ПРОТОМУЗЫКАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИНТОНИРОВАНИЯ В ДРЕВНЕРИМСКИХ ЗАГОВОРАХ И ЗАКЛИНАНИЯХ

А.В. Зубарева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

E-mail: canidia@ya.ru

ORCID: 0000-0001-9383-4562

Аннотация. Несмотря на то, что изучению античной магии посвящено довольно большое количество современных антиковедческих трудов, ее звуковая, «музыкальная» сторона до сих пор остается одной из самых темных и загадочных областей исследования. Однако обращают на себя внимание упоминания отдельных ученых о том, что древнеримское заклинание не проговаривалось, а пропевалось. В статье сделана попытка выяснить более подробно, как именно могли звучать заговоры и заклинания в Древнем Риме. В поисках ответа на этот вопрос проанализированы письменные источники разного типа: поэтические произведения и трактаты римских авторов, «Естественная история» Плиния Старшего, «Апология» Апулея, «Сентенции» Павла и др. Автор подробно останавливается на латинских терминах, которые используются в источниках в отношении заклинания, и отмечает, что хотя для обозначения заклинаний в источниках употребляется широкий круг понятий, но большинство из них связаны с пением, т.к. основное их значение – чаще всего «песня/петь». Рассматриваются также более детализированные описания, в которых присутствуют характеристики звучания заклинаний. Сделан вывод о том, что древнеримские заговоры и заклинания представляли собою некие протомузыкальные формы интонирования и существовали, по-видимому, в двух основных вариантах: интонируемый выкрик (*ululatus*) и шепот/напевное бормотание (*murmur*). Высказывается следующее предположение: вероятно, подобные виды интонирования преобладали при произнесении заклинания в том числе потому, что оно должно было максимально отличаться от обыденной речи, создавая эффект переключения в «иную», магическую реальность.

Ключевые слова: Древний Рим, античная магия, заклинание, магическая песнь, протомузыкальные формы интонирования, архаический мелос

Данные об авторе: Алена Валерьевна Зубарева – аспирант кафедры всеобщей истории РГПУ им. А.И. Герцена.

Роли звука и музыки в ритуале посвящен ряд исследований в самых разных областях науки. Эта проблема поднимается в философских работах¹, музыковедческих исследованиях², трудах по музыкальной этнографии³. Однако в историографии о Древнем Риме рассматривается главным образом музыкальное наполнение религиозных обрядов⁴, звуковая же сторона магических практик исследована в гораздо меньшей степени.

В настоящей статье мы рассмотрим одну из самых распространенных римских магических практик – произнесение заклинания. В литературе встречаются эпизодические упоминания о том, что древнеримское заклинание представляло собой, по-видимому, песню или нечто подобное песне: на это указывает сам термин *carmen*, основное значение которого – «песня» и который часто используется в источниках для обозначения заклинания⁵. М.Э. Киннан приводит несколько таких терминов (в их числе и *carmen*), подчеркивая, что главное значение всех этих слов – именно «песня»⁶. Е.М. Штаерман при рассмотрении VIII эклоги Вергилия называет заклинание пастушки, призванное вернуть возлюбленного, «исполнением магической песни»⁷.

Несколько подробнее, чем остальные авторы, о возможном звучании заклинания говорят Э.Э. Беррис и Г. Вилле. По убеждению Э.Э. Берриса, тот факт, что заклинания пелись, не нуждается в иллюстрации; более того, исследователь выделяет этот признак в качестве одной из основополагающих черт заклинания⁸. Г. Вилле употребляет термин «магическая песнь» (*magisches Lied*, *Zauberlied* и *Zaubergesang*) как синоним к «заклинанию» (*Beschwörung*) и «проклятию» (*Verfluchung*)⁹. Ученый особенно отмечает промежуточное положение таких форм, как заклинание. Он пишет, что, рассуждая о заклинании, практически невозможно разграничить рецитацию/декламацию (*Rezitation*) и музыку. Магические заклинания, по его мнению, произносились нараспев, так как ритмическая и мелодическая составляющая увеличивали силу слова¹⁰.

Источниками по теме могут служить как поэтические произведения римских авторов, так и материалы иного рода (Законы XII таблиц, трактаты Катона, Варрона и Цицерона, «Исследования о природе» Сенеки и «Естественная история» Плиния Старшего, «Апология» Апулея, «Сентенции» Юлия Павла, «Медицинская книга» Самоника и др.). Сопоставление разных типов источников дает возможность понять, что описания звучания заклинаний – это не просто художественный вымысел поэтов, а в какой-то мере отражение реальных практик и представлений о них. Наибольшее количество подробных детализированных описаний содержится в сочинениях римских поэтов I в. до н. э. – I в. н. э. В это время, особенно

¹ Музыка рассматривается как одна из основных организующих сил в ритуале (см., например: Богомолов 2010).

² Combarieu 1909. См. также: Lalo 1909; Foucart 1910.

³ Например: Левкиевская 1995; Толстая 1995; Толстой 1995; и мн. др.

⁴ См.: Герцман 1995; Wille 1967; Сергеенко 2000; Wissowa 1902; Штаерман 1987; и др.

⁵ Кудрявцева 2014, 50; Герцман 1995, 20; Luck 1999, 99.

⁶ *Carmina, incantationes, praecantationes*. См.: Keenan 1940.

⁷ Штаерман 1987, 204.

⁸ Burris 1931, 181.

⁹ Wille 1967, 38, 39, 41, 42.

¹⁰ Wille 1967, 38, 39, 41, 42.

после гражданских войн, в Риме распространяется интерес к магии¹¹. Отчасти из-за этого, отчасти под влиянием греческой литературы во второй половине I в. до н. э. в римской поэзии складывается классический образ ведьмы¹², оказавший влияние и на последующие эпохи. Среди описаний магических практик римские авторы уделяют внимание и заклинанию.

Проанализируем термины, которые используются в источниках по отношению к заклинанию.

Чаще всего для обозначения понятия «заклинание» употребляется уже упоминавшееся слово *carmen* (Verg. Buc. VIII. 69, 73, 77, 80, 85, 91, 95, 101, 105; Tib. I. 2. 45–46, 56; I. 5. 12; Hor. Ep. V. 71–72; XVII. 4, 28; Sermon. I. 8. 19–20; Ov. Met. VII. 137–138; XIV. 34, 44, 57–58, 357, 366, 369, 387; Petr. Sat. CXXXI, CXXXIV; Plin. Nat. hist. XXVIII. 4. 18, 21; Apul. Apol. 40. 4).

Реже встречается существительное *cantus* с основным значением «пение» (также его можно перевести как «песня/напев», «мелодия», «музыка», «волшебная песня») (Tib. I. 2. 47–48, 55; Sen. Nat. Quaest. IV. 7. 3; Luc. Phars. VI. 693–694). Катон обозначает заговор словом, происходящим от того же корня, – *cantio*: «Коли есть какой-нибудь вывих, то он пройдет от такого заговора» – *Luxum si quod est, hac cantione sanum fiet* (De agr. 160. – Перевод М.Е. Сергеев). Это же существительное в аналогичном значении видим у Марциана Капеллы: «Древние исцеляли пением заговоров лихорадку и раны» – *febrem curabant vulneraque veteres cantione* (Mart. Cap. De nupt. IX. 926. – Перевод здесь и ниже Ю.А. Шахова). Но слово *cantio* может употребляться не только по отношению к целительным заговорам. Так, Цицерон использует его в трактате «Брут», рассказывая о «прозвучавшем в римском суде обвинении в использовании магии»¹³: Гай Скрибоний Курион Старший, противник Цицерона на одном из процессов, «вдруг забыл все дело и стал говорить, что это случилось из-за колдовских снадобий и заклинаний Титинии»¹⁴ – *idque veneficiis et cantionibus Titinia factum esse dicebat* (Cic. Brutus. 217. – Перевод Т.В. Кудрявцевой).

У Августина в «магическом» контексте возникает существительное *incantatio*: в труде «О граде Божьем» он пишет, что волхвы фараона «действовали чародейством и магическими заклинаниями» – *faciebant ueneficiis et incantationibus magicis* (Aug. De civ. X. 8), подлинные же божественные чудеса совершались вовсе не магическими «заклинаниями и песнями» – *incantationibus et carminibus* (Aug. De civ. X. 9). Близкое к нему слово *incantamentum* видим у Плиния: «любовное подражание заклинаниям» – *incantamentorum amatoria imitatio* (Plin. Nat. hist. XVIII. 4. 19). Марциан Капелла использует слово *canticum*: «А как же утверждения о том, что песнями [*canticis*] приманивают и разрывают на части змей, заставляют перемещаться желуди и собранные плоды, призывают души умерших и вызывают затмение Луны?»¹⁵ (Mart. Cap. De nupt. IX. 928).

¹¹ Штаерман 1987, 203.

¹² Кудрявцева 2014, 45.

¹³ Кудрявцева 2012, 287.

¹⁴ Женщины, в защиту которой на этом процессе выступал Цицерон. См.: Кудрявцева 2012, 287.

¹⁵ О представлениях римлян, согласно которым лунное затмение возникает из-за колдовства ведьм, сводящих луну с неба заклинаниями, см. подробнее: Зубарева 2021.

Римские авторы употребляют в значении «заклинание» и слово *vox* («голос», «пение», «тон») (Hor. Ep. V. 45, 76; Ep. XVII. 6).

В тех случаях, когда в источниках появляются не существительные, а глаголы, они тоже чаще всего имеют основное значение «петь». Довольно часто встречается глагол *santo*: его используют Катон и Варрон, предлагая петь заговор для исцеления от вывиха (Cato. De agr. 160) и от боли в ногах (Varro. De re rust. I. 2. 27). Глагол *santo* фигурирует и в римской поэзии (Ov. Met. XIV. 369). В других случаях используются глаголы, производные от него. Плиний Старший в «Естественной истории» (цитируя один из Законов XII таблиц: о «злой песне» – *carmen malum*¹⁶) использует глагол *incanto* (Plin. Nat. hist. XXVIII. 4. 18). Самоник в дидактической поэме «Медицинская книга» советует для остановки сильного кровотечения при родах отбить кусок жернова, обернуть его шерстью и приложить к подреберью, напевая (*incantans*) при этом заговор: «Ты, кровь, прекрати истечение,/Стой, словно камень вот этот, который не кружится больше» (Sam. Lib. Med. 33. 654. – Перевод Ю.Ф. Шульца). Еще один такой глагол – *exsanto*: он встречается в связи с уже упомянутым законом «о злой песне» в «Исследованиях о природе» Сенеки (Nat. Quaest. IV. 7 2) и «Естественной истории» Плиния Старшего («кто прогоняет чарами плоды» – *qui fruges excantassit*: Plin. Nat. hist. XXVIII. 4. 18). В V эпосе Горация этот глагол появляется в похожем контексте, отличие заключается только в том, что здесь речь о сведении небесных светил, а не урожая: ведьма Канидия «сводит фессалийским заклинанием гонимые чарами звезды и луну с неба» (*sidera excantata voce Thessala/lunamque caelo deripit* – Hor. Ep. V. 45–46). У Петрония же видим страдательное причастие от глагола *praescanto* в значении «заколдованные» (Petr. Sat. CXXXI). Юлий Павел в своих «Сентенциях» использует в значении «околдовать» глагол *obcanto*, производный от *santo*, – цитируя закон Суллы 81 г. до н. э.¹⁷, Павел пишет: «Те, кто совершает нечестивые ночные священные действия или поручают их совершить для того, чтобы кого-либо околдовать [*obcantarent*], пленить, обязать (что-либо сделать), или распинаются на кресте, или бросаются на съедение зверям» (Paul. Sent. V. 23. 15. – Перевод Е.М. Штаерман).

Реже встречается глагол *sano*. Например, Тибулл дает Делии наставление в том, как она должна произнести заговор, составленный колдуньей: «Трижды пропой, трижды сплунь сказанные заклинания» – *Ter cane, ter dictis despue carminibus* (Tib. I. 2. 56). А Медея у Овидия «поет помогающее [Ясону] заклинание» – *carmen/auxiliare canit* (Ov. Met. VII. 137–138).

Эпизодически используются другие глаголы с похожими значениями. Так, Тибулл употребляет глагол *praescino*: его основное значение – «петь или играть перед кем-либо» (второе значение – «произносить заклинание»): «когда старуха пела магическое заклинание» – *carmine cum magico praescinuisset anus* (Tib. I. 5. 12). В комедиях же Плавта встречается глагол *ossento*. Его главное значение – «петь, распевать перед кем-либо/чем-либо», но он может иметь и другие варианты перевода (например, «возвещать/пророчить»). Плавт дважды использует глагол *ossento* в ситуациях, имеющих магический подтекст. В «Куркулионе» главный герой перед тем, как начать заклинать двери (то есть произнести заклинание, обращенное к засовам, для того чтобы открыть их), говорит: «что если я подойду к дверям и

¹⁶ Подробнее о нем см.: Кудрявцева 2014.

¹⁷ Lex Cornelia de sicariis et veneficiis.

спую?» – *quid si adeam ad fores atque occentem?* (Pl. Curs. 145). А в комедии «Перс» присутствует выражение *occenabunt ostium* – «будут петь перед дверью/заклинать дверь» (Pl. Persa 569)¹⁸.

Нередко встречается глагол *voco* (происходящий от уже упомянутого *vox* – «голос, пение, звук») или разные производные от него: *devoco* – «сводить», *convoco* и *advoco* – «призывать». Канидия грозит покинувшему ее Вару: «Ко мне вернешься, и твой отозванный разум не восстановится марсийскими заклинаниями» – *ad me recures nec vocata mens tua/Marsis redibit vocibus* (Hor. Ep. V. 75–76). Рассказывая же о колдовстве ведьм на Эсквiline, Гораций пишет: «Одна вызывает Гекату, другая – свирепую Тисифону» – *Hecaten vocat altera, saevam/altera Tisiphonen* (Hor. Serm. I. 8. 33–34). Глагол *devoco* используется Горацием при упоминании заклинаний, «обладающих силой сводить сорванные с неба звезды» – *valentium/refixa caelo devocare sidera* (Hor. Ep. XVII. 4–5). Тибулл употребляет этот же глагол, живописуя, как колдунья «отзывает из остывающего костра кости» – *tepido devocat ossa rogo* (Tib. I. 2. 48). Медея у Овидия «призывает тайные науки» – *secretasque advocat artes* (Ov. Met. VII. 138). Кирка, чтобы напугать угрожающих ей спутников Пика (которого она уже успела превратить в птицу), разбрызгивает зелья «и призывает Ночь и Ночных богов из Эреба и Хаоса» – *et Noctem Noctisque deos Ereboque Chaoque/convocat* (Ov. Met. XIV. 404–405).

Таким образом, для обозначения заклинаний в источниках употребляется широкий круг понятий, но большинство из них связаны с пением, т.к. основное их значение – чаще всего «песня/петь».

Гораздо реже, чем *carmen* и *canto*, по отношению к заклинанию/заговору используются понятия, которые не имеют «музыкального» семантического оттенка: *verba* (Ov. Met. XIV. 301, 365) и *dico* (Cato. De agr. 141). Кирка у Овидия, расколдовывая спутников Одиссея, говорит слова, обратные сказанным прежде, – *verba... dictis contraria verbis* (Ov. Met. XIV. 301); преследуя же Пика, она произносит *verba venefica* – магические слова (Ov. Met. XIV. 365). Катон, предлагавший в «Земледелии» петь заговор, в другом месте того же трактата, рассказывая об обходе стада с молитвой Марсу, использует глагол *dico* (Cato. De agr. 141). Такое разграничение понятий позволяет предположить, что авторы различали пропевание и произнесение заговора/заклинания, и эти формы звучания существовали параллельно.

Но есть и более детализированные описания, при анализе которых выделяют две основные формы звучания. Первая из них – вой/воплъ: для его характеристики используется звукоподражательный глагол *ululo* («выть, завывать, вопить, рыдать, призывать с воплем, звать рыдая») или производное от этого глагола существительное *ululatus* («вой, вопль, рыдание, крик»).

Так, Кирка, воздействуя волшебством на природу, чтобы напугать угрожающих ей спутников Пика, «призывает Гекату» – *Hecaten... orat* (Ov. Met. XIV. 405). Но этот глагол здесь используется не сам по себе, а в сочетании с существительным *ululatus*: в результате образуется выражение «призывает долгими завываниями» – *longis ululatus orat*.

Подобным же образом Овидий описывает в «Метаморфозах» и колдовство Медеи для возвращения Эсону молодости: перед тем, как обратиться к Гекате, она «трижды разрешила уста воем» – *ternisque ululatus ora solvit* (VII. 190–191).

¹⁸ Кудрявцева 2014, 50–52.

В сатире I. 8 Гораций так описывает заклинание ведьм, которым они вызывают души умерших: «Видел Канидию сам я, одетую в черную палу,/Как босиком, растрепав волоса, с Саганою старшей/Здесь завывали они» (Serm. I. 8. 23–25 – перевод М.А. Дмитриева). В латинском тексте здесь используется причастие от глагола *ululo*: Гораций называет Канидию *ululantem* – воющей. Далее он описывает, как «...тени/Попеременно с Саганой пронзительным голосом выли»¹⁹ (I. 8. 41 – перевод М.А. Дмитриева).

Тибулл, сетуя на неверность Делии, желает разрушившей его счастье сводне вести существование, подобное жизни ведьм: искать корни на кладбищах, грызть мертвые кости, пить обгаренным кровью ртом ядовитую желчь. Перечисляя всю эту ведьмовскую атрибутику, он в числе прочего пишет: «С голыми бедрами пусть, завывая, по городу бродит» – *Currat et inguinibus nudis ululetque per urbes* (Tib. I. 5. 55. – Перевод Л.Е. Остроумова).

Глагол *ululo* используется и в тех случаях, когда подчеркивается отличие издаваемых ведьмами звуков от человеческой речи, их близость к голосам животных, звукоподражательность. Один из самых ярких примеров такого рода – детализированная и невероятно красочная характеристика звучания заклинания – содержится в поэме Лукана «Фарсалия». Фессалийская ведьма Эрихто, сопровождая заклинанием приготовление зелья, сначала издает «нестройные звуки» (Luc. Phars. VI. 686 – перевод здесь и ниже Л. Е. Остроумова), и только потом из них начинают вычленяться слова магических фессалийских напевов. Начальные, «несхожие с людской речью» стенания Эрихто Лукан сравнивает с лаем собак (*latratu canum* – VI. 688), воем волков (*gemitu luporum* – Ibid.), с жалобными криками, которые издают потревоженный филин и ночная сова *strix* (от ее названия и произошло слово *striga* – старая колдунья, ведьма). Далее Лукан говорит, что Эрихто кричит так, «как шипят/визжат и воют звери» – *quod strident ululantque ferae* (VI. 690).

Помимо *ululo* мы видим здесь еще один глагол – *strideo*. В одной из элегий Тибулла используется производное от этого глагола существительное *stridor*: колдунья «удерживает подземную толпу [то есть вызванные ею полчища подземных духов] магическим шепотом» – *tenet infernas magico stridore catervas* (Tib. I. 2. 47). Л.Е. Остроумов переводит в этом месте *stridor magicus* как «вещий шепот»: «из подземных темниц вздымает их шепотом вещим...». Но, учитывая спектр значений слова *stridor* (среди которых «шепот» – далеко не основное) – «шипение (змеи)», «свист (стрел)», «скрежет, щелканье (зубов)», «треск, скрип (двери)», «шум сильной бури» (то есть фактически вой, завывание непогоды), «звук (сигнального рога)», «визг, гудение, жужжание (пчел)», «шепот», – можно предположить, что речь не просто о нашептывании, а о высказывании, имеющем специфическую тембровую окраску: о пронзительном свистящем звуке. Основанием для такого предположения может служить и сопоставление с некоторыми другими фрагментами. В той же строке «Фарсалии», где Лукан употребляет глагол *strideo*, он тут же продолжает сравнения: заклинание Эрихто звучит так, «как шипит змея» – *quod sibilat anguis* (*sibilo* — шипеть, свистеть; Luc. Phars. VI. 690). У Петрония глагол *strideo* используется в описании аналогичной ситуации, когда

¹⁹ *Umbrae cum Sagana resonarint triste et acutum*, букв.: «тени перекликались с Саганой печально и пронзительно».

он говорит о звуке, производимом ведьмами: «...вдруг начали визжать ведьмы; можно было подумать, что собака гонится за зайцем» – ... subito <stridere> strigae coeperunt; putares canem leporem persequi (Petr. Sat. LXIII). Но здесь уточнением служит сравнение этого звука с визгом/лаем собаки, преследующей зайца. В этом случае очевидно, что речь идет вовсе не о шепоте, а о некоем пронзительном нечеловеческом вопле.

Но только ли таким могло быть звучание заклинания? Э.Э. Беррис в своей книге не упоминает о вое/крике, однако говорит, что заклинание, сопровождавшее магические ритуалы, обычно либо пелось неслышно, либо бормоталось²⁰. Он связывает это с нежеланием человека, произносившего заклинание, чтобы кто-то слышал его слова, так как зачастую они содержали просьбы о причинении вреда и преследовали запретные цели²¹.

Посмотрим, что говорится на этот счет в источниках. В проанализированной выше сцене колдовства Медеи действительно фигурирует не только вой: Медея умиловила подземных богов «долгим бормотанием», «долгим шепотом» – *murmure longo* (VII. 251). В другой (XIV) главе «Метаморфоз» используется производный от этого слова глагол *demurmuro* – пробормотать: Кирка «трижды по девять раз непонятно бормочет колдовскими устами тайное заклинание из неизведанных слов»²² (Ov. Met. XIV. 57–58). Упоминание о магическом шепоте встречается и в «Старших декламациях» – учебном сборнике судебных речей, которые приписывались Квинтилиану. В одной из этих речей заклинание мага описывается как «дикое/свиристельное бормотание» – *murmur barbarum* (Pseudo-Quint. Decl. maior. X. 15).

Апулей в своей «Апологии» говорит, что магия – дело противозаконное и воспрещенное еще XII таблицами как вредящее урожаю и что поэтому магические действия совершаются скрытно, тайно, под покровом мрака, а заклинания бормочутся шепотом: *Magia ista <...> res est <...> plerumque noctibus vigilata et tenebris abstrusa <...> et carminibus murmurata* (Apul. Apol. 47. 3). Здесь существительное *carmen* (песня) сочетается со страдательным причастием от глагола *murmuro* (бормотать, шептать). Возможно, имеется в виду не столько шепот, сколько тихое напевное монотонное бормотание.

Подведем итоги. Несмотря на то что звучанию древнеримского заклинания в историографии уделяется не слишком большое место, исследователи не зря подчеркивают его связь с музыкой и даже прямо называют «магической песней». Анализ источников показывает, что терминология, используемая римскими авторами по отношению к заклинанию, отличается разнообразием, но большинство слов, обозначающих заклинание/процесс его произнесения, действительно имеют основное значение «песня», «пение» или «петь» либо представляют собою производные от этих понятий. Это касается как самых ранних источников, так и более поздних: с течением времени появляются новые слова для обозначения заклинаний/заговоров, в период расцвета римской поэзии для «заклинательной» терминологии становится характерным довольно значительное многообразие, но связь понятия «заклинание» с песней/пением сохраняется. Вместе с тем мы не можем утверждать, что заклинание существовало исключительно в такой форме:

²⁰ Burris 1931, 184.

²¹ Burris 1931, 185.

²² ...Obscurum verborum ambage novorum / ter noviens carmen magico demurmurat oro.

имеются источники, согласно которым заклинание/заговор могли представлять собой «слова», которые, вероятно, просто проговаривались.

Из некоторых источников мы можем извлечь более подробные сведения о том, как могло звучать заклинание. Обращает на себя внимание тот факт, что в источниках заклинание характеризуется не только как «песня» или нечто ей подобное, но и как вой/воплъ (*ululatus*) или визг/шипение/свист (*stridor*). Это сочетание терминологии, связанной, с одной стороны, с пением, а с другой – со специфической тембровой и эмоциональной окраской, не может не вызывать аналогий с архаическим мелосом других культур и традиций. Архаический мелос исследуется на разнообразном материале: от выкриков разносчиков (публикация которых была сделана Музыкально-этнографической комиссией в начале XX в.)²³ до якутских заклинаний²⁴. Э.Е. Алексеев характеризует его как «протомузыкальное» интонирование «на перепутьях пения и речи»²⁵. И.С. Попова (ссылаясь также на З.В. Эвальд) замечает: «Именно *тембр-крик* (курсив мой – А. З.), свойственный календарно-обрядовой песенности, по мысли З.В. Эвальд, есть “признак, указывающий на генезис данного древнего слоя в магической обрядности”, а такие особенности тембра как резкость и напряженность оказываются обусловлены специфической подачей звука, “характерной для музыки ранних общественных формаций”»²⁶. В этой цитате важно не только указание на возможное «магическое» происхождение обсуждаемого исследователями материала, но и использование термина «тембр-крик» (приведенную выше цитату Э.Е. Алексеева о протомузыкальном интонировании на перепутьях пения и речи можно сопоставить с характеристиками римской *carmen*, а «тембр-крик» – с римским *ululatus*). Это далеко не единственный случай применения подобной терминологии по отношению к ранним формам мелоса. Музыканты-фольклористы и исследователи музыкальной интонации используют для характеристики такого материала термины «возгласная декламация», «возгласная речь», «клич», «напевно интонируемый возглас»²⁷ «интонируемые выкрики»²⁸, «напевно интонируемые выкрики»²⁹. На материалах публикаций выкриков разносчиков основан труд Б.В. Асафьева «Речевая интонация»³⁰, в котором «обозначается особый статус форм *возгласного интонирования* (курсив мой – А. З.), одного из истоков обрядовой песенности»³¹.

Что касается «шепота», бормотания или монотонного псалмодирования, то аналогичные примеры можно найти в этнографических работах, в частности – посвященных русским заговорам: так, британский филолог У.Ф. Райан отмечает, что эти заговоры либо шептались (отсюда одно из их названий – «нашепти», которое он сравнивает именно с латинским *murmur*³²), либо произносились нараспев на

²³ Выкрики разносчиков 1906, 497–516.

²⁴ Алексеев 1986.

²⁵ Алексеев 1995, 35.

²⁶ Попова 2004, 190.

²⁷ Попова 2004, 189.

²⁸ Попова 2004; Попова 2002.

²⁹ Рубцов 1973, 34.

³⁰ Асафьев 1965.

³¹ Попова 1998, 16.

³² «...Нашепти – заговоры, произносившиеся шепотом (ср. лат. *murmur*, *susurrus*)». См.: Райан 2006, 293.

манер церковного чтения. А.К. Байбурин говорит, что заговоры должны произноситься шепотом, «поэтому во многих местах знахарей называли шептунами»³³.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что, по-видимому, заговоры и заклинания в Древнем Риме могли иметь разные формы звучания. Прежде всего, можно классифицировать их таким образом: 1. Обычное произнесение какого-либо текста; 2. Протомузыкальные формы интонирования. При этом анализ источников показывает, что удельный вес последних явно больше, то есть преобладало именно протомузыкальное интонирование заговоров.

Если же говорить о более конкретных характеристиках, то выделяются две основные формы звучания: а) *ululatus* – вой/воплъ, нечто близкое к «интонируемым выкрикам», известным нам из исследований по музыкальной этнографии; б) *mutmur* – шепот или напевное бормотание.

Помимо характеристики этих двух основных форм звучания в источниках присутствуют и другие, которые сложнее классифицировать в силу многозначности употребляющихся по отношению к ним слов. Это, например, *stridor* – слово, которое можно перевести и как «визг», и как «шепот»: не совсем понятно, к какому из упомянутых типов интонирования можно его отнести. Конечно, само это разграничение и противопоставление двух контрастных форм звучания заклинания весьма условно.

Наконец, последний вопрос, на который мы попытаемся ответить, – *почему* при произнесении заклинания преобладали именно такие виды интонирования. Анализ источников показывает, что заклинание описывается римскими авторами как нечто предельно отличающееся от обыденной речи и даже противопоставленное ей. В частности, выделяются следующие черты:

1. Особые формы произнесения. Пропевание, протомузыкальные формы, интонируемые выкрики встречаются чаще, чем простое проговаривание заклинания.

2. Определенные метрические и структурные особенности:

а) в некоторых случаях заговоры могли иметь стихотворную форму. Например, Варрон в трактате «О сельском хозяйстве» цитирует заговор от боли в ногах, который рекомендовал использовать автор конца II – начала I в. до н. э. Сазерна в своей книге по земледелию: «Я тебя вспоминаю, вылечи мои ноги. Земля, болезнь держи, здоровье, здесь подожди в моих ногах» – *ego tui meminī, medere meis pedibus, terra pestem teneto, salus hic maneto in meis pedibus* (Varro. *De re rust.* I. 2. 27. – Перевод здесь и ниже М.Е. Сергеев). М.Е. Сергеев отмечает, что часть этого заговора представляет собой сатурнический стих³⁴;

б) в других случаях имеет место особая структурная организация текста. Довольно часто заклинание повторяется определенное число раз: так, для превращения Пика в дятла Кирка произносит три заклинания (Ov. *Met.* XIV. 387); Медея трижды воет перед обращением к Гекате (Ov. *Met.* VII. 190–191); трижды пропеть заклинание и затем трижды плюнуть советует Тибулл (Tib. I. 2. 56). В «усложненном» варианте заклинание повторяется трижды по 9 раз – *ter noviens* (Ov. *Met.* XIV. 57–58; Varro. *De re rust.* I. 2. 26). Э.Э. Беррис рассматривает повторность в качестве одной из основных характеристик заклинания и считает, что

³³ Байбурин 1992, 168.

³⁴ Сергеев 1963, 133.

этот фактор влиял на его эффективность³⁵. Установленное число повторений (как видно из источников, оно не было произвольным) формирует довольно четкую композиционную структуру: то есть произнесение заклинания не было размытым и неорганизованным, оно имело определенный «ритм» чередования разделов. При этом произнесение заклинания зачастую сопровождается ритуальными действиями, которые организованы аналогичным образом. Например: «Он [Сазерна] велит пропеть это трижды девять раз, коснуться земли, плюнуть, петь натошак»³⁶ (Varro. De re rust. I. 2. 26).

3. Особый «магический» язык. Овидий в «Метаморфозах» характеризует заклинание Кирки как «темную/непонятную/неясную песнь» (carmen obscurum) из «неизведанных слов» (verba nova) (Ov. Met. XIV. 57–58), а в другом случае – как «непонятное заклинание» (carmen ignotum – Ov. Met. XIV. 366). Лукан в описании заклинания Эрихто тоже говорит о звуках, непохожих на человеческую речь (humanae discordia linguae – Luc. Phars. VI. 687). Что здесь имеется в виду, можно понять, например, из текстов заговоров от вывиха, приводимых Катонем в «Земледелии»: Notas vacta, laries dardares astataries dissunapiter; huat haut istasis tarsis ardannabou dannaustra (Cato. De agr. 160). Они состоят из набора бессмысленных непереводимых слов, причем большое значение в них имеет определенная ритмическая организация, аллитерация и ассонансы: все это (в сочетании с повторяемостью магических текстов) создает завораживающий, «гипнотический» эффект.

4. Наконец, для звучания магических заклинаний характерна звукоподражательность: авторы подчеркивают их несхожесть с человеческой речью, нечеловеческую природу, сравнивая с голосами животных и птиц.

Итак, нетипичное для обыденной речи звучание заклинаний могло быть средством создания эффекта «переключения» в иную реальность, «общения с иным миром». Специфическая манера произнесения текста на «непонятном языке» призвана ввести в измененное состояние сознания, заворожить и погрузить в магический мрак.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев, Э.Е. 1995: Прагматическое, игровое, ритуальное в звукоподражаниях народов Севера Сибири. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 33–35.
- Алексеев, Э.Е. 1986: *Раннефолькорное интонирование: звуковысотный аспект*. М.
- Байбурин, А.К. 1992: Леонид Николаевич Майков и его собрание заговоров. В сб.: А.К. Байбурин (ред.), *Великорусские заклинания. Сборник Л.Н. Майкова*. СПб.–Париж, 165–170.
- Богомолов, А.Г. 2010: Музыка как бытие и функция. В сб.: *Парадигма: Философско-культурологический альманах*. Вып. 15. СПб., 4–11.
- Выкрики разносчиков 1906: Выкрики разносчиков в записях А.Т. Гречанинова, А.М. Листопадова, Н.А. Невструева, Н.А. Янчука и Д.И. Аракчиева. Со вступительными материалами Н.А. Янчука и с приложением 83 нотных записей. В сб.: *Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Им-*

³⁵ Burris 1931, 181, 186–187.

³⁶ Hoc ter noviens cantare iubet, terram tangere, despuere, ieinum cantare.

- ператорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Т. 1. М., 497–516.
- Герцман, Е.В. 1995: *Музыка Древней Греции и Рима*. СПб.
- Зубарева, А.В. 2021. Лунное затмение и апотропеический шум в древнеримской магии. *ПИФК* 1, 164–175.
- Кудрявцева, Т.В. 2014: Магические практики в законах XII таблиц. *ВДИ* 4, 40–55.
- Кудрявцева, Т.В. 2012: Магия и процессы по «venenī crīmen» в афинской и римской судебной практике. *Мнемон* 11, 272–290.
- Левкиевская, Е.Е. 1995: Голос и звук в славянской апотропеической магии. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 45–47.
- Попова, И.С. 2004: Интонируемые выкрики: звуковой аспект. В сб.: Н.Н. Гилярова (сост.), *Звук в традиционной народной культуре*. М., 173–193.
- Попова, И.С. 2002: Интонируемые выкрики: история изучения и современные научные открытия. В сб.: А.В. Кулев (ред.-сост.), *По следам Е.Э. Линевой*. Вологда, 234–265.
- Попова, И.С. 1998: *Типология фольклорных форм в системе масленичных обрядов Новгородской области*: диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. СПб.
- Райан, В.Ф. 2006: *Баня в полночь: Исторический обзор магии и гаданий в России*. М.
- Рубцов, Ф.А. 1973: Основы ладового строения русских народных песен. В сб.: Ф.А. Рубцов. *Статьи по музыкальному фольклору*. Л.; М., 8–81.
- Сергеенко, М.Е. 2000: *Жизнь Древнего Рима*. СПб.
- Сергеенко, М.Е. 1963: Комментарий. В кн.: Варрон. *Сельское хозяйство*. М.-Л., 129–217.
- Толстая, С.М. 1995: Обрядовое голошение: лексика и семантика. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 60–62.
- Толстой, Н.И. 1995: Магическая сила голоса в охранительных ритуалах. В сб.: Е.А. Дорохова, Н.И. Жуланова, О.А. Пашина (ред.), *Голос и ритуал*. М., 103–106.
- Штаерман, Е.М. 1987: *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.
- Burris, E.E. 1931: *Taboo, magic, spirits: A study of primitive elements in Roman religion*. New York.
- Combarieu, J. 1909: *La musique et la magie*. Paris.
- Foucart, G. 1910: Jules Combarieu. La musique et la magie; étude sur les origines populaires de l'art musical; son influence et sa fonction dans les sociétés. *Journal des savants* 8. 5, 231–233.
- Keenan, M.E. 1940: The Terminology of Witchcraft in the Works of Augustine. *Classical Philology* 35. 3, 294–297.
- Lalo, Ch. 1909: Jules Combarieu. La musique et la magie. *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger* 68, 205–209.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana*. Amsterdam.
- Wissowa, G. 1902: *Religion und Kultus der Römer*. München.

REFERENCES

- Alekseev, E.E. 1995: Pragmaticeskoye, igrovoye, ritual'noye v zvukopodrazhaniyakh narodov Severa Sibiri [Pragmatic, play and ritual sound-imitation of Siberian North peoples]. In E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual [The Voice and the Ritual]*. Moscow, 33–35.
- Alekseev, E.E. 1986: *Rannefol'kornoye intonirovaniye: zvukovysotnyy aspect [Early Folklore Intonation: The Pitch Aspect]*. Moscow.

- Baiburin, A.K. 1992: Leonid Nikolaevich Maikov i ego sobranie zagovorov [Leonid Nikolaevich Maykov and his Collection of Charms]. In: A.K. Baiburin (ed.). *Velikoruskie zaklinaniia. Sbornik L.N. Maikova* [Great Russian Charms. Collection of L.N. Maykov]. Saint Petersburg–Paris, 165–170.
- Bogomolov, A.G. 2010: Muzyka kak bytiye i funktsiya [Music as a reality and a function]. In.: *Paradigma: Filosofsko-kul'turologicheskii al'manakh* [Paradigm: Philosophical and cultural almanac] 15. Saint Petersburg, 4–11.
- Burris, E.E. 1931: *Taboo, magic, spirits: A study of primitive elements in Roman religion*. New York.
- Combarieu, J. 1909: *La musique et la magie*. Paris.
- Foucart, G. 1910: Jules Combarieu. La musique et la magie; étude sur les origines populaires de l'art musical; son influence et sa fonction dans les sociétés. *Journal des savants* 8.5, 231–233.
- Herzman, E.V. 1995: *Muzyka Drevney Gretsii i Rima* [Music of Ancient Greece and Rome]. Saint Petersburg.
- Keenan, M.E. 1940: The Terminology of Witchcraft in the Works of Augustine. *Classical Philology* 35.3, 294–297.
- Kudryavtseva, T.V. 2014: Magicheskiye praktiki v Zakonakh XII tablits [Magic in the XII Tables]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 4, 40–55.
- Kudryavtseva, T.V. 2012: Magiya i protsessy po «veneni crimen» v afinskoy i rimskoy sudebnoy praktike [Magic and trials veneni crimen in the Athenian and Roman legal proceedings]. *Mnemon* 11, 272–290.
- Lalo, Ch. 1909: Jules Combarieu. La musique et la magie. *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger* 68, 205–209.
- Levkiyevskaya, E.E. 1995: Golos i zvuk v slavyanskoy apotropeicheskoy magii [Voice and sound in Slavic apotropaic magic]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 45–47.
- Luck, G. 1999: Witches and Sorcerers in Classical Literature. In: B. Ankarloo et al. (eds.), *Witchcraft and Magic in Europe: Ancient Greece and Rome*. Philadelphia, 91–158.
- Popova, I.S. 2002: Intoniruyemye vykriki: istoriya izucheniya i sovremennyye nauchnyye otkrytiya [Intonated shouts: history of studying and modern scientific discoveries]. In: A.V. Kulev (ed.), *Po sledam Ye.E. Linevoy* [Following E. Lineva's trails]. Vologda, 234–265.
- Popova, I.S. 2004: Intoniruyemye vykriki: zvukovoy aspekt [Intoning shouts: a sound aspect]. In: N.N. Gilyarova (ed.), *Zvuk v traditsionnoy narodnoy kul'ture* [Sound in the traditional music culture]. Moscow, 173–193.
- Popova, I.S. 1998: *Tipologiya fol'klornykh form v sisteme maslenichnykh obryadov Novgorodskoy oblasti* [Typology of folkloric forms in the Pre-Lenten rituals in Novgorod oblast]: PhD thesis in art history. Saint Petersburg.
- Rubtsov, F.A. 1973: Osnovy ladovogo stroeniya russkikh narodnykh pesen [Fundamentals of Modal Construction of Russian Folk Songs]. In.: F.A. Rubtsov. *Stat'i po muzykal'nomu fol'kloru* [Articles on Musical Folklore]. Leningrad; Moscow, 8–81.
- Ryan, W.F. 2006: *Banya v polnoch': Istoricheskiy obzor magii i gadaniy v Rossii* [The Bathhouse at Midnight: An historical Survey of Magic and Divination in Russia]. Moscow.
- Sergeenko, M.E. 1963: Kommentarii [Comment]. In: Varro. *Sel'skoye khozyaystvo* [Agriculture]. Moscow–Leningrad, 129–217.
- Sergeenko, M.E. 2000: *Zhizn' Drevnego Rima* [The Life of Ancient Rome]. Saint Petersburg.
- Shtaerman, E.M. 1987: *Sotsial'nyye osnovy religii Drevnego Rima* [Social Basis of the Religion of Ancient Rome]. Moscow.
- Tolstaya, S.M. 1995: Obryadovoye golosheniye: leksika i semantika [Ritual wailing: vocabulary and semantics]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 60–62.

- Tolstoy, N.I. 1995: *Magicheskaya sila golosa v okhranitel'nykh ritualakh* [Magic force of voice in protective rituals]. In: E.A. Dorokhova, N.I. Joulanova, O.A. Pashina (eds.), *Golos i ritual* [The Voice and the Ritual]. Moscow, 103–106.
- Vykriki raznoschikov 1906: *Vykriki raznoschikov v zapisyakh* A.T. Grechaninova, A.M. Listopadova, N.A. Nevstruyeva, N.A. Yanchuka i D.I. Arakchiyeva. So vstupitel'nyimi materialami N.A. Yanchuka i prilozheniyem 83 notnykh zapisyey [Vendors' shouts in the notes by A. Grechaninov, A. Listopadov, N. Nevstruev, N. Yanchuk and D. Arakchiev. Supplemented with introductory materials by N. Yanchuk and 83 musical notations annexed]. In: *Trudy Muzykal'no-etnograficheskoy komissii pri etnograficheskom otdele Imperatorskogo obshchestva lyubiteley yestestvoznaniya, antropologii i etnografii* [Proceedings of the Musical Ethnographic Committee under the Ethnographic Department of the Imperial Society of Friends of Natural Science, Anthropology and Ethnography]. Vol. 1. Moscow, 497–516.
- Wille, G. 1967: *Musica Romana*. Amsterdam.
- Wissowa, G. 1902: *Religion und Kultus der Römer*. München.
- Zubareva, A.V. 2021. Lunnoye zatmeniyey i apotropeicheskiy shum v drevnerimskoy magii [A lunar eclipse and an apotropaic noise in Roman magic]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] 1, 164–175.

MAGIC SONG: PROTO-MUSICAL INTONING FORMS IN THE ANCIENT ROMAN SPELLS AND INCANTATIONS

Alena V. Zubareva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

E-mail: canidia@ya.ru

Abstract. Despite the fact that lots of modern antiquity-related works focus on ancient magic, its sound, “musical” aspect continues to be one of the most obscure and mysterious fields of research. However, some scholars’ mentions of the fact, that Ancient Roman incantations were sung rather than pronounced, is worth emphasizing. The article attempts to provide a more detailed enquiry into the exact ways the spells and incantations could sound in the Ancient Rome; various written sources have been analyzed to resolve the problem in question, like The Natural History (*Naturalis historia*) by Pliny the Elder, The Apologia by Apuleius, The Sentences (*Sententiae*) by Julius Paulus etc. The author provides a detailed examination of incantation-related Latin terms and emphasizes the fact, that although the wide variety of sources was used to designate incantations, the major part of them was connected to singing, with “a song/to sing” being the most frequent meaning. The more detailed descriptions, that contain the characteristics of the incantations sounding, are examined as well. The author comes to the conclusion, that the Ancient Roman spells and incantations used to be a sort of proto-musical intoning forms, which were represented by two major types: an intoning shout (*ululatus*) and murmur/songlike mutter (*murmur*). The suggestion is made, that these types of intoning were prevalent during the pronunciation of an incantation partly due to the fact, that it must have been as different from daily speech, as possible, producing the effect of transition into “another”, magic reality.

Keywords: Ancient Rome, Ancient magic, incantation, magic song, proto-musical intoning forms, archaic melos

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 158–170
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 158–170
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-158–170

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ЗНАЧЕНИЕ БИТВЫ ПРИ МЕСИХЕ (244 г. н.э.)

Е.Б. Мирзоев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

E-mail: evgenymirzoev@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2075-6783

Аннотация. В статье рассматривается битва при Месихе в контексте событий персидского похода императора Гордиана III. Приводятся аргументы в пользу того, что битву при Месихе следует считать генеральным сражением армий двух империй и решающим событием похода. Данные источников позволяют уверенно говорить о крупном поражении римлян, однако римская армия явно не была полностью разгромлена. Есть основания считать, что одной из причин победы персов стало тяжелое ранение Гордиана во время боя. Не добившись победы, римская армия оказалась в тяжелом положении, так как испытывала недостаток в продовольствии. Важным фактором, усугублявшим ситуацию для римлян, было то, что путь для их отступления преграждал большой канал. Поэтому, несмотря на то что римская армия не была окончательно разгромлена при Месихе, последствия этого поражения оказались весьма значительными. Новый император Филипп был вынужден заключить мирный договор с персами на условиях выплаты контрибуции победителям и отказа Рима от сфер влияния в Армении, а также в Северной Месопотамии. Таким образом, поражение при Месихе предопределило неудачный исход персидского похода Гордиана и привело к заключению невыгодного для Рима договора, условия которого изменили баланс сил на Ближнем Востоке в пользу персов. В статье также рассматриваются различные версии смерти Гордиана III. Предлагается версия гибели императора, которая согласуется с большинством разноречивых свидетельств источников. Дается реконструкция событий, которая включает в себя ранение императора, полученное в ходе сражения, мятеж воинов и последовавшая за этим смерть Гордиана.

Ключевые слова: Римская империя, Сасаниды, Гордиан III, Шапур I, Филипп I, битва при Месихе, римско-персидские войны

Восточный поход императора Гордиана III (238–244 гг.) стал важным этапом в затяжном противостоянии между Римом и державой Сасанидов. Фрагментар-

Данные об авторе: Евгений Бахлулович Мирзоев – кандидат исторических наук, доцент. МГПУ.

ный характер источников и противоречивость содержащихся в них сведений затрудняют не только реконструкцию событий похода, но и оценку его значения и последствий. Неудивительно, что среди исследователей нет согласия в трактовке событий персидской кампании Гордиана, в особенности обстоятельств гибели императора. В статье рассматривается битва при Месихе, которая стала ключевым событием похода и определила его исход. Следует отметить, что в силу состояния источниковой базы некоторые наши выводы могут носить лишь предположительный характер.

Война между державой Сасанидов и Римской империей началась в 230 г. и ознаменовалось неудачной кампанией императора Александра Севера против персов. Наступление Сасанидов возобновилось в 238–239 гг., когда они захватили Карры и Нисибис (Zonaras XII. 28) а также, вероятно, Ресану и Сингару. Вслед за этим в 240/241 г. персы взяли Хатру¹. В этом городе после восточного похода Александра Севера разместились римские части, которые должны были участвовать в обороне города от персов². Формально Хатра не входила в состав Римской империи, однако с падением этого города римляне потеряли контроль над важным районом Северной Месопотамии.

В 242 г.³ юный Гордиан III выступил из Рима в поход с «огромной армией» и большим количеством золота, которое мог использовать для набора вспомогательных войск (SHA. Gord. XXVI. 3). При армии находился префект претория и тесть Гордиана Тимесифей, который, как считается, являлся главным организатором похода (ŠKZ. стк. 3-4). Представляется, что текст трехязычной надписи Шапура I на так называемой Каабе Зороастра в Накш-и Рустаме позволяет сделать некоторые выводы о численности «огромной армии» императора. В этой надписи шаханшах сообщает о победах над римлянами: над армией Гордиана III, о победе при Барбалиссе в 253 г., а также о разгроме и пленении императора Валериана при Эдессе (260 г.). Из этих трех битв только первая и третья названы «великой битвой» или «большим сражением» (πόλεμος μέγας в греческой версии текста)⁴. При этом для битвы при Барбалиссе и для побоища под Эдессой Шапур указал численность разгромленных римских войск: 60 и 70 тыс. соответственно (цифры, разумеется, округленные, но едва ли завышенные, учитывая, что под Эдессой армии возглавлялись лично правителями империй). Если следовать логике надписи, то можно заключить, что армия императора Гордиана должна была быть не меньше 70 тыс. (как у Валериана под Эдессой). Однако в середине III в. Валериан вынужден был собирать армию для противостояния Шапуру I в самые тяжелые годы кризиса Римской империи на фоне тяжелых потерь, а также в условиях эпидемий⁵. Гордиан III и Тимесифей готовились к персидскому походу еще в относительно стабильных условиях, имея возможность сконцентрировать на Востоке действительно «огромную армию» из еще не поредевших легионов и вспомогательных когорт.

¹ Мирзоев 2016, 72–76.

² Надиров 2009, 57; Dodgeon, Lieu 1994, 28.

³ Lorient 1975, 759–60.

⁴ Shapur I's Ka'ba-ye Zartosht inscription. Нумерация строк дана по парфянской версии текста. Публикации и исследования текста надписи см.: Sprengling 1953; Maricq 1958, 295–360; Huyse 1999.

⁵ О противостоянии Валериана и Шапура I и битве при Эдессе см.: Мирзоев 2016, 111–128.

К оценке численности армии Гордиана можно подойти и с другой стороны. По приблизительным подсчетам общая численность армии империи в начале III в. превышала 400 тыс. человек⁶. Представляется очевидным, что после неудачи в персидской кампании Александра Севера римское командование могло решиться на новый персидский поход, только собрав на Востоке очень мощную армию. В восточном походе Гордиана III должны были участвовать все легионы, базировавшиеся в Сирии и Северной Месопотамии (III Gallica, I Parthica, III Parthica, VI Ferrata, III Scythica, XVI Flavia Firma), II Парфянский легион, засвидетельствованный при Александре Севере в Апамее и получивший почетный титул «Гордианов». С большой долей вероятности в походе Гордиана (по крайней мере, частично) принимали участие легионы X Fretensis, стоявший в Палестине, III Syriensis, который базировался в Аравии и участвовал в персидской кампании Александра Севера, XII Fulminata и XV Apollinaris, стоявшие на востоке Анатолии⁷. Кроме того, предполагается, что в этой восточной кампании принимали участие вексиляции ряда европейских легионов (III Italica, X Gemina и I Adiutrix⁸). В походе императора, несомненно, сопровождали когорты преторианской гвардии (общая численность – более 10 тыс. человек). В надписи Шапура I особо упоминаются готы и германцы в составе армии Гордиана: «Когда мы впервые утвердились на царстве, Гордиан Цезарь собрал силы со всей Римской империи, из готов и германцев и двинулся на Асурестан против Ираншахра и против нас» (ŠKZ. стк. 3). Вероятно готы, упомянутые в надписи Шапура, оказались в армии Гордиана после боевых действий на Дунае накануне персидского похода⁹. Такая армия, состоявшая из восьми–десяти восточных легионов и других сил, могла достигать 80–100 тыс. человек.

Судить о силах, которыми располагал в данном конфликте персидский шаханшах, еще сложнее. Однако, учитывая, что в решающем сражении персы одержали верх (см. ниже), сасанидская армия не могла на порядок уступать римской в численности и должна была насчитывать несколько десятков тысяч человек. Персидская армия в эпоху ранних Сасанидов состояла в значительной степени из ополчения, собиравшегося на время военной кампании. Более или менее регулярными формированиями были отряды царских войск (по крайней мере, царских телохранителей), отряды наместников-шахрдаров, местных правителей, а также гарнизоны городов и крепостей¹⁰. По утверждению Геродиана, бывшего современником событий, персидское войско «раз распущенное, нелегко собрать вновь, так как оно не является ни упорядоченным, ни постоянным <...> и запасов провианта у них имеется только такое количество, сколько каждый, приходя, приносит с собой для собственного потребления...» (Herod. VI. 7). При такой системе организации вооруженных сил персам требовалось определенное время для мобилизации армии в случае военной опасности, что мешало им оперативно реагировать на вражеское вторжение¹¹.

⁶ MacMullen 1980, 451, 454.

⁷ Мирзоев 2016, 44–48.

⁸ Dietz 2000, 133–143; Gomez-Pantoja 2000, 169–190; Lörincz 2000, 151–158.

⁹ Lorient 1975, 766–767.

¹⁰ Никоноров 2005, 152–153.

¹¹ Дмитриев 2008, 52.

Римское наступление в Северной Месопотамии началось весной 243 г. В начале похода в Осроене было восстановлено клиентское царство, власть в Эдессе была передана Абгару X¹². Римляне продвинулись к Каррам, после чего произошло первое крупное столкновение противоборствующих армий – битва при Ресане¹³. Место сражения у Ресаны (совр. Джейланпынар в Турции) сообщает только Аммиан Марцеллин, по словам которого, Гордиан здесь «обратил в бегство персидского царя» (Amm. Marc. XXIII. 5. 17.). Зосим (Zosimus I. 18. 2), Фест (Festus. Breviarium. XXII. 2), Зонара (Zonaras. XII. 18), не называя места сражения, также сообщают о победе Гордиана над персами. Шапур I в своей надписи не упоминает об этой битве. Если персидскую армию при Ресане возглавлял лично Шапур, то, учитывая дальнейшее развитие событий, очевидно, что шаханшах ввел в сражение далеко не все свои силы. Скорее всего, в начале войны характерная для персов система формирования армии не позволила Шапуру встретить римского императора большими силами. По-видимому, царь с наличными войсками решил задержать наступление римлян в Северной Месопотамии, пока в Южной Месопотамии собирались подкрепления из Ирана. После сражения при Ресане персы оставили Нисибис и Сингару, которые перешли под контроль римлян (SHA. Gord. XXVII. 1). После этих успехов римская армия продолжила наступление уже вдоль берега Евфрата, пройдя через Дура Европос¹⁴.

В ходе более ранних римских вторжений на юг Месопотамии (Траян, Септимий Север), а также в IV в., во время похода императора Юлиана, наступление велось вдоль Евфрата. Снабжение каждый раз осуществлялось по реке с помощью кораблей. Однако продвижение легионов Гордиана было медленным. Событием, которое могло заставить Гордиана приостановить марш на юг, была кончина Тимесифея (видимо, осенью 243 г.)¹⁵. Смерть Тимесифея, который, скорее всего, держал в руках подвоз продовольствия для войска, могла негативно сказаться на системе логистики огромной римской армии¹⁶, которая все больше отрывалась от баз снабжения на своей территории. Источники сообщают о том, что армия Гордиана III стала испытывать недостаток продовольствия. Некоторые из них обвиняют нового префекта претория Филиппа Араба в создании искусственного голода с целью вызвать недовольство солдат, спровоцировать мятеж и захватить императорскую власть (SHA. Gord. XXIX. 2; Zosimus. I. 18. 2). Однако следует учесть, что вскоре произошло генеральное сражение. Это означает, что в Южной Месопотамии концентрировалась мощная персидская армия. Едва ли римляне оставались на этот счет в неведении. Искусственно создавать проблемы со снабжением для своих войск в глубине вражеской территории и вблизи армии Шапура для человека, мечтавшего стать императором, было бы крайне рискованно: результатом таких действий могло стать сокрушительное поражение римской армии и гибель самого злоумышленника. Более вероятной причиной перебоев со снабжением и голода в римской армии следует считать объективные условия военной кампании.

¹² Абрамзон 2005, 116; Enßlin 1949, 15.

¹³ Kettenhofen 1982, 29–30; Mosig-Walburg 2009, 33–34.

¹⁴ Kettenhofen 1982, 32.

¹⁵ Enßlin 1949, 15.

¹⁶ De Blois 1978–1979, 13.

Движение вдоль Евфрата на юг в итоге вывело римскую армию к расположенному на этой реке г. Месихе. Место решающей битвы и ее характеристика присутствуют в надписи Шапура I: «На границе Асурестана при Месихе произошло большое встречное сражение. Гордиан Цезарь был убит и римские силы были разгромлены и потому мы переименовали Месиху в Пероз-Шапур» (т.е. «Победа Шапура») (ŠKZ. стк. 3–4.). Обратим внимание на то, что в надписи гибель императора увязывается со сражением, но не утверждается, что Гордиан был убит персами. Город Месихе/Пероз-Шапур (средневековый Анбар) располагался на левом берегу Евфрата близ современного г. Фаллуджа к северу от Багдада¹⁷. В IV в. в тексте Аммиана Марцеллина город фигурирует под названием Пирисабора (Amm. Marc. XXIV. 2. 9). Уже сам факт переименования города Месихе в честь победы (это единственный такой факт, упомянутый в надписи Шапура I) указывает на значительность состоявшейся здесь битвы и на ее благоприятный исход для персов. С официальной персидской версией событий хорошо согласуется информация надписи Абнуна периода правления Шапура I. В надписи этого придворного сказано, что римляне напали на Персию «в 3-й год Шапура, царя царей»¹⁸. Эту надпись Абнун оставил в связи с тем, что основал алтарь огня по случаю победы над римлянами, когда «стало известно, что римляне пришли и Шапур, царь царей, поразил их и победил их и они стали нашими пленниками»¹⁹. Упоминание пленников подкрепляет сообщение надписи Шапура о последующем выкупе римлян «за их жизнь» (см. ниже).

Греко-римские источники не сохранили связного рассказа о битве при Месихе. Тем не менее некоторые их свидетельства могут относиться именно к генеральному сражению в Южной Месопотамии. Так, Зонара сообщает, что император во время сражения направил коня вперед, воодушевляя своих воинов, но, когда конь споткнулся, Гордиан упал, сломал бедро и впоследствии умер от этого перелома (Zonaras. XII. 17). Кедрен утверждал, что Гордиан «умер после того, как упал со своей лошади»²⁰. Эти данные хорошо соотносятся с информацией официальной надписи Шапура I. Фразу в сочинении Зосимы также можно интерпретировать как указание на связь гибели Гордиана и поражения римлян²¹: «когда Гордиан проводил кампанию против персов и умер посреди вражеской земли, даже после этой победы персы не смогли вырвать у римлян что-либо...» (Zosimus. III. 32. 4). Было бы логично видеть в упомянутой здесь персидской победе битву при Месихе.

Как свидетельство ранения Гордиана в сражении рассматривают сведения «Тринадцатого Оракула Сибиллы» (Oracula Sibyllina (XIII, 13-20)). В строках, посвященных Гордиану III, говорится о том, что «воинственный Арес» будет «предан соратником» и «падет среди рядов»²², пораженный сверкающим железом²³.

¹⁷ Maricq 1958, 353–355.

¹⁸ Шапур вступил на престол как соправитель отца в 240 г.

¹⁹ Tavoosi 1989, 25–38; Livshits, Nikitin 1992, 41–44.

²⁰ Cedrenus. I, 450, 23–451, 11–12. Ту же версию передавали Григорий Амартол и, видимо, Иоанн Малала. Dodgeon, Lieu 1994, 37.

²¹ Mosig-Walburg 2009, 38.

²² Выражение «среди рядов» (ἐν τάξει) здесь может означать как «в бою», так и «в лагере». См. Dodgeon, Lieu 1994, 303.

²³ Строки восстановлены Д. Поттером (Potter 1990, 199–200).

Текст логично интерпретировать как указание на то, что император был предан или оставлен в опасности во время сражения²⁴. Это описание согласуется и с данными надписи Шапура I, и с сообщениями римских авторов о гибели Гордиана в результате козней префекта претория Филиппа. Об этом сообщают, в частности, биограф Гордиана (SHA. Gord. XXIX–XXX.), Евтропий (Eutrop. Breviarium. IX. 2. 2–3), Аммиан Марцеллин (Amm. Marc. XXIII. 5. 17), Зосим (Zosim. I. 19. 1.), тогда как некоторые источники просто констатируют убийство императора собственными воинами (Epitome de Caesaribus. 27. 1–3; Syncellus. Chronogr. P. 681; Oros. 7. 19. 5.). Эти источники не упоминают о неудачном для римлян сражении. В сочинении Аммиана Марцеллина утверждается, что Гордиан III умер в Заите в Северной Месопотамии²⁵, где и находится его могила. Зосим сообщает о том, что император скончался на территории персов (Zosim. III. 32. 4; Epitome de Caesaribus. 27. 3; SHA. Gord. 34. 1). Синкелл и Зонара говорят о смерти Гордиана на пути к Ктесифону (Sync. Chronogr. P. 681; Zonaras. XII. 18), что указывает на Южную Месопотамию.

Разноречивые свидетельства античной исторической традиции породили многолетнюю дискуссию в работах исследователей. Некоторые отдают предпочтение сведениям античных авторов, которые связывают смерть императора с мятежом солдат и рассматривают данные надписи персидского шаханшаха о большой победе над римлянами как отражение хвастливой пропаганды²⁶. Д. Поттер признает достоверность данных надписи Шапура I о битве при Месихе. Однако, исходя из упоминания Аммианом Марцеллином о смерти Гордиана в Заите, он полагает, что смерть императора не связана с генеральным сражением²⁷. Кроме того, сообщение Порфирия о бегстве Плотина из римского лагеря во время похода Гордиана²⁸ исследователь интерпретирует как указание на мятеж в римском лагере и подтверждение сообщений античных авторов о гибели Гордиана от рук собственных воинов на севере Месопотамии²⁹. Недавно была выдвинута версия интерпретации текста надписи Шапура, предлагающая видеть в «великой битве» при Месихе сражение внутри римского лагеря в ходе мятежа. Этим якобы и воспользовался Шапур, чтобы нанести поражение римлянам³⁰. Однако представляется невероятным, чтобы в своей надписи персидский шаханшах назвал «великой битвой» не свою победу над Гордианом, а столкновения внутри римского лагеря, не говоря уже о том, что крайне трудно представить себе сражение между римлянами на юге Месопотамии на виду у большой персидской армии.

Другие исследователи справедливо, на наш взгляд, обращают внимание на присутствие в надписи Шапура аутентичной информации, которой нет в западных источниках: указание на конкретное место битвы, упоминание переименования города в честь победы³¹. А. Марик отдавал предпочтение версии событий, отражен-

²⁴ Dodgeon, Lieu 1994, 356.

²⁵ Заита расположена в 50–60 км. от совр. Дейр-эз-Зора (Geyer, Monchambert 2003, 161).

²⁶ Stolte 1970, 381; De Blois 1978–1979, 13.

²⁷ Potter 2004, 236. Такую трактовку событий разделяет и Ю.Б. Циркин. См.: Циркин 2015, 121.

²⁸ «Гордиан погиб в Месопотамии, а Плотин едва спасся и укрылся в Антиохии» (Porph. V. Plot.

3.).

²⁹ Potter 1990, 202–203, 207–210.

³⁰ Claes, Tavernier 2018, 366.

³¹ Honigman, Maricq 1953, 112–118.

ной в надписи Шапура, и видел в сообщении «Тринадцатого Оракула Сиби́ллы» о падении вождя римлян «среди рядов» свидетельство ранения императора в время сражения³². Д. МакДональд обратил внимание на то, что данные некоторых греко-римских источников, сообщающих о ранении императора в результате падения с лошади (Кедрен, Зонара), подтверждают данные надписи Шапура I. Кроме того, в биографии Гордиана и в сочинении Зосимы утверждается, что после смерти Гордиана Филипп сообщил сенату о смерти предшественника в результате болезни. По мнению исследователя, речь может идти о гибели в результате последствий повреждения от падения с лошади³³. П. Эдвелл в недавней публикации также высказывается в пользу персидской версии событий, связанных с гибелью Гордиана: по его мнению, римляне потерпели поражение при Месихе, где пал и сам император³⁴.

Представляется, что часть из отмеченных противоречий в сообщениях источников может быть устранена, если предположить, что в реальности имели место и поражение римлян при Месихе, и ранение императора, и мятеж воинов после битвы, в результате которого Гордиан погиб. Решающие события восточного похода Гордиана можно реконструировать следующим образом. В начале 244 г. римские легионы во главе с Гордианом продвинулись на юг Месопотамии. Находясь не в лучшем состоянии из-за перебоев в снабжении, римские войска оказались в районе г. Месихе. Этот район был описан в сочинении Аммиана Марцеллина, участника персидского похода императора Юлиана. Согласно этому историку, прежде чем выйти к Пирисабору армии Юлиана пришлось по наведенным мостам переправиться через большой канал, отходящий от Евфрата на восток. Миновав Пирисабору, войска Юлиана достигли другого большого канала, называвшегося Наармальха. Этот канал соединял Евфрат с Тигром, протекая близ Ктесифона (Amm. Marc. XXIV. 2). Аммиан отмечал, что в прошлом Траян, а позднее Септимий Север во время походов на юг Месопотамии проводили по этому каналу корабли из Евфрата в Тигр. Согласно Аммиану, аналогичным образом поступил и Юлиан. Армия же Юлиана, достигнув Наармальхи, двинулась вдоль канала к Селевкии и Ктесифону (Amm. Marc. XXIV. 6).

Таким образом, выйдя к Месихе, легионы Гордиана должны были оказаться к югу от большого канала, который было непросто форсировать, и направлялись к каналу Наармальха. Повернув на восток и двигаясь вдоль Наармальхи, римские легионы и корабли снабжения могли выйти непосредственно в район городской агломерации Селевкии-Ктесифона-Вех-Ардашира на Тигре. Можно не сомневаться в том, что, как и во времена Траяна, Септимия Севера и Юлиана, целью наступления армии Гордиана были именно Ктесифон и Селевкия. Такое развитие событий создавало для Шапура I угрозу захвата и разграбления римлянами крупнейших городов Месопотамии (и всей державы Сасанидов), а также наиболее богатого и населенного района страны. Поэтому представляется, что персидский царь не случайно выбрал район Месихе для решающего сражения. Во-первых, встретив римлян здесь, он преграждал Гордиану выход к каналу Наармальха, и через него – к Ктесифону. Во-вторых, имея в тылу богатые города и селения района Селевкии-Ктесифона, Шапур решал непростую для персидского войска проблему снабжения (как

³² Honigman, Maricq 1953, 118–122.

³³ MacDonald 1981, 507.

³⁴ Edwell 2021, 78.

мы помним, она осложнялась во многом иррегулярным характером армии ранних Сасанидов). Персы наверняка учитывали и то, что неприятельская армия оказывалась в районе Месихе в уязвимом положении: отступление в случае неудачи было осложнено необходимостью форсировать канал за спиной у римлян.

Битва при Месихе датируется первыми месяцами 244 г. (от января до начала марта)³⁵. Если учесть, что впоследствии римляне были вынуждены отступить на север Месопотамии и заключить с персами невыгодный для себя мирный договор, можно утверждать, что столкновение при Месихе было генеральным сражением, в котором участвовали основные силы обеих армий. Невыгодные условия мира, заключенного римлянами после битвы, указывают на поражение римлян³⁶. О ходе сражения при Месихе мы можем высказать лишь некоторые предположения. Судя по имеющимся в источниках упоминаниям о действиях парфян и персов в сражениях с римлянами, сасанидская конница (как ранее парфянская) пыталась при возможности окружить противника. Такая тактика была логичной при наличии у персов большого числа конных лучников – она позволяла расстреливать ряды окруженного противника с разных направлений³⁷. Ясно, что легионы Гордиана не были полностью разгромлены при Месихе, в противном случае римская армия едва ли смогла бы вернуться в Северную Месопотамию. Поэтому можно утверждать, что Шапуру удалось нанести серьезный урон римлянам, но не разгромить их. Это означает, что Шапур не пытался или не смог окружить противника, вероятно, из-за большой численности римской армии. Поскольку в источниках нет указания на разделение сил Гордиана, можно предполагать, что численность римской армии при Месихе превышала 70, а возможно, и 90 тыс. человек. Это означает, что битва при Месихе могла быть наиболее масштабным сражением между армиями Рима и Сасанидов, по крайней мере, в III в.

Упоминание в ряде источников о падении Гордиана с лошади во время сражения указывает на личное участие Гордиана III в битве. Во время боя император оказался в опасном положении (под обстрелом персидских лучников?) и упал с лошади, получив тяжелое ранение – перелом бедра. Такая реконструкция событий вполне соответствует данным надписи Шапура I. Персидский царь не утверждал, что Гордиан был убит в сражении персами. Следует отметить, что, рассказывая о катастрофе римской армии при Эдессе, надпись Шапура I приписывает шаханшаху пленение императора «собственной рукой» (ŠKZ. стк. 9–10). В случае же с Гордианом надпись лишь констатирует его смерть в связи с битвой при Месихе.

Фраза в «Тринадцатом Оракуле Сибиллы» о предательстве соратником, возможно, указывает на роль префекта претория Филиппа. По мнению П. Эдвелла, префект претория мог умышленно способствовать тому, что император оказался в опасности во время битвы³⁸. В действительности речь может идти не о предательстве Филиппа, а о допущенной им тактической ошибке³⁹. Какова бы ни была роль

³⁵ Lorient 1975, 789; Potter 1990, 201.

³⁶ Mosig-Walburg 2009, 37.

³⁷ Эта тактика описана у Плутарха в рассказе о поражении армии Красса при Каррах в 53 г. до н.э. (Plut. Crass. 21). Аналогичным образом уже сасанидской армией был разгромлен корпус армии Александра Севера в 232 г. (Herodian. VI. 5. 9–10). В 260 г., по утверждению Зонары, Шапур окружил армию Валериана при Эдессе (Zonaras. XII. 23.)

³⁸ Edwell 2008, 171.

³⁹ Lorient 1975, 773.

префекта претория в сражении, можно предположить, что именно ранение императора повлияло на исход битвы, а, возможно, и предопределило его. Очевидно, что падение императора во время боя должно было вызвать смятение в рядах римлян. В такой ситуации префектам претория (Филиппу и его брату Приску) не оставалось ничего, кроме как дать приказ об отступлении. До столкновения при Месихе римская армия развивала наступление по направлению к Ктесифону, а после битвы была вынуждена отступать. Очевидно, что это сражение стало переломным в ходе восточной кампании Гордиана и во многом определило ее исход.

Римские источники прямо не сообщают о поражении при Месихе, но и Шапур в своей официальной надписи не упомянул о неудачной для персов битве при Ресане. В обоих случаях источники умалчивают о поражениях своих войск. В случае с персидской надписью это связано, во-первых, с тем, что поражение при Ресане не определило исход войны, за ним последовала решительная победа. Во-вторых, официальный характер надписи Шапура предполагал возвеличивание побед шаханшаха, но никак не фиксацию его поражений. Ситуация с римскими источниками сложнее. Отсутствие упоминания в некоторых из них битвы при Месихе можно объяснить лаконичностью сообщений о правлении Гордиана III, сохранившихся в трудах эпитоматоров. Существенно, что римская армия явно не была полностью разгромлена при Месихе. С позиции римлян исход сражения мог восприниматься как неопределенный. Это позволяло римским авторам обойти битву молчанием. Характерно, что даже в сообщениях античных авторов о пленении Валериана в 260 г. не всегда упоминается о битве при Эдессе (Zosimus. I. 36.2; Synkellus. Chronogr. P. 566.).

О том, что происходило в римском лагере после ранения Гордиана, можно предполагать, опираясь на сведения биографии этого императора в сборнике «Жизнеописания августов». Если верить автору биографии, воины, недовольные переборами в поставках продовольствия, провозгласили префекта претория Филиппа императором. Затем Гордиан якобы был лишен императорской власти и тайно убит (SHA. Gord. 30. 1–9). При этом отмечается, что Филипп послал сенату письмо, сообщавшее, что «Гордиан умер от болезни и что сам он избран всеми воинами» (SHA. Gord. 31. 2–3). Думается, что эти сведения, как и данные других источников о мятеже воинов, в результате которого Гордиан лишился жизни, могут отражать реальные события. Если предположить, что такой мятеж действительно имел место после битвы при Месихе и ранения императора, то устранение воинами Гордиана III и провозглашение Филиппа получает дополнительное объяснение. Римская армия оказалась в тяжелом положении после неудачного сражения в глубине персидской территории и в условиях перебоев со снабжением (в биографии императора говорится о голоде, который одолевал воинов – SHA Gord. 29. 6). Кроме того, как мы помним, в тылу у римлян, оказавшихся в районе Месихе, находился крупный канал, переправа через который под ударами персов была крайне проблематичной. Было очевидно, что тяжело раненный император не мог эффективно руководить армией, оказавшейся в столь сложном положении. Можно предположить, что в результате возмущения войска (спровоцированного Филиппом?) Гордиан лишился власти, а возможно, и был убит⁴⁰. Сообщение в письме сенату о болезни Гордиана могло отражать тяжелое физическое состоя-

⁴⁰ Зосим утверждает, что Гордиан был убит солдатами как «виновник больших потерь» (Zosim. III. 19. 1).

ние императора после ранения. Если принять такую версию последовательности событий, то нет нужды выбирать между двумя «противоположными» версиями гибели Гордиана. Сообщения о его падении с лошади и ранении, а также о мятеже воинов и последующей смерти (убийстве?) правителя могут отражать различные моменты в череде событий, начавшихся с битвы при Месихе.

Вскоре после сражения начались мирные переговоры. Мир был заключен на почетных для персидского царя и унижительных для нового императора условиях. Надпись Шапура сообщает: «И римляне сделали Филипа Цезарем. Тогда Филип Цезарь пришел к нам на переговоры, и в качестве выкупа за их жизнь он дал нам 500000 денариев⁴¹ и стал нашим данником» (ŠKZ. стк. 4). Высказывалось предположение о том, что эта выплата была выкупом за римских пленников, захваченных персами⁴². Но эту фразу можно понимать и как выкуп за разрешение беспрепятственно уйти с персидской территории⁴³. Такое условие было особенно актуально в условиях, когда римская армия испытывала трудности в снабжении, а путь к отступлению римлянам преграждал большой канал. Фраза надписи Шапура о выкупе за жизнь, вероятно, указывает на то, что контрибуция рассматривалась персами как условие отказа от преследования отступающей римской армии. В кратком сообщении надписи Шапура не отражены все условия договора, о которых упоминают римские авторы. Зонара утверждал, что Филипп признал персидские права на Армению и Месопотамию (Zonaras. XII. 19). Зосим назвал мирный договор позорным, но утверждал, что Филипп не отдавал персам римских территорий. Видимо, историк имел в виду римские владения в Месопотамии. Армения же и район Хатры не входили непосредственно в состав империи в предшествующее время, и потеря их как подконтрольных областей не означала потери территорий римских провинций (Zosimus. III. 32. 4).

Учитывая, что римляне вернули под свой контроль Нисибис и Карры, М.И. Ростовцев делал вывод о том, что под Месихой Шапур I одержал частичную победу, возможно, над частью римской армии, а в своей надписи он преувеличил значение этой победы⁴⁴. Однако представляется, что только поражение основных сил римлян и связанная с ним гибель императора могли вынудить их заключить столь невыгодный мирный договор с персами. Выплата значительной контрибуции, отказ в пользу персов от сфер влияния в Армении и в районе Хатры свидетельствуют о большом поражении римлян. Договор, заключенный Филиппом, позволял Шапуру I беспрепятственно развернуть наступление в Армении, которое началось через несколько лет после заключения мирного договора и привело к завоеванию этой страны персами⁴⁵. Важным последствием победы при Месихе для Шапура было повышение его авторитета как победителя римского императора. Этот факт был запечатлен в новом названии города Месихе, а также в триумфальных наскальных рельефах шаханшаха, на которых император Гордиан отныне изображался

⁴¹ Речь, видимо, идет не о серебряных денариях, а о золотых динарах или ауреусах. См.: Guey 1961, 261–74.; Ando 2012, 115.

⁴² Sprengling 1953, 84.

⁴³ Edwell 2021, 79.

⁴⁴ Rostovtzeff 1943, 24.

⁴⁵ См. Мирзоев 2016, 196–207.

поверженным под копытами коня персидского царя, а его преемник Филипп – в униженной позе просителя, выпрашивающего мирный договор у победителя⁴⁶.

Данные источников позволяют считать, что битва при Месихе представляла собой генеральное сражение, в котором легионы Гордиана III потерпели поражение, а сам император получил тяжелое ранение. Сражение стало переломной точкой восточного похода Гордиана. Хотя огромная римская армия не была полностью разгромлена, географические условия местности, а также ранение императора поставили римское войско в тяжелое положение. Исход битвы предопределил заключение выгодного для Сасанидов мирного договора, который изменил баланс сил на Ближнем Востоке в пользу персов.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Abramzon, M.G. 2005: Osroena v rimskoy vostochnoy politike v I v. do n.e. – III v. n.e. [Osroene in the Roman eastern policy in 1st c. BC – 3rd c. AD] *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. [Journal of Historical, Philological and Cultural Studies] XV, 111–119.
- Абрамзон, М.Г. 2005: Осроена в римской восточной политике в I в. до н. э. – III в. н.э. *ПИФК* XV, 111–119.
- Ando, C. 2012: *Imperial Rome AD 193 to 284. The Critical Century*. Edinburgh.
- Canepa, M.P. 2009: *The Two Eyes of the Earth. Art and Ritual of Kingship between Rome and Sasanian Iran*. Los Angeles–London.
- Claes, L., Tavernier, J. 2018: Exit Gordianus, but how? Shapur's trilingual inscription revisited. *Syria: revue d'art oriental et d'archeologie* 95, 357–374.
- De Blois, L. 1978–1979: The Reign of the Emperor Philip the Arabian. *Talanta* 10.11, 11–43.
- Dietz, K. 2000: Legio III Italica. In: Y.Le Bohec (ed.), *Les legions de Rome sous le Haut-Empire*. Lyon, 133–143.
- Dmitriyev, V.A. 2008: "Vsadniki v sverkayushchey brone": *Voennoe delo sasanidskogo Irana i istoriya rimsko-persidskih voyn* ["Horsmen in shining armour": *Warfare of Sasanian Iran and History of Roman-Persian Wars*]. Saint Petersburg.
- Дмитриев, В.А. 2008: «Всадники в сверкающей броне»: *Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн*. СПб.
- Dodgeon, M.H., Lieu Samuel, N.C. 1994: *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars AD 226–363*. London–New York.
- Edwell, P. 2008: *Between Rome and Persia. The Middle Euphrates, Mesopotamia and Palmyra under Roman Control*. London–New York.
- Edwell, P. 2021: *Rome and Persia at War. Imperial Competition and Contact, 193–363 CE*. London–New York.
- Enßlin, W. 1949: *Zu den Kriegen des Sassaniden Schapur I*. München.
- Geyer, B., Monchambert, J.-Y. 2003: *La Basse Vallée de L'Euphrate Syrien du Néolithique à l'avènement de l'islam*. 2 vols. Beyrouth.
- Gomez-Pantoja, J. 2000: Legio X Gemina. In: Y.Le Bohec (ed.), *Les legions de Rome sous le Haut-Empire*. Lyon, 169–190.
- Guey, J. 1961: Autour des Res Gestae Divi Saporis I: Deniers (d'or) et (de compte) ancient. *Syria* 38, 261–283.
- Herrmann, G. 2000: The Rock Reliefs of Iran. In: J. Curtis (ed.), *Mesopotamia and Iran in the Parthian and Sasanian Periods: Rejection and Revival c. 238 BC – AD 642*. London, 35–45.

⁴⁶ О триумфальных рельефах Шапура I см.: Луконин 1969, 54–61; 185–195; Herrmann 2000, 35–45; Canepa 2009, 57–67; Мирзоев 2016, 248–264.

- Honigman, E., Maricq, A. 1953: *Recherches sur les Res Gestae divi Saporis*. Bruxelles.
- Huyse, Ph. 1999: Die Dreisprachige Inschrift Šābuhrs I. an Der Ka'ba-I Zardušt (ŠKZ). In: *Corpus Inscriptionum Iranicarum* Vol. 3.1. London.
- Kettenhofen, E. 1982: *Die römisch-persischen Kriege des 3. Jahrhunderts n. Chr: nach der Inschrift Šābuhrs I. an der Ka'be-ye Zartošt (ŠKZ)*. Wiesbaden.
- Livshits, V.A., Nikitin, A.B. 1992: Some Notes on the Inscription from Naṣrābād. *Bulletin of the Asia Institute* 5, 41–44.
- Lörincz, B. Legio I Adiutrix. In: Y. Le Bohec (ed.), *Les legions de Rome sous le Haut-Empire*. Lyon, 151–158.
- Loriot, X. 1975: Les premières années de la grande crise du IIIe siècle: De l'avènement de Maximin le Thrace (235) à la mort de Gordien III (244). *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* II. 2, 657–787.
- Lukonin, V.G. 1969: *Kul'tura sasanidskogo Irana* [Culture of Sasanian Iran]. Moscow.
- Луконин, В.Г. 1969: *Культура сасанидского Ирана*. М.
- MacDonald, D. 1981: The Death of Gordian III: Another Tradition. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 30/4, 502–508.
- MacMullen, R. 1980: How Big was the Roman Army? *Klio* 62, 451–460.
- Maricq, A. 1958: Classica et Orientalia: 5. Res Gestae Divi Saporis. *Syria* 35, 3.4, 295–360.
- Mirzoev, E.B. 2016: *Shapur I. Triumfnad Rimom* [Shapur I. Triumph over Rome]. Saint Petersburg.
- Мирзоев, Е.Б. 2016: *Шапур I. Триумф над Римом*. СПб.
- Mosig-Walburg, K. 2009: *Römer und Perser: vom 3. Jahrhundert bis zum Jahr 363 n. Chr.* Gutenberg.
- Nadirov, I.I. 2009: *Hatra. Araby mezhdu Parfey i Rimom* [Hatra. The Arabians between Parthia and Rome]. Saint Petersburg.
- Надилов, И.И. 2009: *Хатра. Арабы между Парфией и Римом*. СПб.
- Nikonov, V.P. 2005: К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране [On the Parthian Legacy in Sasanian Iran: the Case of Warfare]. In: V.P. Nikonov (ed.), *Central'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashhennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: Archaeology, History, Ethnology, Culture. Proceedings of the international scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Alexander Markovich Belenitsky]. Saint Petersburg, 141–179.
- Никоноров, В.П. 2005: К вопросу о парфянском наследии в сасанидском Иране. В сб.: В.П. Никоноров (ред.), *Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого*. СПб, 141–179.
- Potter, D.S. 1990: *Prophecy and History in the Crisis of the Roman Empire. An Historical Commentary on the Thirteenth Sibylline Oracle*. Oxford.
- Potter, D.S. 2004: *The Roman Empire at Bay*. London–New York.
- Rostovtzeff, M.I. 1943: Res Gestae Divi Saporis and Dura. *Berytus* 8:1, 17–60.
- Sprengling, M. 1953: *Third Century Iran. Sapor and Kartir*. Chicago.
- Stolte, B.H. 1970: De dood van Keizer Gordianus III en de onbetrouwbaarheid van de Res Gestae Divi Saporis. *Lampas* 2.4, 377–385.
- Tavoosi, M., Frye, R.N. 1989: An Inscribed Capital Dating from the Time of Shapur I. *Bulletin of the Asia Institute* 3, 25–38.
- Tsirkin, Y.B. 2015: "Voennaya anarkhiya" v Rimskoy imperii [“Military anarchy” in the Roman Empire]. Saint Petersburg.
- Циркин, Ю.Б. 2015: «Военная анархия» в римской империи. СПб.

CIRCUMSTANCES AND SIGNIFICANCE
OF THE BATTLE OF MESICHE (AD 244)

Evgeniy B. Mirzoev

Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

E-mail: evgenymirzoev@rambler.ru

Abstract. The article deals with the Battle of Mesiche in the context of the events of the Persian campaign of Gordian III. Arguments are given in favor of the fact that the Battle of Mesiche should be considered the general battle of the armies of the two empires and the decisive event of the campaign. These sources allow us to confidently speak of a major defeat for the Romans, however, the Roman army was clearly not completely defeated. There is reason to believe that one of the reasons for the victory of the Persians was the severe wounding of Gordian during the battle. Having not achieved victory, the Roman army found itself in a difficult situation, as it lacked food. An important factor that aggravated the situation for the Romans was that a large canal blocked the way for their retreat. Therefore, despite the fact that the Roman army was not ultimately defeated at Mesiche, the consequences of this defeat were very significant. The new emperor Philip was forced to conclude a peace treaty with the Persians on the terms of the payment of indemnity to the winners and the renunciation of Rome from spheres of influence in Armenia, as well as in Northern Mesopotamia. Thus, the defeat at Mesiche predetermined the unsuccessful outcome of Gordian's Persian campaign and led to the conclusion of an unfavorable treaty for Rome, the terms of which changed the balance of power in the Middle East in favor of the Persians. The article also discusses various versions of the death of Gordian III. A version of the death of the emperor is proposed, which is consistent with the majority of conflicting evidence from sources. A reconstruction of events is proposed, which includes the wound of the emperor received during the battle, the rebellion of the soldiers and the subsequent death of Gordian.

Keywords: Roman Empire, Sasanians, Gordian III, Shapur I, Philip the Arab, battle of Mesiche, Roman-Persian wars

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 171–180
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 171–180
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-171–180

ДИОКЛЕТИАН И КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ: ДИАЛОГ ИМПЕРАТОРОВ НА ФОНЕ КРИЗИСА

И.А. Миролюбов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: peter-herzog@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5904-1147

Аннотация. В статье рассматриваются личные взаимоотношения двух крупнейших фигур римской истории рубежа III–IV вв. – императоров Диоклетиана (284–305) и Константина Великого (306–337). Традиционно оба императора считаются основателями новой общественно-политической модели устройства Римской империи – домината. Более того, Константин Великий признается наукой продолжателем целого ряда начинаний Диоклетиана в области управления Римской империей. Вопрос о личных взаимоотношениях двух правителей, однако, в науке практически не поднимался. Между тем, с точки зрения автора представленной статьи, постановка этого вопроса и его разрешение помогли бы в перспективе глубже понять характер обоих реформаторов и оценить степень осознания Константином себя как преемника и наследника Диоклетиана. Об императора были лично знакомы примерно с 293 г. и вплоть до смерти Диоклетиана контактировали друг с другом. Примечательно, что в этот период они успели поменяться ролями: Диоклетиан начал императором, а умер частным лицом, наблюдая крах своей системы. Константин же, напротив, прошел путь возвышения и добился императорского титула. Естественно, что на взаимоотношения двух императоров накладывали отпечаток и текущая политическая ситуация, и третьи лица, принимавшие активное участие в борьбе за власть, и воззрения в области религиозного вопроса. В качестве источниковой базы для своего исследования автор статьи привлекает обширную нарративную традицию (в рамках которой сохранились заявления самого Константина), а также данные эпиграфики и нумизматики. Таким образом, полученные выводы удается подкрепить с помощью комплексного анализа источников разного типа.

Ключевые слова: Поздняя Римская империя, тетрархия, доминат, Константин Великий, династия Константина Великого, Диоклетиан, официальная идеология

Данные об авторе: Иван Андреевич Миролюбов – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

В науке давно превалирует мнение о том, что доминат как новая общественно-политическая модель существования Римской империи утвердился в правление императоров Диоклетиана и Константина Великого. Последний заслуженно рассматривается¹ как продолжатель многих начинаний и преемник Диоклетиана. Однако, оставляя в стороне вопрос о политической преемственности, следует учесть, что оба императора были современниками и достаточно близко знали друг друга. В этой связи особенно актуальным становится вопрос об их взаимоотношениях, который не получил должного внимания² со стороны исследователей. Это в будущем может стать перспективной основой для изучения характера деятельности Константина и осознания им самого себя в качестве политического наследника императора Диоклетиана.

Карьера Константина Великого началась с возвышения его отца, Констанция Хлора, который в 293 г. был включен на правах младшего соправителя (цезаря) в четверную императорскую коллегию, созданную императором Диоклетианом (тетрархия³). Латинская нарративная традиция отмечает, что Константин, оказавшийся при восточном дворе Диоклетиана, был *obses*, то есть выполнял роль заложника (*Origo Const. imp.* 2. 2; *Aur. Vict. De caes.* 40. 2; *Epitome de caes.* 41. 2). Учитывая, что тетрархия объединила четырех разнохарактерных людей в единый орган верховной власти, можно полагать, что Диоклетиан действительно использовал такой нестандартный метод для обеспечения верности Констанция Хлора установлениям своей системы. Впрочем, «заложничество» Константина не являлось аналогом заточения. Мы обнаруживаем, что юноша получил здесь образование⁴ и поступил на военную службу⁵. Собственно, с этого момента и начинается история взаимоотношений Константина и Диоклетиана. Евсевий в «Жизнеописании Константина» сообщает о первой почести, оказанной юноше при императорском дворе: во время проезда Диоклетиана через Палестину молодой Константин находился «с правой стороны от императора» (*Vita Const.* IV. 19). Феофан дополняет это сообщение известием о том, что Константин находился при Диоклетиане, когда тот «в Александрии окружил Ахиллея» (А.М. 5788). Таким образом, посещение Константином восточных областей и Египта⁶ следует датировать 297–298 гг.⁷, когда Диоклетиан был занят подавлением восстания Домиция Домициана и Аврелия Ахиллея в Египте. Почетное пребывание Константина при особе императора указывает, что между ним и Диоклетианом сложились

¹ Сергеев 1938, 667–668; Машкин 2006, 601–602; Loewenstein 1974, 403–404; Неронова 1989, 308; Уильямс 2014, 284–285.

² В литературе встречались указания о чувстве мщенья, которое Константин якобы испытывал к Диоклетиану: Князький 2010, 116. Высказывалось предположение о стремлении Константина дистанцироваться от фигуры Диоклетиана: Уильямс 2014, 285.

³ Состав первой коллегии (293–305 гг.): августы Диоклетиан и Максимиан Геркулий (старшие императоры), цезари Галерий и Констанций Хлор (младшие соправители и наследники). О составах императорской коллегии см.: Kienast 2004, 264–265.

⁴ Вопрос образования Константина мы рассмотрели в статье: Миролюбов 2016, 90–95.

⁵ Крист 1997, 410; Odahl 2010, 72–74; Potter 2013, 67–81.

⁶ Константин Великий в своей «Речи к собранию святых» упоминает, что лично видел покинутые людьми руины некогда великих городов Вавилона и Мемфиса (*Orat.* 16).

⁷ Здесь и далее в вопросах датировок опираемся на работу Д. Кинаста: Kienast 2004, 296.

неплохие отношения⁸. Дальнейшая военная карьера Константина проходила уже под началом Галерия⁹, однако Лактанций – самый ранний биограф Константина – указывает, что около 305 г. он был утвержден в звании «трибуна первого ранга» (*tribunus ordinis primi*) именно Диоклетианом (*De mort. pers.* 18. 10). Лактанций также передает диалог, который будто бы состоялся между Диоклетианом и Галерием и имел своей целью наметить претендентов на роль наследников императорской власти. Диоклетиан здесь называет Константина «достойным [народной] любви» и отмечает, что он, если станет императором, «будет считаться лучше и милостивее своего отца» (*De mort. pers.* 18. 11). Хотя еще Гиббон считал этот диалог несомненным литературным творчеством самого Лактанция¹⁰, все же он мог отражать определенные настроения, которые имели место при дворе. Как бы то ни было, основываясь на имеющейся информации, мы можем сделать вывод, что по ситуации на начало 305 г. отношение Диоклетиана к Константину было вполне благосклонным. Отношение Константина к Диоклетиану нам неясно¹¹. Отметим, однако, что Константин, находясь при восточном дворе, видел начатые Диоклетианом и его соправителем Галерием гонения против христиан¹². У Евсевия цитируется письмо Константина периода его единовластия, где он сообщает о том, как Диоклетиан на его глазах расспрашивал своих приближенных о христианах и подписывал указ о гонениях. Характеристика Диоклетиана в этом письме довольно красноречива – «жалкий, поистине жалкий и душевно заблудший человек» (*Vita Const.* II. 51). Можем предполагать, что начиная с 303 г. Константин копил по отношению к Диоклетиану определенную неприязнь, однако вряд ли мы можем говорить об ее открытой демонстрации.

Затрагивая вопрос об отношениях Константина и Диоклетиана до 305 г., хочется обратить внимание на гипотезу Т.Д. Барнса¹³, который предположил, что основатель тетрархии решил связать себя с Константином родственными узами. Связующим звеном Барнс считает спутницу¹⁴ Константина – Минервину, ро-

⁸ Феофан отмечает, что Диоклетиан завидовал молодому человеку и хотел погубить его (А.М. 5788). То же самое, по его сообщению, намеревался сделать позднее Галерий (А.М. 5793). Намерение Галерия подтверждается другими авторами – Лактанцием, Праксагором и Анонимом Вазезия. Что же касается известия Феофана о Диоклетиане, то оно вступает в противоречие и с данными о карьере Константина, и с сообщениями других источников. По всей видимости, Феофан либо просто продублировал данные, которые должны были характеризовать отношения Галерия и Константина, либо постарался приписать Диоклетиану черту, характерную, по его мнению, для императора-гонителя.

⁹ Отношения с Галерием у Константина, по сообщениям традиции, складывались напряженные. Довольно примечательно сообщение Лактанция и Праксагора о том, что Константин был брошен Галерием в клетку с диким зверем (львом или медведем), которое мы подробно рассмотрели в статье: Миролюбов 2017, 571–579.

¹⁰ Гиббон 2008, 586; Буркхард 2003, 39. Мнение это подтверждается той мыслью, что доверительная беседа двух императоров вряд ли могла стать достоянием придворного преподавателя риторики, каковым являлся Лактанций.

¹¹ Буркхардт полагает, что Константин отвечал Диоклетиану язвительностью и интригами: Буркхард 2003, 252. Однако мнение это применительно к данному периоду не подтверждается данными источников.

¹² Odahl 2010, 73.

¹³ Barnes 2014, 48–49. Сам автор отмечает недостаточность ее источниковой базы.

¹⁴ По данным нарративной традиции, она была конкубиной Константина (*Epitome de caes.* 41.4; *Zos. Hist. Nov.* II.20.2; *Zonar. Epitome hist.* XIII.2). В латинском панегирике, произнесенном по случаю женитьбы Константина на Фаусте в 307 г., сообщается, что жених уже был женат, из чего сле-

дившую ему в это время сына Криспа. Первым аргументом Барнса является ее имя: производное от имени богини Минервы, оно якобы обнаруживает связь с Юпитером, отцом Минервы и покровителем императора Диоклетиана. В качестве второго аргумента исследователь выдвигает аналогичные брачные связи между семьями тетрархов: Констанций Хлор получил в жены дочь/падчерицу сопровителя Диоклетиана¹⁵, Максимиан Геркулий, сын Максимиана Максенция, – дочь Галерия, а сам Галерий – дочь Диоклетиана¹⁶. Однако при всем остроумии данная гипотеза не кажется состоятельной. В 307 г. Константин сочетался браком с дочерью Максимиана Геркулия. Позднее отношения между зятем и тестем испортились: последний был низвержен и погиб (либо казнен, либо вынужденно покончил с собой), однако Константин, несмотря на столь сложные отношения, никогда не упускал случая использовать фигуру тестя для укрепления генеалогии своих сыновей от этого брака¹⁷. Между тем фигуры Диоклетиана в позднейших генеалогических конструкциях Константина мы не находим. Что касается имени, то помет «Минервий» носили в IV в., например, два риторы из Бурдигалы¹⁸, что указывает на его используемость в отрыве от семьи Диоклетиана. Таким образом, мы не можем допустить гипотетической родственной связи Диоклетиана и Константина.

1 мая 305 г. Диоклетиан отрекся от власти, убедив сделать то же самое своего сопровителя – Максимиана Геркулия. Их места (августов) заняли Констанций Хлор, отец Константина, и Галерий, а на их места (цезарей) заступили протеже Галерия – Флавий Север и Максимин Даза. Лактанций сообщает, что Дазу в императорское достоинство возводил в Никомедии уходящий на покой Диоклетиан, из чего следует, что Максимин провел на западе империи аналогичную процедуру с Флавием Севером. На церемонии, происходившей в Никомедии, присутствовал и Константин. Лактанций отмечает, что «все смотрели на Константина [как на наследника] – в том не было никаких сомнений» (*De mort. pers.* 19. 1). Однако на трибунал был выведен Даза. Реакцию Константина Лактанций не передает, однако Аврелий Виктор отмечает, что он «не желал это терпеть» (*De caes.* 40. 2). Дальнейшие события известны – Константин бежит к отцу, августу Констанцию, чье войско в день его смерти – 25 июля 306 г. – и, возможно, в согласии с его предсмертной волей провозглашает Константина императором.

Насколько мы можем судить, после 305 г. Константин и Диоклетиан не встречались лично. Отношения между ними могут быть реконструированы лишь на основании имеющихся данных об их деятельности в период кризиса и падения тетрархической системы. Мы знаем, что Константин попытался легитимизировать

дует, что Минервина, единственная известная его спутница до брака с Фаустой, была его супругой (*Rap. Lat.* 6.4.4). Таким образом, статус Минервины на основании имеющихся источников установлен быть не может. Д. Поттер считает ее представительницей придворной аристократии: Potter 2013, 97–98.

¹⁵ Ради этого брака Констанций Хлор оставил Елену, мать своего сына Константина.

¹⁶ Генеалогическая схема домов тетрархов: Kienast 2003, 381.

¹⁷ Примером тому может служить масштабная чеканка в честь уже обожествленного Максимиана Геркулия, которая была предпринята Константином в 317–318 гг., когда в достоинство цезарей были возведены его сыновья Крисп и Константин-мл. (*RIC*, vol. VII, p. 180; 252; 310–312; 394–395; 429–430; 502–503).

¹⁸ Jones, Martindale, Morris 1971, 603–604.

свое положение в рамках тетрархии и был признан Галерием в ранге цезаря, между тем как вакантный после смерти Констанция Хлора ранг августа перешел к Флавию Северу. Пример Константина, однако, побудил к выступлению сына Максимиана Геркулия – Максенция, а затем и самого Максимиана. Флавий Север не смог подавить их мятеж: он был пленен и погиб, что вновь сделало вакантным положение августа. Галерий, вопреки порядку, не передал его Константину¹⁹, что побудило последнего к альянсу с блоком Максенция–Максимиана Геркулия и получению титула августа из рук последнего. Альянс этот подкрепляется браком между Константином и дочерью Максимиана Геркулия Фаустой. На свадьбе анонимный оратор произносит речь, в которой презрительно именует Диоклетиана «*is princeps*» (без указания имени) и очень тонко высмеивает его решение отречься от власти (Pan. Lat. 6. 9. 2–5). Поскольку речь произносилась на территории, подконтрольной Константину²⁰, мы можем предполагать, что санкцию на издевки в адрес Диоклетиана давал именно он.

В ситуации нарастающего политического кризиса Галерий обратился за консультацией к Диоклетиану. Хорошо известен анекдот о том, что политическим играм старый экс-император предпочел свой огород (Epitome de caes. 39. 5), однако на деле Диоклетиан повел себя иначе. В 308 г. Диоклетиан совместно с Галерием вступил в должность консула. Важно отметить, что Константин признал это назначение²¹, вероятно, ожидая от самого экс-императора решений в свою пользу. Однако Диоклетиан на совещании в Карнунте санкционировал возведение в достоинство августа Лициния, друга Галерия²², между тем как за Константином признавался лишь ранг цезаря. Монеты, которые чеканились на территории Константина²³, продолжают титуловать его августом, что достаточно красноречиво демонстрирует его отношение к решениям Карнунтского совещания, которые были подкреплены блекнущим авторитетом Диоклетиана.

В 310 г. Максимиан Геркулий совершил попытку переворота против Константина, за что поплатился жизнью (он был либо убит, либо вынужденно покончил с собой). Его память была предана проклятию, что повлекло за собой уничтожение надписей с его именем и его изображений. По свидетельству Лактанция, многие портреты Максимиана изображали его совместно с Диоклетианом, из-за чего уничтожению подвергались «изображения обоих» (De mort. pers. 42. 1). Слова Лактанция о групповых портретах подтверждают две дошедшие до нас групповые скульптурные композиции (ныне – в Венеции и Риме²⁴), а надпись из испан-

¹⁹ Это действие Галерия Моммзен очень точно и справедливо назвал «конституционной несправедливостью»: Моммзен 2002, 491. Это тем более верно, что в 308 г. на позиции августа окажется друг Галерия – Лициний, не бывший до того цезарем (младшим соправителем).

²⁰ Константин в этот момент контролировал Галлию и Британию. Речь была произнесена в Августе Треверов или в Арелате: Grünwald 1990, 33–38; Nixon, Rodgers 1994, 184–185.

²¹ Bagnall, Cameron, Schwartz, Worp 1987, 150–151.

²² К. Крист полагает, что этот шаг Диоклетиана является его стремлением держаться «за ставшую фантомом» систему тетрархии и не признавать происходящих на западе империи политических процессов: Крист 1997, 415. Это мнение не представляется состоятельным, так как Лициний был возведен в достоинство августа в обход цезаря Константина, что уже было нарушением конституции тетрархии. Скорее, мы можем говорить о давлении на Диоклетиана со стороны Галерия, о чем свидетельствует Лактанций (De mort. pers. 29.2).

²³ К примеру, чеканка Августы Треверов (RIC, vol. VI, p. 215–219).

²⁴ Kleiner 1992, 401–405; Varner 2004, 214–215.

ской Бетики являет пример уничтожения имен обоих императоров (ILS 630), при этом имя Диоклетиана уничтожено более основательно. Таким образом, в 310 г. Диоклетиан был подвергнут Константином негласному проклятию памяти.

В 312 г. Константин, заключив альянс с Лицинием, посватал за него свою сестру Констанцию. Лактанций отмечает, что Лициний «принял жену» во время встречи с Константином в Медиолане в январе/феврале 313 г. (*De mort. pers.* 45. 1). Анонимный автор конца IV в. сообщает о том, что Диоклетиан «был позван Константином и Лицинием на свадебные торжества», однако отказался приехать, ссылаясь на старческую немощь. Ответом на отказ стали «грозные письма», в которых Диоклетиан обвинялся в поддержке врагов Константина и Лициния²⁵ (*Epitome de caes.* 39. 7). В отказе Диоклетиана возможно подозревать некоторое лукавство, однако нельзя не признать, что экс-император действительно был в преклонных летах, а скверное состояние его здоровья зафиксировано Лактанцием еще применительно к 304/305 гг. (*De mort. pers.* 17. 3–8). Последовавшая вскоре смерть трактуется источниками разнообразно. Лактанций сообщает о ней после известия о низвержении его статуй Константином, называя причиной «отвращение к жизни», вызвавшее «голод и меланхолию» (*De mort. pers.* 42. 3). Анонимный автор конца IV в. говорит о том, что Диоклетиан, получив от императоров «грозные письма», «принял, как говорят, яд, подозревая [готовившуюся ему] позорную смерть» (*Epitome de caes.* 39. 7). Смерть Диоклетиана датируется 3 декабря 313 г.²⁶ Любопытно, что 1 июня того же года датируется предписание Константина президу Ликии и Памфилии, в котором император ссылается на постановление «отца нашего Диоклетиана, старшего августа» (CTh. XIII. 10. 2). Нелишним будет отметить, что в указанный период времени Ликия и Памфилия находились в сфере влияния Лициния, между тем как Константин летом-осенью 313 г. находится в Галлии и Британии²⁷. По всей видимости, документ был составлен от лица Константина и Лициния как соправителей, а после падения Лициния в 324 г. и проклятия его памяти авторство было атрибутировано одному Константину. Как бы то ни было, документ примечателен тем, что, несмотря на поведение Диоклетиана после приглашения на свадьбу и последовавшие «грозные письма», его официальный почётный статус экс-императора не претерпел изменений. Более того, существующий в официальном пространстве облик («отец старший август») словно бы отделяется от реального человека (подвергаемый угрозам Диоклетиан).

На основании имеющихся данных мы можем сделать вывод, что отношения между Константином и Диоклетианом в период 306–313 гг. складывались следу-

²⁵ В частности, Максимиана Дазы, с которым Лициний еще только должен был сразиться за контроль над восточными областями Римской империи. Прямых свидетельств о контактах между Диоклетианом и Максимом Дазой у нас нет. Отметим, что после смерти императора Галерия его супруга Валерия, дочь Диоклетиана, отправилась именно ко двору этого императора (*Lact. De mort. pers.* 39–41). Это обстоятельство примечательно тем, что она, имея возможность, не поехала к отцу, который проживал в Салоне, на территории, подконтрольной Лицинию. При дворе Максимиана Дазы Валерия, вопреки надеждам на комфортное проживание, подверглась домогательствам и унижениям.

²⁶ Распространенная датировка: Kienast 2004, 267; Князький 2010, 128. Т.Д. Барнс датирует смерть Диоклетиана 311 г.: Barnes 1973, 32–35; Leadbetter 2009, 243. С. Уильямс склоняется к 312 г.: Уильямс 2014, 279. Не вдаваясь сейчас в дискуссии по этому вопросу, отметим, что 313 г., скорее, согласуется с историей про приглашение Диоклетиана на свадьбу и получение им «грозных писем».

²⁷ Kienast 2004, 299.

ющим образом. Диоклетиан, очевидно, должен был рассматривать Константина как узурпатора²⁸, чье провозглашение стало отправной точкой для начала политического кризиса. Константин не переоценивает авторитет Диоклетиана, однако проявляет к нему сдержанное почтение: это видно как из признания за ним консульства в 308 г., так и из приглашения его на свадьбу сестры. Однако провозглашение Лициния в 308 г. и отказ от приезда на свадьбу сестры в 313 г. вызывают его неудовольствие, следствием чего становится уничтожение статуй (без формального, однако, проклятия памяти), «грозные письма» и давление на Диоклетиана, ускорившее его смерть. Уже после смерти Диоклетиана Лициний, истребляя родственников покойных тетрархов, казнит вдову и дочь экс-императора (*Lact. De mort. pers.* 51. 1–2). Реакция Константина на этот поступок нам неизвестна. Сведений о том, что он препятствовал убийствам, нет. Примечательно, впрочем, что Лактанций, сообщая об этих убийствах, противопоставляет поведение Лициния милосердию Константина, которое он проявил после победы над Максенцием и взятием Рима в октябре 312 г. Характерно замечание Лактанция: члены семей тетрархов боялись Лициния «словно бедствия» (*De mort. pers.* 50. 5), а вдова и дочь Диоклетиана были провожаемы на казнь толпой женщин «с великим сожалением» (*De mort. pers.* 51. 2). Такая характеристика от близкого к Константину автора позволяет предполагать, что сам император постепенно начинал менять отношение к своему союзнику и соправителю²⁹.

Отношение Константина к Диоклетиану после смерти последнего известно нам из первых рук – благодаря письмам и речам самого Константина, зафиксированным у Евсевия. Противопоставляя участников первой тетрархии своему отцу, Константин отмечает свойственную им «дикость нравов» (*Vita Const.* II. 49). Негодование императора вызывает прежде всего антихристианская политика тетрархов, при этом вину за подписание «кровавых указов» он возлагает именно на Диоклетиана, которого не называет по имени (*Vita Const.* II. 51). Историография времен Константина в лице Лактанция и Евсевия следует этим установкам. Однако официального проклятия памяти так и не последовало. Более того, Аммиан Марцеллин в своем повествовании о временах правления сына Константина, Юлия Констанция, сообщает о «пурпурном покрывале» на гробнице Диоклетиана (*Res. Gest.* XVI. 8. 4). Из этого следует, что гробница сохранялась и при самом Константине, и при его сыновьях, а сама его персона занимала свое место в череде римских императоров.

Рассмотрев историю взаимоотношений Диоклетиана и Константина Великого, мы можем согласиться с тем, что они ярко отражают сложные перипетии политического кризиса в Римской империи начала IV в. Знакомство Диоклетиана и Константина состоялось в период зенита славы первого. До 305 г. Диоклетиан даже покровительствует молодому Константину и способствует его военной карьере. Константин входит в окружение старшего императора; единственным темным пятном, которое может характеризовать его неприятие к Диоклетиану, является антихристианское законодательство последнего. В 305 г. при перераспределении властных полномочий в рамках императорской коллегии Константин,

²⁸ Буркхард 2003, 256.

²⁹ М. фон Альбрехт высказывает интересную мысль, что само сочинение Лактанция являлось своего рода предостережением Лицинию: Альбрехт 2005, 1735.

несмотря на свои амбиции, оказывается обойденным. Это обстоятельство ставит под вопрос дальновидность Диоклетиана³⁰, однако окончательное его решение является темой для дальнейших исследований. Отношение же Константина к Диоклетиану теперь выходит за рамки собственно личных симпатий и приобретает все больше политический характер. После 306 г. Константин для Диоклетиана – разрушитель созданной им системы (или, по меньшей мере, человек, спровоцировавший ее кризис и крах). Константин же относится к Диоклетиану двояко. С одной стороны, его раздражают действия Диоклетиана, вступающие в противоречие с его планами (возведение в 308 г. в августы Лициния, а не его; отказ от поездки на свадьбу в 311 г.). С другой стороны, на официальном уровне он сохраняет уважительное отношение к Диоклетиану как римскому императору (он – «отец старший август», упоминаемый в официальных документах). После смерти Диоклетиана эта двойственность усиливается: с почетом погребенного в мавзолее императора Константин характеризует как «жалкого, поистине жалкого и душевно заблудшего человек» (Vita Const. II. 51). При всей суровости этих слов они, тем не менее, удачно характеризуют положение Диоклетиана в последние годы своей жизни, когда он вынужден был наблюдать крушение созданной им системы. Вместе с тем нельзя не отметить снисходительный тон Константина, который в каком-то смысле удачно соотносится с тем, что при всем очевидно негативном отношении он не допускает официального проклятия памяти Диоклетиана.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбрехт, М. фон. 2005: *История римской литературы*. Т. 3. М.
Буркхард, Я. 2003: *Век Константина Великого*. М.
Гиббон, Э. 2008: *Закат и падение Римской империи*. Т. I. М.
Крист, К. 1997: *История времен римских императоров: от Августа до Константина*. Т. 2. Ростов-на-Дону.
Машкин, Н.А. 2006: *История Древнего Рима*. М.
Миролюбов, И.А. 2016: Об образовании императора Константина Великого. *Аристей: Вестник классической филологии и античной истории* XIII, 93–94.
Миролюбов, И.А. 2017: Константин Великий в клетке со зверем. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21, 571–579.
Моммзен, Т. 2002: *История римских императоров*. СПб.
Неронова, В.Д. 1989: Поздняя Римская империя (III–V вв.). в кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая, (ред.), *История древнего мира*. Кн. 3. *Упадок древних обществ*. М., 295–322.
Сергеев, В.С. 1938: *Очерки по истории Древнего Рима*. Т. 2. М.
Уильямс, С. 2014: *Диоклетиан: реставратор Римской империи*. СПб.–М.
Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the Later Roman Empire*. Atlanta.
Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *JRS* 63. 29–46.
Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
Grünwald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.

³⁰ Буркхард 2003, 37–40; Крист 1997, 410–411.

- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
- Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.
- Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.

REFERENCES

- Albrecht, M. von. 2005: *Istoriya rimskoy literatury [History of the Roman Literature]*. Vol. 3. Moscow.
- Bagnall, R.S., Cameron, A., Schwartz, S.R., Worp, K.A. 1987: *Consuls of the Later Roman Empire*. Atlanta.
- Barnes, T.D. 1973: Lactantius and Constantine. *JRS* 63, 29–46.
- Barnes, T.D. 2014: *Constantine: Dynasty, Religion and Power in the Later Roman Empire*. Malden–Oxford–Chichester.
- Burckhardt, J. 2003: *Vek Konstantina Velikogo [The Age of Constantine the Great]*. Moscow.
- Christ, K. 1997: *Istoriya vremen rimskikh imperatorov [The History of the Epoch of Roman Emperors]*. Vol. 2. Rostov-on-Don.
- Gibbon, E. 2008: *Zakat i padenie Rimskoy imperii [The History of the Decline and Fall of the Roman Empire]*. Vol. I. Moscow.
- Grünewald, T. 1990: *Constantinus Maximus Augustus*. Stuttgart.
- Jones, A.H.M., Martindale, J.R., Morris, J. (eds.) 1971: *Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kienast, D. 2004: *Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie*. Darmstadt.
- Kleiner, D.E.E. 1992: *Roman Sculpture*. New Heaven–London.
- Leadbetter, B. 2009: *Galerius and the Will of Diocletian*. London–New York.
- Loewenstein, K. 1973: *The Governance of Rome*. The Hague.
- Mashkin, N.A. 2006: *Istoriya Drevnego Rima [The History of Ancient Rome]*. Moscow.
- Mirolubov, I.A. 2016: Ob obrazovanii imperatora Konstantina Velikogo [Education of Constantine the Great]. *Aristeas XIII*, 90–95.
- Mirolubov, I.A. 2017: Konstantin Velikiy v kletke so zverem [Constantine the Great in a cage with a wild beast]. *Indoevropskoe yazykoznanie i Klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 21, 571–579.
- Mommsen, T. 2002: *Istoriya rimskikh imperatorov [The History of Roman Emperors]*. Saint Petersburg.
- Neronova, V.D. 1989: Pozdnyaya Rimskaya imperiya (III–V vv.) [The Later Roman Empire in 3rd – 4th centuries AD]. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Sentsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira [The History of Ancient World]*. Vol. 3. *Upadok drevnikh obshchestv [Decline of ancient societies]*. Moscow. 295–322.
- Nixon, C.V.E., Rodgers, B.S. 1994: *In Praise of Later Roman Emperors: The Panegyrici Latini*. Berkley–Los Angeles–Oxford.
- Odahl, Ch.M. 2010: *Constantine and the Christian Empire*. London–New York.
- Sergeev, V.S. 1938: *Ocherki po istorii Drevnego Rima [Essays on the Ancient Rome]*. Vol. 2. Moscow.

- Varner, E.R. 2004: *Mutilation and Transformation: Damnatio Memoriae and Roman Imperial Portraiture*. Leiden–Boston.
- Williams, S. 2014: *Diocletian: restavrator Rimskoy imperii* [*Diocletian and the Roman Recovery*]. Saint Petersburg–Moscow.

DIOCLETIAN AND CONSTANTINE THE GREAT: INTERCOMMUNICATION OF EMPERORS

Ivan A. Mirolyubov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: peter-herzog@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the personal relationship between the eminent emperors of the Later Roman history, Diocletian and Constantine the Great. Both emperors are considered to be the founders of the Dominate, new socio-political system of the Roman Empire. Moreover, Constantine the Great is recognized by scholars as the successor of Diocletian's undertakings in the field of administration. The question of the personal relationship between the two rulers, however, hasn't attracted due attention. Meanwhile its resolution would help in the future to understand the nature of both reformers and Constantin's perception of himself as the successor of Diocletian. Emperors got acquainted about 293 years, and until the death of Diocletian were in contact with each other. It is worth to say that during the period of intercommunication they reversed roles: Diocletian made the way from emperor to a private person and saw the collapse of his system. Constantine, on the contrary, achieved the imperial title. As a source base for the research, author of the present article uses the extensive narrative tradition (within which the Constantine's statements are preserved), as well as epigraphic and numismatic data. Thus, the conclusions can be supported with the help of a comprehensive analysis of sources of different types.

Keywords: Later Roman Empire, Constantine the Great, Constantinian Dynasty, Diocletian, Tetrarchy, Imperial Ideology, Dominate

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 181–195
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 181–195
©Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-181–195

САЛЮСТИЙ – АФИНСКИЙ ФИЛОСОФ И СОФИСТ V в.

И.В. Денисова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия*

E-mail: eivv@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6612-4191

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности малоизвестного философа и софиста второй половины V в. Салюстия, представителя Афинской философской школы. В статье на основе комплексного анализа источников реконструируется его биография, социальные связи, устанавливается связь с Александрийской и Афинской неоплатоническими школами. Также анализируются его взгляды, методики обучения, круг коллег и учеников. В статье выдвинута гипотеза о принадлежности трактата «О богах и мире» вышеуказанному философу Салюстию, переосмысливающая устоявшееся в историографии мнение, что данный трактат принадлежит сановнику IV в., соратнику императора Юлиана Отступника Салюстию Секунду. В статье затрагивается вопрос о деятельности философа Салюстия при дворе узурпатора второй половины V в. Марцеллина Иллирийского, в контексте чего рассматривается программа реставрации язычества в Римской империи в этот период.

Ключевые слова: Салюстий, позднеантичные интеллектуалы, Афины, философы, софисты, риторы, язычество, христианизация, неоплатонизм

Как уже отмечалось исследователями, IV в. в интеллектуальной жизни Афин был отмечен расцветом риторики и софистики (Юлиан Каппадокийский, Прозерсий, Гимерий)¹. В V в. же происходит расцвет философской школы неоплатонизма (Академии), центральной фигурой которой был великий Прокл Диадох (412–485) (Proclus 4: PLRE II 915–919).

Однако касательно второй половины V в. мы знаем об одном человеке, который в равной мере прославился и как философ, и как софист. Это Салюстий Афинский. Он (Sallustius 7: PLRE II 972–973) обозначен в просопографическом своде в латинском варианте, что не вполне правильно, так как его рабочим языком

Данные об авторе: Ирина Викторовна Денисова – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета педагогического института БелГУ, директор музея истории БелГУ.

¹ Денисова 2022, 767–784; 2023.

был греческий. Именно в греческом варианте – Σαλούστιος (Салюстий) – он упоминается философом–неоплатоником втор. пол. V – перв. пол. VI в. Дамаскием в его «Философской истории, или Жизни Исидора» (Dam. 60, 66–70 Ath.) и в византийском словаре X в. «Суда» (Suid. Σ 60, 62, 63). Наиболее полная реконструкция произведения Дамаския «Философская история, или Жизнь Исидора» была сделана П. Афанассиади в конце прошлого века² по данным «Суды» и аннотаций о сочинениях Дамаския в «Мириобиблионе» византийского патриарха IX в. Фотия (Phot. Bibl. 130, 181, 242). Рабочий перевод этой работы был выполнен в 2019 г.³

Салюстия не следует путать с более известным одноименным префектом претория и сподвижником императора Юлиана Отступника (втор. пол. IV в.) (Flavius Sallustius 5: PLRE I 797–798).

Для рассматриваемого периода мы нередко наблюдаем у интеллектуалов наличие не одного, а двух высших образований. Но в большинстве случаев тот или иной персонаж Поздней античности входит в историю с чем-то одним. Однако есть и исключения: Прокопий Газский – софист и богослов перв. пол. VI в., Эней Газский – философ и богослов втор. пол. V в.; Захария Схоластик (Ритор) (втор. пол. V – перв. пол. VI в.)⁴ уже в своих прозвищах сообщает нам о юридическом и риторическом образовании, но оставляет также сочинения исторического и богословского плана.

Такая тенденция к многознанию (полиматии) будет со временем только нарастать, и в начале VII в. мы видим Стефана Александрийского как истинного полимата, специалиста в целом ряде наук⁵. Мы связываем этот процесс с медиевализацией знания, с отходом от классической парадигмы. В этой связи отметим, что в Афинах такая тенденция к полиматии длительное время не приживалась в силу более прочного сохранения именно классических подходов к знанию. Салюстия в этой связи можно назвать одним из первых интеллектуалов, кто начал размывать прочные основы античной «специализации» знания.

Дамаский пишет о происхождении Салюстия, что по линии своего отца он происходил из некоего города в Сирии, название которого не сохранилось, в то время как его мать была из Эмесе. Оба родителя носили греческие имена: имя его отца – Василид, а его матери – Феоклея (Dam. 60 Ath.). Сыну же они дали латинское имя, что было распространено в Восточной империи еще в IV в., например, в случае с софистом Юлианом Каппадокийским или сыном ритора Гимерия – Руфином⁶.

Дамаский сообщает, что характер Салюстия был суровый и честлюбивый, а также он обладал многими талантами. Первоначально он стремился получить юридическое образование, обучаясь риторике в городе своей матери Эмесе у софиста Евноя (Dam. 60 Ath.). Возможно, именно в Эмесе Салюстий и родился, куда приехал его отец из какого-то другого города Сирии. Вероятно, его родители были достаточно знатные и богатые, давая сыну хорошее образование и планируя юридическую карьеру, дабы обеспечить продвижение на имперской службе.

² Athanassiadi 1999.

³ Болгов и др. 2019.

⁴ Манохин 2018а.

⁵ Болгов 2016, 30–32.

⁶ Денисова 2022, 767–784; 2023.

Под влиянием Евноя, трудолюбием и талантами которого Салюстий восхищался, он обратился к риторическому искусству, выучил наизусть несколько речей Демосфена, а также умел делать импровизации. Его стиль имитировал архаические речи, которые, по мнению Дамаския, мало уступали древним ораторам. После того как Салюстий освоил красноречие и «стал мастером своего искусства», он решил, что превосходит своего учителя, имевшего «медлительный ум». И «полный юношеской самоуверенности и напыщенных слов» (возможно, имелось в виду, что он освоил азиатский цветистый стиль красноречия), Салюстий отправился в Александрию к риторическим учителям метрополии Египта (Dam. 60 Ath.).

У Евноя также обучался соотечественник Дамаския Марцелл, который выучил 8 книг «Истории» Фукидида, но не умел составлять импровизированные речи, как Салюстий. Упоминает Дамаский и Нонна, который заучил речи Демосфена от корки до корки, но не мог сам составить речь (Dam 60 Ath.). Возможно, речь идет о Нонне Панополитанском, будущем египетском поэте V в. из Панополя, авторе поэм: языческой «Деяния Диониса» и христианской «Деяния Иисуса» по Евангелию от Иоанна (Nonnus 2: PLRE II 788), – который также мог быть учителем языческого грамматика и философа Пампрепия⁷. Пампрепий был известен не только Дамаскию, но и Салюстию, прославившись в Афинах как грамматик (Dam. 66, 77, 112–115 Ath.).

Об обучении Салюстия в Александрии ничего неизвестно. Но, возможно, именно там у него зародился интерес к философии, а также были установлены дружеские связи с философским кружком, в частности, с Исидором. Дамаский и «Суда» сообщают, что впоследствии Салюстий приезжал из Афин в Александрию вместе с Исидором (Dam. 60 Ath.; Suid. Σ 62). Там же Салюстий, видимо, получил философское образование. У кого учился Салюстий, сказать трудно. Это могла быть ведущая философская школа Гермия–Аммония или школа Гераиска, где учился Исидор (эта школа была риторическая, но с преподаванием философии)⁸. Так как Салюстий знал Исидора (Dam. 60 Ath.), то он мог быть связан со школой его учителя Гераиска, а Гераиск, а равно Гермий и Аммоний, были в близких отношениях с Проклом (Dam. 54–57, 76 Ath.). Но важно, что он, как и некоторые другие выдающиеся философы того времени, отправился в Афины как наиболее престижный центр знания того времени.

В Афинах Салюстий предстает уже как философ (Dam. 66 Ath.; Suid. Σ 63). П. Афанассиади выдвигает версию, что у Салюстия в Афинах была и риторическая школа, подобно школе исаврийца Лахара (Dam. 61–62 Ath.)⁹, но она гипотетична и ничем не подтверждена. Даже если такая школа и существовала некоторое время, затем Салюстий предпочел уйти в Академию.

Салюстий афинского периода известен как философ-неоплатоник кинического образа жизни, что для того времени было необычным (Dam. 66 Ath.). В Академии Салюстий работал во времена руководством школой Прокла, поэтому думать о схолахте было для него нереально. В Академии у Салюстия и возник конфликт с Проклом. Лидер язычников-интеллектуалов Прокл должен был приобрести

⁷ Clarysse, Depauw 2007, 353.

⁸ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

⁹ Athanassiadi 1999, 168–171.

огромное количество врагов в городе, причем среди языческих интеллектуалов тоже. Прокл, собственно, поссорился не столько с самим Салюстием, сколько со студентами Салюстия (Dam. 68 Ath.). Трудно сказать, чем это было вызвано. Возможно, Салюстий курировал сирийское землячество в Академии, и его студенты могли ощущать себя отодвинутыми на периферию по сравнению со студентами самого Прокла. Дамаский называет двух студентов Салюстия по имени Зенон, которые послужили причиной конфликта, но в чем он заключался, не сообщает (Dam. 67–68 Ath.). По мнению Э. Уоттса, интриги Салюстия могли быть причиной изгнания Прокла из Афин¹⁰, которое описано его учеником и биографом Марином Неаполитанским (Marin. V. Procl. 15).

Уважение Салюстия заслужил другой афинский учитель – Афинодор, преподававший во времена Прокла и объяснявший материал очень доходчиво. Салюстий восхищался им за усердие, сравнивал с огнем, который мог разжечь любой предмет, но в то же время пытался уговорить его оставить философию (Dam. 66G Ath.).

Среди учеников Салюстия был и сам Дамаский, что могло указывать на то, что Салюстий преподавал в Афинах также и в конце V в., после смерти Прокла. Дамаский сообщает, что обратился к философии от риторического искусства во время бегства из Александрии с Исидором (Dam. 122, 137 Ath.), что произошло в итоге антиязыческих гонений на александрийских философов 480–х гг.¹¹ Именно после этого он отправился в Афины, где впоследствии стал сшолархом Академии¹².

У Салюстия были и другие ученики. Как упомянуто выше, его ссора с Проклом произошла из-за одного из студентов по имени Зенон. Таких студентов было два: Зенон александриец, отрекшийся от своей веры иудей, и Зенон пергамец. Оба не отличались большой эрудицией, хотя и проявляли старательность (Dam. 67–68 Ath.). Это могли быть также ученики Салюстия или те, кого он пытался увести из школы Прокла. Конфликты между афинскими преподавателями из-за учеников были распространенным явлением, часто преподаватели интриговали против друг друга из-за конкуренции¹³.

Что касается преподавания, то Е.В. Афонасин отмечает, что Салюстий наиболее восхищал молодого Дамаския из всех философов Академии¹⁴. Видимо, именно к нему он попал по происхождению, так как в афинских школах распределение учеников шло по регионам, как еще применительно к риторическим школам в IV в. сообщал Евнапий (Eunap. 487–488).

Салюстий вел образ жизни, соответствующий киническим философам: практически не пользовался обувью, «босиком обошел всю ойкумену», никогда не готовил пищу, часто обходясь без еды, его котлы были чистые как для продажи на рынке, он жил в студенческом доме, при этом аскетический образ жизни не отразился негативно на его здоровье или бодрости духа (Dam. 66 Ath.). Более того, его физическое состояние и здоровье было настолько выносливы, что Салюстий

¹⁰ Watts 2006, 105.

¹¹ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

¹² Cameron 1969, 7–29.

¹³ Watts 2006, 61–62.

¹⁴ Афонасин 2020, 285–317.

позволял себе эксперименты над своим телом. Философ-неоплатоник VI в. Симпликий, также выпускник афинской Академии и ученик Дамаския (Simplicius 1: PLRE III 1153–1154), в работе «Комментарии к “Руководству” Эпиктета» рассказывает о том, что в его времена Салюстий клал себе раскаленный уголь на бедро и раздувал его, чтобы проверить, как долго сможет выдержать страдание (Simpl. Comm. in Epict. 13). Сам Симпликий до прибытия в Афины обучался в Александрии у Аммония¹⁵, так что мог входить в александрийско-афинский философский кружок втор. пол. V в.¹⁶ и знать Салюстия лично.

Как преподаватель Салюстий был наставником сократического типа. Одним из его главных методов был критицизм. Он постоянно испытывал и провоцировал молодых людей, заставляя их задуматься, действительно ли они сознательно избрали в качестве своей профессии такой сложный предмет, как философия. По его словам, Салюстий проверял молодежь на прочность, незаметно расставляя для них интеллектуальные ловушки, в которые они попадались из-за юношеской поспешности, тем самым убеждаясь в том, что «недостаточно хороши» для такой стези¹⁷. Сам Дамаский не стал исключением – его очень раздражала такая постановка вопроса, лишь затем он проникся мудростью своего учителя, ведь проходя испытания Салюстия, молодежь «плавилась, словно золото в огне».

Хотя Салюстий был порой склонен, часто ссорился с другими преподавателями, интригуя против них, Дамаский хвалил его за высокие моральные качества и проницательность, отмечая, что философ был очень шутлив и насмешлив, дерзко и остроумно отвечал на вопросы, при этом почитал богов. Как сказано выше, Салюстий отличался экстравагантными выходками. Для его характеристики Дамаский подбирает у Гераклита фразу «презритель толпы» (ὀχλολοΐδορος) (Dam. 66 Ath.; Suid. Σ 63).

В то же время информации о разрабатываемом Салюстием философском учении практически не сохранилось. Дамаский писал, что он считал «истинное мнение» о богах «пятой платонической добродетелью» (помимо четырех основных: мудрости, мужества, справедливости, умеренности), добавляя, что она может быть присуща и совершенно порочным людям (Dam. 66 Ath.). Это замечание, по мнению Е.В. Афонасина, показывает, что Салюстий в каком-то качестве участвовал в обсуждении вопроса о степенях добродетелей, столь важного для неоплатонической школы¹⁸. В этом отношении примечательно сообщение о Прокле, который, как отмечает Дамаский, ставил теологию [языческую] превыше всех иных разделов философии, ставя во главу угла благочестие и строгость повседневной жизни, «грубый плащ» (Dam. 59 Ath.).

Е.В. Афонасин считает, что это могло быть сутью конфликта Прокла и Салюстия (Dam. 68 Ath.), так как последний относился со скепсисом к ежедневным ритуалам религиозного благочестия, всю жизнь стремясь к моральному совершенству¹⁹. Однако, как указано выше, сам Салюстий истязал свое тело и практиковал

¹⁵ Cameron 1969, 7–29.

¹⁶ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

¹⁷ Афонасин 2020, 285–317.

¹⁸ Афонасин 2020, 285–317.

¹⁹ Афонасин 2020, 285–317.

аскетический образ жизни, почитал богов, считая это «пятой добродетелью», так что данная гипотеза кажется надуманной.

Интересно упоминание Салюстием богини Немезиды, которой он препоручает свою судьбу (Dam. 66 Ath.). Она являлась собственно хтоническим божеством, ассоциируемым с Аидом. Исходя из этого факта, а также в контексте того, что Дамаский сообщает, что Салюстий практиковал гадание и мог другому человеку по глазам предсказать вид насильственной смерти, ожидаемой в будущем (Dam. 70 Ath.), можно предположить, что он придерживался неких темных хтонических культов, связанных со смертью, возможно, даже практикуя некромантию.

Из текстов сочинений Салюстия исследователи ничего не обнаружили, и считается, что они не сохранились. В «Суде» в одной из статей упоминается некий софист Салюстий, который написал комментарии к Демосфену и Геродоту, а также другие сочинения (Suid. Σ 60). Это могло относиться к раннему, еще эмесскому периоду творчества нашего Салюстия, где он прославился как ритор и заучивал наизусть речи Демосфена. Упоминание Дамаскием его соученика Марцелла, который заучивал наизусть Фукидида (Dam. 60 Ath.), а также комментариев самого Салюстия к Геродоту в «Суде» (Suid. Σ 60) может свидетельствовать о том, что в сирийской школе Евной риторическое образование строилось на штудиях древнегреческих исторических сочинений.

Из философских работ, помимо вышеупомянутых кинических интересов, Салюстий мог обращаться к стоической литературе – именно в контексте стоического претерпевания телесных страданий его упоминает Симпликий в «Комментариях к “Руководству” Эпиктета» (Simpl. Comm. in Epict. 13).

Однако Салюстий мог быть автором еще одного, а именно философского, трактата «О богах и мире» (Περὶ θεῶν καὶ κόσμου), который обычно приписывают сподвижнику императора Юлиана II Отступника Саллюстию Секунду, занимавшему различные должности, в том числе префекта претория Востока в 361 г. и консула в 363 г. (Sallustius 1: PLRE I 796; Flavius Sallustius 5: PLRE I 797–798). В отличие от нашего Салюстия, его имя передается в отечественной традиции как «Саллюстий». Однако в действительности об авторе данной работы ничего не известно, кроме имени, – ни даты и места рождения, ни каких-либо сведений биографии, а авторство данной работы приписывается советнику Юлиана на основе созвучия имени, хотя А.Ф. Лосев отмечает, что в ряде источников префект при Юлиане носил имя Саллютий. Само же соотнесение автора философского трактата и чиновника втор. пол. IV в. строится на том, что именно Саллюстию Юлиан посвятил свою речь «К царю Гелиосу» (Jul. Or. XI (IV)), а также подготовил сделанное в философском духе «Утешение самого себя по случаю отъезда блаженнейшего Саллюстия» (Jul. Or. IV. (VIII))²⁰.

Но если обратиться к тому, что сообщает император Юлиан о Саллюстии, становится понятно, что этот сановник не имел философского образования. Хотя в речи об отъезде Саллюстия Юлиан превозносит дружбу с ним, сравнивая с дружбой между древними философами и политиками, например, упоминая о расставании Катона с близкими или Платона, Пифагора и Демокрита, а затем уподобляя себя Периклу, а Саллюстия – его учителю, философу Анаксагору (Jul. Or. IV (VIII)).

²⁰ Лосев 1988, 330–331.

245d–246a). Однако это не кажется выходящим за пределы дружеской похвалы. В совместных беседах с Саллюстием император разговаривал об общих вопросах воспитания, справедливости, разума, о политическом искусстве и законах, путях осуществления добродетелей, обсуждая «все, что приходило на ум» (Jul. Or. IV (VIII). 247d–248a). То есть темой бесед был не какой-либо специализированный философский вопрос, а общие вещи, которые считалось приличным обсуждать образованным людям. Также император сообщает и об образовании Саллюстия, говоря, что тот, будучи по происхождению кельтом (Саллюстий происходил из Галлии), «достиг высочайшего совершенства в риторике и не остался несведущ и в философии, где лишь эллины достигают высочайшего» (Jul. Or. IV (VIII). 252a–252b). Из этого следует, что Саллюстий имел хорошее образование, но не занимался конкретно философией. В посвящении Саллюстию Юлиан указывает, что посвятил такую речь своему дорогому другу, так как тот оценивал его другую речь на Кронии, рекомендуя также почитать Ямвлиха, чтобы найти что-то более мистическое (Jul. XI (IV). 157c–157d), что позволяет заключить, что сподвижник Юлиана не читал сочинений Ямвлиха, что очень странно, если бы он был философом. В других своих произведениях Юлиан тоже упоминает о Саллюстии, но нигде не характеризует его как философа: в речи «К сенату и народу афинскому» Юлиан называет Саллюстия «превосходным человеком», который в силу своих добродетелей не нравился его двоюродному брату императору Констанцию II (Jul. Or. V. 281d); в письме своему врачу Орибасию он называет Саллюстия «честным» (Jul. Ep. 4 (8)). Все эти эпитеты не похожи на те, которые дают философам.

Также современник Саллюстия и императора Юлиана Аммиан Марцеллин говорит только о политической деятельности этого Саллюстия (напр., Amm. Marc. XXII. 3. 1), ничего не сообщая о каких-то его философских увлечениях. Нет никакой характеристики Саллюстия и в «Жизни философов и софистов» младшего современника Юлиана, языческого интеллектуала Евнапия, жившего во втор. пол. IV – нач. V в.²¹.

Все это позволяет выдвинуть гипотезу, что философский трактат «О богах и мире» принадлежал именно нашему афинскому философу Саллюстию, жившему во втор. пол. V в., а не другу и сановнику императора Юлиана втор. пол. IV в. А впоследствии его трактат приписали более известной исторической личности с таким же именем, из-за чего и возникла путаница. В частности, уже в «Суде» в одной из статей про афинского философа V в. есть приписка именно о друге императора Юлиана (Suid. Σ 63).

Данный трактат состоит из 21 главы, разделенной на 32 подглавы и рассматривает следующие вопросы: общие понятия философии (Sal. I.1); вопросы о неизменности Бога, Его вечном существовании, бестелесности, вездесущии (Sal. II. 2–5); мифологические вопросы: о мифах, их божественности и видах (Sal. III–IV. 6–8); космологические вопросы: о первопричине, сверхкосмических богах, внутрикосмических богах и сферах, срединном положении Земли (Sal. V–VII. 9–14); об уме, душе и ее бессмертии (Sal. VIII. 15–16); о провидении, судьбе и случае (Sal. IX. 17); о добродетели и порочности, правильном и дурном правлении, причинах зла (Sal. X–XII. 18–20); о вечности и изменении материи, нетленности кос-

²¹ Penella 1990, 1–9.

моса, почитании богов (Sal. XIII–XVII. 21–25); о безбожии и божественном наказании за это, видах наказания для душ и их призрачных телах (Sal. XVIII–XIX. 26–29); о переселении душ, необходимости и посмертном существовании благих душ (Sal. XX–XXI. 30–32)²².

Темы вечности мира и бессмертия души часто поднимаются в философских работах конца V – перв. пол. VI в., так как этот вопрос стал ключевым водоразделом между язычниками и христианами. При этом катализатором является работа Прокла Диадоха «О вечности мира»²³, вызвавшая большую полемику. Во втор. пол. V в. ответом на эту работу стали диалоги представителей христианской Газской школы – Энея Газского (трактат «Феофраст») и Захарии Ритора (трактат «Аммоний»)²⁴. В «Феофрасте» Энея Газского акцент сделан на вопросах существования души (Aen. Gaz. Theophr. 4.1–68.7), в то время как Захария в «Аммонии» делает упор на опровержение учения о совечности космоса Богу (Zach. Amm. 362–937). В перв. пол. VI в. эта неоплатонико-христианская полемика продолжилась: главным представителем языческого неоплатонизма стал ученик Дамаския, вышеупомянутый афинский философ Симпликий, а со стороны христиан – неортодоксальный александрийский философ и богослов Иоанн Филопон²⁵.

В концептуальном отношении А.Ф. Лосев относит трактат «О богах и мире» к пергамскому неоплатонизму, указывая на большое влияние сирийского неоплатонизма Ямвлиха²⁶. Однако он же связывает доктрину греческих богов и космологии Саллюстия с афинским неоплатонизмом, *усматривая ряд параллелей с Проклом и Дамаскием*²⁷. Это еще раз подтверждает гипотезу, что сочинение принадлежит именно нашему афинскому философу Саллюстию, который, являясь представителем Афинской неоплатонической школы, естественно выражал взгляды, сходные с учением Прокла и Дамаския, а главное – жил в одно с ними время, так как нельзя говорить о влияниях мыслителей втор. пол. V в. на текст середины IV в. О влиянии же учений Ямвлиха на афинский неоплатонизм, в том числе на Прокла, говорит его биограф Марин (Marin. V. Procl. 27–28). В то же время, как указывалось выше, префект IV в. Саллюстий, сподвижник Юлиана Отступника, Ямвлиха не читал, так что император ему советовал ознакомиться с сочинениями этого философа (Jul. Or. XI (IV). 157c–157d). То есть можно предположить, что в свой афинский период Саллюстий написал трактат «О богах и мире», который затем ошибочно приписали более известному другу и советнику Юлиана.

Также Дамаский сообщает о поездке Саллюстия из Афин в Александрию вместе с Исидором (Dam. 60 Ath.). Учитывая, что после антиязыческих гонений 480–х гг.²⁸ Исидор не мог вернуться в Александрию, поскольку его разыскивали там имперские дознаватели, то поездка должна была состояться до начала репрессий.

В последние дни жизни учителя Исидора – Прокла – Исидор был в Афинах, так как великий философ хотел передать ему свою Академию, продолжив «золотую цепь», так как ближайший ученик Марин Неаполитанский был слаб здоро-

²² Rochefort 1960.

²³ Lang, Marco 2001.

²⁴ Манохин 20186, 29–34.

²⁵ Sorabji 2005, 175–188.

²⁶ Лосев 1988, 335–336.

²⁷ Лосев 1988, 343–346.

²⁸ Athanassiadi 1993, 1–29.

вьем, а Исидор был самым талантливым, но последний отказался (Dam. 97–103 Ath.). Прокл умер в 485 г., что описал Марин (Marin. V. Procl. 35–36).

Антиязыческие гонения 480–х гг. в Александрии, помимо Дамаския, параллельно описаны их участником с христианской стороны Захарией Ритором в его сочинении «Жизнь Севера»²⁹. Захария, как и Дамаский, указывает, что репрессии произошли уже после подавления восстания Илла и Леонтия (Zach. V. Sev. 54; Dam. 115 Ath.). Подавление этого восстания датируют 488 г.³⁰ Также Захария сообщает, что одним из главных действующих лиц антиязыческих гонений был Александрийский патриарх Петр (Zach. V. Sev. 29, 33–34, 39, 46, 49). В 480-е гг. патриаршью кафедру в Александрии занимал промонофизитский патриарх Петр III Монг (482–490), это был его второй приход на кафедру. Летописи (например, византийский хронист IX в. Феофан) дают дату его смерти в 490 г. (Theoph. Chron. a. 5982/482). Следовательно, сами гонения состоялись в промежутке от 488 до 490 гг.

Таким образом, Салюстий прибыл в Александрию из Афин с Исидором в период с 485 по 488 г. По нашему мнению, отъезд Салюстия из Афин (Dam. 60 Ath.) прежде всего мог быть проявлением осознания бесперспективности занять должность сcholарха Академии. Возможно, такой отъезд предполагался как временный на период обострения конфликта со студентами Прокла, ведь и сам Прокл на время покидал Афины, уехав в родную Малую Азию, правда, его конфликт имел другой характер, будучи, возможно, связанным с религиозными гонениями (Marin. V. Procl. 15). Как упоминалось выше, против Прокла в этом отношении мог интриговать сам Салюстий.

По мнению ряда исследователей, Салюстий именно в Александрии мог встретиться с приехавшим туда же для языческой агитации Пампрепием, где высмеял его учение³¹. Но на наш взгляд, встреча Салюстия и Пампрепия, описанная Дамаскием (Dam. 66 Ath.), произошла именно в Афинах, где Пампрепий был драматиком (Dam. 112 Ath.), так как речь в главе Дамаския идет именно об афинском периоде жизни Салюстия.

Впоследствии Салюстий, очевидно, вернулся в Афины, так как стал преподавателем Дамаския (см. выше), а его мог знать ученик последнего Симпликий. Однако у историка втор. пол. VI в. Агафия Миринейского среди эмигрировавших в Персию афинских философов после закрытия Афинской Академии в 529 г.³² Салюстий не упоминается. Там перечислены Дамаский сириец, Симпликий киликиец, Евлалий фригиец, Присциан лидиец, Гермий и Диоген финикийцы (Agath. Hist. II. 30). Неупоминание Салюстия означает, скорее всего, что к 529 г. он уже умер.

Особняком в биографии Салюстия стоит эпизод с его жизнью и деятельностью в Иллирике, при дворе проязыческого узурпатора патрикия Марцеллина, жившего во втор. пол. V в. и умершего в 468 г., создавшего независимое «генеральское государство» Марцеллина – Непота (аналог – государство Сиагрия в Северной Галлии, существовавшее до 486 г.). О нем есть информация во многих

²⁹ Brock, Fitzgerald 2013.

³⁰ Козлов 1988, 58–72.

³¹ Болгов, Болгова 2019, 105–136.

³² Cameron 1969, 7–29; Watts 2005, 285–315.

как западноримских, так и восточноримских источниках (Marcellinus 6: PLRE II 708–710).

Об этом Марцеллине оставил подробные сведения ранневизантийский историк VI в. Прокопий Кесарийский в «Войнах с вандалами». Марцеллин был близким другом западного полководца Аэция, а после его убийства Валентинианом III в 454 г. (Marc. Com. a. 454) отказался подчиняться западно-римскому императору, захватив власть в Далмации, где в то время находился, очевидно, командуя войсками. По словам Прокопия, его привлек на свою сторону восточный император Лев I Макелла (457–474), который убедил его принять участие в масштабной военной операции против вандалов, выбив их с Сардинии. Марцеллин достиг успеха, без особого труда подчинив себе Сардинию (Proc. Caes. B.V. I. 6.7–9).

Однако новая морская экспедиция константинопольского узурпатора Василиска в Северную Африку с целью борьбы против вандалов окончилась катастрофой: флот попал в бурю, а вандалы могли поджечь и потопить римские корабли. Марцеллина же на Сардинии коварно убил один из сподвижников (Proc. Caes. B.V. I. 6.10–25). Константинопольский хронист VI в. Марцеллин Комит датирует эту экспедицию 468 г., указывая, что Марцеллин давал деньги на экспедицию против Карфагена, а удар в спину нанесли те, ради которых он боролся (Marc. Com. a. 468). Возможно, его убили подосланные западно-римские лазутчики. Заговор мог быть инспирирован его соперником – военным магистром Западной Римской империи и «делателем императором» Рицимером³³. Дамаский подтверждает, что Марцеллина убили его римские союзники, что вызвало ликование у вандальского короля Гейзериха, считавшего этого военачальника опасным врагом (Dam. 69 Ath.).

Как сообщает готский историк сер. VI в. Иордан, Марцеллин был патрикием, а западноримский император Юлий Непот (474–475) являлся его племянником (Iord. 239). Дамаский, как и хронист Марцеллин Комит, указывает, что патрикий Марцеллин был язычником-эллином, добавляя, что тот верил в божественные материи, разбирался в гадании, а также был храбрым и справедливым человеком, очень мужественным и талантливым в военном деле, хорошим независимым правителем, не подчинявшимся никому. Эти сведения повторяет и «Суда» (Dam. 69 Ath.; Suid. M 202, П 1652).

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что Салюстий находился при дворе Марцеллина до 468 г. уже в ранге языческого философа, то есть, отправившись туда после окончания философского обучения в Александрии. Помещение этой части повествования о Салюстии у Дамаския после афинского периода жизни философа (Dam. 60 Ath.) может быть связано с тем, что первоначально необходимо было дать представление о том, кто такой Салюстий, прежде чем рассказывать о его деятельности. При этом не будем забывать и о том, что реконструкцию и порядок фрагментов Дамаския определяла их издатель П. Афанассиади.

Интересна информация об увлечении гадательными практиками Марцеллина Иллирийского (Dam. 69 Ath.; Suid. M 202) и предсказательной деятельностью Салюстия (Dam. 70 Ath.). Возможно, именно при иллирийском дворе философ стал развивать свои магические увлечения мантикой. Также, по мнению П. Афанасси-

³³ Циркин 2013, 462–472.

ади³⁴, информация Дамаския об умении Салюстия по глазам предсказать насильственную смерть (Dam. 70 Ath.) могла относиться к фрагменту с упоминанием смерти его патрона Марцеллина (Dam. 69 Ath.).

Относительно иллирийского периода Салюстия П. Афанассиади выдвигает интересную гипотезу о том, что информация, предоставленная Дамаскием, намекает на скоординированный план реставрации язычества в конце 460-х гг., в котором Салюстий и его патрон Марцеллин Иллирийский могли быть ключевыми фигурами, как Север и западный император Анфемий³⁵. Рассматривая эту тему в более широком контексте, сюда же можно отнести программу Леонтия, Илла и Пампрепия, который действовал при них как языческий философ³⁶. Более того, то, что сохранилось из «Философской истории», предполагает, что одной из центральных тем этого сочинения было географическое единство язычества в Средиземноморья. Дамаский даже посвящает попыткам реставрации язычества, начиная с императора Юлиана, отдельную главу, хотя не упоминает там Марцеллина и Салюстия (Dam. 115 Ath.).

При этом следует констатировать различные оценки религиозного фактора язычества в финальной части жизни Салюстия. П. Афанассиади считает роль язычества важной: Салюстий уезжает к Марцеллину в Иллирию как в оплот язычества³⁷. Е.В. Афонасин полагает, что язычество Салюстия уже в Афинах не было жестким и он не поддерживал открытые теургические практики Прокла³⁸. Как бы там ни было, факт приезда Салюстия в Иллирию при всей своей неожиданности остается фактом. После смерти Марцеллина в 468 г. он мог перебраться в Афины, где начал развивать свою преподавательскую карьеру в качестве философа.

В целом можно составить такую периодизацию жизни Салюстия: 1) сирийский период в Эмесе и обучение в риторической школе Евной; 2) александрийский период – обучение в философской школе; 3) иллирийский период – в качестве ученого язычника и философа при дворе узурпатора Марцеллина; 4) афинский период – преподавание в Академии, конкуренция с Проклом (между 468 и 485 гг.); 5) кратковременное посещение Александрии с Исидором (между 485 и 488 гг.); 6) возвращение в Афины (после 488 и не позднее 529 г.).

Здесь мы вынуждены подвергнуть сомнению и даже опровергнуть мнение Э. Уоттса, который вслед за П. Афанассиади (и ее реконструкцией порядка фрагментов Дамаския) утверждает, что Салюстий в конце жизни был в Иллирии у Марцеллина³⁹. Если Салюстий умер в Иллирии вскоре после 468 г., то все его взаимоотношения с Исидором и поездка в Александрию хронологически повисают в воздухе.

Также можно очертить социальный круг Салюстия. В Сирии известны его родители Василид и Феоклея, риторический учитель Евной, однокашник Марцелл; в Александрии это философ Исидор и его круг (философы Гиерокл, Гермий, Аммоний, Асклепидот, софист Гераиск и др.); в Иллирике Салюстий был при дворе

³⁴ Athanassiadi 1999, 182–183.

³⁵ Athanassiadi 1999, 180–181.

³⁶ Козлов 1988, 58–72.

³⁷ Athanassiadi 1999, 92.

³⁸ Афонасин 2020, 285–317.

³⁹ Watts 2006, 105.

образованного патрикия и римского аристократа Марцеллина, возможно, войдя в его круг общения; в Афинах Салюстий пересекался с коллегами-учителями Проклом, Афинодором и Пампрепием, а его собственными учениками могли быть Зенон александриец, Зенон пергамец и Дамаский, его мог лично знать писавший о нем в перв. пол. VI в. Симпликий.

Таким образом, подводя итоги исследованию жизни и деятельности Салюстия Афинского, можно заключить, что она была насыщенной и богатой. Салюстий происходил из довольно знатной семьи, давшей ему хорошее образование. Первоначально он планировал юридическую карьеру, но, посещая риторическую школу Евноя в Эмесе, решил стать ритором. В Александрии он продолжил свое образование, получив вдобавок к риторическому и философское. В статусе философа он находился при дворе узурпатора Марцеллина, а после его смерти отправился в Афины. Там Салюстий был одним из преподавателей Академии, развивая киническое направление и ведя крайне аскетический образ жизни, а также вступив в конфликт с главой Академии Проклом Диадохом и интригуя против других учителей. Сталкивался он и с Пампрепием. Как учитель Салюстий использовал сократический тип обучения, задавая студентам провокационные вопросы, также отличаясь склонностью и насмешливостью. Он был убежденным язычником, возможно, связанным с какими-то хтоническими культами, использовал гадания, эти вещи он мог развивать и при дворе Марцеллина. Возможно, после смерти Прокла Салюстий посещал Александрию с Исидором, но затем вернулся в Афины, где впоследствии преподавал Дамаскию в конце V – начале VI в. Вероятно, Салюстий умер до закрытия платоновской Академии в 529 г. Он подготовил несколько сочинений, из которых точно приписываются ему и несохранившиеся «Комментарии к Демосфену», и «Комментарии к Геродоту», вероятно, составленные еще в сирийский период. Также, на наш взгляд, он мог быть автором философского трактата «О богах и мире», приписываемого соратнику Юлиана Отступника, сановнику IV в. Саллюстию Секунду. Наш Салюстий был широко связан с языческими кругами Афин и Александрии, являясь важной фигурой в попытках реставрации язычества в империи во втор. пол. V в., однако успехов на этом поприще достичь не смог. Тем не менее Салюстий является важной фигурой среди афинских интеллектуалов – софистом и философом, представителем позднеантичного афинского неоплатонизма втор. пол. – конца V в.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонасин, Е.В. 2020: Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его «Философской истории». *Платоновские исследования* 13.2, 285–317.
- Болгов, Н.Н. 2016: «Последний схолярх» Стефан Александрийский и круг его знания. В кн.: М.В. Грацианский, П.В. Кузенков (ред.), *Империя ромеев во времени и пространстве: центр и периферия: тезисы докладов XXI всероссийской научной сессии византинистов. Белгород, 20–23 апреля 2016 г.* Москва–Белгород, 30–32.
- Болгов, Н.Н., Болгова, А.М. 2019: Александрийские школы V в. по «Философской истории» Дамаския. В сб.: *Иресиона. Античный мир и его наследие*. Вып. 6. Белгород, 105–136.

- Болгов, Н.Н., др. (ред.). 2019: *Дамаский. Философская история (Жизнь Исидора)*. Белгород. (Мир поздней античности. Вып. 13).
- Денисова, И.В. 2022: Вокруг софиста Юлиана: риторические школы Афин IV в. *Via in tempore. История. Политология* 49.4, 767–784.
- Денисова, И.В. 2023: К вопросу о софисте Юлиане Каппадокийском и его школе в Афинах. *Via in tempore. История. Политология* 50.1 (в печати).
- Козлов, А.С. 1988: Политическая оппозиция правительству Византии в 476–491 гг. Основные направления и социальное содержание. *Античная древность и средние века* 24, 58–72.
- Лосев, А.Ф. 1988: *История античной эстетики. Т. VII. Последние века*. Кн. 1–2. М.
- Манохин, Я.В. 2018а: *Ранневизантийская Газа – христианский интеллектуальный центр в Палестине*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Белгород.
- Манохин, Я.В. 2018б: «Феофраст» Энея Газского и «Аммоний» Захария Ритора. Сравнительный анализ ранневизантийских произведений риторской школы в Газе. *Научные ведомости БелГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика* 45.1, 29–34.
- Циркин, Ю.В. 2013: «Генеральские государства» на территории Западной Римской империи. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 12, 462–472.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies* 113, 1–29.
- Athanassiadi, P. (ed.). 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.
- Brock, S., Fitzgerald, B. (ed.). 2013: *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch*. Liverpool.
- Cameron, Al. 1969: The Last Days of the Academy in Athens. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 15, 7–29.
- Clarysse, W., Depauw, M. (ed.), 2007: *Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600)*. Leuven.
- Jones, A.H.M., etc. (ed.). 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Lang, H.S., Marco, A.D. (eds.). 2001: *Proclus. On the eternity of the World*. Berkeley, 2001.
- Martindale, J.R. (ed.). 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge.
- Martindale, J.R. (ed.). 1992: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III. A.D. 527–641. Vol. IIIA (*Abandanes 'Iyād ibn Ghanm*). Vol. IIIB (*Kālādji – Zudius*). Cambridge.
- Penella, R.J. 1990: *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis*. New York.
- Rochefort, G. (ed.). 1960: *Des dieux et du monde*. Paris.
- Sorabji, R. 2005: Did the Universe have a Beginning? In: R. Sorabji (ed.), *The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD*. New York, 175–188.
- Watts, E. 2005: Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 45, 285–315.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

REFERENCES

- Afonasin, E.V. 2020: Damaskiy v Afinakh: izbrannyye fragmenty ego “Filosofskoy istorii” [Damascius in Athens: Selected Fragments of his “Philosophical History”]. *Platonovskie issledovaniya [Platonic Studies]* 13.2, 285–317.
- Athanassiadi, P. 1993: Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius. *Journal of Hellenic Studies*. 113, 1–29.
- Athanassiadi, P. (ed.). 1999: *Damascius. The Philosophical History*. Athens.

- Bolgov, N.N. 2016: "Posledniy skholarkh" Stefan Aleksandriyskiy i krug ego znaniya ["The Last Scholarch", Stephen of Alexandria and the circle of his knowledge]. In: M.V. Gratsianskiy, P.V. Kuzenkov (eds.), *Imperiya romeev vo vremeni i prostranstve: tsentr i periferiya: tezisy dokladov XXI vserossiyskoy nauchnoy sessii vizantinistov. Belgorod, 20–23 aprelya 2016 g.* [The Roman Empire in Time and Space: Center and Periphery: Abstracts of the XXI All-Russian Scientific Session of the Byzantines. Belgorod, April 20–23, 2016]. Moscow–Belgorod, 30–32.
- Bolgov, N.N., Bolgova, A.M. 2019: Aleksandriyskie shkoly V v. po «Filosofskoy istorii» Damaskiya [Alexandrian schools of the 5th century according to the "Philosophical History" of Damascus]. *Iresiona. Antichnyy mir i ego nasledie* [Iresion. The Ancient World and its heritage]. Iss. 6. Belgorod, 105–136.
- Bolgov, N.N., etc. (ed.). 2019: *Damaskiy. Filosofskaya istoriya (Zhizn' Isidora)* [Damascus. Philosophical History (Life of Isidore)]. (Mir pozdney antichnosti [The world of late Antiquity], Iss. 13). Belgorod.
- Brock, S., Fitzgerald, B. (ed.). 2013: *Two Early Lives of Severos, Patriarch of Antioch*. Liverpool.
- Cameron, Al. 1969: The Last Days of the Academy in Athens. In: *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 15, 7–29.
- Clarysse, W., Depauw, M. 2007: *Panopolis, a Nome Capital in Egypt in the Roman and Byzantine Period (ca. AD 200–600)*. Leuven.
- Denisova, I.V. 2022: Vokrug sofista Yuliana: ritoricheskie shkoly Afin IV v. [Around the sophist Julian: the rhetorical schools of Athens in the 4th century]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political science] 49.4, 767–784.
- Denisova, I.V. 2023: K voprosu o sofiste Yuliane Kappadokiyskom i ego shkole v Afinakh [On the question of the sophist Julian of Cappadocia and his school in Athens]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya* [Via in tempore. History. Political Science] 50.1 (forthcoming).
- Jones, A.H.M., etc. (ed.). 1971: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge.
- Kozlov, A.S. 1988: Politicheskaya oppozitsiya pravitel'stvu Vizantii v 476–491 gg. Osnovnye napravleniya i sotsial'noe sodержanie [Political opposition to the government of Byzantium in 476–491. Main directions and social content]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Ancient Antiquity and the Middle Ages] 24, 58–72.
- Lang, H.S., Marco, A.D. (eds.). 2001: *Proclus. On the eternity of the World*. Berkeley.
- Losev, A.F. 1988: *Istoriya antichnoy estetiki* [History of ancient aesthetics]. Vol. VII. *Poslednie veka* [Last centuries]. Books 1–2. Moscow.
- Manokhin, Ya.V. 2018a: *Rannevizantiyskaya Gaza – khristianskiy intellektual'nyy tsentr v Palestine* [Early Byzantine Gaza, a Christian intellectual center in Palestine]. PhD. Belgorod.
- Manokhin, Ya.V. 2018b: "Feofrast" Eneya Gazskogo i "Ammoniy" Zahariya Ritora. Sravnitel'nyy analiz rannevizantiyskikh proizvedeniy ritoriskoy shkoly v Gaze ["Theophrastus" by Aeneas of Gaza and "Ammonius" by Zachariah the Rhetor. Comparative analysis of the early Byzantine works of the rhetorical school in Gaza]. *Nauchnye vedomosti BelGU* [Scientific Bulletin of BelSU]. Ser. Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika [History. Political Science. Economy. Computer science] 45.1, 29–34.
- Martindale, J.R. (ed.). 1980: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge.
- Martindale, J.R. (ed.). 1992: *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III. A.D. 527–641. Vol. IIIA (*Abandanes 'Iyād ibn Ghanm*). Vol. IIIB (*Kālādji – Zudius*). Cambridge.
- Penella, R.J. 1990: *Greek Philosophers and Sophists in the Fourth Century A.D. Studies in Eunapius of Sardis*. New York.
- Rocheftort, G. (ed.). 1960: *Des dieux et du monde*. Paris.

- Sorabji, R. 2005: Did the Universe have a Beginning? In R. Sorabji (ed.), *The Philosophy of the Commentators, 200–600 AD*. New York, 175–188.
- Tsirkin, Yu.V. 2013: “General’skie gosudarstva” na territorii Zapadnoy Rimskoy imperii [“General states” in the territory of the Western Roman Empire]. *Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Research and publications on the history of the Ancient World] 12, 462–472.
- Watts, E. 2005: Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia. *Greek, Roman, and Byzantine Studies* 45, 285–315.
- Watts, E.J. 2006: *City and School in Late Antique Athens and Alexandria*. Berkeley–Los Angeles.

SALYUSTIUS, THE ATHENIAN PHILOSOPHER AND SOPHIST OF THE 5th CENTURY

Irina V. Denisova

Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

E-mail: eivv@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the life and work of a little-known philosopher and sophist of the second half of the 5th century, Salustius, a representative of the Athenian philosophical school. Based on a comprehensive analysis of sources, the author reconstructs his biography, social ties, and establishes a connection with the Alexandrian and Athenian Neoplatonic schools. His views, teaching methods, circle of colleagues and students are also analyzed. The article puts forward a hypothesis about the belonging of the treatise “On the Gods and the World” to Salustius, rethinking the opinion established in historiography that this treatise belongs to the dignitary of the 4th century, colleague of Emperor Julian the Apostate, Salurninus Sallustius Secundus. The article touches upon the activities of the philosopher Salustius at the court of the usurper in the second half of the 5th century Marcellinus of Illyria, in the context of which the program of restoration of paganism in the Roman Empire during this period is considered.

Keywords: Salustius, late Antique intellectuals, Athens, philosophers, sophists, orators, paganism, Christianization, neoplatonism

Круглый стол
«Атлетические и артистические состязания в Древней Греции и Риме»

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 196–207
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 196–207
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-196–207

**О ГИПОТЕЗЕ, ЧТО В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ КУЛАЧНОМ БОЕ
ПРИМЕНЯЛИСЬ УДАРЫ НОГАМИ**

И.П. Рушкин

Кембридж, Массачусетс, Соединенные Штаты Америки

E-mail: iliarushkin@gmail.com

Аннотация. Ряд ученых высказывали гипотезу, что в древнегреческом кулачном бое применялись удары ногами. Мы постараемся показать, что это предположение не находит опоры в источниках.

Ключевые слова: древнегреческая атлетика, древнегреческий спорт, древнегреческий кулачный бой, панкратион

Ряд ученых высказывали гипотезу, что, в отличие от современного бокса, в древнегреческом кулачном бое применялись удары ногами. Мы постараемся показать, что это предположение не находит опоры в источниках.

Сразу сделаем две оговорки. Во-первых, слово «удар» понимается в широком смысле, как некое физическое воздействие. Цитируемые авторы могут, например, употреблять выражения вроде толкать ногой – мы причисляем это к той же гипотезе. Во-вторых, «не применялись» не значит «запрещались». Можно вообразить

Данные об авторе: Илья Павлович Рушкин – PhD, независимый исследователь, Кембридж, Массачусетс, США.

такую ситуацию, где официального запрета на удары ногами не существовало, а просто они считались плохой техникой, не практиковались, тренеры (педотрибы и гимнасты) внушали своим воспитанникам никогда не прибегать к ним, не отрабатывали их. В этом случае допустимо говорить, что такие приемы «практически не применялись», ибо гарантировать, что их не применяли вообще, все-таки невозможно.

Условимся также, для краткости, называть гипотезу о применении ударов ногами в древнегреческом кулачном бое «гипотезой о ногах».

1. О ГИПОТЕЗЕ

Насколько мне известно, впервые гипотеза о ногах возникла в связи с открытием трактата Филострата «О гимнастике», который датируется III в. н.э., а первым ее выразителем был, возможно, Ш. Дарамбер. Рукопись стала известна в середине XIX в., ее каким-то образом заполучил Миноидис Минас. Затем произошла странная история: Минас оставил в Париже частично отредактированную копию рукописи, которая попала в руки к Шарлю Дарамберу. Дарамбер начал работу над изданием, имея в своем распоряжении только эту копию. Он обращался к Минасу с просьбой об оригинале, но Минас, как кажется, не желал отвечать и наконец заявил, что оригинал или, по крайней мере, часть его «распался в пыль». К удивлению Дарамбера, в 1858 г. Минас издал греческий текст с французским переводом¹. Дарамбер тем не менее издал в том же году свой текст, тоже с французским переводом², который теперь уже основывался на копии и на издании Минаса. Как будет показано далее, трактат содержит два места (Gym. 11 и 34), которые могут были истолкованы в пользу гипотезы о ногах. Второе из этих мест Дарамбер, в отличие от Минаса, перевел хотя и не совсем ясно, но так, что его, по крайней мере, возможно понять как гипотезу о ногах. Много позже, в 1898 г., оригинал манускрипта нашелся (действительно, не в лучшем состоянии), и с его учетом, а также с учетом еще нескольких фрагментов, трактат вышел в немецком издании Ю. Ютнера, до сих пор считающемся фундаментальным. Вот тогда-то гипотеза была по-настоящему введена в научный оборот. Ютнер также увидел в тексте свидетельство использования ног: «...und den Fußstoß gegen das Schienbein anbringen...» (Gym. 11), «...denn sie sind insbesondere träge im Fußstoß gegen das Schienbein der Gegner, und anderseits durch Fußstöße leicht zu überrumpeln...» (Gym. 34), а в комментарии отметил: «Aus unserer Stelle geht hervor, daß beim Faustkampf auch die Füße in Aktion traten, um den Angriff zu unterstützen, was in den Handbüchern allgemein geleugnet...»³ и привел ряд свидетельств, которые будут рассмотрены ниже.

Трактат Филострата – единственное сохранившееся античное произведение, целиком посвященное атлетике. Поэтому неудивительно, что именно на него обращали самое пристальное внимание, а вышеупомянутые два пассажа продолжа-

¹ Mynas 1858.

² Daremberg 1858. В предисловии Дарамбер излагает историю своего взаимодействия с Минасом.

³ Jüthner 1909, 143, 161, 210. Другая релевантная работа Ютнера была опубликована уже после его смерти (Jüthner-Mehl 1962).

ли некоторыми интерпретироваться как свидетельства в пользу гипотезы о ногах. Так, Р. Робинсон⁴ и, совсем недавно, Дж. Кениг⁵ переводили соответствующие места как «kick against someone's shins». Были и попытки принять это понимание текста, но считать его ошибкой Филострата. Так, Р. Патрукко⁶ посчитал, что Филострат здесь просто смешивает кулачный бой с панкратионом (наличие ударов ногами в котором ни у кого не вызывает ни малейших сомнений). С этим нельзя согласиться: Филострат очень аккуратно разделяет виды спорта и, в частности, кулачный бой, борьбу и панкратион.

Сторонником гипотезы о ногах являлся такой авторитетный ученый, как Х. Харрис⁷. А впоследствии она иногда формулировалась даже в довольно безапелляционном тоне, как твердо установленный факт. Так, Л. Кристопулос пишет: «Kicking was also usual in Greek "boxing", as many vase paintings and texts show, such as those of Philostratus, which describe the kicking of the shins, and Oreibasius, which describe kicking an invisible adversary»⁸. Автор просто приводит ссылки, не считая нужными дальнейшие аргументы. Почему тексты Филострата и Орибасия во множественном числе, и где можно увидеть «много» таких изображений на вазах – остается неизвестным.

Насколько мне удалось установить, полный список свидетельств, приводимых в пользу гипотезы о ногах, таков⁹:

1. Изображения. В работах Ютнера указывается на одно изображение на римском саркофаге (из Villa Carpegna в Риме) и на четыре изображения на вазах. Сначала он указывал и еще одну вазу (Würzburg 252B), но впоследствии отказался от этого.

2. «О гимнастике» Филострата (две фразы: Gym. 11 и 34). Цитируется Ютнером и Харрисом.

3. Герод (Herod. 1. 54–55). Цитируется Харрисом.

4. «Анахарсис» Лукиана (две фразы: Luc. Anach. 3, 4). Первая фраза цитируется Ютнером и Харрисом, вторая упоминается, например, Кристопулосом.

5. «Медицинский сборник» Орибасия (Oreibasius 6. 29). Может указываться как фрагмент Антилла, которого Орибасий там цитирует. Цитируется Харрисом.

6. «Письма к Луцилию» Сенеки (Sen. Ep. 80. 3). Приводится Ютнером, хотя и под сомнением («ist auch Pankration denkbar»).

7. «Приготовление к Евангелию» Евсевия Кесарийского (Eus. Praep. Evang. 5. 34). Может указываться как фрагмент философа Эномая, которого Евсевий цитирует *in extenso*. Цитируется Ютнером и Харрисом.

Внушительная длина списка – лишь иллюзия. При проверке оказывается, что хоть сколько-нибудь серьезного внимания заслуживает только Филострат, Евсевий и одно из изображений, а все остальные отводятся из практически элементарных соображений.

⁴ Robinson 1955.

⁵ König 2014.

⁶ Patrucco 1972, 248.

⁷ Harris 1964, 97–98 и 206. Harris 1972, 24.

⁸ Christopoulos 2013, 447.

⁹ Этот же список приводится в статье Н. Кроутера (Crowther 1990), где даны ссылки для идентификации всех изображений и содержится критический разбор свидетельств, с которым, естественно, моя работа имеет некоторые общие места.

2. АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ГИПОТЕЗЫ О НОГАХ, АРГУМЕНТ EX SILENTIO

Прежде чем перейти к рассмотрению материала, необходимо заметить, что, даже если принять точку зрения, что все указанные источники действительно подтверждают гипотезу о ногах, их все равно очень мало. При этом для ударов руками существует большое число и изображений, и упоминаний в письменных источниках, начиная с Гомера (Hom. II. 23. 687ff) и кончая самыми поздними. Ключевой момент заключается в том, что античность молчит об ударах ногами в кулачном бое, и вся разница в позициях исследователей сводится лишь к тому, молчит ли она *совершенно* или *почти что*. Далее стоит отметить очевидное: само название *кулачный бой*. Все-таки оно происходит от *кулака* (πυγμή). Таким образом, само малое количество свидетельств (даже если признать их таковыми) не позволяет надеяться на то, что удары ногами были частой практикой. Все, на что можно было бы рассчитывать, – это что они применялись изредка. Дж. Кениг, очевидно, сознавал это, когда написал: «It does seem to be the case that kicking was allowed in ancient boxing, but its infrequent attestation suggests that it was viewed as a relatively marginal feature»¹⁰. К сожалению, эта его мысль находится в противоречии с текстом, который она призвана комментировать: как мы скоро увидим, из текста ясно, что то, о чем говорит Филострат (т.е. то, что Кениг предлагает считать ударами ног), это никак не «relatively marginal feature». Замечание Кенига – попытка совместить несовместимое.

Это нужно иметь в виду при анализе письменных источников. Если интерпретация источника претендует лишь на то, что удары ногами изредка применялись, то это еще ничему не противоречит. Но если, согласно интерпретации, удары ногами были регулярной практикой, то сразу же возникает вопрос: а почему же в таком случае они почти отсутствуют в изображениях и в письменных источниках? Это соображение мы будем для краткости обозначать как «аргумент ex silentio». Забегая вперед, скажем, что все указанные письменные свидетельства, кроме одного (Орибасий), попадают именно в эту категорию: если принять точку зрения сторонников гипотезы, то неизбежно получается, что эти редкие источники говорят нам о большой распространенности ударов ногами. Таким образом, они проблематичны уже благодаря аргументу ex silentio.

Х. Харрис полагал, что «the only argument against the assumption is that in the descriptions of boxing matches in the epics, kicking is never mentioned»¹¹. Это не так. Во-первых, упоминаний об ударах ногами нет (или, если условно принять точку зрения Харриса, почти нет) не только в эпосе. Во-вторых, главная проблема в другом: в чрезвычайной слабости доказательств гипотезы. Тем не менее зададим такой вопрос: существуют ли античные свидетельства, которые бы указывали, что удары ногами *не* применялись? Одно свидетельство есть. В 22-й идиллии эллинистического поэта Феокрита описывается знаменитейший кулачный бой греческой мифологии: поединок Амика с Полидевком в мифе об аргонавтах. Вообще это одно из самых длинных описаний кулачного боя в греческой литературе. Перед поединком происходит диалог, в котором Амик предлагает Полидевку драться, а Полидевк уточняет:

¹⁰ König 2014, 418.

¹¹ Harris 1964, 97.

πυγμάχος ἢ καὶ ποσσὶ θένων σκέλος... (Theocr. Idyll. 22. 66) – *Только в кулачном бою? Или также ногами о бедра?* (пер. М.Е. Грабарь-Пассек).

3. РАЗБОР ПРЕДЛАГАВШИХСЯ СВИДЕТЕЛЬСТВ В ПОЛЬЗУ ГИПОТЕЗЫ

3.1. Изображения

Килик Munich 279. Shröder 1927, Tafel 89.

Амфора Athens 1689. Ниже она же, с другого ракурса. Raubitschek 1949, 363.

Изображение на саркофаге. Shröder 1927, 147.

Два из четырех изображений на вазах отводятся элементарным образом, потому что они не показывают кулачный бой: атлеты на них не имеют кулачных ремней, то есть это панкратион. Кулачные ремни – очень простой способ идентификации кулачного боя. Если их нет, то это точно не кулачный бой, а если они есть, то это практически точно он. Это и понятно: хотя ремни позволяли бойцу разжать кулак, они все-таки мешали бы применять те приемы, которые роднили панкратион с борьбой. Тем не менее существует мнение, что иногда ремни (может быть, не идентичные ремням из кулачного боя) все-таки применялись и в панкратионе. Мы упоминаем это для полноты картины и не станем углубляться в полемику, тем более что если это верно, то это может лишь повредить гипотезе о ногах.

Остаются три изображения, приведенные выше: римский саркофаг, краснофигурный килик (Munich 279) и небольшая краснофигурная панафинейская амфора (Athens 1689). Во всех трех показан не собственно бой, а момент уже после его окончания (в случае амфоры, возможно, самый последний момент боя), что открывает возможность предположить, что помещение ноги на противника – это никакой не удар, а часть торжествующей позы победителя. На саркофаге это совершенно несомненно так. Кроме того, саркофаг отводится и по элементарной причине: вместо ремней бойцы имеют особые рукавицы, то есть это просто другой вид спорта, не традиционный греческий кулачный бой.

На килике окончание боя тоже вполне ясно: победитель не показан наносящим удары, а главное, судья простирает свою розгу над атлетами или даже бьет ею победителя. Это может означать, что он останавливает поединок то ли потому, что он завершен, то ли заметив нарушение правил¹². Это создает еще и такую интерпретацию: пусть мы видим удар ногой, но не является ли он тем самым нарушением правил, которое заметил судья?

И наконец, на амфоре окончание боя обозначено и тем, что побежденный атлет поднимает один палец (это хорошо видно на фотографии, сделанной под более высоким углом), то есть уже сдается, хотя победитель еще наносит удар рукой.

Н. Кроутер высказал мысль¹³, что, глядя на килик и амфору, даже нельзя быть уверенным, что нога победителя находится на бедре, а не перед бедром побежденного. Действительно, это еще одна возможная интерпретация. Но мне кажется, что важнее общее замечание: древнегреческую вазопись не следует воспринимать как документальное свидетельство. Это искусство со своими условностями. Возможно, что постановка ступни на ногу поверженного противника (сравним с саркофагом) – не более чем художественный прием для отображения победы¹⁴. Недаром на всех трех изображениях показан именно момент победы (пусть даже незаконной). Поэтому, думается, бессмысленно обсуждать, мог или не мог, скажем, атлет-победитель на амфоре одновременно бить правой ногой и правой рукой. Художник вполне мог «поставить» его ногу на бедро противника в ущерб реализму.

Изобразительное искусство не всегда реалистично, и, в частности, греческая вазопись не всегда реалистично отражала атлетику. Приведем один яркий пример, на который почему-то редко обращают внимание. Когда человек бежит (или даже идет), его ноги и руки обязательно движутся в противоположных фазах: если правая нога впереди, то правая рука позади и т.д. Атлетический бег, в котором руки и ноги движутся в одной фазе, был и остается совершенно невозможным. Тем не менее большое количество греческих ваз демонстрируют бегунов именно в таком положении¹⁵.

¹² За нарушение правил на состязаниях судьи били атлета розгой (ράβδος), которая является непременным атрибутом судьи на изображениях. Это один из интересных моментов в греческой атлетике: участвуя в состязаниях, свободный грек добровольно соглашался на возможность унижительной публичной экзекуции – вещь немыслимая в прочих сферах его жизни.

¹³ Crowther 1990, 117.

¹⁴ Можно даже допустить, что такой победный жест действительно делался древнегреческими атлетами. Так это или нет, для нас несущественно. Это не удар ногой во время поединка.

¹⁵ Почему это делалось? Возможно, чтобы лучше показать обнаженное тело бегуна фронтально.

Таким образом, никаких твердых свидетельств в пользу гипотезы о ногах среди изображений нет. В лучшем случае имеется всего одно изображение, где возможно увидеть удар ногой во время боя (на амфоре), но и для него это всего лишь одна из нескольких возможных интерпретаций.

3.2. Письменные источники

Вышеуказанные письменные источники можно сгруппировать по тому, что именно в них главным образом не выдерживает проверки: одни источники не говорят об ударах ногами (Филострат и Герод), а другие не говорят о кулачном бое (Лукиан, Орибасий и Сенека). Единственный источник, где речь действительно идет о кулачном бое и об ударах ногами, – это фраза из Евсевия.

3.2.1. «О гимнастике» Филострата

В этом тексте, датируемом III в. н.э., содержатся следующие два пассажа:

ὁ μὲν γὰρ πύκτης, ἐπειδὴν ὁ τοῦ σταδίου καιρὸς ἦκη, τρωθήσεται καὶ τρώσει как προσθήσεται ταῖς κνήμας... (Gym. 11)

παχυκνήμους δὲ οὐδ' ἄλλου <μὲν> οὐδενὸς τῶν ἐν ἀγωνίᾳ ἀξιῶ, πυγμῆς δὲ ἥκιστα· καὶ γὰρ δὴ καὶ προσβῆναι ταῖς τῶν ἀντιπάλων κνήμας ἀργοὶ καὶ εὐάλωτοι τῷ προσβάντι. (Gym. 34)

Глагол προσβαίνω означает «подступать или подходить к чему-либо». Условившись так, эти два пассажа могут быть переведены максимально близко к оригиналу и без каких-либо претензий на стиль следующим образом:

«ибо кулачный боец, когда бы ни наступило время для стадия, будет получать раны, и наносить раны, и подступать голенью...» (Gym. 11)

«а тех, у кого толстые голени, я не считаю годными ни для каких состязаний, в особенности же для кулачного боя; ведь они и слишком медлительны, чтобы подступить к голням противника, и сами уязвимы против подступившего противника» (Gym. 34)

Никакой трудности для понимания нет. Достаточно бросить взгляд на современный бокс. В нем огромное значение придается работе ногами (калька с английского footwork). Боксер как бы постоянно «танцует», обычно на кончиках носков, готовый в любой момент подскочить близко к противнику, чтобы нанести удар на короткой дистанции¹⁶. При том что удары ногами запрещены, от качества и скорости работы ногами зависит очень многое, это первостепенный навык. Было бы поистине удивительно, если бы техника древнегреческого кулачного боя в этом аспекте сильно отличалась от современной, тем более что подобная работа ног присутствует не только в боксе, но и во многих других боевых видах спорта, зародившихся в самых разных местах на земле. Имеются и прямые свидетельства для древнегреческого кулачного боя, ср.: Орибасий (Oreibasius 6. 29): ...καὶ μάλιστα τοῖς μισομένοισι τοὺς πύκτας ἐπ' ἄκρων τῶν ποδῶν («...и особенно тем, кто подражает кулачным бойцам на кончиках носков»); поэма Квинта Смирнского

¹⁶ Разумеется, это лишь очень общая картина, существуют и особые приемы работы ног. Приносим благодарность Т.И. Брелидзе за его консультацию в этих вопросах бокса.

«Падение Трои», описание кулачного боя Акаманта и Эпея (Q.S. 4. 346–347): ... ἔλ' ἀκροτάτοις δὲ πόδεσσι βαίνοντες κατὰ βοῖδ' ἄε γόνυ γούνοδ' ἄμειβον... («...долго ступая на кончиках носков, все время переставляя колени...»).

Вот об этом footwork'e и написаны две фразы Филострата. На наш взгляд, такая (фактически буквальная) интерпретация полностью их объясняет, и никакого повода искать другой интерпретации просто нет. Так каким же образом можно увидеть у Филострата свидетельство ударов ногами? Достигается это тем, что глагол προσβαίνω понимается как «пинать», в результате чего можно вместо «подступать к голени» получить «пинать по голени»¹⁷. Но προσβαίνω – совершенно прозрачный и довольно употребительный греческий глагол, никаких специфических значений типа «пинать» у него нигде больше не отмечается. Даже если принять такое чтение, это создает некоторые дальнейшие странности. Так, в Gym. 11 дополнение ταῖς κυήμασι можно понять только как инструментальное употребление дательного падежа (артиклъ значит, что это голени самого бойца, а не противника), и таким образом мы, кажется, узнаем, что пинали не только «по голени» (а кстати, почему только по ним?¹⁸), но и «голенями», что невероятно. Теоретически выход может быть таков: сказать, что это был технический термин, ведь термины для несведущего человека могут звучать сколь угодно странно. Но дело в том, что весь текст Филострата написан вполне понятным греческим языком. В нескольких местах, когда он приводит хоть сколько-нибудь странный специальный термин, он разъясняет его. Например, упомянув атлетов, которые «в малом большие» (Gym. 36), он не полагается на эрудицию читателя, а немедленно вполне понятным языком объясняет, что это значит. Повторимся, впрочем, что вся аргументация этого параграфа носит лишь факультативный характер: главное, что обычное понимание этого προσβαίνω дает совершенно удовлетворительный смысл, никаких дальнейших ухищрений просто не нужно.

Отметим и связь с аргументом ex silentio. Фразы Филострата ясно показывают, что προσβαίνειν κυήμασι играло важную роль. В первой фразе это поставлено в ряд тяжелых особенностей спорта, а во второй подчеркивается исключительная важность этого навыка. И то, и другое прекрасно согласуется с работой ног в современном боксе, но, как объяснялось, представляет фундаментальную проблему для гипотезы о ногах.

3.2.2. «Сводница» Герода

Это самое озадачивающее свидетельство. Герод был мимиямбическим поэтом эллинистического периода (III в до н.э.). В первом мимиямбе, известном как

¹⁷ Дарамбер перевел эти две фразы разное (что показывает, что он здесь не заметил технического термина). В Gym. 11, «le pugile... aborde son adversaire avec les jambes», что не противоречит нашей интерпретации. Зато в Gym. 34 «avec de telles jambes, on est lent à grimper sur celles de son adversaire...», то есть нечто вроде «наступать (влезать?) своими голени на голени противника». Не беремся судить, что это значит в точности, но так или иначе, если это и не пинки, то какое-то контактное взаимодействие. Возможно, что, как и Ютнер впоследствии, Дарамбер имел в виду, что атлет как бы толкает противника голени. Представить себе такое в реальном бою трудно.

¹⁸ Знаменитая бронзовая скульптура сидящего кулачного бойца в Museo Nazionale Romano показывает большое количество ран на голове, а на ногах и вообще на теле ран нет. Это идет в согласии с изображениями и с письменными источниками, по которым излюбленной тактикой кулачного боя были именно удары в голову.

«Посредница» или «Сводница», главный персонаж, то есть сводница, расхваливает женщине кулачного бойца Грилла, начав с его блестящей спортивной карьеры:

ὁ πέντε νικέων ἄθλα, παῖς μὲν ἐν Πυθοῖ,
 δις δ' ἐν Κορίνθῳ τοὺς Ἰουλον ἀνθεῦντας,
 ἄνδρας δὲ Πίσῃ δις καθεῖλε πυκτεύσας,
 πλουτέων τὸ <καλόν>, οὐδὲ κάρφος ἐκ θῆς γῆς
 κινέων... (Herod. 1. 51–55).

«он завоеватель пяти наград, мальчиком на пифийских играх,
 дважды в Коринфе, против цветущих юношеским пушком,
 и дважды в Писе, против мужей сразившись на кулаках,
 он богат, не поднимает (шевелит) даже былинку с земли...».

Последнюю фразу Харрис и предлагает в качестве свидетельства, комментируя ее так: «It is not clear whether this means that he did not kick, or that he did not find it necessary to use the normal footwork of a boxer»¹⁹. С этим можно ограниченно согласиться: *даже если бы* фраза указывала на некие действия ногами в кулачном бое, то, действительно, все равно было бы неясно, почему это удары ногами, а не footwork. Но как здесь можно вообще увидеть указание на использование ног – совершенно непонятно. По упоминанию богатства (да и по переходу на настоящее время) ясно, что часть рассказа, касавшаяся кулачного боя, уже закончена, речь идет о нынешних качествах Грилла. Да и зачем бы сводница стала сообщать женщине, применял Грилл удары ногами в своих боях или не применял?

Совершенно ясно, что «не шевелить даже былинку» – это идиоматическое выражение. Оно встречается еще, по крайней мере, у Герода в третьем мимиямбе «Учитель» (Herod. 3. 67) и у Аристофана в «Лисистрате» (Lys. 474), причем сопоставление позволяет определить его примерный смысл: «вести себя тихо, скромно» (так сказать, не поднимать вокруг себя шума)²⁰.

Аргумент *ex silentio* также применим: ведь если бы это было указание на удары ногами, то пафос текста означал бы, что вообще они играли важную роль.

3.2.3. «Анахарсис» Лукиана

Из этого текста II в. н.э. приводятся две фразы, расположенные близко друг к другу.

οἱ δὲ ὀρθοστάδην κεκονιμένοι καὶ αὐτοὶ παίουσιν ἀλλήλους προσπεσόντες καὶ λακτίζουσιν. (Anach. 3).

«А эти, покрытые пылью и стоящие прямо, наскочив, бьют друг друга и пинают».

ἄλλοι δὲ ἀλλαχόθι πάντες ἐγκονοῦσι καὶ ἀναπηδῶσιν ὥσπερ θεόντες ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ μένοντες καὶ εἰς τὸ ἄνω συναλλόμενοι λακτίζουσιν τὸν ἄερα. (Anach. 4).

«Другие же, в прочих местах, целиком покрыты пылью, прыгают, как будто бегут на месте, и, подсакивая, пинают воздух».

¹⁹ Harris 1964, 206.

²⁰ Отметим неточность, проскользнувшую в статье κάρφος в фундаментальном древнегреческо-английском словаре Liddell–Scott–Jones. Там для этого выражения даны ссылки на Аристофана и на третий, но не на первый мимиямб Герода. Словарь, признавая выражение идиоматическим, дает значение «not stirring an inch», что не то же самое. Кажется, это именно следствие неучтенного первого мимиямба.

В первой фразе описывается бой между двумя противниками, но откуда следует, что это кулачный бой, а не панкратион? Харрис приводит соображение²¹, что на это указывает наречие ὀρθοστάδην («стоя прямо»), так как это нечто собственное кулачному бою, но не панкратиону. Что это не так, показывает Филострат. В панкратионе была «прямостоящая» разновидность и «нижняя»: πάλη δὲ καὶ παγκράτιον ὀρθοί (Gym. 50), τοῦ παγκράτιου τὰ ὀρθὰ εἶδη (Gym. 57) и τὸ κάτω παγκράτιον (Gym. 35). Более того, как заметил Кроутер, немного ниже в том же сочинении (Anach. 8) Лукиан уже явно говорит о панкратионе и применяет то же слово ὀρθοστάδην.

Что касается второй фразы Лукиана, то описывается не бой, а индивидуальные упражнения атлетов, даже необязательно бойцов какого-либо типа. Если на основании этого заключать, что пинки применялись в кулачном бое, то отчего же не заключить, что в нем применялся и бег на месте.

Попутно отмечаем в связи с аргументом ex silentio: пинки описываются не как нечто редкое.

3.2.4. «Медицинский сборник» Орибасия

Время жизни Орибасия из Пергама – IV в. н.э. О нем известно, что он служил личным врачом императора Юлиана Отступника. Он составил огромную компиляцию работ предшествовавших ему врачей, частично сохранившуюся. Из нее в качестве свидетельства предлагается параграф «О скиомахии» (т.е. об упражнении «бой с тенью»), где он цитирует хирурга Антиллу. Как следует уже из заголовка, речь здесь идет не о кулачном бое, а всего лишь об индивидуальном упражнении. Там имеется такая фраза:

δεῖ δὲ μὴ μόνον ταῖς χερσὶ σκιομαχεῖν ἀλλὰ καὶ τοῖς σκέλεσι, ποτὲ μὲν ὥσπερ ἀλλομένους, ποτὲ δ' ὥσπερ λακτίζοντας. (Oreibasius 6.29)

«В бое с тенью следует использовать не только руки, но и ноги, иногда как бы подпрыгивая, а иногда как бы лягаясь».

Возникает каскад из трех вопросов. Во-первых, почему не может быть так, что некоторые телодвижения вводились потому, что считались полезными, а не потому, что это были практические приемы боя? Совершенно необязательно, что бой с тенью следовал тем же правилам и приемам, что и настоящий поединок с противником. Это же просто упражнение! Во-вторых, даже если согласиться с таким предположением, то почему бой с тенью непременно копировал кулачный бой, а не, скажем, все тот же панкратион? В-третьих, даже если согласиться, что скиомахия была подобием кулачного боя, то что это доказывает? Ведь в таком случае эту фразу можно понимать и в обратном смысле, как свидетельство (конечно, довольно слабое) *против* гипотезы о ногах. Будь удары ногами нормальной частью кулачного боя, специально оговаривать их было бы излишне.

3.2.5. «Письма к Луцилию» Сенеки

В одном из писем Сенеки говорится (Ep. 80.3):

Illud maxime revolve mecum: si corpus perducī exercitatione ad hanc patientiam potest, qua et pugnos pariter et calces non unius hominis ferat...

²¹ Harris 1964, 206,

«Об этом я и думаю больше всего: если упражнениями можно приучить тело к такой терпеливости, что она позволяет сносить и удары, и пинки многих людей...» (Пер. С.А. Ошерова)

Возражение то же, что в случае Лукиана, его указал и сам Ютнер: где здесь сказано, что речь о кулачном бое? Аргумент *ex silentio* тоже применим.

3.2.6. «Приготовление к Евангелию» Евсевия Кесарийского

Одна фраза из этого сочинения начала IV в. н.э., входящая в длинную цитату из Эномай из Гадары (философа II в. н.э.), такова:

Εἴθε ὦφελες τὰ μὲν τοιαῦτα πάντα ἀγνοεῖν, ἐκεῖνο δὲ εἰδέναι, ὅτι ἡ πυκτική τῆς λακτιστικής²² οὐδὲν διαφέρει, ἢν' ἡ καὶ τοὺς ὄνους ἀπληθάντους ἢ μηδὲ Κλεομήδην πύκτην Ἀστυλαλαίεα, λέγων οὕτως ... (Праер. Euang. 5.34)

«Хотелось бы, чтобы ты не был сведущ во всяких делах такого рода, а знал то, что кулачный бой ничем не отличается от лягания (лактисτική). Так что уж одно из двух: либо заодно даровать бессмертие и ослам, либо не даровать его кулачному бойцу Клеомеду из Астипалеи, говоря так: ...».

Далее цитируется прорицание дельфийского оракула о Клеомеде и связанная с ним история²³.

Из всего списка свидетельств, это – единственное, где, по крайней мере, речь идет и о кулачном бое, и о ногах. Вопрос в другом: следует ли воспринимать фразу как серьезное свидетельство лягания в кулачном бое? Ни в коем случае. Текст Евсевия – это апологетическое христианское произведение, цель которого убедить язычников принять христианство, и Эномай цитируется *in extenso*, потому что его критическая позиция прекрасно подходит для этой цели. В данной фразе Эномай обращается к Аполлону, упрекая его в том, что он (Аполлон посредством дельфийского оракула) прославляет атлетов, кулачных бойцов, и, в частности, Клеомеда объявляет героем. Эномаю это казалось нелепостью, а Евсевию – языческой нелепостью. Для гипотезы о ногах из такой риторики ровно ничего не следует. Ведь выражение «ничем не отличается» – это несомненное риторическое преувеличение, автор признавал, что на самом деле отличия имеются.

Даже если все-таки рассматривать фразу Евсевия как релевантную, однозначного ответа она все равно не дает. Приведем несколько возможных интерпретаций (не настаивая ни на одной из них), в которых фраза не подтверждает гипотезу о ногах: 1) слово лакτιστική было использовано просто из-за его презрительного оттенка, без каких-либо глубоких аналогий; 2) его выбор был продиктован второй частью фразы: Эномай пожелал сравнить Клеомеда с драчливым ослом, а уже это привело на ум лакτιστική; 3) лакτιστική здесь лучше переводить не как «лягание» (подразумевая людей), а как «лягание ослов». Таким образом, кулачный боец сравнивается с ослом просто из-за силы ударов и глупости, ну а уж после этого дерущиеся ослы, у которых и рук-то нет, естественным образом описываются словом лакτιστική.

²² Или лакτικήс.

²³ История с загадочным исчезновением Клеомеда (участника олимпийских игр 492 г. до н.э.) и дельфийским прорицанием изложена также Павсанием (Paus. 6. 9. 3) и Плутархом (Romulus 28). Очевидно, своей знаменитостью эта история обязана эволюции понятия «герой». Старое значение этого слова не содержало нравственной коннотации, но оно постепенно отживало. Все больше подразумевалось, что герой и злодейство несовместимы. А с такой точки зрения героизация Клеомеда, совершившего массовое убийство детей в школе, была особенно вопиющим случаем.

Стоит ли после этого указывать еще и на то, что Эномай и Евсевий – поздние авторы и не специалисты, так что от них нельзя ожидать точных знаний о греческом кулачном бое: даже если они в своей жизни и посещали какие-то бои, это мог быть уже совсем другого рода спорт (вспомним бойцов на римском саркофаге).

Как всегда отметим, что и здесь применим аргумент *ex silentio*: если бы мы приняли, что описание кулачного боя как *λακτιστική* адекватно отражало действительность, это означало бы, что удары ногами применялись широко, а не изредка.

Выше было показано, что гипотеза о ногах не имеет под собой ни одного серьезного основания. Она должна быть решительно отвергнута. Удары ногами не использовались в древнегреческом кулачном бое.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Christopoulos, L. 2013: Greek combat sports and their transmission to central and East Asia. *Classical world* 106.3, 431–459.
- Crowther, N.B. 1990: The evidence for kicking in Greek boxing. *American Journal of Philology* 111(2), 176–181.
- Daremberg, Ch. 1858: *Le Traité de Philostrate sur la gymnastique*. Paris.
- Harris H.A. 1964: *Greek Athletes and Athletics*. London.
- Harris H.A. 1972: *Sport in Greece and Rome*. London.
- Jüthner, J. 1909: *Philostratos über Gymnastik*. Leipzig.
- Jüthner, J., Mehl E. 1962: *Pygme (pugilatus)*. (Paulys Realencyclopädie, Supp. 9). Vienna, 1306–1352.
- König J. 2014: *Gymnasticus* (Loeb Classical Library 521). Cambridge.
- Mynas M. 1858: *Philostrate sur la gymnastique*. Paris.
- Patrucco R. 1972: *Lo sport nella Grecia antica*. Florence.
- Raubitschek A.E. 1949: *Dedications from the Athenian Akropolis*. Cambridge.
- Robinson R.S. 1955: *Sources for the History of Greek Athletics*. Cincinnati.
- Shröder B. 1927: *Der Sport im Altertum*. Berlin.

ON THE CONJECTURE ABOUT KICKING IN ANCIENT GREEK BOXING

Iliia P. Rushkin

Cambridge, Massachusetts, USA

E-mail: iliarushkin@gmail.com

Abstract. Several authors have put forward a conjecture that kicking was a part of Ancient Greek boxing. I will attempt to demonstrate that this conjecture has no basis in the sources.

Keywords: Ancient Greek athletics, Ancient Greek sport, Ancient Greek boxing, pankration

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 208–219
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 208–219
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-208–219

ГРЕЧЕСКИЕ ИГРЫ В МАЛОЙ АЗИИ ВО II–III вв. н.э.

А.Д. Пантелеев¹, М.В. Поникаровская²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

¹ E-mail: a.panteleev@spbu.ru

² E-mail: poni-marina@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0003-3333-7980

² ORCID: 0000-0002-1322-077X

Аннотация. В статье на основании данных литературной традиции, эпиграфики и археологии рассматриваются греческие атлетические и артистические состязания в эпоху Римской империи (I–III вв.). Игры в эллинистический и римский периоды демонстрируют как преемственность с предшествующим временем, так и новшества. Важнейшую роль сохранили Олимпийские, Истмийские, Немейские и Дельфийские игры, а кроме того, реформировались старинные местные агоны, ранее предназначенные только для жителей определенного города или области, и учреждались новые. Они сформировали единую систему состязаний, обладавших разным уровнем престижа: высшую категорию образовывали панэллинские «священные игры с венками», менее значимыми считались «игры с призами». Начиная с эпохи эллинизма большое значение в проведении этих праздников имели профессиональные объединения техников Диониса (актеров, музыкантов, поэтов и всех, кто был связан с миром театра) и атлетов Геракла (спортсменов). Греческие праздники были центральным элементом в жизни городов и в межполисных отношениях. При помощи игр поддерживалась и сохранялась эллинская идентичность, они демонстрировали власть и богатство местных аристократов, часто выступавших организаторами этих состязаний. Влияние агонов чувствуется во всех сферах жизни полиса: в политике, архитектуре, памятных надписях и статуях, в общем ритме жизни. Эти игры были связаны с императорским культом, таким образом доказывая лояльность местного населения Риму. В статье рассматриваются как общегреческие Олимпийские, так и местные игры, прежде всего, Демосфении, учрежденные по желанию Гая Юлия Демосфена, притана и секретаря городского совета ликийской Энноанды в 124 г. н.э. (SEG XXVIII, 1462).

Ключевые слова: Римская империя, эллинизм, зрелища, игры, агоны, Малая Азия, культ императора, атлеты, актеры

Данные об авторах: Алексей Дмитриевич Пантелеев – кандидат исторических наук, доцент СПбГУ; Марина Владимировна Поникаровская – кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–09–00455 «Античные основы современной зрелищной культуры: визуализация и перформанс в религии и политике».

1. ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ИГРАХ В РИМСКУЮ ЭПОХУ

В эпоху Империи атлетические и мусические состязания сохраняли важное значение для эллинской идентичности жителей восточных провинций. Мир греческих агонов в эллинистическое и римское время демонстрирует как преемственность с прошлым, так и многочисленные новшества. Сохранялось значение Олимпийских, Истмийских, Немейских и Дельфийских игр, называвшихся «священными играми с венками» (ἱεροὶ καὶ στεφανῖται ἀγῶνες); в римское время они составили ядро престижных состязаний «с почетным въездом (победителя в город)» (εἰσελαστικοί). Эти игры были открыты только для эллинов, но их эксклюзивность постепенно размывалась. Известные надписи в честь олимпийцев демонстрируют изменение границ греческого мира: в эпоху эллинизма большинство победителей были родом из Пелопоннеса, но с конца I в. до н.э. их доля сокращается в пользу атлетов из Малой Азии, Египта и Северной Африки; выходцев из Рима и Великой Греции совсем немного (не считая краткого пика в эпоху ранней империи, во многом обеспеченного 6-ю победами Нерона)¹. Это свидетельствует, с одной стороны, о популярности атлетики в Египте и Малой Азии и финансовых возможностях этих регионов, позволявших готовить первоклассных спортсменов, а с другой, о том, что в западной части империи большей любовью пользовались римские игры.

Круг игр не ограничивался четырьмя общегреческими праздниками: реформировались старинные местные агоны, ранее предназначавшиеся только для жителей определенного города или области, и учреждались новые состязания, открытые для артистов, атлетов и зрителей со всех концов греческого мира. Некоторые из этих праздников объявлялись в подражание панэллинским «священными играми с венками», что считалось почетнее, остальные – так называемыми «играми с призами» (θέρμίδες, ἀγῶνες θεματικοί). Традиционно эти два вида агонов противопоставляются², но на деле между ними не было особой разницы: в их программу входили одни и те же виды состязаний, в которых соревновались одни и те же участники, и они проходили по одним и тем правилам; со временем денежные призы начали вручать и на «священных» играх, а венок был символом победы на всех агонах. Эти игры сформировали единую систему праздников, которая сохранилась и в римское время; она не была строго формализована, но все понимали престиж тех или иных состязаний, и для удобства участников и зрителей они были разнесены по времени. Большое значение в проведении этих игр имели профессиональные объединения техников Диониса – актеров, музыкантов, поэтов и всех, кто был связан с миром театра, и атлетов Геракла – спортсменов³.

Александр Великий использовал игры в политических целях: он делал подарки афинянам во время Панафиней, подчеркивая лидерство македонян среди греков, а в завоеванных областях учреждал новые игры в честь своих побед или

¹ Moretti 1957; Ebert 1997; Scanlon 2002, 40–63; Гвоздева 2013, 59–60. В последующее время в Олимпийских играх будут участвовать выходцы из самых дальних уголков мира, например, в кулачном бою – будущий армянский царь Вараздат (369 г. н.э.; о нем сообщает Мовсес Хоренаци (III, 40)).

² Pleket 1975; Spawforth 1989.

³ Le Guen 2001; Aneziri 2002; Пантелеев, Поникаровская 2021.

в память о погибших товарищах⁴. Диadoхи и эпигоны продолжали и развивали эту практику. Вскоре игры начали играть важную роль в культах эллинистических царей, а позже римских императоров; города, учреждая в честь правителей новые состязания или перепосвящая старые, стремились продемонстрировать лояльность и добиться высокого статуса для своих праздников, что придавало дополнительный блеск полису. На рубеже эр города на Востоке лишились части автономии и амбиции местной знати были перенаправлены римлянами в русло благотворительности – прежде всего, на строительство общественных зданий, а позже к этому добавилась организация игр и праздников. Император мог по собственной инициативе даровать право проведения священных игр, что, как правило, сопровождалось более или менее значительной субсидией, но от местной знати требовались усилия по организации и проведению этих состязаний⁵. Со времени Северов праздники оттесняют возведение новых зданий на второй план, что может быть объяснено несколькими причинами. Прежде всего, это отсутствие необходимости в новых сооружениях после строительного бума II в. Во-вторых, праздники и игры, очевидно, требовали меньших расходов, и траты на них можно было каждый раз корректировать. Наконец, в середине III в. с началом набегов Сасанидов города начали разбирать ранее построенные здания для укрепления крепостных стен, но даже в это время внешних угроз и общей нестабильности важность игр не ставилась под сомнение.

Эти праздники, продолжаясь всего несколько дней, влияли на всю жизнь полиса: на политику, архитектуру, памятные надписи и статуи, общий ритм жизни. Политический аспект состоял в приглашении или недопуске участников, зрителей и судей-наблюдателей (θεωροί) из других государств и городов. В честь игр и их участников выпускались особые серии монет⁶. Для проведения состязаний строились театры, одеоны, стадионы, гимнасии, другие сооружения; конечно, было необходимо позаботиться о размещении и питании гостей. Под эти праздники адаптировался религиозный календарь. Наконец, в честь победителей, организаторов и благотворителей устанавливались статуи и надписи, одним своим видом напоминавшие об агонах.

2. РИМ, ЭЛЛИНИЗМ И ГРЕЧЕСКИЕ ИГРЫ В МАЛОЙ АЗИИ ВО II–III ВВ.

Для того чтобы проследить изменения, произошедшие в мире греческих игр с приходом римлян, рассмотрим несколько праздников, учрежденных во II в. н.э. в восточной части империи. Они проводились за счет средств местных аристократов, для которых это было такой же формой благотворительности, как строительство общественных зданий или обеспечение горожан продовольствием в случае необходимости. О первом из них известно из надписи длиной в 117 строк из Эноанды, расположенной в северной Ликии (SEG XXVIII, 1462). Она была обнаружена в 1967 г., но вскоре ее разбили, и в настоящее время в музее г. Фетхие (юго-запад Турции) хранятся лишь ее фрагменты⁷. В ней сообщается о решении Гая Юлия

⁴ Гвоздева, Никишин 2021; Valavanis 2021, 118–119.

⁵ Mitchell 1990, 191.

⁶ Lorber, Hoover 2003, 59–68; Psoma 2009, 230–248; Mitchell 1990, 190–191.

⁷ Wörle 1988; Mitchell 1990.

Демосфена⁸, притана и секретаря эноандского городского совета, совершавшего и другие акты благотворительности в пользу родного города, основать новые состязания, названные им в свою честь Демосфениями. Надпись можно разделить на пять частей: письмо Адриана от 24 августа 124 г., одоблившее создание Демосфений, обещание самого Демосфена основать новое театральное празднество⁹ и его детальное описание, предложения совета о процедуре проведения игр, решение совета и народного собрания Эноанды, подпись наместника. Надпись содержит много деталей, важных для ликийской просопографии и понимания экономической и социальной жизни провинции, но для нас сейчас наиболее интересно описание этих игр: «В день Августа в месяце Артемисии [1 июля] состязания трубачей и герольдов, победители в котором получают приз в 50 денариев; затем, после заседаний совета и собрания 5 числа; состязания сочинителей энкомиев в прозе, победители в котором получают приз в 75 денариев, 6 число будет свободным из-за рынка, который тогда проводится; 7 числа состязания поэтов, победители в котором получают приз в 75 денариев; 8 и 9 числа состязания флейтистов с хором (ἄγων χοραύλων)¹⁰, где первый победитель получит приз в 125 денариев, а второй – 75; 10 и 11 числа состязания комедиографов (κωμῳδῶν), где первый победитель получит приз в 200 денариев, а второй – 100; 12 числа жертвоприношение праотцу Аполлону, 13 и 14 числа состязания трагиков (τραγῳδῶν), где первый победитель получит приз в 250 денариев, а второй – 125; 15 числа второе жертвоприношение праотцу Аполлону; 16 и 17 числа состязания кифаредов, где первый победитель получит приз в 300 денариев, а второй – 150; 18 числа всеобщее состязание (διὰ πάντων)¹¹, где первый победитель получит приз в 150 денариев, второй – 100, а третий – 50, и 25 денариев тому, кто предоставит декорации (σκηνοπαρόχῳ); 19, 20 и 21 числа выступления нанятых артистов, среди которых мимы (μῆμοι), исполнения (ἄκροάματα) и представления (θεάματα)¹², за которые призов не установлено, и другие нанятые исполнители по усмотрению города, которым следует заплатить 600 денариев; 22 числа гимнастические состязания для горожан, на которые следует потратить 150 денариев» (SEG XXVIII, 1462, 36–46).

Проект Демосфена содержит исключительно греческие элементы: мы можем найти в других полисах параллели для всех этих состязаний, для порядка их проведения и относительной ценности наград. Он не стремился к оригинальности, а наоборот, следовал традиции и уже существующим образцам. Помимо Демосфений, известно пять других игр в Эноанде, по преимуществу атлетических, и на них были представлены также традиционные эллинские виды спорта¹³. Горожане

⁸ Подробнее о нем см.: Wörrle 1988, 55–69.

⁹ Демосфен говорит о πανήγυρις θυμελική (οἱ θυμελικοί – участники хора и музыканты, в отличие от οἱ σκηνικοί), но педантичными секретарями Адриана игры были названы ἄγων μουσικός.

¹⁰ М. Бёрле переводит χοραύλης как Oboisten mit Chor (Wörrle 1988, 9), С. Митчел – the shawm with a chorus (Mitchell 1990, 184); для выступления с хором использовалась не обычная флейта, а что-то вроде современного гобоя или средневековых зурны или шалмея.

¹¹ Агон διὰ πάντων проводился после окончания всех состязаний. Каждый из победителей во всех возрастных категориях выступал с коротким номером, и судьи выбирали самого лучшего. Награда за этот дополнительный конкурс была сравнительно небольшой, но он считался престижным (Jory 1967, 84–90).

¹² Ακροάματα – досл. «то, что воспринимается ушами»: пение, музыка и т.п., θεάματα – «то, что воспринимается глазами»: танцы, пантомима и т.п.

¹³ Van Nijf 1999, 183–184.

предстают перед нами наследниками и хранителями греческой классической культуры в восточной части империи, однако ситуация была далеко не так очевидна. Дело в том, что Эноанда возникает в III в. до н.э. как колония Термесса. Ликийцы, на чьей земле она находилась, никогда не были полностью эллинизированы, они были включены в орбиту греческого мира Александром Великим, но составляли надписи на своем языке и сохраняли местный погребальный обряд вплоть до римского времени. Только в начале новой эры их города архитектурой и системой внутреннего управления стали походить на греческие полисы¹⁴. Те состязания, которые нам могут показаться древней традицией, на деле были новацией, искусственной конструкцией, призванной подчеркнуть эллинскую идентичность не всех жителей Эноанды, а скорее, их организаторов.

Сложно оценить популярность Демосфений, но любопытно, что эноандские надписи не упоминают о гражданах-победителях в этих играх, как, впрочем, и в мусических состязаниях на других местных праздниках. Ван Нейф замечает, что единственное, что можно указать в связи с этой сферой занятий, – несколько надписей в честь детей, которые подавали большие надежды в сочинительстве, однако умерли прежде, чем успели что-то выиграть (SEG XLIV, 1191; 1198). Но в самом ли деле они свидетельствуют о необыкновенных вундеркиндах? Или они демонстрируют любовь к ним родителей и завышенное самомнение местной элиты¹⁵? Эта ситуация не уникальна, в соседней Бальбуре с праздником Мелеагрий, устроенных по образцу Демосфений, дело обстояло так же¹⁶. И здесь, и там местные жители одерживали победы в атлетических соревнованиях, в основном, в борьбе. В середине III в. один из потомков Демосфена уступил неизбежному, введя в программу состязаний атлетические агоны, в которых могли принять участие только граждане города (SEG XLIV, 1183, 1184). С чем могло быть связано такое положение дел? Вряд ли мы имеем дело со случайностью или с тем, что местная элита не считала достойным увековечивать свои победы. Более вероятно объяснение, которое предлагает Ван Нейф: в мусических состязаниях безусловно доминировали техниты Диониса¹⁷, странствующие профессионалы, которые забирали призовые, не утруждая себя регистрацией этих побед в не имевших большого значения провинциальных играх¹⁸. Местные жители не проявляли особого интереса к этим занятиям, так как для них более важным атрибутом эллинства была не риторика или музыка, а атлетика, прежде всего, поединки борцов¹⁹. Здесь воедино переплелись местные и греческие традиции: борьба играла видную роль на праздниках анатолийских народов задолго до появления в этом регионе греков и римлян, и она стала одним из основных механизмов объединения ликийской

¹⁴ Bean 1978.

¹⁵ Van Nijf 1999, 185.

¹⁶ Milner 1991, 23–62.

¹⁷ О технитах Диониса в императорскую эпоху см.: Пантелеев, Поникаровская, 2021.

¹⁸ Van Nijf 1999, 185.

¹⁹ Очевидно, что Вторая софистика не была единственным способом продемонстрировать принадлежность к греческой культуре во II–III вв.; во многом ее всеобщая популярность является фантомом, созданным самими софистами и Флавием Филостратом. Для большей части жителей Востока, не получивших хорошего образования и не обладавших вкусом к такого рода литературным и риторическим занятиям, это место занимала атлетика (Van Nijf 1999, 193).

и эллинской культуры²⁰. В самом Риме борьба и вообще атлетика не получили широкого распространение: списки победителей на Капитолийских играх не упоминают местных спортсменов, хотя они встречаются как победители на конных и мусических агонах²¹. Во многом это связано с тем, что сторонники традиционализма, *mores maiorum*, недолго любили ее, да и всю греческую атлетику в целом, так как, по их мнению, все это способствовало изнеженности, праздности и вообще вредило здоровью²².

Идеалы, находившие выражение в эллинской образованности и атлетике, не были какими-то причудами эксцентричных благотворителей или школьных учителей. В восточной части Римской империи одной из функций эллинизма местной элиты было обеспечение общей идентичности в городах и провинциях, достаточно сильно отличающихся друг от друга (чтобы далеко не ходить, сравним малоазийские Ликию и Ионию). Аристократы, подобные Демосфену или Эваресту, позиционируя себя как городские лидеры греческого возрождения, таким образом обеспечивали свой авторитет и свою власть в полисе. Принадлежность к эллинской культуре, включая понятную местному населению атлетику, была важна и с точки зрения римлян: проводимые игры формировали и поддерживали не только греческую, но и римскую идентичность.

Эти праздники были тесно связаны с культом императора: Демосфении начинаются в «день Августа» (SEG XXVIII, 1462, 14; 36), агонифет (устроитель игр) носил венок с изображением императора (55), совершались жертвоприношения (57–58) и 10 себастофоров в белых одеждах и в венках из сельдерея несли в процессии императорское изображение (62–63). Возможно, целью всего этого мероприятия было угодить Адриану, любившему все греческое, но не все императоры относились к учреждению новых игр с таким же энтузиазмом, как Адриан. Антонин Пий или Марк Аврелий, например, прямо указывали, что лучше на эти деньги построить какое-нибудь общественно полезное здание²³. Но в любом случае все цезари во время этих праздников с благосклонностью принимали знаки почтения. Поборники чистоты римских нравов видели здесь прискорбный отход от традиций – Сенека (Epist., 89, 18–19), Тацит (Ann., XIV, 20) и Плиний Младший (Epist., IV, 22) называли греческий спорт бесполезным и аморальным²⁴, – но для принцев было важно укрепить имидж защитников греческой культуры. Местные игры также следовали этой тенденции, называясь в честь Августа, Веспасиана, Адриана, Коммода и других императоров. Наконец, надпись в Олимпии сообщает, что некий Авл Асиний Квадрат написал историю Рима, называвшуюся «Тысячелетие»; она охватывала период с 776 г. до н.э. по 223 г. н.э., и основание Рима в ней было отнесено к году первой Олимпиады (I.Ol. 356). Общегреческие, а в то время уже «вселенские», игры оказываются то ли сверстником, то ли даже родственником Рима: у них общие тысячелетняя история, традиции и величие, а олимпийский дух, сплотивший греков, воспевается вместе с римским, сплотив-

²⁰ Poliakoff 1987, Puhvel 1988, 26–31.

²¹ Lee 2014, 539.

²² Mammel 2014; Гвоздева, Никишин 2021. В Этрурии с древности существовала своя традиция кулачных боев, хорошая известная римлянам, но уже в республиканское время она исчезает (Bevagna 2014).

²³ Mitchell 1993, 219–220.

²⁴ Papakonstantinou 2014, 327–328; Mammel 2014.

шим все народы империи. Ван Нейф отмечает, что греческие игры в ту же Ликийю пришли в эпоху римского владычества, когда они уже вполне были восприняты римлянами, и сложно сказать, как их воспринимала ликийская знать – как часть эллинской или уже римской культуры²⁵.

Кто соревновался в этих играх и что это участие значило для них? Мы уже отметили, что мусическая составляющая агонов была отдана на откуп профессиональным актерам, поэтам и исполнителям – техникам Диониса. Традиционно считалось, что и в мире спорта сложилась такая же ситуация, там правили бал союзы атлетов Геракла²⁶, и то, что раньше было состязанием аристократов, превратилось в поединки между профессионалами, не всегда прозрачные и возбуждавшие подозрения в сговоре участников и судей. Как кажется, эту картину стоит пересмотреть (неспроста Демосфен учреждает гимнастические состязания с оговоркой «для горожан» (46)). Безусловно, многие участники соревнований в римское время получали за победу награды на играх или пожизненное содержание от своих городов, и это позволяло талантливым спортсменам, не имевшим иных источников дохода, продолжать карьеру²⁷. Но как минимум для некоторых областей на Востоке дело обстояло иначе: большинство участников игр были выходцами из местной знати, и, как замечает Ван Нейф, их лучше сравнивать со звездами тенниса, происходящими из обеспеченных семей, а не с футболистами, начинавшими свой путь в трущобах Рио-де-Жанейро. Он обращается к примеру борца из Эноанды Луция Септимия Флавиана Флавиллиана, который известен нам по четырем надписям. Первая была сделана ок. 212 г. его отцом в честь победы в борьбе мальчиков на Мелеагриях в Бальбуре; уже тогда он, видимо, подавал такие надежды, что его называли *παράδοξος* – «необыкновенный» (SEG XLIV, 1194). В 230-х гг. Флавиллиан побеждает в борьбе и панкратионе; в это время он вошел в элиту атлетического мира, успешно выступая в Афинах, Арогосе, Эфесе и Неаполе (SEG XLIV, 1195; 1196). Наконец, в надписи 231/2 г. говорится, что Флавиллиан снова победил в панкратионе на играх, организованных Эварестом (SEG XLIV, 1169). Здесь перечисляются и другие его победы и отмечается, что он имел гражданство еще трех ликийских полисов²⁸. Очевидно, что его успехи были плодом значительных усилий, он тратил время, силы и средства на тренировки и разъезды по соревнованиям. Но Флавиллиан был не только и не столько атлетом, сколько членом знатной семьи Лициниев, из которой происходили римские администраторы и жрецы императорского культа, а его отец Флавиан Диоген был ликархом – эта должность предназначалась для самых знатных и богатых людей (IGR III, 500(v))²⁹.

Флавиллиан с радостью получал денежные призы и, возможно, ежемесячные выплаты и освобождение от налогов за выигранные венки, но очевидно, что для него победа и почетные надписи и статуи в родном городе были важнее призовых. Борьба и панкратион не были для него *ἐπιτηδεύματα*, основными источниками доходов. Высший дивизион атлетов в основном составляли подобные Флавиллиану

²⁵ Van Nijf 1999, 188.

²⁶ Gardiner 1930; Harris 1972.

²⁷ Пантелеев, Поникаровская, 2022.

²⁸ Подробнее о важности гражданства атлетов см.: Van Nijf 2012, 175–194.

²⁹ Hall, Milner 1994, 15.

аристократы³⁰, и не стоит думать, что они избегали контактных видов спорта: они занимались не только бегом или пятиборьем, но и панкратионом, кулачным боем или борьбой. Атлетическая подготовка была тесно связана с культурой гимнасия, которая не то чтобы полностью в это время была монополизирована элитой (мы знаем имена торговцев и ремесленников, которые там занимались), но всерьез не распространялась за пределы достаточно узкого круга состоятельных семей³¹. Профессиональные тренировки требовали досуга и средств, которыми обладали далеко не все желающие, и, несмотря на sporadicкую поддержку способных спортсменов из низов общества³², ядро атлетов-участников игр составляли выходцы из знати.

Самыми многочисленными посетителями гимнасия были эфебы, юноши, готовые стать полноправными гражданами полиса. Для их обучения городом или эвергетами нанимались учителя философии, геометрии, риторики и других дисциплин, но прежде всего, гимнастики, стрельбы из лука, метания дротика и других физических упражнений, которые и составляли большую часть их занятий. Эфебы и *παῖδες*, мальчики, не достигшие возраста эфебов, соревновались в тех же дисциплинах, что и взрослые; те, кто проявил несомненные способности, мог и был готов посвятить этому свою жизнь, становились профессиональными спортсменами, большая же часть выступала у себя в родном городе или по соседству. Победа в Олимпийских играх была безусловным поводом для гордости, но не меньше ценились и успехи в местных состязаниях: в честь чемпионов на агоре, в гимнасии, вдоль основных улиц устанавливались многочисленные надписи и статуи; буквально весь город был заполнен свидетельствами этих триумфов. Мы видим своего рода культ всепобеждающей юности, и это заставляет по-новому взглянуть на картину всеобщего пессимизма и отвращения к собственному телу, что так ярко в свое время описал Э.Р. Доддс³³. Это была не только своего рода летопись спортивных успехов жителей полиса, но и указание на то, что эти победы одержали выходцы из нескольких знатных семейств. В надписях воедино сливаются борьба, благотворительность, панкратий, происхождение, городские должности и другие признаки успешности. Спортивные достижения на этом фоне выглядят полученными по праву рождения, как некий классовый атрибут вроде богатства, филантропии или *παῖδεία*.

Изготовление надписи было недешевым удовольствием, так что у представителей элиты было преимущество при увековечивании памяти о своих победах. Но хорошая родословная и возможность тренироваться не гарантировали успех, и в нашем распоряжении есть несколько надписей о совместных победах, причем почти во всех случаях один победитель, в отличие от второго, связан с местной элитой: у него краткая родословная или ее вовсе нет, нет указания на занимаемые должности или на оказанные родному городу благодеяния (CIG 4380g; SEG XLI, 1349; SEG XLI, 1352). Ван Нейф полагает, что когда начинал побеждать менее знатный боец, судья, как правило, тоже выходец из местной знати, мог остановить

³⁰ О подобном Флавиллиану победителе многих игр и члене совета Телемитре см.: Günther 1986.

³¹ Brunet 2003.

³² PZenon 59060 (Египет), IK XVI, 2005 (Эфес).

³³ Доддс 2003.

состязание, зафиксировав ничью³⁴. В случае гнева зрителей всегда можно было сослаться на известный прецедент – поединок Аякса и Одиссея, остановленный словами Ахилла: «Кончите вашу борьбу и трудом не томитесь жестоким. Ваша победа равна; и, награды вы равные взявши, с поля сойдите» (Hom. II., XXIII, 735–739; пер. Н.И. Гнедича). Наконец, есть надписи в честь атлетов, которые участвовали в играх, но не одержали победу (SEG XLIV, 1191; XLI, 1351). Юный Валерий «с отличием» участвовал в соревнованиях по борьбе среди мальчиков, ничего не выиграл, однако получил поощрительный приз, так как его отец был агонифетом³⁵.

Как к этим играм относились обычные горожане той же Эноанды? Конечно, можно предположить, что колбасники, кожевники и торговцы наслаждались выступлениями поэтов, кифаредов и флейтистов, но надежных оснований для этого у нас нет. Наоборот, сама надпись демонстрирует, что для развлечения обычной публики отведены три дня в конце игр, когда устраиваются выступления нанятых артистов, в том числе мимов и исполнителей песен, и прочие представления. Это могли быть какие-то силачи, декламаторы непристойных стихов или песен, жонглеры или другие артисты, известные нам по надписям первых веков н.э.³⁶. Что касается мимов, то их престиж быстро рос: если Демосфен им не назначает никакой награды и вовсе исключает из программы состязаний, то вскоре они становятся важнейшей частью античной зрелищной культуры, а трагический актер превращается, по выражению Т. Барнса, в «бедного родственника пантомима»³⁷. С атлетическими состязаниями дело обстояло совершенно иначе, их престиж в глазах местной публики был намного выше.

Итак, в римское время греческие игры в восточной части Империи имели большое значение как для внутренней жизни городов, так и для связей между полисами. Об этом свидетельствуют обилие надписей и папирусов, посвященных состязаниям и прославляющих их победителей, и множество построенных и отреставрированных стадионов, гимнасиев и театров. Игры были самым заметным проявлением греческого духа, отражая интересы как богатых аристократов, организующих их, так и менее образованного большинства, развлечения для которого также входили в программу праздников. Эти праздники устраивались таким образом, чтобы, с одной стороны, удовлетворить притязания местной знати на демонстрацию власти и богатства, а с другой, при помощи связи с императорским культом показать их лояльность. Греческие игры давно стали привычной частью праздничного цикла и в Риме, и на Западе в целом, и даже те императоры, что не выказывали такой одержимости эллинской культурой, как Адриан, благосклонно относились к инициативам по их организации на местах, особенно если они не требовали никаких финансовых затрат от них³⁸. Наконец, Вторая софистика и увлечение литературными занятиями не были единственным маркером эллинской

³⁴ Van Nijf 1999, 192.

³⁵ Другие примеры см.: Robert 1960, 356–358.

³⁶ Van Nijf 1999, 194.

³⁷ Barnes 1996: 169; Кулишова, Пантелеев 2020.

³⁸ Дион Кассий в речи Мецената прямо призывает устраивать такие зрелища, которые «не грозят разорением общественной казне или частным имуществам» и не назначать всем победителям в играх пожизненное содержание (Dio Cass., LII, 30, 4–8).

идентичности для местной аристократии, и в некоторых провинциях не меньшее значение имели занятия атлетикой и победы в спортивных состязаниях хотя бы местного значения.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Aneziri, S. 2002: *Die Vereine der dionysischen Techniten im Kontext der hellenistischen Gesellschaft: Untersuchungen zur Geschichte, Organisation und Wirkung der hellenistischen Technitenvereine*. Stuttgart.
- Barnes, T.D. 1996: Christians and Theater. In: W.J. Slater (ed.), *Roman Theater and Society*. Ann Arbor, 161–180.
- Bean, G.E. 1978: *Lycian Turkey*. London.
- Bevagna, G. 2014: Etruscan Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 395–411.
- Brunet, S. 2003: Olympic Hopefuls from Ephesos. *Journal of Sport History* 30, 219–235.
- Dodds, E.R. 2003: *Yazychnik i khristianin v smutnoe vremya* [Pagan and Christian in an Age of Anxiety]. Saint Petersburg.
- Доддс, Э.Р. 2003: *Язычник и христианин в смутное время*. СПб.
- Gardiner, E.N. 1930: *Athletics of the ancient world*. Oxford.
- Graf, F. 2015: *Roman Festivals in the Greek East: From the Early Empire to the Middle Byzantine Period*. Cambridge.
- Günther, W. 1986: Ehrungen für einen Milesischen Periodoniken. In: H. Kalcyk, B. Gulath, A. Graeber (eds.), *Studien zur alten Geschichte S. Läufer zum 70. Geburtstag dargebracht*. Rome, 315–328.
- Gvozdeva, I.A., Nikishin, V.O. 2021: Grecheskaya agonistika v obshchestvennoy zhizni Drevnego Rima [Greek Agonistics in the Public Life of Ancient Rome]. In: V.O. Nikishin (ed.), *Olimpiyskie igry v politike, povsednevnoy zhizni i kul'ture. Ot antichnosti do sovremennosti* [Olympic Games in politics, everyday life and culture. From antiquity to nowadays]. Saint Petersburg, 137–156.
- Гвоздева, И.А.; Никишин, В.О. 2021: Греческая агонистика в общественной жизни Древнего Рима. В кн.: В.О. Никишин (ред.), *Олимпийские игры в политике, повседневной жизни и культуре. От античности до современности*. СПб., 137–156.
- Gvozdeva, T.B. 2013: *Olimpiyskie igry antichnosti (ot mifa k istorii)* [The Olympic Games of Antiquity (from myth to history)]. Moscow.
- Гвоздева, Т.Б. 2013: *Олимпийские игры античности (от мифа к истории)*. М.
- Hall, A., Milner, N. 1994: Education and athletics. Documents illustrating the festivals of Oenoanda. In: D. French (ed.), *Studies in the history and topography of Lycia and Pisidia in memoriam A.S. Hall*. Oxford, 7–47.
- Harris, H.A. 1972: *Sport in Greece and Rome*. London.
- Jory, E.J. 1967: Α παῖς Κωμωδός and the διὰ πάντων. *Bulletin of the Institute of Classical Studies* 14, 84–90.
- Kulishova, O.V., Panteleev, A.D. 2020: Polemika o zrelishhah v pozdney Rimskoy imperii (po dannym literaturnoy i agiograficheskoy traditsii) [Controversy about the spectacles in the Late Roman Empire (according to the literary and hagiographic tradition)]. *Indoevropeskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook] 24(1), 712–723.
- Кулишова, О.В., Пантелеев, А.Д. 2020: Полемика о зрелищах в поздней Римской империи (по данным литературной и агиографической традиции). *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 24 (1), 712–723.
- Le Guen, B. 2001: *Les associations de technites dionysiaques a l'epoque hellenistique*. Paris.

- Lee, H.M. 2014: Greek Sports in Rome. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 533–542.
- Lorber, C.C.; Hoover, O.D. 2003: An Unpublished Tetradrachm Issued by the Artists of Dionysos. *Numismatic Chronicle* 163, 59–68.
- Mammel, K. 2014: Ancient Critics of Roman Spectacle and Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 603–616.
- Milner, N.P. 1991: Victors in the Meleagria and the Balbouran élite. *Anatolian Studies* 41, 23–62.
- Mitchell, S. 1990: Festivals, Games and Civic Life in Roman Asia Minor. *Journal of Roman Studies* 80, 183–193.
- Mitchell, S. 1993: *Anatolia. Land, men and gods in Asia Minor*. Vol. 1. *The Celts in Anatolia and the impact of Roman rule*. Oxford.
- Moretti, L. 1957: *Olympionikai: i vincitori negli antichi agoni olimpici*. Rome.
- Newby, Z. 2021: Greek Festivals in the Roman Era. In: A. Futrell, T.F. Scanlon (eds.), *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 168–181.
- Pantelev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. 2021: Aktery i imperatory: tekhnity Dionisa v 1–2 vv. [Actors and Emperors: the technitai of Dionysus in the 1st-2nd centuries AD]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 25(2), 1003–1013.
- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. 2021: Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25(2), 1003–1013.
- Pantelev, A.D., Ponikarovskaya, M.V. 2022: Atlety, imperatory i bjurokratiya v pervye veka novoy ery [Athletes, emperors, and bureaucracy in the first centuries]. *Indoeuropeyskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology Yearbook]* 26(2), 898–910.
- Пантелеев, А.Д., Поникаровская, М.В. 2021: Актеры и императоры: техниты Диониса в I–II вв. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 25(2), 1003–1013.
- Papakonstantinou, Z. 2014: Ancient Critics of Greek Sport. In: P. Christesen, D.G. Kyle (eds.), *A Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity*. Oxford, 320–331.
- Plassart, A. 1921: Inscriptions de Delphes, la liste des Théodoriques. *Bulletin de Correspondance Hellénique* 45, 1–85.
- Pleket, H.W. 1975: Games, Prizes, Athletes and Ideology: Some Aspects of the History of Sport in the Greco- Roman World. *Arena* 1, 49– 89.
- Poliakoff, M.B. 1987: *Combat sports in the ancient world. Competition, violence, and culture*. New Haven–London.
- Psoma, S. 2009: Profitable Networks. Coinages, Panegyris and Dionysiac Artists. I. Malkin, C. Constantakopoulou, K. Panagopoulou (eds.). *Greek and Roman Networks in the Mediterranean*. London, New York, 230–248.
- Puhvel, J. 1988: Hittite athletics as prefigurations of ancient Greek games. W.J. Raschke (ed.), *The archaeology of the Olympics. The Olympics and other festivals in antiquity*. Madison, 26–31.
- Robert, L. 1960: *Hellenica*. Pt. 11–12. Paris.
- Scanlon, T.F. 2002: *Eros and Greek Athletics*. Oxford.
- Spawforth, A.J.S. 1989: Agonistic Festivals in Roman Greece. In: S. Walker and A. Cameron (eds.), *The Greek Renaissance in the Roman Empire*, London, 193–197.
- Valavanis, P. 2021: Patterns of Politics in Ancient Greek Politics. In: A. Futrell, T.F. Scanlon (eds.), *The Oxford Handbook of Sport and Spectacle in the Ancient World*. Oxford, 109–123.
- van Nijf, O. 1999: Athletics, Festivals and Greek Identity in the Roman East. *Proceedings of the Cambridge Philological Society* 45, 176–200.

- van Nijf, O.M. 2012: Athletes, artists and citizens in the imperial Greek city. In: A. Heller, A.-V. Pont (eds.), *Patrie d'origine et patries électives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine*. Bordeaux, 175–194.
- Wörrle, M. 1988: *Stadt und Fest im kaiserzeitlichen Kleinasien. Studien zu einer agonistischen Stiftung aus Oinoanda*. Munich.
- Zaytsev, A.I. 1985: *Kul'turnyy perevorot v drevney Gretsii 7–5 vv. do n.e.* [Cultural Revolution in Ancient Greece in the 7th – 5th centuries BC]. Leningrad.
- Zuiderhoek, A. 2009: *The Politics of Munificence in the Roman Empire: Citizens, Elites and Benefactors in Asia Minor*. Cambridge.

GREEK GAMES IN ASIA MINOR IN THE SECOND AND THIRD CENTURIES AD

Aleksey D. Panteleev¹, Marina V. Ponikarovskaya²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

² Saint Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

¹ E-mail: a.panteleev@spbu.ru

² E-mail: poni-marina@yandex.ru

Abstract. The article, based on the information, obtained from literary tradition, epigraphy and archeology, examines Greek athletic and artistic competitions in the era of the Roman Empire (1st – 3rd centuries AD). Games in the Hellenistic and Roman periods demonstrate both continuity with the preceding time and innovations. The Olympic, Isthmian, Nemean and Delphic Games retained their important role, and in addition, the old local agones, previously intended only for residents of a certain city or region, were reformed and some new ones were established. They formed a unified system of competitions with different level of prestige: the highest category was formed by pan-Hellenic “sacred games with wreaths”, the so-called “games with prizes” were considered less significant. Since the Hellenistic era, professional associations of the “Technitai of Dionysus” (actors, musicians, poets and everyone connected with the world of theater) and the “Athletes devoted to Heracles” (sportsmen) were very important in holding these festivals. Greek festivals were a central element in the life of cities-states and in relations among different poleis. With the help of the games, the Hellenic identity was maintained and preserved. The games demonstrated the power and wealth of local aristocrats, who often acted as organizers of these competitions. The influence of the agones was felt in all spheres of life of a polis: in its politics, architecture, commemorative inscriptions and statues, in the general rhythm of life. These games were associated with the imperial cult, thus proving the loyalty of the local population to Rome. The article deals with both the Greek Olympic and local Games, primarily Demostheneia, established at the request of C. Julius Demosthenes, prytanis and secretary of the city council of Lycian Oenoanda in 124 AD (SEG XXVIII, 1462).

Keywords: Roman Empire, Hellenism, spectacles, games, agones, Asia Minor, cult of the emperor, athletes, actors

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 220–227
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 220–227
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-220–227

ТЕРРАКОТОВАЯ СТАТУЭТКА, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ТРИУМФ РИМСКОГО ИМПЕРАТОРА, ИЗ КОЛЛЕКЦИИ В.С. ГОЛЕНИЩЕВА (ГМИИ им. А.С. ПУШКИНА)

С.В. Обухов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: veretragna@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-6199-8319

Аннотация. В статье публикуется терракотовая статуэтка из египетской коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина), изображающая триумф римского императора с атрибутами египетского фараона (сокол на левом плече, урей на голове), попирающего бородатого варвара с распущенными волосами, в длинных штанах и рубахе (германца?). Иконография позволяет датировать терракоту III в. н.э., эпохой Северов или «солдатских» императоров. Данная композиция, созданная, скорее всего, мастером-египтянином, является романизированным вариантом традиционного египетского сюжета – триумфа царя, известного еще с эпохи Древнего царства. Автор полагает, что терракотовая композиция прославляла величие римской императорской власти и ориентировалась на менталитет египтян.

Ключевые слова: Древний Египет, коллекция В.С. Голенищева, ГМИИ им. А.С. Пушкина, терракота, Римская империя

Данные об авторе: Сергей Владимирович Обухов – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории древнего мира МГУ им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ им. А.С. Пушкина и архивных источников)».

Эпоха эллинизма и римского владычества на Востоке была временем всеобъемлющего синтеза античных и древневосточных начал во всех сферах жизни государств, образовавшихся на месте распавшейся державы Александра Великого, а затем вошедших в состав Римской империи. Однако несмотря на процессы интенсивной эллинизации и романизации местные культуры вовсе не утратили своей самобытности и оригинальности, особенно в сфере официальной идеологии и пропаганды. Последнее ярко иллюстрируют несколько поздних памятников, происходящих из римского Египта. Один из них – терракотовая композиция со сценой триумфа из коллекции В.С. Голенищева, хранящаяся в ГМИИ им. А.С. Пушкина¹. Впервые этот артефакт был опубликован М.М. Кобылиной в 1930 г. в журнале «Жизнь музея»². Во многом с анализом и выводами исследователя в данной публикации следует согласиться. Однако с тех пор указанный памятник не привлекал внимания отечественных антиковедов. Между тем исключительный интерес, который вызывает данный артефакт, диктует необходимость новой публикации терракоты с более детализированным анализом.

Терракотовая композиция представляет царя-воина, идущего вправо и попирающего упавшего врага, которого он левой рукой держит за волосы. Победитель представлен в пластинчатом (?) панцире с поясом, ниже которого свисают кожаные птериги. Панцирь надет поверх туники с длинными рукавами, ноги обнажены. В правой руке победитель держит меч, занесенный над головой поверженного противника. Голова воина увенчана узкой повязкой (диадемой?), поверх нее надет урей – традиционный атрибут египетских фараонов, представляющий собой изображение богини-кобры Уаджит – покровительницы Нижнего Египта, на правом плече восседает сокол – священная птица бога Хора, покровителя царской власти, инкарнацией которого считался фараон³. Лицо победителя, с аккуратной бородой и усами, имеет правильные черты; взгляд величественен и сосредоточен. Волосы убраны в короткую прическу. Его противник производит напротив комическое и жалкое впечатление: непропорционально большая голова, тщедушное туловище, короткие руки и ноги. В отличие от победителя поверженный враг изображен с беспорядочно ниспадающими на плечи длинными, неубранными волосами, его отличают некрасивые, далекие от «классической гармонии» «варварские» черты лица – покатый, морщинистый лоб, толстый нос, само лицо перекошено. Варвар одет в рубаху и длинные штаны, в левой руке сжимает меч. Наконец, фигура победителя представлена гораздо большей по размеру, чем побежденный враг.

Анализируемая композиция стилистически статична и даже в какой-то мере монументальна; обе фигуры изображены фронтально. На наш взгляд, фронтальность фигур победителя и побежденного отражает определенные процессы, характерные для искусства обществ Поздней древности, и, прежде всего, нарастание «иллюзионистских» мотивов и уход от реальной действительности в мистицизм. Для внутреннего мира человека той эпохи в большей степени были свойственны духовные, чем материальные запросы. В данном случае, зритель, смотрящий победителю в лицо, должен был ощущать особую духовную близость по отношению к нему, проникаясь при этом не только осознанием его победы, но и почти

¹ ГМИИ. Инв. I. 1а. 2741.

² Кобылина 1930, 58–61.

³ Коростовцев 1976, 149.

физическим ощущением его присутствия. Подобная фронтальность характерна, например, для поздних (III–IV вв.) образцов фаюмского портрета⁴, а также для ряда памятников, происходящих из западных областей Парфянской державы⁵, Пальмиры⁶, Эдесского княжества⁷.

Данная терракотовая композиция не является уникальной: известны аналогии, в частности, из собрания Британского музея⁸. Подобная терракотовая композиция экспонировалась на выставке во Франкфурте-на-Майне в 2005–2006 гг.⁹. М.М. Кобылина полагала, что серию таких памятников следует датировать II–III вв. н.э.¹⁰. Этот мотив продолжает свое бытование и в коптском искусстве: на одной из коптских тканей ранневизантийского времени (V–VI вв.), хранящихся в ГМИИ, представлена аналогичная сцена¹¹, но исполненная гораздо более схематично по сравнению с терракотовой композицией из коллекции В.С. Голенищева: фигуры победителя и побежденного на ней обобщены и «бесплотны». По-видимому, для коптского художника данный мотив имел уже исключительно декоративное значение¹². В то же время повторение этого мотива в раннехристианском искусстве Египта свидетельствует об консерватизме художественных традиций.

Кто же воплощен в фигурах победителя и побежденного данной терракотовой композиции? По-видимому, это римский император, представленный в образе фараона, на что указывают урей и сокол, сидящий на его правом плече. Император-фараон повергает наземь варвара – заклятого врага империи. Возможно, образ варвара олицетворяет антипода Хора – злого и коварного бога Сета, брата Осириса, в позднеегипетскую эпоху окончательно ассоциировавшегося с квинтэссенцией зла. Композиция символизирует триумф непобедимого римского императора, чей костюм украшен атрибутами египетского фараона, над его извечным врагом – варваром, трактованным весьма обобщенно и наделенным типично «варварскими» чертами (можно предположить, что в образе варвара здесь изображен представитель северных варваров – германец(?): именно с германцами Римская империя во II–III вв. вела тяжелые войны). Таким образом, данный памятник напрямую связан с римским императорским культом, а также официальной пропагандой, рассчитанной на египетских подданных империи (на это указывает изображение победителя с атрибутами фараона).

Терракотовая композиция императорского триумфа из коллекции В.С. Голенищева, как и ее прямые аналогии, входит в широкий круг памятников, прославляющих римского императора, но его особенность определяет опора на египетские традиции. Из коллекции В.С. Голенищева происходит и подобная бронзовая статуэтка римского императора в образе Хора, увенчанного короной Верхнего и Нижнего Египта¹³. Император изображен пешим, облаченным в наборный пан-

⁴ Стрелков 1936, 52–60, табл. XXI–XXV; Павлов 1967, 61–65, табл. 67–76.

⁵ Кошленко 1962, 185–189; Луконин 1971, 112–114.

⁶ Colledge 1976.

⁷ Кошленко 1966, 180–188.

⁸ Bailey 2008, 139, pl. 93 (№ 3509).

⁹ Beck et al. 2005, 586–587, 751–752, Abb. 26. 159.

¹⁰ Кобылина 1930, 61; Bailey, 2008, 139.

¹¹ Шуринова 1968, 64, табл. 34.

¹² Шуринова 1968, 64.

¹³ ГМИИ. Инв. № I. 1а. 2985.

цирь с птеригами, и поражающим Сета(?). Копье и фигура поверженного противника не сохранились; статуэтка датируется первыми веками н.э.¹⁴. Другая аналогичная бронзовая статуэтка императора-триумфатора¹⁵ из коллекции Голенищева¹⁶ отличается более массивными пропорциями. Император-триумфатор в образе Хора изображался и конным. Так, в Лувре хранится терракотовая композиция, представляющая императора-всадника с головой сокола, поражающего копьем крокодила, олицетворяющего Сета, выступающего в данном случае, очевидно, и воплощением всех врагов империи. Памятник датируется II–IV вв.¹⁷. Однако терракотовая композиция из коллекции В.С. Голенищева отличается большей степенью греко-римского влияния от перечисленных памятников.

Какой именно император представлен в сцене триумфа на терракотовой композиции из коллекции В.С. Голенищева определить крайне трудно. М.М. Кобылина в свое время полагала, что это Адриан, весьма популярный в римском Египте¹⁸. Эту точку зрения поддержал В.И. Авдиев¹⁹. Однако короткие волосы, подстриженная борода, жесткие черты лица более сближают его с иконографией Северов, начиная с Каракаллы (211–217 гг.), а также «солдатских» императоров и, вообще с традицией римских мужских скульптурных типов III в., включая и происходящие из провинций²⁰.

Тем не менее, иконографические истоки сюжета лежат в древнеегипетском искусстве весьма раннего времени. Еще на шиферной плакетке фараона Нармера (кон. IV – нач. III тыс. до н.э.) царь представлен идущим вправо и держащим своего противника за волосы; в правой руке он держит булаву, которую заносит для удара²¹. Подобные сюжеты тиражировались и позднее²², в том числе в эпоху Нового царства, особенно в правление XVIII–XIX династий, о чем свидетельствуют

¹⁴ Берлев и др. 2002, 184, рис. 688.

¹⁵ ГМИИ. Инв. I. 1а. 2794.

¹⁶ Берлев и др. 2002, 184–185, рис. 689.

¹⁷ Beck et al. 2005, 740, Abb. 357. Аналогии у этой композиции достаточно многочисленны. Часть из них проанализирована в статье О.В. Томашевич (2014, 23–33). О прямом отождествлении фигуры императора с Хором см.: Качан 2020, 76–98. Здесь рассмотрен достаточно представительный материал, в том числе иконографический. Известны изображения и конного царя (очевидно, отождествляемого с Хором), поражающего копьем своего противника, относящиеся к более раннему времени. Именно так, например, представлен Птолемей IV Филопатор (221–204 гг. до н.э.) на парадной стеле из Тель-Максута (Spier et al. 2018, 137), поставленной в честь его победы над Антиохом III Великим (223–187 гг. до н.э.) в битве при Рафии в 217 г. до н.э. Очевидно, что противник египетского царя олицетворяет собой того же Сета, к тому же еще и «азиата». Характерно, что Птолемей IV на стеле изображен как человек, без признаков зооморфизации, – в отличие от многих более поздних памятников, в первую очередь, римской эпохи.

¹⁸ Кобылина 1930, 61.

¹⁹ Авдиев 1948, 297.

²⁰ Хафнер 1984, 142–143; Лесницкая 1960, 36, 39, рис. 16–17; Вошинина 1962, 370, 372–373; Бритова и др. 1975, 73–84, 87–88, рис. 123–124, 126–131, 133–134, 139–140; Соколов 1983, 93–99, рис. 174–176, 182–185, 187, 189, 190–192, 194.

²¹ Матье 1961, 20–21, рис. 66.

²² Авдиев 1948, 281–298.

памятники официального египетского искусства того времени²³. Для сцен царского триумфа III–II тыс. до н.э. характерна та же статика и монументальность, как и для терракотовой композиции из коллекции В.С. Голенищева. Таким образом, истоки анализируемого сюжета восходят, в конечном счете, к официальному искусству Египта III–II тыс. до н.э. По-видимому, в римское время указанный сюжет был использован для пропаганды величия Римской империи и носителя императорской власти среди египтян, ментальность которых, несмотря на всю эллинизацию и романизацию, оставалась традиционной.

Все вышесказанное позволяет заключить, что терракотовая композиция из коллекции В.С. Голенищева, изображающая императорский триумф, в конечном счете является романизированным вариантом традиционного древнеегипетского

²³ Ziegler 2002, 423, 426, fig. 91, 96, 98. У этой сцены есть аналогии и в официальном искусстве древней Месопотамии. Сравним победную стелу царя Аккада Нарамсуэна (XXIII в. до н.э.), на которой он изображен попирающим поверженных горцев-лулубеев (Champdor 1964, Abb. 118; Amiet, 1976, 29–33, fig. 27a–c; Лосева, 1946, 39–43, рис. 13–14). В этом аспекте данная стела выполняла ту же пропагандистскую функцию, что и многочисленные изображения триумфов в египетском искусстве, а именно возвеличивала фигуру царя.

сюжета и изготовлена мастером-египтянином, следовавшим канонам древнеегипетского искусства. Все это подтверждает тезис о консерватизме египетской культуры, египетского искусства и в целом об их самобытности и каноничности²⁴, сохранявшихся вплоть до арабского завоевания.

Описание терракоты

Император с пленным. ГМИИ им. А.С. Пушкина Инв. № I, 1а 2741

Происхождение: из собрания В.С. Голенищева (1911)

Датировка: III в. н.э.?

Сохранность: незначительные утраты – отбита левая рука пленника, небольшие сколы и потертости поверхности

Размеры: максимальная высота 18,2 см, максимальная ширина 12,0 см, толщина 2,0-4,3 см

Способ изготовления: оттиск в двусторонней форме; оттиск лицевой стороны среднего качества; задняя сторона слабо проработана, детали одежды дополнительно прочерчены по влажной глине, с технологическим отверстием диаметром 1,2–1,3 см; боковые швы подрезаны и заглажены, основание статуэтки подрезано

Материал: глина аллювиальная, среднегрубая, среднепористая, красно-коричневая (2.5YR5/4, 2.5YR5/6), с большим количеством растительных частиц, средним количеством слюды, небольшой примесью кварцевого песка

Способ отделки внешней поверхности: частичное заглаживание

Обжиг: неравномерный окислительный

Примечание: остатки белой гипсоподобной субстанции на лицевой и оборотной сторонах, следы зеленого пигмента на руках императора

ЛИТЕРАТУРА

- Авдиев, В.И. 1948: *Военная история Древнего Египта*. 1. М.
- Берлев О.Д., Васильева, О.А., Дюжева, О.П., Лечицкая, О.В., Рубенштейн, Р.И., Савельев, Ю.А., Смоленкова, В.В., Ходжаш, С.И., Шуринова, Р.Д., Ковалев, А.В. 2002: *Путь к бессмертию: Памятники древнеегипетского искусства в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Каталог выставки*. М.
- Бритова, Н.Н., Лосева, Н.М., Сидорова, Н.А. 1975: *Римский скульптурный портрет. Очерки*. М.
- Вошинина, А.И. 1962: *Античное искусство*. М.
- Качан, С.А. 2020: Император в образе Хора: продолжающиеся традиции и греко-римские влияния в поклонении правителю в римском Египте. *ПИФК* 1, 76–98.
- Кобылина, М.М. 1930: Изображение триумфа в позднеегипетском искусстве. *Жизнь музея*, 58–61.
- Коростовцев, М.А. 1976: *Религия Древнего Египта*. М.
- Кошеленко, Г.А. 1962: О фронтальности в парфянском искусстве. В сб.: Д.А. Авдусин, В.Л. Янин (ред.), *Археология. Сборник в честь А.В. Арциховского*. М., 135–146.
- Кошеленко, Г.А. 1966: Мозаики Эдессы. В сб.: Н.Я. Мерперт, П.М. Кожин (ред.), *Археология Старого и Нового Света*. М., 180–188.

²⁴ Померанцева 1985.

- Лесницкая, М.М. 1960: *Римский портрет в собрании Эрмитажа*. Л.
- Лосева, Н.М. 1946: *Искусство Древней Месопотамии. Очерки*. М.
- Луконин, В.Г. 1971: Искусство Древнего Ирана (основные этапы). В сб.: Б.Г. Гафуров. (ред.), *История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства*. М., 105–121.
- Матье, М.Э. 1961: *Искусство Древнего Египта*. Л.
- Павлов, В.В. 1967: *Египетский портрет I–IV веков*. М.
- Померанцева, Н.А. 1985: *Эстетические основы искусства Древнего Египта*. М.
- Соколов, Г.И. 1983: *Римский скульптурный портрет III века и художественная культура того времени*. М.
- Стрелков, А.С. 1936: *Фаюмский портрет*. М.–Л.
- Томашевич, О.В. 2014: Древнеегипетский бог Хор и Святой Георгий. В сб.: Н.В. Бугаева, М.В. Дурново, С.Ю. Сапрыкин, О.В. Томашевич (ред.), *Lanterna nostra. К юбилею профессора Ии Леонидовны Маяк*. СПб., 23–33.
- Хафнер, Г. 1984: *Выдающиеся портреты античности: 337 портретов в слове и образе*. М.
- Шуринова, Р. 1968: *Коптские ткани. Альбом. Каталог*. Л.
- Amiet, P. 1976: *L'art d'Agade au Musee du Louvre*. Paris.
- Bailey, D.M. 2008: *Catalogue of Terracottas in the British Museum. Vol. IV. Ptolemaic and Roman Terracottas from Egypt*. London.
- Beck, H., Bol, P., Buckling, M. 2005: *Ägypten–Griechenland–Rom: Abwehr und Berührung. Städtisches Kunstinstitut und Städtische Galerie. 26. November 2005 – 26. Februar 2006*. Frankfurt–Tübingen.
- Champhdor, A. 1964: *Kunst Mesopotamiens*. Leipzig.
- Colledge, M.A.R. 1976: *The Art of Palmyra*. London.
- Spier, J., Potts, T., Cole, S.E. 2018: *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles.
- Ziegler, Ch. 2002: *The Pharaohs*. New York.

REFERENCES

- Amiet, P. 1976: *L'art d'Agade au Musee du Louvre*. Paris.
- Avdiev, V.I. 1948: *Voennaya istoriya Drevnego Egipta [Military history of Ancient Egypt]*. 1. Moscow.
- Khafner, G. 1984: *Vydayushchiesya portrety antichnosti: 337 portretov v slove i obraze [Outstanding portraits of the Antiquity: 337 portraits in word and image]*. Moscow.
- Lesnitskaya, M.M. 1960: *Rimskiy portret v sobranii Ermitazha [Roman portrait in the Hermitage]*. Leningrad.
- Loseva, N.M. 1946: *Iskusstvo Drevney Mesopotamii. Ocherki [The Art of Ancient Mesopotamia. Essays]*. Moscow.
- Lukonin, V.G. 1971: *Iskusstvo Drevnego Irana (glavnye etapy) [The Art of Ancient Iran (main stages)]*. In: B.G. Gafurov. (ed.), *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kul'tury. K 2500-letiyu Iranskogo gosudarstva [The history of the Iranian state and culture. On the 2500 anniversary of the Iranian state]*. Moscow, 105–121.
- Matye, M.E. 1961: *Iskusstvo Drevnego Egipta [The Art of Ancient Egypt]*. Leningrad.
- Pavlov, V.V. 1967: *Egipetskiy portret I–IV vekov [Egyptian portrait of the 1st – 4th centuries]*. Moscow.
- Pomerantseva, N.A. 1985: *Esteticheskie osnovy iskusstva Drevnego Egipta [Aesthetic foundations of the art of Ancient Egypt]*. Moscow.
- Shurinova, P. 1968: *Koptskie tkani. Al'bom. Katalog [Coptic textiles. Album. Catalog]*. Leningrad.

- Sokolov, G.I. 1983: *Rimskiy skul'pturnyy portret III veka i khudozhestvennaya kul'tura togo vremeni* [Roman sculptural portrait of the 3rd century AD and the artistic culture of that time]. Moscow.
- Spier, J., Potts, T., Cole, S.E. 2018: *Beyond the Nile. Egypt and the Classical World*. Los Angeles.
- Strelkov, A.S. 1936: *Fayumskiy portret* [Fayum portrait]. Moscow; Leningrad.
- Tomashevich, O.V. 2014: Drevneegipetskiy bog Khor i Svyatoy Georgiy [The ancient Egyptian god Horus and Saint George]. In: N.V. Bugaeva, M.V. Durnovo, S.Yu. Saprykin, O.V. Tomashevich. (eds.), *Lanterna nostra. K yubileyu professora Ii Leonidovny Mayak* [Lanterna nostra. To the anniversary of Professor Iya Leonidovna Mayak]. Saint Petersburg, 23–33.
- Voshchinina, A.I. 1962: *Antichnoe iskusstvo* [Antique art]. Moscow.
- Ziegler, Ch. 2002: *The Pharaohs*. New York.

TERRACOTTA FIGURINE DEPICTING THE TRIUMPH OF THE ROMAN
EMPEROR FROM V.S. GOLENISHCHEV' COLLECTION
(PUSHKIN STATE MUSEUM OF FINE ARTS)

Sergey V. Obukhov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: veretragna@rambler.ru

Abstract. The paper publishes a terracotta figurine from the Egyptian collection of V.S. Golenishchev (Pushkin State Museum of Fine Arts), depicting the triumph of the Roman emperor bearing the attributes of an Egyptian pharaoh (a falcon on his left shoulder and the Uraeus on his head), trampling a bearded barbarian with loose hair, in long pants and a shirt (a German?). The iconography makes it possible to date the terracotta of the 3rd century AD, the era of the Severan dynasty or 'soldier' emperors. This composition, most likely created by an Egyptian master, is a Romanized version of the traditional plot – the triumph of the king, known since the era of the Old Kingdom. The different scale of the figures (the emperor-pharaoh is represented as being disproportionately taller than his enemy) and the frontality of the depiction are characteristic of Egyptian art in general, including the era of Roman rule. The author believes that the terracotta composition glorifies the greatness of the Roman imperial power and was guided by the mentality of the Egyptians. In general, this artefact reflects the process of syncretism in the culture of Roman Egypt of traditional Egyptian elements with antique ones.

Keywords: Ancient Egypt, Roman Empire, collection of V.S. Golenishchev, Pushkin State Museum of Fine Arts, terracotta, synthesis, scene of triumph, Horus, Set, Severs, Barbarians, canon, Romanization

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 228–257
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 228–257
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-228–257

ИОЭЛ ПЕСАХОВИЧ ВЕЙНБЕРГ (1922–2011): ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ТВОРЧЕСТВО

С.А. Цоя

Независимый исследователь, Рига, Латвия

E-mail: coja2@inbox.lv

ORCID: 0009-0002-1553-2993

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности видного ученого, востоковеда и библеиста Иоэла Песаховича Вейнберга (1922–2011). Родился он в Риге в еврейской семье, получил прекрасное образование в начальных школах и еврейской гимназии столицы Латвии 1930-х гг. Тяжелым катком по его судьбе прошла Вторая мировая война: он находился в гетто, затем был заключенным концлагеря в Латвии, в конце войны Бухенвальда в Германии, потерял мать и отца. После войны И. Вейнберг окончил исторический факультет Латвийского государственного университета, в 1954 г. защитил кандидатскую, а в 1973 г. докторскую диссертации. В 1962–1993 гг. преподавал в Даугавпилском педагогическом институте. В 1993 г. ученый репатрировался в Израиль и последние годы жизни провел в Иерусалиме. Он получил известность благодаря многочисленным научным публикациям, выходившим на разных языках и в разных странах; оставил хорошую память у многих бывших учеников как великолепный лектор и прекрасный преподаватель. И. Вейнберг был интеллектуалом и знатоком Ветхого Завета, истории и культуры евреев, Ближнего Востока в древности и античного мира. Феномен Вейнберга уникален для Латвии, заметную роль он сыграл в востоковедении СССР, России и Израиля, стал ученым с мировым именем.

Ключевые слова: Иоэл Вейнберг, история евреев, библеистика, Ветхий Завет, Ближний Восток, древность, Даугавпилский педагогический институт

Данные об авторе: Сергей Александрович Цоя – независимый исследователь, Рига.

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке настоящей статьи сыну проф. И.П. Вейнберга Павлу Вейнбергу, другу их семьи Иманту Белогривсу, Рижской еврейской общине и лично Илье Ленскому, Игорю Евгеньевичу Сурикову и Сергею Александровичу Мазуру.

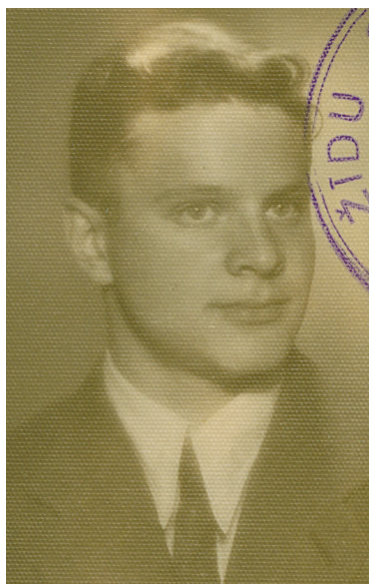

Рис. 1. – Иоэл Вейнберг. 1940 г.
Fig. 1. – Joel Weinberg. 1940.

В 2022 г. исполнилось сто лет со дня рождения видного советского, латвийского, а затем израильского ученого, востоковеда и библеиста Иоэла (Йоэля) Песаховича Вейнберга. Тридцать-сорок лет назад его имя постоянно звучало на страницах газет, различных изданий, было упомянуто в энциклопедии Советской Латвии¹. Сейчас, к сожалению, его помнят только специалисты, занимающиеся историей древности. Нет основательно проработанного описания жизненного пути профессора Вейнберга, не составлен список его публикаций. Несколько сборников и небольших статей, посвященных ученому², мало известны академическому сообществу. Автор настоящей работы пытается хотя бы частично восполнить указанные пробелы.

В статье использовался широкий круг источников. По довоенному периоду и первым послевоенным годом привлекались материалы Латвийского государственного исторического архива (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*, далее – LVVA). Это дела учебных заведений, где учился И.П. Вейнберг, домовая книга жилого дома по адресу Рига, ул. Рупниецбас, д. 18, где проживала его семья перед войной, паспорта родителей межвоенных лет³.

¹ См.: Красное знамя 07.10.1989; Jērāns 1987, 331.

² Свенцицкая 2002, 119–121; Вейнберг 2011; Салениеце 2013, 11–16; Кузнецова 2013, 17–21; Bērziņš 2002, 117–119; Willi 2002, 122; Šteimans 2006, 76–81, 113–114; Saleniece 2011, 203–205; Soms 2013, 22–29; Zarāns 2013, 30–35.

³ Из LVVA (ЛГИА) использовались дела фондов: Ф. 2873. Оп. 3 – Рижские городские основные и средние школы национальных меньшинств; Ф. 6637. Оп. 2 – Школьный департамент Министерства образования Латвии; Ф. 2942. Оп. 1 (Д. 11871) – домовые книги Риги и рижского уезда, жилой дом по адресу город Рига, ул. Рупниецбас 18; Ф. 2996. Оп. 20 (Д. 10587 и 10618) – паспорта Рижской префектуры, документы П.И. и Р.А. Вейнбергов; Ф. 3724. Оп. 1 (Д. 4767 и 4811а) – фонд министерства

Информацию о послевоенной жизни и деятельности Вейнберга можно найти в Латвийском государственном архиве (Latvijas Valsts arhīvs, далее – LVA). Интерес представляют дела LVA из фондов партархива и Латвийского университета⁴ (далее – ЛУ; до 1990 г. Латвийский государственный университет, далее – ЛГУ) и личное дело в Государственном архиве персональных документов (Personālu dokumentu valsts arhīvs, далее – PDVA)⁵. Большой объем ценной информации содержится в Даугавпилском зональном государственном архиве (Daugavpils zonālais valsts arhīvs, далее – DZVA), в фонде Даугавпилского педагогического института (далее – ДПИ)⁶ и в архиве Даугавпилского университета (Daugavpils universitātes arhīvs, далее – DUA⁷; в 1993 г. ДПИ переименовали в педагогический университет, далее ДПУ; с 2001 г. просто Даугавпилский университет). Кроме того, имеются трудовая книжка И.П. Вейнберга и вкладыш в нее из семейного архива сына профессора – Павла (в ссылках см.: Трудовая книжка и Вкладыш в трудовую книжку).

Большинство архивных документов носит сугубо канцелярский характер, и не все необходимое по ним можно проследить. Несколько сохранившихся автобиографий были написаны для официальных советских инстанций, и отдельные факты Иоэл Песахович вынужден был корректировать. Архивные сведения хорошо дополняют книги и статьи И.П. Вейнберга, работы, написанные о нем или упоминающие его, а также воспоминания знакомых.

СЕМЬЯ, ДЕТСТВО, ВОЙНА

Иоэл Вейнберг родился 1 сентября 1922 г. в Риге. Его отец и мать вступили в брак в 1921 г. Оба происходили из близких к немецкой культуре евреев Курляндской губернии Российской империи. Отец – Песах Иоэлич Вейнберг (1890–1944?) родился в Тукумсе и значился торговцем. В межвоенные годы он был представителем германских электронных фирм в Латвии (AEG, Siemens и других), принимал заказы на поставки, позже работал на текстильном и торговом предприятии «Курземес мануфактура». Мать – Роза Абрамовна, урожденная Блиох (1892–1941), родилась в Бауске, была домохозяйкой. В 1924 г. семья пополнилась еще одним мальчиком – Нохумом⁸.

Общественных дел, департамента Прессы и общественных организаций, дела «Еврейского школьного общества Иврит»; Ф. 4390. Оп. 2 – Акционерное общество «Курземес мануфактура»; Ф. 7427. Оп. 4 (Д. 1129) – фонд Латвийского университета, персональное дело студента И.П. Вейнберга.

⁴ Из фондов LVA (ЛГА) использовались: Ф. РА-106. Оп. 7 (Д. 249) – фонд комитета Латвийской коммунистической партии Кировского района города Риги, дело по приему в члены ВКП(б) И.П. Вейнберга; Ф. 1340. Оп. 7 (Д. 3036) и Оп. 30 (Д. 277 и 278) – фонд ЛУ, персональное дело преподавателя Вейнберга и протоколы заседания кафедры истории древнего мира и средних веков за 1949–1951 гг.

⁵ Из фондов PDVA (ГАПД): Ф. 3718. Оп. 5 (Д. 730) – фонд кадрового отдела Латвийской национальной библиотеки (во времена ЛССР – Государственная библиотека), персональное дело работника И.П. Вейнберга.

⁶ Из фондов DZVA (ДЗГА): Ф. 246. Оп. 1 и 7 – протоколы заседания кафедры марксизма-ленинизма и кафедры истории КПСС, протоколы заседаний и планы научных исследований кафедры истории СССР и всеобщей истории ДПИ за 1962–1993 гг.

⁷ Из фондов DUA (АДУ): Ф. Т-V. Оп. 6 (Д. 410. Л. 175–245) – персональная часть, персональное дело преподавателя И.П. Вейнберга.

⁸ LVVA. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 11871. Л. 59 об.–60; LVVA. Ф. 2996. Оп. 20. Д. 10587; LVVA. Ф. 2996. Оп. 20. Д. 10618; LVVA. Ф. 4390. Оп. 2. Д. 12. Л. 1; LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 3, 6–7; PDVA.

Рис. 2 – Песах Вейнберг
(отец И. Вейнберга). 1920 г.
Fig. 2. – Pesakh Weinberg
(father of J. Weinberg). 1920.

Рис. 3. – Роза Вейнберг
(мать И. Вейнберга). 1922 г.
Fig. 3. – Rosa Weinberg
(mother of J. Weinberg). 1922.

В независимой Латвии 1920–1930-х гг. Вейнберги обладали неплохим материальным достатком, но богатыми не были. Песах Иоэлич всегда работал только по найму, своего дела и недвижимости не имел. Религиозной семья также не была, хотя некоторые традиции соблюдала⁹. После присоединения к СССР в 1940 г. П.И. Вейнберг был назначен начальником отдела шерсти Главтекстильбыта Латвийской ССР¹⁰.

В 1920–1930-е годы в Латвийской республике существовала сеть начальных и средних учебных заведений национальных меньшинств. В местах компактного проживания евреев имелись еврейские школы с преподаванием на иврите, идише, русском, немецком и латышском языках¹¹. В семье Вейнбергов до Второй мировой войны говорили по-немецки. Не случайно родители в 1930 г. отдали Иоэла в «Еврейскую частную основную школу Эзра» (*Žīdu privāta Ezras pamatskola*) в Риге с немецким языком обучения¹².

Согласно автобиографии Иоэла Песаховича, в связи с тем, что в 1932 г. было принято постановление министерства образования о ведении преподавания в еврейских школах только на одном из языков национального меньшинства (иврит /

Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 31.

Брата Иоэла Песаховича в послевоенные годы в семье звали Николаем. Жил он в городе Валмиера (Латвия) и работал в отделе снабжения Мясо-молочного комбината. Женат был на латышке, в семье было двое детей. Скончался в 1998 г.

⁹ Цит. по: Saleniece 2011, 30.

¹⁰ LVA. Ф. РА-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3.

¹¹ Волкович 2002, 122–136; Копелович, Жуков 2002, 137–145; Ковальчук 2013, 147–157.

¹² LVA. Ф. РА-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 3462. Л. 73.

идиш) или латышском¹³, в 1933 г. он был переведен в Рижскую городскую десятую еврейскую основную школу (Rīgas pilsētas 10. žīdu pamatskola)¹⁴. Однако на такое решение родителей могло повлиять и резко ухудшившееся экономическое положение Латвии в 1932–1934 гг. Бушевал мировой экономический кризис, и у Песаха Иоэлича, возможно, стало не хватать денег на оплату частной школы, в эти годы учиться также пошел младший сын – Нохум.

Обучение Иоэл стал проходить на иврите, но с использованием латышского языка. Новая школа была тесным образом связана с «Еврейским обществом содействия искусствам и знаниям в Латвии» (*Žīdu mākslas un zinību veicināšanas biedrība Latvijā*)¹⁵. С 1935 г. Вейнберг учился в гуманитарном классе гимназии указанного общества, которое в 1938 г. переименовали в «Еврейское школьное общество Иврит» (*Žīdu skolu biedrība Ivrit*). Преподавание в гимназии также велось на иврите, но с использованием латышского языка. Школьное обучение Иоэл прошел за десять лет и в 1940 г. окончил гимназию очень хорошо¹⁶.

Летом 1940 г. он поступил на отделение истории философско-филологического факультета ЛГУ¹⁷, но не успел окончить первый курс, как началась война между СССР и Германией. Эвакуацию в глубь России задержала болезнь матери. 10 августа 1941 г. семья оказалась в Рижском гетто¹⁸, где 7 декабря этого же года мать погибла. В апреле 1943 г. вместе с частью узников И.П. Вейнберг был отправлен в Скрунду на торфяные работы, в ноябре 1943 г. с отцом и братом оказался в концентрационном лагере Кайзервальд (Riga – Kaiserwald)¹⁹, который располагался на окраине Риги и занимал ныне застроенное пространство между проспектом Виестура и железной дорогой. Позже Вейнберги находились в отделении этого концлагеря в Дундаге. Трудоспособных евреев нацисты не уничтожали, но заставляли работать. У остальных шансов выжить не было²⁰.

Летом 1944 г. в связи с приближением фронта Иоэл вместе с отцом и братом принудительно были эвакуированы на Запад. Сначала они оказались в концентрационном лагере Штуттгоф (Stutthof), который находился на территории современной Польши около Данцига (Гданьск). Затем двух братьев перевели в Бухенвальд (Buchenwald), находившийся рядом с Веймаром в Германии, позже в филиал этого

¹³ Valdības Vēstnesis 11.06.1932. Перевод обучения на латышский язык происходил постепенно. Еврейские дети, уже учившиеся на немецком или русском языках, основную школу так могли и окончить. Дальше языком обучения был только иврит, идиш или латышский.

¹⁴ LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 5; LVA. Ф. PA-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3.

¹⁵ LVVA. Ф. 2873. Оп. 3. Д. 752. Л. 10 об.–11; LVVA. Ф. 2873. Оп. 3. Д. 768. Л. 22 об.–23; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 3466. Л. 8; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 3467. Л. 53.

¹⁶ LVVA. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 4767. Л. 2, 9, 12; LVVA. Ф. 3724. Оп. 1. Д. 4811а. Л. 19; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 4718. Л. 11; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 4719. Л. 31; LVVA. Ф. 6637. Оп. 2. Д. 4722. Л. 23, 31; LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 5, 17, 19; LVA. Ф. PA-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 1 об.

¹⁷ LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 1.

¹⁸ Зимой 1940/1 года Розе Абрамовне Вейнберг сделали трепанацию черепа. Последний довоенный адрес семьи был Рига, ул. Рупниецибас 18, кв. 2. На территории гетто были зарегистрированы 11 августа 1941 г. на ул. Лудзас 56, кв. 31. См.: LVVA. Ф. 2942. Оп. 1. Д. 11871. Л. 59 об.–61; LVA. Ф. PA-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3–3 об.; LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 3, 23, 27; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 3.

¹⁹ Заключенные Кайзервальда работали на немецких предприятиях, которые в годы войны выпускали снаряжение для армии.

²⁰ Залманович 2008, 66–67; Смирин 2008, 94–95.

лагеря у Йены. Их отец остался в Восточной Пруссии и, видимо, вскоре погиб. В конце 1944 г. или начале 1945 г. Иоэл Песахович заболел брюшным тифом, но его спас Нохум, который работал в лагерной пекарне и приносил свежий хлеб. В марте 1945 г. братья бежали из концлагеря. В конце войны они находились в Судетах, около города Лейтмерица (ныне Литомержице) в Чехословакии, где их приютили чехи. После капитуляции Германии в мае 1945 г. И.П. Вейнберг некоторое время лечился в Праге. Большинство евреев, вывезенных нацистами из Латвии на Запад и в годы войны уцелевших, назад не вернулись²¹. Иоэл Песахович и его брат полагали, что если их отец остался жив, то обязательно приедет на родину. Поэтому в августе 1945 г. вернулись в Ригу²².

Будучи по характеру человеком закрытым, после войны И.П. Вейнберг про указанные злоключения рассказывал неохотно. Он говорил: «Главное ощущение лагерной реальности – это осознание полной ничтожности, отсутствия ценности человеческой жизни»²³. Скупые сведения сохранились в написанных им для официальных инстанций автобиографиях.

ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Большую часть жизни Иоэл прожил в СССР, и его часто неофициально называли Иоэлем Павловичем. Так даже указано в некоторых архивных документах²⁴. По складу ума, характеру и склонностям он был чистым гуманитарием: техникой не интересовался, склонности к физическому труду не имел. В качестве родного языка после войны указывал латышский, но также в совершенстве владел немецким и русским, кроме того, английским, французским, древнееврейским, арамейским, латынью и несколько хуже древнегреческим²⁵. Основательную языковую подготовку ученый получил в детстве и юности благодаря отлично поставленному преподаванию и высоким требованиям в школах, где обучался, но русский хорошо освоил уже будучи взрослым.

В августе 1945 г. И.П. Вейнберг восстановился в ЛГУ и досрочно, уже в августе 1946 г., с очень хорошими результатами (на «отлично» были сданы почти все дисциплины, остальные – на «хорошо»; так, оценки «хорошо» была удостоена его дипломная работа, озаглавленная «Политические партии в Иудейское время») окончил исторический факультет и получил квалификацию историка²⁶.

Будучи студентом, с октября 1945 по июнь 1946 г. он подрабатывал в редакции газеты «Darba Balss» («Рабочий голос») и с этого времени приобрел привычку много писать. 10 сентября 1946 г. И.П. Вейнберг был принят на работу в Государственную библиотеку Латвийской ССР (далее – ГБ ЛССР), где исполнял обязанности главного библиографа, но в августе 1948 г. из библиотеки уволился²⁷.

²¹ Залманович 2008, 67.

²² LVA. Ф. РА-106. Оп. 7. Д. 249. Л. 3 об.

²³ Указано в соответствии с воспоминаниями Павла Вейнберга.

²⁴ LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 1; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 4–5.

²⁵ LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 4; LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 2, 22; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 1 об., 28, 34. Šteimans 2006, 77.

²⁶ LVVA. Ф. 7427. Оп. 4. Д. 1129. Л. 2, 4 об., 18, 21–31.

²⁷ LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 1 об.; Трудовая книжка. Л. 2–3.

Ранее, в 1947 г., он поступил в аспирантуру исторического факультета ЛГУ²⁸, а с сентября 1948 г. стал ассистентом исторического факультета этого же университета, с 1950 г. – старшим преподавателем с полной учебной нагрузкой. Ученый работал на кафедре истории древнего мира и средних веков (с начала 1951 г. на кафедре всеобщей истории), где вел занятия по истории древности²⁹. В 1948 г. он вступил в брак. Супруга Любовь Абрамовна (урожденная Гилевич, 1926–2013), также историк, работала учителем в школе. Жена стала надежным тылом, первым читателем и критиком научных работ Иоэла Песаховича³⁰. В 1952 г. в семье родился сын Павел³¹.

К началу 1951 г. И.П. Вейнберг окончил аспирантуру, он работал над кандидатской диссертацией по теме «Рим и Малая Азия в 133–44 гг. до н.э.». На кафедре проходили ее обсуждения, дискуссии протекали в рамках идеологических установок того времени. Упоминались восстания рабов на Сицилии, которые трактовались как неудавшаяся революция³². Указывалось, что тогда же Иоэл Песахович начал разрабатывать проблематику «Восточной империи Марка Антония»³³. Данный полководец и политический деятель в 30-х гг. до н.э. находился на подвластных Риму территориях Восточного Средиземноморья, в его сферу влияния входила также Палестина. Последнее объясняет причину интереса Вейнберга к этому историческому сюжету. Но нет данных об опубликованных по нему научных работах. Стремление заниматься именно историей евреев, как объяснял потом Иоэл Песахович, было изначально задано его принадлежностью к этому народу и трагедией, пережитой им, его семьей и всеми евреями в XX в.³⁴ Однако указанная тематика долго была малозначимой и даже нежелательной в СССР, что сильно мешало научной деятельности Вейнберга.

В 1949 г. в университете начались политические чистки, в результате многие работники вынуждены были уйти. Подозрение вызывали преподавательские кадры, получившие образование до присоединения Латвии к СССР, и лица еврейской национальности. Уволен в 1951 г. был научный руководитель студенческой дипломной работы и диссертации Вейнберга Густав Лукстиныш (1894–1987), в 1944–1947 гг. заведовавший кафедрой истории древнего мира и средних веков³⁵. Нарекания были также к Иоэлю Песаховичу³⁶, что и побудило его в конце августа 1951 г. уйти из ЛГУ. Вскоре он вновь поступил на работу в ГБ ЛССР в качестве

²⁸ LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 21, 23, 27.

²⁹ См.: LVA. Ф. 1340. Оп. 30. Д. 277 и Д. 278; Трудовая книжка Л. 4–7.

³⁰ LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 2 об.; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 30–31; Вейнберг 1986, 5.

³¹ Сын Иоэла Песаховича и Любовь Абрамовны Павел Вейнберг живет в Северной Осетии (Россия). Он кандидат биологических наук и работает ведущим научным сотрудником Северо-Осетинского государственного заповедника.

³² См.: LVA. Ф. 1340. Оп. 30. Д. 278. Л. 13–14.

³³ LVA. Ф. 1340. Оп. 30. Д. 278. Л. 16.

³⁴ Цит. по: Saleniece 2011, 29.

³⁵ Keruss, Lipša, Runce, Zellis 2011, 26, 35, 90, 94–98, 102, 105.

³⁶ В одном из протоколов отмечено нетактичное поведение И.П. Вейнберга, который без разрешения ушел с заседания кафедры истории древнего мира и средних веков. В конце 1950/1 учебного года указывалось, что Иоэл Песахович не выполнил все предусмотренные планы. На заседании совета факультета 17 ноября 1950 г. отмечалась его «неправильное» социальное происхождение. LVA, Ф. 1340. Оп. 30. Д. 277. Л. 19; LVA. Ф. 1340. Оп. 30. Д. 278. Л. 40; Keruss, Lipša, Runce, Zellis 2011, 94, 97–98.

главного библиографа и с апреля 1952 г. значился в отделе библиографии, где трудился вплоть до увольнения 1 декабря 1962 г.³⁷

С октября 1947 г. И.П. Вейнберг – кандидат в члены ВКП(б). В качестве пропагандиста в начале 1948 г. он принимал участие в проведении выборов в местные советы Алуксненского уезда Латвии³⁸. Однако партийная карьера не задалась, и в июне 1953 г. Иоэл Песахович был исключен из кандидатов с формулировкой «за сокрытие порочащих данных (до 1940 г. отец был не служащим, а торговцем) и наличие родственников за границей»³⁹. Карьере молодого ученого препятствовала развернувшаяся в конце 1940-х и начале 1950-х гг. в СССР антисемитская кампания. Имелись у него и недоброжелатели в самой Риге.

Первоначальный текст диссертации И.П. Вейнберга был готов в конце 1950 г., защита планировалась в Ленинграде⁴⁰. По требованию нового научного руководителя – проф. К.М. Колобовой (1905–1977) – в работу был внесен ряд изменений. В конечном варианте она называлась «Образование провинции Азии», состояла из введения, четырех глав и заключения. Исследование было посвящено подчинению Пергамского царства и созданию системы управления его территорией под властью Рима во II–I вв. до н.э. На примере этого материала Вейнберг пытался показать некоторые черты и закономерности процесса возникновения Римской империи. Работа написана в сугубо марксистском духе, текст насыщен рассуждениями о рабовладельческой общественно-экономической формации, классовой борьбе и т.п. 29 ноября 1954 г. Совет Ленинградского государственного университета присвоил Иоэлю Песаховичу ученую степень кандидата исторических наук. Диплом был выдан 14 ноября 1955 г.⁴¹

Трудясь в библиотеке, Вейнберг занимался составлением указателей по общественно-политической литературе в помощь студентам, изучавшим идеологические дисциплины (историю КПСС, политэкономия, философию, научный атеизм и т.п.), и пропагандистам. Брошюр, где в качестве автора значится его фамилия, десятки, но они небольшие, часто менее десяти страниц текста. Работая в библиотеке, он читал лекции и проводил семинары по философии в Вечернем университете марксизма-ленинизма при Рижском горкоме коммунистической партии, а также вел занятия на курсах повышения квалификации библиотечных служащих⁴².

К этому времени относятся первые изданные И.П. Вейнбергом книги, которые были написаны на латышском языке⁴³, и множество небольших статей, в основном посвященных истории древности и по большей части имевших популярный характер. Наукой заниматься он не прекращал: с конца 1950-х гг. стал готовить докторскую диссертацию, для чего по научным делам ездил в командировки (например, в начале 1958 г. в Ленинград)⁴⁴. Однако до середины 1960-х гг. Вейнберг

³⁷ PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 14–15, 41–43, 65; Трудовая книжка. Л. 6–9.

³⁸ LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 23.; Сгҕа 18.01.1948.

³⁹ PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 27, 49.

⁴⁰ См.: LVA. Ф. 1340. Оп. 30. Д. 278. Л. 16.

⁴¹ Вейнберг 1954. LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 13.

⁴² PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 16, 20, 24, 58, 62.

⁴³ См. книги: Veinbergs 1948; Veinbergs 1958a; Veinbergs 1958b; Veinbergs, Kudinovs 1960; Veinbergs 1960; Veinbergs 1961.

⁴⁴ PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 48, 60.

Рис. 4. – Иоэл Вейнберг. 1962 г.
Fig. 4. – Joel Weinberg. 1962.

был ученым локального латвийского значения, о чем свидетельствуют его публикации, выходившие лишь в Латвии и на латышском языке. Последнее сильно ограничивало круг их читателей.

В ДАУГАВПИЛСЕ

3 декабря 1962 г. И.П. Вейнберг был принят на работу в Даугавпилский педагогический институт на должность старшего преподавателя кафедры марксизма-ленинизма⁴⁵. Кафедра была большой, на 1963/4 учебный год состояла из четырнадцати штатных преподавателей и десяти почасовиков⁴⁶. Ее работники, несмотря на такое название, помимо чисто идеологических дисциплин вели также курсы по гражданской истории. Иоэл Песахович состоял в секции всеобщей истории и читал лекции по археологии, новейшей истории и истории зарубежного Востока. В указанном г. секция организовала кружок по изучению мировой культуры. Кроме того, Вейнберг был ответственным за радиовещание в институте⁴⁷.

В 1964 г. кафедру марксизма-ленинизма разделили на кафедру истории КПСС и кафедру философии и политэкономии⁴⁸. С начала 1964/5 учебного г. Вейнберг числился на кафедре истории КПСС⁴⁹, читал курсы по археологии, истории древнего мира, новой и новейшей истории стран Азии и Африки для латышского и

⁴⁵ Официальный приказ о принятии И.П. Вейнберга на работу в ДПИ последовал чуть позже, 11 декабря 1962 г. DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 184–185.

⁴⁶ См.: DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 249. Л. 20.

⁴⁷ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 248. Л. 11, 14, 22.

⁴⁸ Soms 1996, 62.

⁴⁹ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 280. Л. 2–3.

русского потоков студентов ДПИ⁵⁰. В высших заведениях Латвии советского времени ценились преподавательские кадры, способные вести занятия на обоих языках⁵¹. По-русски И.П. Вейнберг говорил с небольшим латышским акцентом. Решением высшей аттестационной комиссии 31 июля 1965 г. Иоэл Песахович был утвержден в ученом звании доцента⁵².

В ДПИ при филологическом факультете работало заочное отделение для историков⁵³. С 1965/6 учебного года на том же факультете в качестве второй специальности была введена история, и Вейнберг теперь сосредоточился на преподавании только истории древности и археологии⁵⁴. 1 августа 1969 г. из кафедры истории КПСС в качестве отдельной структуры была выделена кафедра истории СССР и всеобщей истории (с 1990 – кафедра истории). Иоэл Песахович стал ее штатным сотрудником. Изначально кафедру возглавил Рихард Трей (1931–2013). С 1972 г. ей руководила Инта Степране (1926–1994)⁵⁵.

В протоколах заседаний 1975/6 учебного года Вейнберг иногда подписывался как заведующий. Очевидно, он был заместителем заведующего и руководил кафедрой во время отсутствия Степране⁵⁶. Занять должность заведующего ему, видимо, мешало отсутствие партийного билета, хотя, возможно, ученый и сам сторонился административной деятельности. Но 21 ноября 1977 г. состоялось его назначение на указанную должность, на которой он проработал до 11 января 1983 г.⁵⁷

Иоэл Песахович стремился улучшить работу историков института, однако руководство кафедрой накладывало на уже немолодого преподавателя дополнительные хлопоты. Приходилось участвовать в различных мероприятиях, не имевших научного значения и проходивших вне Даугавпилса⁵⁸. К началу 1980-х гг. Вейнберг подошел к пенсионному возрасту, ему стало сложнее выдерживать большие нагрузки по работе. Тогда же ученый обратился к местным властям с ходатайством об улучшении жилищных условий (проживал в двухкомнатной квартире, в доме «хрущевского» типа⁵⁹, на которую выменял прежнюю свою рижскую коммуналку⁶⁰), но получил отказ. В итоге он перенес инфаркт и был нетрудоспособен с конца декабря 1981 по середину апреля 1982 г., а 11 января 1982 г. написал заявление с просьбой освободить его от должности заведующего кафедрой истории СССР

⁵⁰ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 313. Л. 1–2; DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 314. Л. 1.

⁵¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1192. Л. 17.

⁵² DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 188.

⁵³ Soms 1996, 30–32.

⁵⁴ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 313. Л. 1–2; DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 314. Л. 7.

⁵⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 489; DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 1; Soms 1996, 62.

⁵⁶ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 299. Л. 13.

⁵⁷ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 20, 27; Вкладыш в трудовую книжку. Л. 2–3; Soms 1996, 62–63.

⁵⁸ Например, с 13 по 23 февраля 1979 г. в Москве прошло Всесоюзное совещание-семинар заведующих кафедрами истории СССР и всеобщей истории педагогических институтов. Вейнберг выступил с докладом «Вопросы культуры в вузовском курсе истории». DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 659. Л. 25; DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 203.

⁵⁹ Все годы пребывания в Даугавпилсе И.П. Вейнберг жил на ул. Пятого августа (сейчас – ул. Виенибас) 23, кв. 6. DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 179 об.

⁶⁰ В первые послевоенные годы Вейнберг жил в Риге на ул. Леона Пайгле (сейчас – ул. Антония) 9, кв. 6.; позже и вплоть до переезда в Даугавпилс занимал с женой и сыном две комнаты в коммунальной квартире на ул. Лачплеша 13, кв. 3. LVA. Ф. 1340. Оп. 7. Д. 3036. Л. 2 об.; PDVA. Ф. 3718. Оп. 5. Д. 730. Л. 2 об.

и всеобщей истории. Однако приказ ректора ДПИ о переводе его на должность профессора той же кафедры последовал только в начале января следующего г.⁶¹ И.П. Вейнберга сменила в роли главы кафедры Геновефа Барковская (1935–2021), занимавшая этот пост до 1992 г.⁶²

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В отчете кафедры марксизма-ленинизма за 1963/4 учебный год сказано, что Иоэл Песахович готовит докторскую диссертацию по теме «Социальная сущность и идеология Кумранской общины»⁶³. Позже научные интересы изменились, и, согласно плану работы кафедры истории КПСС ДПИ, к маю 1966 г. он обязался написать статью «Гражданско-храмовая община Иудеи в VI–IV веках до н.э.»⁶⁴. Тема диссертации также была изменена и летом 1968 г. выглядела так – «Гражданско-храмовая община как предтеча Кумранской общины»⁶⁵. Согласно данным, предоставленным Павлом, сыном Иоэла Песаховича, при подготовке докторской диссертации его отец больше всего контактировал с И.Д. Амусиным (1910–1984), который и был его главным консультантом.

В начале 1970 г. Вейнберг ездил в Москву, чтобы договориться о защите диссертации⁶⁶, окончательным названием которой стало «Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы»⁶⁷. Как указано в документах, работа над ней проходила с 1968 по 1973 гг.⁶⁸ (имелась в виду последняя редакция). Защита планировалась в Ленинграде, но в самый последний момент была отменена.

Несколько последовавших изменений в теме и сильная задержка защиты свидетельствуют о том, что все продвигалось непросто. Делу мешали бюрократические препоны в советской науке тех лет. Также нужно было приспособиться к идеологическим лекалам и менявшейся международной обстановке. Заниматься чистой иудаикой не представлялось возможным. В конце 1960-х и начале 1970-х гг. ситуация на Ближнем Востоке обострилась. В арабо-израильских конфликтах СССР поддерживал арабов и в 1967 г. разорвал дипломатические отношения с еврейским государством⁶⁹. Чиновники от науки требовали сформулировать тему так, чтобы она не содержала ассоциаций с Израилем. Сместить акцент на западные сатрапии Ахеменидской державы, частью которых являлся закавказский регион СССР, стало удачным выходом из положения. Грузинские коллеги предложили провести защиту в Тбилиси.

⁶¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 887. Л. 89, 96; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 909. Л. 3; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1015. Л. 29; DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 219.

⁶² Soms 1996, 63.

⁶³ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 250. Л. 4.

⁶⁴ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 314. Л. 5.

⁶⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 432. Л. 114.

⁶⁶ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 35.

⁶⁷ Вейнберг 1973.

⁶⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 256. Л. 6.

⁶⁹ Так, в 1969 г. журнал «Вестник древней истории» планировал напечатать статью И. Вейнберга «Коллективы, названные по местности в Nehemia 7 – Esra 2», но, очевидно, по политическим причинам снял ее с публикации. Позже материал увидел свет в другом издании и под несколько измененным названием. См.: Вейнберг 1974а, 341–353; Veinbergs 1969, 199, 202.

В автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук указано, что работа выполнена на кафедре истории СССР и всеобщей истории ДПИ, ведущее научно-исследовательское учреждение – Институт рукописей им. К.С. Кекелидзе АН Грузинской ССР. Защита прошла на заседании Ученого совета Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Ждавахишвили АН Грузинской ССР⁷⁰.

Объектом исследования диссертации И.П. Вейнберга была гражданско-храмовая община Палестины VI–IV вв. до н.э., полнее других отраженная в источниках ахеменидского времени. Изучались ее структура, генезис и место в древнеперсидской державе. Проводились сравнения с другими схожими институтами Ближнего Востока в древности⁷¹. Работа состояла из одиннадцати глав, заключения и приложения⁷².

Указывалось, что первые шаги, приведшие к возникновению гражданско-храмовой общины в Палестине, относятся к концу VI в. до н.э., окончательное же ее оформление произошло на рубеже V–IV вв. до н.э. Делается вывод, что она состояла из полноправных, относительно равных в социальном и имущественном отношении лиц, объединенных вокруг храма Йахве. Рабство было распространено, но не играло ведущей роли. Община была типологически близкой к подобным структурам Малой Азии, Армении и Вавилонии этого же периода, но более архаичной. Гражданско-храмовую общину Палестины нельзя, по мнению автора, определять как античный полис, так как в ней господствовали иные аграрные отношения и другой характер взаимосвязи сельской местности с городами, имелся ряд локальных особенностей. До середины IV в. до н.э. она, как и другие храмовые объединения западных провинций Персидской державы, являлась опорой Ахеменидов⁷³.

Решением высшей аттестационной комиссии 7 декабря 1973 г. И.П. Вейнбергу была присуждена ученая степень доктора исторических наук. 21 февраля 1974 г. об этом был выдан диплом⁷⁴. 10 июля 1974 г. ученый был утвержден в должности профессора кафедры истории СССР и всеобщей истории ДПИ⁷⁵.

В 60–80-е гг. Вейнберг постоянно ездил в научные командировки в Москву и Ленинград для работы в научных библиотеках и прохождения стажировок, собирал материалы для новых спецкурсов и серий научных статей, часто бывал в секторе древневосточных обществ Института востоковедения АН СССР и выступал там с докладами⁷⁶, знакомился с ученой элитой СССР и приезжавшими иностранными гостями⁷⁷.

⁷⁰ Оппонентами на защите диссертации были д.ист.н., проф. И.М. Дьяконов, д.ист.н., проф. Э.А. Менабде, д.фил.н. проф. К.Г. Церетели. Вейнберг 1973, 2.

⁷¹ Вейнберг 1973.

⁷² Вейнберг 1973, 6.

⁷³ Вейнберг 1973, 23–25, 31–32.

⁷⁴ DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 189.

⁷⁵ DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 211.

⁷⁶ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 19; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1062. Л. 30; DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 221. Например, И.П. Вейнберг прочитал доклад «Хронист и пророческие традиции» на общегородском Ленинградском ассириологическом семинаре при Институте востоковедения АН СССР, проходившем 4–7 февраля 1975 г. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 179. Л. 17.

⁷⁷ Во второй половине января и первой половине февраля 1978 г. он был на стажировке в Москве при Институте востоковедения АН СССР. Вновь там же месяц стажировался в начале 1983

Начиная с середины 60-х гг. он постоянно принимал участие во всесоюзных научных конференциях по истории Древнего Востока, античности и семитологии. Мероприятия проходили в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ереване. Первоначально И.П. Вейнберг выступал с докладами по тематике готовящейся докторской диссертации, а потом и по другим вопросам истории Древнего Востока, Палестины и библеистики⁷⁸. Некоторые подобные мероприятия имели международный статус, на них съезжались ученые разных стран. Например, в июле 1984 г. Вейнберг участвовал в проходившей в Ленинграде Тридцать первой международной конференции ассириологов (*Rencontres assyriologiques internationales*), темой которой было «Древняя Месопотамия и ее северные соседи (политические, экономические и культурные отношения)». Присутствовало более двухсот участников из двадцати четырех стран⁷⁹.

В 1970-е гг. Иоэл Песахович вышел на всесоюзный уровень и был известным и уважаемым коллегами ученым. Подтверждением признания явилось то, что профессору стали поручать подготовку глав и разделов в многотомных обобщающих академических изданиях, посвященных истории древности (см.: История древнего мира. II. М., 1982)⁸⁰. Он слыл человеком с широкими интересами и постоянным стремлением познавать новое. Во второй половине 1970-х и 1980-е гг.

года. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 40–41; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1015. Л. 30–31.

⁷⁸ На Второй всесоюзной конференции семитологов 14–18 июня 1966 г. в Тбилиси выступил с докладом «К вопросу о характере Бейт Авот в Иудее VI–IV вв. до н.э.». (Бейт Авот – дом престарелых). См.: Недоспасова, Шанидзе, Луцкая 1967, 236.

На Четвертой всесоюзной конференции по Древнему Востоку в Ленинграде 5–10 февраля 1968 г. прочитал доклад «Некоторые черты развития жречества в Ахеменидской Иудее». См.: Богословский, Васильев, Васильков, Гиоргадзе, Канева, Лившиц, Шифман, Якобсон 1969, 150, 158.

27–30 мая 1968 г. в Москве на Всесоюзной конференции по проблемам античности выступил с докладом «Жреческое земледелие по данным ветхозаветных материалов VI–IV вв. до н.э.». См.: Вейнберг 1968б, 8–10.

В 1969 г. в Ереване на всесоюзном симпозиуме «Город и торговля древнего Востока III–I тыс. до н.э.» прочитал доклад «Город и “хора” в Ахеменидской Иудее». См.: Вейнберг 1969, 7–9.

На Пятой всесоюзной сессии по древнему Востоку 6–9 апреля 1971 г. в Тбилиси выступил с докладом «Палестинская гражданско-храмовая община в Ахеменидской державе (вопросы управления и самоуправления)». См.: Вейнберг 1971, 66–69.

Участвовал в XIV международной конференции античников социалистических стран, проходившей 18–23 мая 1976 г. в Ереване. Мошкова, Пичикян 1977, 327; Саркисян 1979, 141.

На Третьей всесоюзной семитологической конференции в Тбилиси, проходившей с 11 по 14 декабря 1977 г., Вейнберг прочитал доклад «Хронист как историк». DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 29–30.

В 1978 г. Вейнберг выступил в Москве на конференции, организованной журналом ВДИ, «Проблемы полиса и хора» с докладом «Город в ближневосточных генеалогиях I тысячелетия до н.э.». Иванова, Илюшечкин, Исаева, Сапрыкин 1979, 216–218, 230.

На Восьмой всесоюзной научной конференции по Древнему Востоку, проходившей 6–8 февраля 1979 г. в Москве, выступил с докладом «Особенности понятийной системы в книге Паралипоменон». Ванин, Кузенков, Немчинов, Раевский, Смагина, Тараканова 1979, 170.

В июле 1986 г. на Всесоюзной научной конференции в Ленинграде прочитал доклад «Бог и человек в картине мира исторических книг Библии». DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1257. Л. 11.

В 1991 г. принимал участие в двух конференциях в Москве. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1849. Л. 1.

⁷⁹ Арунова, Алаев, Репнева, Носкова, Шкода, Райт 1985, 133–134.

⁸⁰ Вейнберг 1982в, 110–127, 198–212. Трехтомник несколько раз переиздавался, см.: Вейнберг 1983, 195–209; Вейнберг 1989, 95–114, 183–197.

В изданном в 1997 г. первом томе «Истории Востока» И.П. Вейнберг являлся автором нескольких глав и разделов. См.: Вейнберг 1997, 351–369, 490–504, 562–566, 590–596.

Вейнберг вышел на международный научный уровень. Его публикации и участие в конференциях сначала по большей части выходили в европейских странах соцлагеря, несколько позже и в капиталистических. 1970–1980-е гг. – период расцвета преподавательской и научной деятельности Вейнберга.

Так, 25–30 апреля 1974 г. И.П. Вейнберг был на научной конференции в Венгрии⁸¹ и потом представил в Будапешт для публикации несколько научных статей⁸². В конце 1976 г. он собирался посетить коллоквиум в Лувенском католическом университете (Бельгия)⁸³, в ноябре 1979 г. ездил в научную командировку в Восточную Германию, где прочитал циклы лекций в университетах им. Фр. Шиллера (Йена), им. М. Лютера (Галле) и в Институте древней истории и археологии АН ГДР в Берлине⁸⁴. В 1991 г. исследователь принимал участие в конференции библейского общества в Риме⁸⁵.

С конца 1960-х гг. работы Иоэла Песаховича выходили одна за другой на разных языках (русском, латышском, немецком, английском, иврите) в России, Латвии, Грузии, Армении, ГДР, Венгрии, Чехословакии, Бельгии, ФРГ, Англии, США, Франции, позже в Израиле. В год в различных сборниках и журналах публиковалось по несколько его научных статей. Ученый является автором многих книг.

После защиты докторской диссертации исследования велись им не спонтанно, а по определенному плану и в рамках установленных самим же ученым сроков. В отчете о научной работе кафедры за 1980 г. указано, что статьями «Die ausserkanonischen Prophezeiungen in den Chronikbüchern»⁸⁶ («Неканонические пророчества в книгах Паралипоменон») и «Город в ближневосточных генеалогических рубежах II–I тыс. до н.э.»⁸⁷ проф. И.П. Вейнберг завершил запланированный на 1975–1980 гг. цикл исследований об историческом мышлении на древнем Ближнем Востоке⁸⁸.

По публикациям видно, как в 1970-е гг. происходил постепенный переход И.П. Вейнберга от социально-экономических и классовых схем к культурологическим и мировоззренческим вопросам в изучении древности. Это иллюстрируют названия некоторых работ (см. статью 1974 г. «Рабы и другие категории зависимых людей в Палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н.э.»⁸⁹ и статью 1977 г. «К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке»⁹⁰). Перемена связана с ослаблением идеологического давления со стороны государства.

Научные взгляды Иоэла Песаховича сложились в 1960–1970-е гг. Большое влияние на него оказал методологический подход медиевиста А.Я. Гуревича (1924–2006), стремившегося установить контакт ученого с прошлым и возродить

⁸¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 89. Л. 17.

⁸² DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 179. Л. 17.

⁸³ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 399. Л. 2.

⁸⁴ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 719. Л. 28; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 742. Л. 27; DUA. Ф. T-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 218.

⁸⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1793. Л. 6; DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1849. Л. 1.

⁸⁶ Weinberg 1978, 387–404.

⁸⁷ Вейнберг 1980, 57–71.

⁸⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 763. Л. 4.

⁸⁹ Вейнберг 1974б, 63–66.

⁹⁰ Вейнберг 1977, 63–85.

ментальный универсум тех, кто давно канул в Лету⁹¹. Вейнберг, в свою очередь, пытался реконструировать систему координат, с помощью которой люди древности ориентировались в окружающем мире, и через это понять их⁹². Не случайно разбивка на главы некоторых книг выглядит так: «Древневосточный человек и мир природы»; «Древневосточный человек и мир вещей»; «Древневосточный человек и мир людей»⁹³.

Разобраться в ходе истории ему очень помогла теория К. Ясперса (1883–1969) об «Осевом времени» человечества⁹⁴. Речь идет о резких изменениях и идейных прорывах, которые одновременно происходили в разных частях света. Ясперс указывал: «Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н.э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н.э.»⁹⁵. На этом основывается тезис Вейнберга, что историческая мысль и историописание на Ближнем Востоке и в Древней Греции возникли примерно в одно и то же время. Позже на базе обширного материала профессор это пытался доказать в изданной в 1993 г. монографии «Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э.»⁹⁶.

Будучи атеистом и занимаясь Библией, Иоэл Песахович интересовался только наукой и чисто научным подходом. Он глубоко погружался в исследуемый им текст, проводил его лингвистический, статистический, семантический и концептуальный анализ, сравнивал с другими письменными источниками Древнего Востока, выявлял смысловое значение и чистоту употребления ключевых слов и на этом основании делал выводы. Иными словами, он шел в том же направлении, что и некоторые западные ученые⁹⁷.

Часть написанных им в 1970-е гг. работ вышли в свет только через много лет. Так, в виде монографии не была опубликована докторская диссертация И.П. Вейнберга «Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы», хотя на заседании кафедры истории СССР и всеобщей истории ДПИ в январе 1970 г. такая возможность обсуждалась и диссертацию рекомендовали к печати в качестве книги⁹⁸. Поэтому ее полный текст долгие годы не был доступен широкому кругу читателей (в виде разрозненных статей издавались только отдельные сюжеты) и вышел в дополненном и переработанном виде на английском языке только в 1992 г.⁹⁹

Та же судьба была у подготовленной в 1976–1979 гг. монографии Вейнберга, содержащей анализ исторического мышления древнего Ближнего Востока на примере книг Паралипоменон (состояла из предисловия, шести глав и заключения,

⁹¹ Гуревич 1990, 8–9.

⁹² Saleniece 2011, 26–28.

⁹³ Вейнберг 1986, 208.

⁹⁴ Saleniece 2011, 28.

⁹⁵ Ясперс 1994, 32.

⁹⁶ Вейнберг 1993; Шварцбанд 1996, 228–230.

⁹⁷ Общетеоретические работы, см.: Фуко 1977; Гадамер 1988; 1991.

⁹⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 20–21.

⁹⁹ Weinberg 1992; См. отзывы: Hurowitz 1995, 118–119; Свенцицкая 1996, 225–227.

объемом 309 страниц машинописи)¹⁰⁰. С изменениями и дополнениями на базе уже напечатанных статей она была опубликована также только в 1990-е гг.¹⁰¹

Кроме того, Иоэл Песахович писал отзывы на книги, рецензировал и редактировал различные издания¹⁰². Во второй половине 1970-х гг. он работал над составлением хрестоматии по истории Древнего Востока «*Materiāli Seno Austrumu vēsturē I*» («Материалы по истории Древнего Востока I»), которая представляет из себя учебное пособие (первое на латышском языке) для проведения семинарских занятий по истории Древнего Востока III–II тыс. до н.э. Осенью 1979 г. кафедра истории СССР и всеобщей истории ДПИ рекомендовала его к печати¹⁰³, и оно вышло в 1981 г. под названием «*Teksti Seno Austrumu vēsturē*» («Тексты по истории Древнего Востока»)¹⁰⁴. Задумывалась и вторая часть по I тыс. до н.э., но так и не была подготовлена. В 1991 г. ученый окончил работу над серией статей по мифологии Древнего Востока¹⁰⁵ для энциклопедии на латышском языке¹⁰⁶.

ПРЕПОДАВАНИЕ И РАБОТА НА КАФЕДРЕ

И.П. Вейнберг слыл строгим преподавателем, халатное отношение со стороны учащихся им не допускалось. В то же время он умел заинтересовать слушателей и поощрял тех, кто готов был работать. Для первокурсников в его годовых планах значились усиленная система консультаций по узловым проблемам древней истории (два часа в неделю) и усиленная система коллоквиумов по основам археологии и истории древнего мира (четыре в течение учебного года)¹⁰⁷. Профессор уделял внимание совершенствованию учебного процесса в сторону самостоятельной работы студентов¹⁰⁸.

Его отношение к преподаванию было творческим. Много, что не входило в круг формальных обязанностей, Иоэл Песахович готов был делать бесплатно, если это улучшало качество подготовки учащихся. Так, на заседании кафедры истории СССР и всеобщей истории в начале лета 1978 г. он совместно с преподавательницей Г. Барковской поднял вопрос о дополнительных лекциях для заочников без всякой нагрузки (то есть без оплаты труда), так как это давало хороший результат¹⁰⁹.

Под руководством Вейнберга над курсовыми и дипломными работами в год трудилось иногда более десяти студентов ДПИ. Тематика этих исследований охватывала историю и культуру античности и Древнего Востока, имела философскую и религиозноведческую направленность. Приведем несколько примеров тем

¹⁰⁰ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 719. Л. 23–24.

¹⁰¹ См.: Вейнберг 1993; Weinberg 1996.

¹⁰² Вейнберг 1968а, 160–164; 1972, 143–148; Вейнберг, Свенцицкая 1980, 183–190; Амусин 1993. В 1987/8 учебном году рецензировал учебное пособие на латышском языке, которое в Риге подготовила кафедра классической филологии ЛГУ. См.: Fomina, 1990.

¹⁰³ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 719. Л. 15; Д. 742. Л. 21.

¹⁰⁴ Veinbergs 1981.

¹⁰⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1849. Л. 1.

¹⁰⁶ См.: Veinbergs 1993, 87–115, 116–130, 276–279, 285–286; 1994, 51–55, 296–303, 349–360, 375–376.

¹⁰⁷ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 659. Л. 5.

¹⁰⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1543. Л. 9.

¹⁰⁹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 54.

студенческих работ 1970–1980-х гг.: «Система этических представлений в Древнем Египте»; «Картина мира в эпосе о Гильгамеше»; «Человек в древнеближневосточной литературе мудрости»; «Система этических ценностей в диалогах Платона»; «Евангелические притчи как исторический источник»; «Греческий полис и римская *civitas* глазами Плутарха»; «Опыт изучения религиозных культов Боспорского царства (по данным Корпуса боспорских надписей)»; «Письма императора Юлиана как исторический источник»¹¹⁰. Сами по себе формулировки тем свидетельствуют о достаточно высоких предъявляемых к учащимся требованиях.

Для углубленного изучения студентами ДПИ узловых проблем древней истории большой интерес представляли проводившиеся И.П. Вейнбергом в разное время спецкурсы и спецсеминары. Среди них значились: «Греческая классическая культура V в. до н.э.»; «Геродот – отец истории»; «Человек в древневосточной культуре»¹¹¹; «Сущность древневосточной культуры»; «Человек в древневосточной модели мира»; «Географические открытия и географические знания в древности»; «Ближневосточный и западный предэллинизм»¹¹². Некоторые из указанных сюжетов были использованы для подготовки книги «Человек в культуре древнего Ближнего Востока»¹¹³, ставшей потом обязательной для освоения студентами – историками первого курса ДПИ¹¹⁴.

С 1960-х гг. в ДПИ работали студенческие научные кружки (далее – СНК) по углубленному изучению истории и культуры. В разное время в год функционировало от трех до пяти СНК: клуб революционных традиций, по истории древнего мира, новой истории, истории русской культуры, новейшей истории и истории латышской школы. Вдохновителем кружка по истории древности, конечно же, был И.П. Вейнберг. Именно этот кружок всегда был наиболее популярным среди студентов, его заседания посещало¹¹⁵ гораздо больше учащихся, чем другие СНК (25–30 человек в год, тогда как в других в разы меньше)¹¹⁶. Студентов притягивала харизматичная личность Иоэла Песаховича.

¹¹⁰ См.: DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 28, 39; Д. 675. Л. 20–21, 23; Оп. 7. Д. 299. Л. 2; Д. 399. Л. 2; Д. 529. Л. 20; Д. 887. Л. 48; Д. 1062. Л. 34; Д. 1423. Л. 10, 13; Д. 1624. Л. 8–9.

¹¹¹ План спецкурса «Человек в древневосточной культуре» (для студентов пятого курса ДПИ 1981/2 учебного года): 1. Восприятие древневосточным человеком системы «человек – природа». 2. Восприятие древневосточным человеком пространства и времени. 3. Древневосточный человек и мир его вещей. 4. Восприятие физического и психического на Древнем Востоке. 5. «Мы» – «они» глазами древневосточного человека. 6. Государство и царь в глазах древневосточного человека. 7. Семья и школа в восприятии древневосточного человека. 8. Счастье – каково оно? 9. Древневосточный человек и мир его богов. 10. Жизнь и смерть глазами древневосточного человека. 11. Древневосточная культура и мы. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 887. Л. 57.

¹¹² DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 299. Л. 2; Д. 529. Л. 52; Д. 803. Л. 28–29; Д. 887. Л. 45; Д. 1192. Л. 34.

¹¹³ Вейнберг 1986, 5.

¹¹⁴ Кузнецова 2013, 18.

¹¹⁵ На заседаниях кружка по истории древности (указано в соответствии с тематическим планом 1977/1978 учебного года; председателем кружка значился студент четвертого курса И.Ю. Шенберг, а руководителем проф. И.П. Вейнберг): 1) занимались углубленным изучением различных аспектов культуры Древнего Востока; 2) знакомились с новейшими работами ученых; 3) проводили вечера вопросов и ответов, делились путевыми заметками. Форма работы: 1) изучение выбранных проблем и чтение докладов на заседаниях кружка и научных конференциях ДПИ, а также иных конференциях; 2) в процессе подготовки на заседаниях кружка обсуждались доклады. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 24.

¹¹⁶ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 2–3; Оп. 7. Д. 399. Л. 1; Д. 659. Л. 26; Д. 680. Л. 8; Д. 825. Л. 20; Д. 1257. Л. 10; Д. 1285. Л. 3.

В 1960–1980-е годы и далее¹¹⁷ ДПИ ежегодно проводил студенческие научно-методические конференции. В некоторые годы работала секция по истории Древнего мира под руководством Вейнберга. В конференциях принимали участие гости из других вузов¹¹⁸. Учащиеся-историки ДПИ также читали доклады на студенческих конференциях в разных городах СССР (Рига, Вильнюс, Псков, Ижевск, Тбилиси), выдвигали свои работы на республиканские и межреспубликанские конкурсы, и некоторые получали призовые места¹¹⁹.

На заседаниях кафедры истории СССР и всеобщей истории, помимо обычных рассматривавшихся вопросов (распределение нагрузки, порядок проверки знаний учащихся, утверждение учебных планов и тем дипломных работ студентов, отчеты о проделанной работе), разбирали лекции коллег для повышения качества работы¹²⁰. Кроме того, обсуждали новые научные труды И.П. Вейнберга и других преподавателей. Профессор часто выступал с научными сообщениями¹²¹. В 1980-е гг. кафедра сотрудничала с Академиями наук Грузии и Армении¹²².

В 1978 г. Вейнберг предложил больше приглашать преподавателей из других структурных подразделений ДПИ и иных вузов¹²³. В результате в 1978–1979 учебном году стала расширяться практика привлечения к семинарам (по темам «Сущность греческой классической культуры», «Кризис античной культуры», «Культура итальянского Возрождения») преподавателей кафедры русской и зарубежной литературы ДПИ и других учебных заведений, например, проф. А.Д. Ролову (род. 1920) из ЛГУ (Рига)¹²⁴.

Для чтения студентам старших групп факультативного курса «Новое в исторической науке», введенного в 1979/80 учебном г., приезжали ведущие специалисты из Риги и Москвы: проф. И.С. Свенцицкая (Москва) – «Новое в изучении истории древнего мира», проф. А. Ролова (Рига) – «Новое в изучении средних веков», проф. Я. Варславан (Рига) – «Актуальные проблемы истории Латвии», доц. Е.И. Муравская (Рига) – «Новые проблемы истории СССР»¹²⁵.

Кафедра истории СССР и всеобщей истории ДПИ организовала и провела 13–14 ноября 1980 г. научно-методологический семинар «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах» (Девятая конференция по Древнему Востоку)¹²⁶. Подготовка его велась основательно и началась задолго до проведения мероприятия. Было задействовано министерство высшего и среднего специального образования ЛССР¹²⁷.

¹¹⁷ См.: Podiņš 1992.

¹¹⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 25; Д. 1015. Л. 8; Д. 1192. Л. 7–8; Д. 1257. Л. 10; Д. 1720. Л. 20.

¹¹⁹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 825. Л. 20; Д. 1285. Л. 3.

¹²⁰ В некоторых случаях коллеги посещали лекции друг друга, но могло быть обсуждение и только их подготовленных конспектов. См.: DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 7, 10–11, 17; Д. 675. Л. 4–5, 9, 16; Оп. 7. Д. 825. Л. 8; Д. 1192. Л. 10.

¹²¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 20–21; Д. 675. Л. 10, 12; Оп. 7. Д. 399. Л. 15; Д. 529. Л. 53; Д. 719. Л. 15; Д. 742. Л. 21; Оп. 7. Д. 887. Л. 96; Д. 1015. Л. 11; Д. 1423. Л. 6; Д. 1423. Л. 6.

¹²² DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1285. Л. 3.

¹²³ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 54.

¹²⁴ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 659. Л. 25.

¹²⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 719. Л. 69–70.

¹²⁶ Вейнберг 1982а, 191–195.

¹²⁷ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 659. Л. 25.

Рис. 5. – И. Вейнберг с членами семьи на экскурсии в Иордании. Слева направо: Павел (сын), Любовь (жена), Иоэл и Диана (невестка). 1994 г. Семейный архив Павла Вейнберга.
Fig. 5. – J. Weinberg with family members on excursions in Jordan. From left to right: Pavel (son), Lyubov (wife), Joel and Diana (daughter-in-law). 1994. Achieve of Pavel Weinberg.

В Даугавпилс съехались ведущие ученые из Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку, Минска, Новгорода, Риги (всего 21 человек), с которыми могли пообщаться студенты и преподаватели города. Приняли участие: И.М. Дьяконов (1915–1999), В.В. Иванов (1929–2017), Г.Х. Саркисян (1926–1998), И.С. Свенцицкая (1929–2006), М.А. Шанидзе (род. 1926) и другие¹²⁸. Вейнберг на указанном мероприятии выступил с докладом «Космос и олам¹²⁹: о правомерности со- или противопоставления». Он пришел к выводу, что древнегреческое слово «космос» и многократно упомянутый в Ветхом Завете «олам» находятся на различных таксономических уровнях, поэтому их сопоставление или противопоставление неправомерно¹³⁰.

В 1985 г. перед студентами и учителями Даугавпилса лекции прочитали: проф. А.Д. Ролова – «Значение изучения культуры эпохи Возрождения в шестом классе», доц. В. Павулан (ЛГУ, Рига) – «Средневековая культура и вопросы ее преподавания в школе», д.и.н. В.И. Савченко (АН СССР) – «Проблемы историографии Великой отечественной войны»¹³¹.

На базе кафедры 14–15 ноября 1985 г. в Даугавпилсе была проведена всесоюзная научная конференция «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете» (Десятая конференция по Древнему Востоку).

¹²⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 763. Л. 5; Вейнберг 1982 г.

¹²⁹ Олам – слово древнееврейского языка, означающее мир, сфера.

¹³⁰ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 763. Л. 4; Вейнберг 1982а, 193–194; 1982б, 41–42.

¹³¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1285. Л. 3.

Состав участников оказался еще более представительным, чем в 1980 г.¹³² Приехали видные востоковеды СССР И.М. Дьяконов, Е.С. Богословский (1941–1990), В.К. Афанасьева (род. 1933 г.) и другие. Доклады читались по ключевым проблемам древневосточной лингвистики, мифологии, культуры и проблемам преподавания истории в вузах. Работало несколько секций: «Повседневная жизнь Древнего Востока», «Мировоззрение человека Древнего Востока» и «Древневосточные языки»¹³³. И.П. Вейнберг выступил с сообщением «Царь в хронистской картине мира»¹³⁴, в котором он основывался на библейских источниках, но анализировал более поздний этап представлений о царской власти, в соответствии с которым последняя больше рассматривалась как явление земное, а не божественное.

В 1987/8 учебном году прочитать лекции в Даугавпилс пригласили проф. В.Ф. Антонова (МГПИ им. В.И. Ленина) и проф. А. Варславана. Перед учителями и студентами выступала проф. И. Апине (ЛГУ, Рига)¹³⁵.

Кафедра оказывала помощь своим выпускникам путем переписки и организации семинаров-встреч¹³⁶. Иоэл Песахович постоянно читал лекции учителям и бывшим учащимся¹³⁷, выступал на радио¹³⁸, популяризируя науку.

В качестве общественной нагрузки в разные годы Вейнберг был членом научно-методологического совета, председателем секции усовершенствования чтения лекций и лектором общества «Знание», в котором являлся одним из самых активных участников¹³⁹. В начале 1980-х гг. он числился членом постоянного организационного комитета Всесоюзных сессий по Древнему Востоку¹⁴⁰.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Со второй половины 1980-х гг. проф. И.П. Вейнберг активно выступал с курсами лекций в учебных заведениях Риги. В апреле 1986 г. на историко-философском факультете ЛГУ он провел для студентов спецкурс «Человек и боги на древнем Ближнем Востоке»¹⁴¹, в ЛУ в 1991 г. читал отдельные курсы будущим журналистам и философам, а в Академии художеств столицы Латвии студентам отделения искусства факультета педагогики¹⁴², в 1992 г. вел занятия на теологическом факультете ЛУ. В начале 1990-х гг. ученый был ректором Свободного еврейского университета в Риге¹⁴³ и прочитал там несколько лекционных курсов по Ветхому

¹³² Вейнберг 1985а.

¹³³ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1285. Л. 3; Вейнберг 1987, 47; Кондырева 1986, 95–97.

¹³⁴ Вейнберг 1985б, 17–18.

¹³⁵ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1543. Л. 2.

¹³⁶ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 803. Л. 11.

¹³⁷ В рамках указанных циклов И. Вейнберг в октябре 1977 г. прочитал лекцию «Задачи свободомыслия на Древнем Востоке», в апреле 1978 – «Атеизм в античности», в октябре 1979 г. – «Проблемы перехода от первобытнообщинного строя к классовому обществу», в октябре 1980 г. – «Классовая структура рабовладельческого общества и его особенности». DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 529. Л. 13–14; Д. 719. Л. 10; Д. 803. Л. 10.

¹³⁸ Например, в 1979 г. «Pārrunas par reliģiju un ateismu» («Беседы о религии и атеизме»). Rīgas radio pārraidījumi. DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 680. Л. 2.

¹³⁹ DZVA. Ф. 246. Оп. 1. Д. 578. Л. 20–21; Оп. 7. Д. 659. Л. 28.

¹⁴⁰ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 825. Л. 22.

¹⁴¹ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1257. Л. 11.

¹⁴² DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1849. Л. 1.

¹⁴³ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1850. Л. 3.

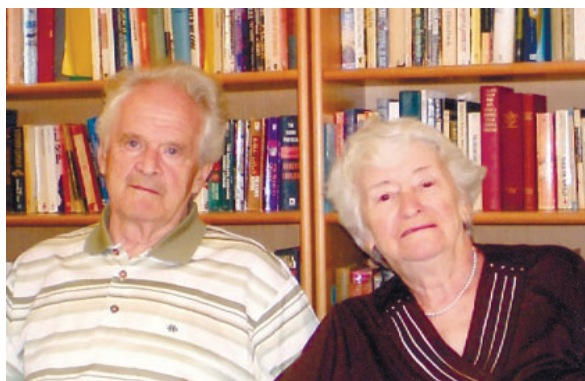

Рис. 6. – Иоэл Вейнберг с супругой Любовью. Иерусалим. Около 2009 г. Семейный архив Павла Вейнберга.

Fig. 6. – Joel Weinberg with his wife Lyubov. Jerusalem. Around 2009. Achieve of Pavel Weinberg.

Завету и истории евреев в древности (например, об «Александрийской еврейской диаспоре»). Кроме того, в Ригу приезжали другие преподаватели из Израиля. Такие мероприятия вызывали большой интерес, аудитории заполнялись полностью. С подобными лекциями выступал Вейнберг и перед еврейской аудиторией других крупных городов бывшего СССР.

24 сентября 1990 г. И.П. Вейнберг в первый раз подал на имя ректора ДПИ заявление о выходе на пенсию, но через несколько дней был вновь принят на работу на должность профессора кафедры Истории с четвертью ставки учебной нагрузки. В начале 1991 г. ставка была доведена до трети, а в октябре 1991 г. до половины¹⁴⁴. Указанное, очевидно, происходило по просьбе руководства вуза, коллег и студентов, не хотевших с ним расставаться.

В конце августа 1992 г. в связи с семидесятилетием проф. И.П. Вейнберга ДПИ предоставил ему премию в 2000 руб.¹⁴⁵, что после краха СССР и начавшейся гиперинфляции было незначительной денежной суммой¹⁴⁶. В 1990-е годы образовательная система и наука восстановившей независимость Латвии переживала не лучшие времена. Ее поразила беспросветная бедность. Не спасали от этого и былые заслуги ученых.

В 1992–1993 гг. И.П. Вейнберг значился научным руководителем в докторантуре антиковеда Харийса Туманса, ныне профессора историко-философского факультета ЛУ. Однако тогда же он принял решение репатрироваться в Израиль и поселился с женой в Иерусалиме, окончательно уволившись из ДПИ 1 апреля

¹⁴⁴ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1762. Л. 3; DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 225–237.

¹⁴⁵ DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 238.

¹⁴⁶ Зарплата проф. И.П. Венберга в 1976 г. была 450 руб. в месяц, в 1989/90 учебном году – 550 руб. Осенью 1989 г. он получил премию 100 руб. У этих денег тогда была совершенно другая покупательная способность, чем в 1992 г. Однако не нужно забывать о присущих советской системе особенностях и неудобствах (дефицит ширпотреба и т.п.). DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 1720. Л. 21; DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 215.

1993 г.¹⁴⁷ С 1994 по 2000 гг. ученый был профессором отделения Библии и Древнего Востока в Университете Безр-Шеве им. Бен-Гуриона и раз в неделю ездил туда почти на целый день. По большей части он вел достаточно скромную жизнь пенсионера. Связь с Латвией и Россией он не терял и продолжал в этих странах публиковаться.

Секрет успеха Иоэла Песаховича кроется не только в способностях и хорошей подготовке (база которой была заложена в еврейских начальных школах и гимназии в Риге 1930-х гг.), но главным образом в необычайном трудолюбии. Вейнберг никогда не находился без дела. На кафедре истории СССР и всеобщей истории ДПИ долгое время у него была самая большая почасовая нагрузка среди коллег (около семи преподавателей)¹⁴⁸; кроме того, он выполнял значительный объем научной и общественной работы. Все этому не мешало достижение профессором уже в начале 80-х гг. пенсионного возраста.

И.П. Вейнберг был интеллектуалом и знатоком не только Ветхого Завета и истории евреев в древности. Его интересовали и другие сюжеты истории Ближнего Востока и античности, философские и культурологические вопросы. Последнее видно по указанному ранее перечню спецкурсов, которые он вел в ДПИ, темам дипломных и курсовых работ студентов, написанных под его руководством, и научным публикациям.

Феномен Иоэла Песаховича уникален для Латвии, заметную роль он сыграл в востоковедении СССР, России и Израиля, стал ученым с мировым именем¹⁴⁹. Признание заслуг Вейнберга выразилось в многочисленных поощрениях, которые ему неоднократно выражало начальство. Указом президиума Верховного Совета ЛССР 1983 г. ученый был награжден медалью «Ветеран труда»¹⁵⁰. В 1996 г. ему было присвоено звание Почетного доктора ДПУ, а в 2001 – премия Спидолы Латвийского фонда культуры¹⁵¹.

Скончался проф. И.П. Вейнберг в Иерусалиме 20 мая 2011 г. и там же был похоронен на кладбище «Гора упокоения» (הר הזנוחה, Har ha menuha).

ЛИТЕРАТУРА

- Амусин, И.Д. 1993: *Проблемы социальной структуры обществ древнего Ближнего Востока (I тыс. до н.э.) по библейским источникам: сборник статей*. М.
- Арунова, М.Р., Алаев, Л.Б., Репнева, И.Ф., Носкова, Л.М., Шкода, В.Г., Райт, В.Я., 1985: Хроникальные заметки. *НАА* 4 127–136.
- Богословский, Е.С., Васильев, К.В., Васильков, Я.В., Гиоргадзе, Г.Г., Канева, И.Т., Лившиц, В.А., Шифман, И.Ш., Якобсон, В.А. 1969: IV сессия по древнему Востоку. *ВДИ* 108/2, 150–169.
- Ванин, Ю.В., Кузенков, А.А., Немчинов, В.М., Раевский, Д.С., Смагина, Е.Б., Тараканова, Е.П. 1979: Хроникальные заметки. *НАА* 4, 169–175.

¹⁴⁷ DUA. Ф. Т-V. Оп. 6. Д. 410. Л. 240.

¹⁴⁸ DZVA. Ф. 246. Оп. 7. Д. 659. Л. 9; Д. 825. Л. 7; Д. 1062. Л. 7; Д. 1490. Л. 1; Д. 1596. Л. 3; Д. 1670. Л. 1.

¹⁴⁹ Отзывы на научные работы И.П. Вейнберга публиковали за границей уже в 1970-е гг. См.: A.N.M. 1973, 325–326.

¹⁵⁰ Вкладыш в трудовую книжку. Л. 16–17.

¹⁵¹ Soms, Šaudiņa 2001, 107.

- Вейнберг, И.П. 1954: *Образование провинции Азии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Л.
- Вейнберг, И.П. 1968а: «Verbannung und Heimkehr. Beiträge zur Geschichte und Theologie Israels im 6. und 5. Jahrhunderts v. Chr. W. Rudolph zum 70. Geburtstag dargebracht», Tübingen, 1961. *ВДИ* 106/4, 160–164.
- Вейнберг, И.П. 1968б: Жреческое земледелие по данным ветхозаветных материалов VI–IV вв. до н.э. В кн.: *Программа заседаний и тезисы докладов конференции по проблемам античности*. Москва, 27–30 мая 1968 г. М., 8–10.
- Вейнберг, И.П. 1969: Город и «хора» в Ахеменидской Иудее. В кн.: *Тезисы докладов Всесоюзного симпозиума «Город и торговля Древнего Востока III–I тыс. до н.э.»*. Ереван, 7–9.
- Вейнберг, И.П. 1971: Палестинская гражданско-храмовая община в Ахеменидской державе (вопросы управления и самоуправления). В кн.: *V всесоюзная сессия по Древнему Востоку, 6–9 апреля 1971 г.. Тезисы докладов*. Тбилиси, 66–69.
- Вейнберг, И.П. 1972: «Тексты Кумрана». Вып. I. Перевод с древнееврейского и арамейского, введение и комментарий И.Д. Амусина. М., Изд-во Наука, 1971, 495 с. («Памятники письменности Востока»). *ВДИ* 122/4, 143–148.
- Вейнберг, И.П. 1973: *Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы*: автореф. дисс. на соиск. уч. ст. док. ист. н. Тбилиси.
- Вейнберг, И.П. 1974а: Коллективы, названные по местностям в Ахеменидской Иудее. *Archiv Orientalní* 42 341–353.
- Вейнберг, И.П. 1974б: Рабы и другие категории зависимых людей в Палестинской гражданско-храмовой общине VI–IV вв. до н.э. *Палестинский сборник* 25/88, 63–66.
- Вейнберг, И.П. 1977: К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке. В кн.: Г.Г. Гиоргадзе, Д.А. Хахутайшвили (ред.), *Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник*. Вып. V. Тбилиси, 63–85.
- Вейнберг, И.П. 1980: Город в ближневосточных генеалогических рубежах II–I тыс. до н.э. В кн.: Г.Г. Гиоргадзе (ред.), *Кавказско-ближневосточный сборник*. Вып. VI. Тбилиси, 57–71.
- Вейнберг, И.П. 1982а: Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах (Даугавпилс, 13–14 ноября 1980 г.). *ВДИ* 161/3, 191–195.
- Вейнберг, И.П. 1982б: Космос и олам: о правомерности со- или противопоставления. В кн.: И.П. Вейнберг (ред.), *Вопросы древневосточной культуры (методические материалы)*. *Seno Austrumi kultūras jautājumi (metodiski materiāli)*. Даугавпилс, 41–42.
- Вейнберг, И.П. 1982в: Лекция № 5. Раздел 5. Новые идеологические течения в Передней Азии. Историческая обстановка. Раздел 6. Пророческое движение и его значение. Раздел 7. Ветхий Завет, его состав и содержание. Лекция № 10. Предэллинизм на Востоке. В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Т. II. М., 110–127, 198–212.
- Вейнберг, И.П. (ред.). 1982г: *Вопросы древневосточной культуры (методические материалы)*. *Seno Austrumi kultūras jautājumi (metodiski materiāli)*. Даугавпилс.
- Вейнберг, И.П. 1983: Лекция 10. Предэллинизм на Востоке. В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Кн. 2. *Расцвет древних обществ*. М., 195–209.
- Вейнберг, И.П. (ред.). 1985а: *Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете. Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции 14–15 ноября 1985 г.* Даугавпилс.
- Вейнберг, И.П. 1985б: Царь в хронистской картине мира. В кн.: И.П. Вейнберг (ред.), *Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете. Тезисы докладов Всесоюзной научно-методической конференции 14–15 ноября 1985 г.* Даугавпилс, 17–18.

- Вейнберг, И.П. 1986: *Человек в культуре древнего Ближнего Востока*. М.
- Вейнберг, И.П. 1987: Изучение истории древнего мира в республиках советской Прибалтики (70–80-е годы). *ВДИ* 183/4, 40–48.
- Вейнберг, И.П. 1989: Лекция 5. Сирия, Финикия и Палестина в первой половине I тысячелетия до н.э. Лекция 10. Предэллинизм на Востоке. В кн.: И.М. Дьяконов, В.Д. Неронова, И.С. Свенцицкая (ред.), *История древнего мира*. Кн. 2. *Расцвет древних обществ*. М., 95–114, 183–197.
- Вейнберг, И.П. 1993: *Рождение истории: историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э.* М.
- Вейнберг, И.П. 1997: Глава XX. Палестина в первой половине I тысячелетия до х.э.; Глава XXVI. Предэллинизм на Востоке; Глава XXXII. Раздел 1. Палестина в эллинистическо-римский период. Раздел 2. Падение независимых государств в Палестине; Глава XXXIII. Раздел 5. Новые явления в яхвизме-иудаизме в I тысячелетии до х.э. В кн.: Р.Б. Рыбаков (ред.), *История Востока*. Т. I. *Восток в древности*. М., 351–369, 490–504, 562–566, 590–596.
- Вейнберг, И.П. 2011: *Труды и дни*. Даугавпилс.
- Вейнберг, И.П., Свенцицкая, И.С. 1980: H. Kreissig. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. В., 1978. *ВДИ* 154/4, 183–190.
- Волкович, Б. 2002: Проблемы образования евреев в Латвийской республике (1918–1940). В кн.: Г. Брановер, Р. Фербер (ред.), *Евреи в меняющемся мире*. Вып. IV. Рига, 122–136.
- Гадамер, Х.-Г. 1988: *Истина и метод*. М.
- Гадамер, Х.-Г. 1991: *Актуальность прекрасного*. М.
- Гуревич, А.Я. 1990: *Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства*. М.
- Залманович, М. 2008: Катастрофа евреев Латвии (обзорная лекция). В кн.: М. Баркаган (ред.), *Уничтожение евреев в Латвии 1941–1945: цикл лекций*. Рига, 36–70.
- Иванова, Н.С., Илюшечкин, В.Н., Исаева, В.И., Сапрыкин, С.Ю. 1979: Авторско-читательская конференция журнала «Вестник древней истории», Москва, 29 мая – 1 июня 1978 г. *ВДИ* 149/3, 215–232.
- Ковальчук, С. 2013: Расцвет еврейского образования в Латвии (1919–1934). Людские судьбы, история школ. В кн.: Г. Брановер, Р. Фербер (ред.), *Евреи в меняющемся мире*. Вып. VII. Рига, 145–168.
- Кондырева, Н.Б. 1986: Конференция по древневосточной культуре. *ВИ* 6, 95–97.
- Копелович, А., Жуков, Л. 2002: Образование евреев в Латвии в 20-е годы в условиях парламентской республики. В кн.: Г. Брановер, Р. Фербер (ред.), *Евреи в меняющемся мире*. Вып. IV. Рига, 137–145.
- Кузнецова, Т. 2013: И.П. Вейнберг сегодня. В кн.: I. Saleniece (ed.), *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 17–21.
- Мошкова, М.Г., Пичикян, И.Р. 1977: «Эйрене» – 1976. XIV Международная конференция античников социалистических стран. *СА* 3, 325–333.
- Недоспасова, М.Н., Шанидзе, М.А., Луцкая, Н.С. 1967: Вторая всесоюзная конференция семитологов. *НАА* 4, 234–238.
- Салениеце, И. 2013: Иоэл Вейнберг: жизнь и труды. В кн.: I. Saleniece (ed.), *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 11–16.
- Саркисян, Г.Х. 1979: Институт востоковедения Академии наук Армянской ССР. *НАА* 6, 135–143.
- Свенцицкая, И.С. 1996: J. Weinberg. The Citizen-Temple Community. Sheffield, 1993. *ВДИ* 217/2, 225–227.

- Свенцицкая, И.С. 2002: Иоэл Вейнберг как историк. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 119–121.
- Смирин, Г. 2008: Холокост в Риге. В кн.: М. Баркаган (ред.), *Уничтожение евреев в Латвии 1941–1945: цикл лекций*. Рига, 71–100.
- Фуко, М. 1977: *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. М.
- Шварцбанд, С. 1996: Заметки литературоведа (о книге И.П. Вейнберга «Рождение истории»). *ВДИ* 217/2, 228–230.
- Ясперс, К. 1994: *Смысл и назначение истории*. М.
- A.N.M. 1973: Demographische Notizen zur Geschichte der nachexilischen Gemeinde in Juda, in “Klio”, (Rivista dell’ Accademia tedesca delle Scienze in Berlino Est), Vol. 54 by Joel P. Weinberg. *La Rassegna Mensile di Israel, terza serie* 39/5, 325–326.
- Bērziņš, U. 2002: Pastaigas pa grāmatu un pa Jeruzālemi. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 117–119.
- Fomina, T. (kol. vad.) 1990: *Sengrieķu literatūras antoloģija: mācību līdzeklis LPSR augstskolu filoloģijas un pedagoģijas specialitāšu studentiem*. Rīga.
- Hurowitz, A. 1995: The Citizen-Temple Community by Joel Weinberg and translated by Daniel L. Smith-Christopher. JSOT Supplement Series, 151. Sheffield: JSOT Press, 1992. Pp. 145. *Journal of the American Oriental Society* 115/1, 118–119.
- Jērāns, P. (ed.), 1987: *Latvijas padomju enciklopēdija*. 10. sēj., 1. grām. Rīga.
- Keruss, J., Lipša, I., Runce, I., Zellis, K. 2011: *Latvijas Universitātes Vēstures un filozofijas fakultātes vēsture padomju laikā: personības, struktūras, idejas (1944–1991)*. Rīga.
- Podiņš, A. (ed.) 1992: *Daugavpils pedagoģiskā institūta 34. studentu zinātniski metodiskās konferences programma*. Daugavpils.
- Saleniece, I. 2011a: “Ass laiks” Daugavpils universitātē. В кн.: Вейнберг, И.П. *Труды и дни. Даугавпилс*, 23–38.
- Saleniece, I. 2011b: Profesors, Daugavpils universitātes goda doktors Joels Veinbergs (01.09.1922.–20.05.2011). *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls* 2, 203–205.
- Soms, H. (ed.) 1996: *No Pedagoģiskās skolas līdz universitātei. Skolotāju sagatavošana Daugavpilī (1921–1996)*. Daugavpils.
- Soms, H. 2013: Profesors Joels Veinbergs – jaunā pasniedzēja darbaudzinātājs. *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 22–29.
- Soms, H., Šaudiņa, V. (ed.) 2001: *Daugavpils Pedagoģiskā universitāte: Pētniecība un zinātne 80 gados: Biogrāfisks rādītājs 1921–2001*. Daugavpils.
- Šteimans, J. 2006: *Ebreju intelektuāļi Latvijā*. Rēzekne.
- Veinbergs, J. 1948: *Krišjānis Valdemārs Ēdolē*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1958a: *Senā un jaunā Ēģipte*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1958b: *Sīrija mostas jaunai dzīvei*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1960: *Pazudušās pilsētas*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1961: *Dienvidos no Sahāras*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1969: *Vecā Derība: mīti, fakti, dogmas*. Rīga.
- Veinbergs, J. (ed.) 1981: *Teksti Seno Austrumu vēsturē*. Daugavpils.
- Veinbergs, J. 1993: Ebreju mitoloģija. Ēģiptiešu mitoloģija. Elamiešu mitoloģija. Hetu mitoloģija. Hurriešu mitoloģija. Grām.: A. Iltner (ed.), *Mitoloģijas enciklopēdija*. 1. sēj. Rīga, 87–115, 116–130, 276–279, 285–286.
- Veinbergs, J. 1994: Irāņu mitoloģija. Rietumsemītu (kopā ar Šifmani I.) mitoloģija. Šumieru-akadiešu mitoloģija. Urartu mitoloģija. Grām. In: A. Iltner (ed.), *Mitoloģijas enciklopēdija*. 2. sēj. Rīga, 51–55, 296–303, 349–360, 375–376.
- Veinbergs, J., Kudinovs, P. 1960: *Ķīna gadu tūkstošu ritumā*. Rīga.
- Weinberg, J. 1978: Die “ausserkanonischen Prophezeiungen” in den Chronikbüchern. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XXVI/3–4, 387–404.

- Weinberg, J. 1992: *The Citizen-Temple Community*. Sheffield.
- Weinberg, J. 1996: *Der Chronist in seiner Mitwelt (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. Band 239)*. Berlin, New York.
- Willi, T. 2002: Joels Veinbergs – hroniku pētnieks. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 122.
- Zarāns, J. 2013: Teologa piezīmes: Joels Veinbergs un Vecā Derība. *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 30–35.

REFERENCES

- A.N.M. 1973: Demographische Notizen zur Geschichte der nachexilischen Gemeinde in Juda, in "Klio", (Rivista dell' Accademia tedesca delle Scienze in Berlino Est), Vol. 54 by Joel P. Weinberg. *La Rassegna Mensile di Israel, terza serie* 39/5, 325–326.
- Amusin, I.D. 1993: *Problemy sotsial'noy struktury obshchestv drevnego Blizhnego Vostoka (I tys. do n.e.) po bibleyskim istochnikam: sbornik statey [Problems of the social structure of the societies of the ancient Near East (I millennium BC) according to biblical sources: a collection of articles]*. Moscow.
- Arunova, M.R., Alaev, L.B., Repneva, I.F., Noskova, L.M., Shkoda, V.G., Rayt, V.Ya. 1985: Khronikal'nye zametki [Chronicle Notes]. *Narody Azii i Afriki [Peoples of Asia and Africa]* 4 127–136.
- Bērziņš, U. 2002: Pastaigas pa grāmatu un pa Jeruzālemi. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 117–119.
- Bogoslovskiy, E.S., Vasilyev, K.V., Vasilkov, Ya.V., Giorgadze, G.G., Kaneva, I.T., Livshits, V.A., Shifman, I.Sh., Yakobson, V.A. 1969: IV sessiya po drevnemu Vostoku [Fourth Session on the Ancient Orient]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 108/2, 150–169.
- Fomina, T. (kol. vad.) 1990: *Sengrieķu literatūras antoloģija: mācību līdzeklis LPSR augstskolu filoloģijas un pedagogijas specialitāšu studentiem*. Rīga.
- Foucault, M. 1977: *Slova i veshchi. Arkheologiya humanitarnykh nayk [Les mots et choses. Une archeologie des sciences humaines]*. Moscou.
- Gadamer, H.G. 1988: *Istina i metod [Wahrheit und Methode]*. Moscow.
- Gadamer, H.G. 1991: *Aktual'nost' prekrasnogo [Aktualität des Schönen]*. Moscow.
- Gurevich, A.Ya. 1990: *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva [Medieval world: the culture of the silent majority]*. Moscow.
- Hurowitz, A. 1995: The Citizen-Temple Community by Joel Weinberg and translated by Daniel L. Smith-Christopher. JSOT Supplement Series, 151. Sheffield: JSOT Press, 1992. Pp. 145. *Journal of the American Oriental Society* 115/1, 118–119.
- Ivanova, N.S., Ilyushechkin, V.N., Isayeva, V.I., Saprykin, S.Yu. 1979: Avtorsko-chitatel'skaya konferentsiya zhurnala "Vestnik drevney istorii", Moskva, 29 maya – 1 iyunya 1978 goda [Authors' and Readers' Conference of the "Journal of Ancient History", May 28 – June 1 1978. Moscow]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 149/3, 215–232.
- Jaspers, K. 1994: *Smysl i naznachenie istorii [Vom Ursprung und Ziel der Geschichte]*. Moscow.
- Jērāns, P. (ed.), 1987: *Latvijas padomju enciklopēdija*. 10. sēj., 1. grām. Rīga.
- Keruss, J., Lipša, I., Runce, I., Zellis, K. 2011: *Latvijas Universitātes Vēstures un filozofijas fakultātes vēsture padomju laikā: personības, struktūras, idejas (1944–1991)*. Rīga.
- Kondyreva, N.B. 1986: Konferentsiya po drevnevostochnoy kul'ture [Conference on ancient Eastern culture]. *Voprosy istorii [Issues of History]* 6, 95–97.
- Kopelovich, A., Zhukov, L. 2002: Obrazovanie evreev v Latvii v 20-e gody v usloviyakh parlamentskoy respubliki. In: G. Branover, R. Ferber (ed.), *Evrei v menyayushchemsya mire [Jews in a changing world]*. Vip. IV. Riga, 137–145.

- Koval'chuk, S. 2013: Rastsvet evreyskogo obrazovaniya v Latvii (1919–1934). Lyudskie sud'by, istoriya shkol. In: G. Branover, R. Ferber (ed.), *Evrei v menyayushchemsya mire* [Jews in a changing world]. Vip. VII. Riga, 145–168.
- Kuznetsova, T. 2013: I.P. Veynberg segodnya. In: I. Saleniece (ed.), *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 17–21.
- Moshkova, M.G., Pichikyan, I.R. 1977: “Eyrene” – 1976. XIV Mezhdunarodnaya konferentsiya antichnikov sotsialisticheskikh stran [“Eirene” – 1976. XIV International Conference of Antiquities of the Socialist Countries]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology] 3, 325–333.
- Nedospasova, M.N., Shanidze, M.A., Lutsкая, N.S. 1967: Vtoraya vsesoyuznaya konferentsiya semitologov [The Second All-Union Conference of Semitologists]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa] 4, 234–238.
- Podiņš, A. (ed.) 1992: *Daugavpils pedagoģiskā institūta 34.studentu zinātniski metodiskās konferences programma*. Daugavpils.
- Saleniece, I. 2011: “Ass laiks” Daugavpils universitātē. In: Veynberg, I.P. *Trudy i dni* [Works and days]. Daugavpils, 23–38.
- Saleniece, I. 2011: Profesors, Daugavpils universitātes goda doktors Joels Veinbergs (01.09.1922.–20.05.2011). *Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls* 2, 203–205.
- Salenietse, I. 2013: Ioel Veynberg: zhizn' i trudy. Grām.: I. Saleniece (ed.), *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 11–16.
- Sarkisyan, G.Kh. 1979: Institut vostokovedeniya Akademii nauk Armyanskoy SSR [Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Armenian SSR]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa] 6, 135–143.
- Shvartsband, S. 1996: Zametki literaturoveda (o knige I.P. Veynberga “Rozhdenie istorii”) [Notes of a Literary Critic (About J.P. Weinberg's Book “The Birth of History”)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 217/2, 228–230.
- Smirin, G. 2008: Kholokost v Rige. In: M. Barkagan (ed.), *Unichtozhenie evreev v Latvii 1941–1945: tsikl lektsiy* [Extermination of the Jews in Latvia, 1941–1945: lecture series]. Riga, 71–100.
- Soms, H. (ed.) 1996: *No Pedagoģiskās skolas līdz universitātei. Skolotāju sagatavošana Daugavpilī (1921–1996)*. Daugavpils.
- Soms, H. 2013: Profesors Joels Veinbergs – jaunā pasniedzēja darbaudzinātājs. *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 22–29.
- Soms, H., Šaudiņa, V. (ed.) 2001: *Daugavpils Pedagoģiskā universitāte: Pētniecība un zinātne 80 gados: Biogrāfisks rādītājs 1921–2001*. Daugavpils.
- Sventsitskaya, I.S. 1996: J. Weinberg. The Citizen-Temple Community. Sheffield, 1993. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 217/2, 225–227.
- Sventsitskaya, I.S. 2002: Ioel Veynberg kak istorik [Joel Weinberg as Historian]. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 119–121.
- Šteimans, J. 2006: *Ebreju intelektuāļi Latvijā*. Rēzekne.
- Vanin, Yu.V., Kuzenkov, A.A., Nemchinova, V.M., Raevskiy, D.S., Smagina, E.B., Tarakanova, E.P. 1979: Khronikal'nye zametki [Chronical Notes]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa] 4, 169–175.
- Veinbergs, J. 1948: *Krišjānis Valdemārs Ēdolē*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1958: *Senā un jaunā Ēģipte*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1958: *Sīrija mostas jaunai dzīvei*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1960: *Pazudušās pilsētas*. Rīga.
- Veinbergs, J. 1961: *Dienvidos no Sahāras*. Rīga.

- Veinbergs, J. 1969: *Vecā Derība: mīti, fakti, dogmas*. Rīga.
- Veinbergs, J. (ed.) 1981: *Teksti Seno Austrumu vēsturē*. Daugavpils.
- Veinbergs, J. 1993: Ebreju mitoloģija. Ēģiptiešu mitoloģija. Elamiešu mitoloģija. Hetu mitoloģija. Hurriešu mitoloģija. Grām.: A. Iltnerē (ed.), *Mitoloģijas enciklopēdija*. 1. sēj. Rīga, 87–115, 116–130, 276–279, 285–286.
- Veinbergs, J. 1994: Irāņu mitoloģija. Rietumsemītu (kopā ar Šifmani I.) mitoloģija. Šumieru-akadiešu mitoloģija. Urartu mitoloģija. Grām. In: A. Iltnerē (ed.), *Mitoloģijas enciklopēdija*. 2. sēj. Rīga, 51–55, 296–303, 349–360, 375–376.
- Veinbergs, J., Kudinovs, P. 1960: *Ķīna gadu tūkstošu ritumā*. Rīga.
- Veynberg, I.P. 1954: *Obrazovanie provintsii Aziya [Education of the province of Asia]*: PhD tēsis. Leningrad.
- Veynberg, I.P. 1968a: “Verbannung und Heimkehr. Beiträge zur Geschichte und Theologie Israels im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr. W. Rudolph zum 70. Geburtstage dargebracht”, Tübingen, 1961. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 106/4, 160–164.
- Veynberg, I.P. 1968b: Zhrecheskoe zemledelie po dannym vetkhozavetnykh materialov VI–IV vv. do n.e. In: *Programma zasedaniy i tezisy dokladov konferentsii po problemam antichnosti. Moskva, 27–30 maya 1968 goda [Program of sessions and abstracts of reports of the conference on the problems of antiquity. Moscow, May 27–30, 1968]*. Moscow, 8–10.
- Veynberg, I.P. 1969: Gorod i «khora» v Akhemenidskoy Iudee. In: *Tezisy dokladov Vsesoyuznogo simpoziuma «Gorod i trgovlya Drevnego Vostoka III–I tys. do n.e.» [Abstracts of the All-Union Symposium «The city and trade of the Ancient East III–I millennium BC»]*. Erevan, 7–9.
- Veynberg, I.P. 1971: Palestinskaya grazhdansko-khramovaya obshchina v Akhemenidskoy derzhave (voprosi upravleniya i samoupravleniya). In: *V vsesoyuznaya sessiya po Drevnemu Vostoku, 6–9 aprely 1971 goda. Tezisy dokladov [V All-Union session on the Ancient East, April 6–9, 1971]*. Tbilisi, 66–69.
- Veynberg, I.P. 1972: “Teksty Kumrana”. Vyp. I. Perevod s drevneevreyskogo i arameyskogo, vvedenie i kommentariy I.D. Amusina. M., Izd-vo Nauka, 1971, 495 s. (“Pamyatniki pis'mennosti Vostoka”) [“Texts of Qumran”. Issue I. Translation from Hebrew and Aramaic, introduction and commentary by I.D. Amusin. M., Nauka Publishing House, 1971, 495 p. (“Monuments of the written language of the East”)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 122/4, 143–148.
- Veynberg, I.P. 1973: *Grazhdansko-khramovaya obshchina v zapadnykh provintsiyakh Akhemenidskoy derzhavy [The Citizen-Temple Community in the Western Provinces of the Achaemenid Empire]*. PhD tēsis. Tbilisi.
- Veynberg, I.P. 1974a: Kollektivy nazvannye po mestnostyam v Akhemenidskoy Iudei [The Collectives, Named by Localities, in Achaemenid Judah]. *Archiv Orientalni* 42, 341–353.
- Veynberg, I.P. 1974b: Raby i drugie kategorii zavisimyykh lyudey v Palestinskoy grazhdansko-khramovoy obshchine VI–IV vv. do n.e. [Slaves and Other Categories of Dependent Producers in the Palestinian Civic-and-Temple Community of the 6th–4th BC]. *Palestinskiy sbornik [Palestinian collection]* 25/88, 63–66.
- Veynberg, I.P. 1977: K voprosu ob osobennostyakh istoricheskogo myshleniya na drevnem Blizhnem Vostoke. In: G.G. Giorgadze, D.A. Khakhutayshvili (eds.), *Voprosy drevney istorii. Kavkazsko-blizhnevostochnyy sbornik [Issues of Ancient history. Caucasian-Middle Eastern collection]*. Iss. V. Tbilisi, 63–85.
- Veynberg, I.P. 1980: Gorod v blizhnevostochnikh genealogicheskikh rubezhakh II–I tys. do n.e. In: G.G. Giorgadze (ed.), *Kavkazsko-blizhnevostochniy sbornik [Caucasian-Middle Eastern collection]*. Issue VI. Tbilisi, 57–71.
- Veynberg, I.P. 1982a: Drevnevostochnaya kul'tura i voprosy ee prepodavaniya na istoricheskikh fakul'tetakh (Daugavpils, 13–14 noyabrya 1980 g.) [Ancient Oriental Culture and

- Problems of Teaching the Subject University Historical Faculties (Daugavpils, November 13–14, 1980)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 161/3, 191–195.
- Veynberg, I.P. 1982b: Kosmos i olam: o pravomernosti so- ili protivopostavleniya. In: I.P. Veynberg (ed.), *Voprosi drevnevostochnoy kul'tury (metodicheskie materialy)* [Seno Austrumu kultūras jautājumi (metodiski materiāli)]. Daugavpils, 41–42.
- Veynberg, I.P. 1982c: Lektsiya № 5. Razdel 5. Novye ideologicheskie techeniya v Peredney Azii. Istoricheskaya obstanovka. Razdel 6. Prorocheskoe dvizhenie i ego znachenie. Razdel 7. Vetkhyy Zavet, ego sostav i sodержanie. Lektsiya No. 10. Predellinizm na Vostoke. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira* [History of the Ancient World]. V. II. Moscow, 110–127, 198–212.
- Veynberg, I.P. (ed.) 1982d: *Voprosi drevnevostochnoy kul'tury (metodicheskie materialy)* [Seno Austrumu kultūras jautājumi (metodiski materiāli)]. Daugavpils.
- Veynberg, I.P. 1983: Lektsiya № 10. Predellinizm na Vostoke. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira*. Kn. 2. *Rastsvet drevnikh obshchestv* [History of the ancient world. Pt. 2. The rise of ancient societies]. Moscow, 195–209.
- Veynberg, I.P. (ed.) 1985a: *Drevnevostochnaya kul'tura i voprosy ee prepodavaniya na istoricheskom fakul'tete. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 14–15 noyabrya 1985 goda* [Ancient Oriental culture and issues of its teaching at the Faculty of History. Abstracts of the All-Union Scientific and Methodological Conference November 14–15, 1985]. Daugavpils.
- Veynberg, I.P. 1985b: Tsar' v khronistskoy kartine mira. In: I.P. Veynberg (ed.), *Drevnevostochnaya kul'tura i voprosy ee prepodavaniya na istoricheskom fakul'tete. Tezisy dokladov Vsesoyuznoy nauchno-metodicheskoy konferentsii 14–15 noyabrya 1985 goda* [Ancient Oriental culture and issues of its teaching at the Faculty of History. Abstracts of the All-Union Scientific and Methodological Conference November 14–15, 1985]. Daugavpils, 17–18.
- Veynberg, I.P. 1986: *Chelovek v kul'ture drevnego Blizhnego Vostoka* [Man in the culture of the ancient Near East]. Moscow.
- Veynberg, I.P. 1987: Izuchenie istorii drevnego mira v respublikakh sovetskoy Pribaltiki (70–80-e godi) [The study of the history of the Ancient World in the Soviet Baltic republics (70–80s)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 183/4, 40–48.
- Veynberg, I.P. 1989: Lektsiya № 5. Siriya, Finikiya i Palestina v pervoy polovine I tysyachiletiya do n.e. Lektsiya № 10. Predellinizm na Vostoke. In: I.M. Dyakonov, V.D. Neronova, I.S. Svetsitskaya (ed.), *Istoriya drevnego mira*. Kniga 2. *Rastsvet drevnikh obshchestv* [History of the Ancient World. Pt. 2. The rise of ancient societies. 3rd edition, corrected and enlarged]. Moscow, 95–114, 183–197.
- Veynberg, I.P. 1993: *Rozhdenie istorii: istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke serediny I tys. do n.e.* [The birth of history: historical thought in the Middle East in the middle of the 1st millennium BC]. Moscow.
- Veynberg, I.P. 1997: Glava XX. Palestina v pervoy polovine I tysyachiletiya do kh.e; Glava XXVI. Predellinizm na Vostoke; Glava XXXII. Razdel 1. Palestina v ellinistichsko-rimskiy period. Razdel 2. Padenie nezavisimyykh gosudarstv v Palestine; Glava XXXIII. Razdel 5. Novye yavleniya v yakhvizme-iudaizme v I tysyachiletii do kh.e. In: R.B. Rybakov (ed.), *Istoriya Vostoka*. T. I. *Vostok v drevnosti* [History of the East. V. I. Ancient East]. Moscow, 351–369, 490–504, 562–566, 590–596.
- Veynberg, I.P. 2011: *Trudy i dni* [Works and days]. Daugavpils.
- Veynberg, I.P., Svetsitskaya I.S. 1980: H. Kreissig. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. Die Eigentums- und die Abhängigkeitsverhältnisse. Berlin, 1978. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History] 154/4, 183–190.
- Volkovich, B. 2002: Problemy obrazovaniya evreev v Latviyskoy respublike (1918–1940). In: G. Branover, R. Ferber (ed.), *Evrei v menyayushchemsya mire* [Jews in a changing world]. Iss. IV. Riga, 122–136.

- Weinberg, J. 1978: Die "ausserkanonischen Prophezeiungen" in den Chronikbüchern. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* XXVI/3–4, 387–404.
- Weinberg, J. 1992: *The Citizen-Temple Community*. Sheffield.
- Weinberg, J. 1996: *Der Chronist in seiner Mitwelt (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft. Band 239)*. Berlin–New York.
- Willi, T. 2002: Joels Veinbergs – hroniku pētnieks. *Humanitāro zinātņu vēstnesis, Daugavpils Universitāte* 2, 122.
- Zalmanovich, M. 2008: Katastrofa evreev Latvii (obzornaya leksiya). In: M. Barkagan (ed.), *Unichtozhenie evreev v Latvii 1941–1945: tsikl leksiy [Extermination of the Jews in Latvia, 1941–1945: lecture series]*. Riga, 36–70.
- Zarāns, J. 2013: Teologa piezīmes: Joels Veinbergs un Vecā Derība. *Daugavpils universitāte Humanitārās fakultātes XXII starptautisko zinātnisko lasījumu materiāli. Vēsture XVI. Vēsture: avoti un cilvēki*. Daugavpils, 30–35.

JOEL PESACHOVICH WEINBERG (1922–2011): LIFE AND CREATIVE WORK

Sergey A. Tsoya

Independent Resecher, Riga, Latvia

E-mail: coja2@inbox.lv

Abstract. The article is devoted to the life and work of a prominent scientist, orientalist and biblical scholar Joel Pesakhovich Weinberg (1922–2011). He was born in Riga in a Jewish family, received an excellent education at primary schools and the Jewish gymnasium of the capital of Latvia in the 1930s. The Second World War was a hard roller for his fate: he was in the ghetto, then he was a prisoner of a concentration camp in Latvia, and at the end of the war – of Buchenwald in Germany, also he lost his father and mother. After the war, J. Weinberg graduated from the Faculty of History of the Latvian State University, in 1954 he defended his PhD, and in 1973 his doctoral dissertation. In 1962–1993 he taught at Daugavpils Pedagogical Institute. In 1993, the scientist immigrated to Israel and spent the last years of his life in Jerusalem. He became famous thanks to numerous scientific papers published in different languages and in different countries, left a good memory for many former students as an excellent lecturer and an excellent teacher. J. Weinberg was an intellectual and connoisseur of the Old Testament, the history and culture of the Jews, the Ancient Middle East and the ancient world. Weinberg's phenomenon is unique for Latvia, he played a significant role in the oriental studies of the USSR, Russia and Israel and became a world-famous scientist.

Keywords: Joel Weinberg, the history of the Jews, biblical studies, Old Testament, Near East, ancient, Daugavpils Pedagogical Institute

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2023), 258–267
© The Author(s) 2023

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2023), 258–267
© Автор(ы) 2023

DOI: 10.18503/1992-0431-2023-1-79-258–267

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ ИСТОРИИ ГАИМК В 1934–1936 ГГ.

Ю.А. Виноградов¹, Е.Г. Застрожная², М.В. Медведева³,
М.В. Поникаровская⁴

^{1, 3} *Институт истории материальной культуры Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия*

^{2, 4} *Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Санкт-Петербург,
Россия*

¹ *E-mail:* vincat2008@yandex.ru

² *E-mail:* pankratova0484@yandex.ru

³ *E-mail:* marriyam@mail.ru

⁴ *E-mail:* poni-marina@yandex.ru

¹ *ORCID:* 0000-0002-4447-5679

² *ORCID:* 0000-0001-7915-7534

³ *ORCID:* 0000-0003-4852-7146

⁴ *ORCID:* 0000-0002-1322-077X

Аннотация. В современной истории археологии отсутствует исследование, посвященное истории ГАИМК в 1934–1936 гг., которое к тому же было бы подготовлено на основе комплекса неизвестных ранее архивных документов. В статье представлен общий обзор неопубликованных материалов, выявленных к настоящему времени и хранящихся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. Изучение этих документов существенно расширило современное представление о крайне тяжелом для академии периоде, точкой отсчета для которого стало убийство Первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова, дальнейшая смерть председателя академии Н.Я. Марра, последовавшие за ними внутренние скандалы, внешние чистки кадрового состава и дальнейшие аресты, и высылки, итогом которых стало лишение академии самостоятельности и включение в состав АН СССР на правах рядового института.

Ключевые слова: ГАИМК, архивные материалы, политические репрессии

Данные об авторах: Юрий Алексеевич Виноградов – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории античной культуры ИИМК РАН; Евгения Григорьевна Застрожная – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник – заведующая Отделом обработки фондов, комплектования и ведомственных архивов СПбФ АРАН; Мария Владимировна Медведева – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая Научным архивом ИИМК РАН; Марина Владимировна Поникаровская – кандидат исторических наук, ученый секретарь СПбФ АРАН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 22-28-00063 «Трагедия Государственной академии истории материальной культуры: судьба учреждения и его сотрудников (1934–1936)».

История ГАИМК – крупнейшего археологического учреждения советского государства, ставшего правопреемником Императорской Археологической комиссии, является важной вехой в понимании развития отечественной фундаментальной науки вообще и археологии в частности. В современной истории археологии отсутствует исследование, посвященное процессу ликвидации ГАИМК как самостоятельного учреждения, находившегося в подчинении Народного комиссариата просвещения, которое было бы подготовлено на основе комплекса неизвестных ранее архивных документов. Данная работа представляет собой общий обзор архивных материалов, выявленных к настоящему времени и раскрывающих историю ГАИМК в один из самых драматичных периодов – 1934–1936 гг.

Основным хранилищем документов по истории ГАИМК является Научный архив ИИМК РАН (НА ИИМК РАН). Там представлен значительный комплекс источников, характеризующих научную, экспедиционную, административную и хозяйственную деятельность учреждения на протяжении всего существования (с 1926 по 1937 гг.), а также изменения в личном составе Академии в эти годы. Главное место здесь принадлежит рукописному фонду ГАИМК¹ и ее фотографическому собранию². Рукописный фонд Академии истории материальной культуры объединяет восемь описей: научно-организационная и полевая документация, рукописи и научные труды, диссертации, личные дела сотрудников, бухгалтерская документация, трудовые списки, материалы по личному составу Академии, документы без дат³. Все они содержат существенное количество документов, отражающих жизнь научного учреждения на последнем этапе его существования.

В первой описи фонда за период 1934–1937 гг., помимо сведений сугубо научного значения, имеется целый блок материалов по научно-организационной работе учреждения. Они включают различные справки о деятельности ГАИМК, отправлявшиеся в вышестоящие органы, производственные, календарные и финансовые планы, протоколы совещаний, пленумов и заседаний, отчеты о работе – как сводные, так и индивидуальные, стенограммы общих собраний сотрудников и отдельно каждого подразделения в составе ГАИМК, распоряжения по Академии, протоколы ученого совета, материалы аспирантуры, заключения комиссий «по проверке хода соцсоревнования и ударничества» и многие другие. Все эти документы достоверно показывают трансформацию структуры ГАИМК в 1930-е гг. и общую канву официальной активности учреждения, а также раскрывают особенности сотрудничества с другими научными институтами. Подробные протоколы общих собраний передают психологическую атмосферу в Академии и особенности трудовых взаимоотношений между коллегами. Характерным примером того, как в 1934–1936 гг. фабриковались необходимые доказательства «вредительства» и происходил процесс осуждения обвиненного человека, является «Дело М.К. Каргера» – группа документов, связанных с разбором действий известного историка искусства и археолога М.К. Каргера в процессе реставрации новгородских памят-

¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2, 1926–1937 гг. С 1919 по 1926 гг. учреждение именовалось Российской академией истории материальной культуры (РАИМК), поэтому документы РАИМК и ГАИМК объединены в один фонд, но так как описи научно-организационной, полевой, финансовой и кадровой документации составлены по хронологическому принципу, то весь комплекс документального наследия ГАИМК легко выделяется из общего состава фонда.

² ФО НА ИИМК РАН. Ф. 46.

³ Белова, Медведева 2019.

ников древнерусской архитектуры в начале 1930-х гг.⁴ В этом же смысле весьма показательны протоколы комиссии «по чистке ГАИМК», несмотря на то что они относятся к более раннему времени (1930 г.). В нескольких делах сохранились акты обыска и описи имущества на рабочих местах и в квартирах арестованных сотрудников.

Важным источником сведений по истории ГАИМК служат личные дела сотрудников и материалы по личному составу учреждения. В личных делах⁵, кроме формальных записей отдела кадров и выписок из приказов о прохождении службы в Академии, содержится много ценной информации биографического характера, в том числе и о деятельности сотрудников в самый непростой период советской истории – 1930-е гг. В автобиографиях, составленных в это время, были обычными сообщения о том, где и когда работник проходил «чистку» на предмет социального происхождения и участия в белом движении. Удивительно, что не все дела репрессированных «врагов народа» были изъяты из ГАИМК в 1930-е гг. после их ареста, сохранились даже личные дела «участников» контрреволюционной «террористической группы ГАИМК» (например, Ф.В. Кипарисова, М.М. Цвибака, С.Н. Быковского, А.Г. Пригожина). В ряде случаев в личных делах арестованных сотрудников присутствуют фотографии, хотя из всех других архивов они были изъяты. В некоторых из них позже отложились справки о реабилитации или запросы о подтверждении стажа, поступившие от прошедших через лагерь и выживших в эпоху тоталитаризма ученых.

Материалы описей документов по личному составу фонда ГАИМК и ее правопреемника ИИМК АН СССР⁶ демонстрируют постоянное движение кадров в Академии в последний период ее существования и косвенно свидетельствуют о накалившейся вокруг Академии ситуации. В них собраны ежегодные списки сотрудников; приказы и распоряжения по личному составу, в том числе и об увольнении; требовательные ведомости на зарплату; личные ученые карточки; характеристики, в которых обязательно отмечались активность или безынициативность сотрудника в отношении общественной жизни учреждения и уровень его политической подкованности. В 1934–1937 гг. неоднократно составлялись списки сотрудников, где фиксировались данные о происхождении, участии в белом движении, родственниках за границей, членстве в партии. Среди них в том числе сохранился список научных сотрудников, арестованных НКВД в 1937 г.

Еще одним ценным документальным источником стали «рисовальные» картины 1930-х гг. – серии шаржей или юмористических рисунков о жизни ГАИМК за истекший год, исполненные сотрудниками ГАИМК и обычно объединенные единым сюжетом⁷. Их готовили к знаменательным датам советского календаря наравне со стенгазетами и демонстрировали на общих заседаниях. В 1933 г. были сделаны «рисовальные» кинокартины «Жемчужина Наркомпроса» (1 серия) и «Журнал № 69 “Совкино”» (автор Н.Н. Воронин); в 1934 г. – 2-я серия «Жемчужины Наркомпроса» (авторы Н.Н. Чернягин, Н.Н. Воронин, П.Н. Третьяков) и кинокартина «По широкой дороге истории» (авторы П.Н. Третьяков, Н.Н. Воронин,

⁴ Медведева, Елшин 2022; Михайлов 2022.

⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3.

⁶ Ф. 2. Оп. 6; Ф. 35. Оп. 6.

⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 30. Оп. 2. Д. 43, 59, 87.

Н.Н. Чернягин); в 1936 г. – «На распутье» (авторы Н.Н. Воронин, П.Н. Третьяков, Н.Н. Чернягин). Кинокартины дают живое представление о состоянии Академии истории материальной культуры на 1933–1936 гг. Видно, как постоянно реформировалась структура ГАИМК, названия подразделений беспрестанно менялись в соответствии с очередными идеологическими задачами. Уникальность этих документов заключается еще и в том, что они сохранили для нас неофициальную историю ГАИМК, а также изображения репрессированных сотрудников, чьи фотографии были изъяты из научно-организационной документации (например, Ф.В. Кипарисова, М.Г. Худякова).

Особую часть архивных материалов ГАИМК в репрезентации ее истории 1933–1937 гг. составляют фотодокументы. В 1938 г. материалы фотоархива учреждения, связанные с пребыванием в ГАИМК «врагов народа и лиц, арестованных органами НКВД», были переведены «на особое хранение», и после 1939 г. следы их теряются⁸. Изначально фотографии поступили в архив ГАИМК в составе коллекций фотоиллюстраций к стенгазетам; портретной съемки, осуществлявшейся время от времени в Академии; съемки на удостоверения и пропуски. Изъяты были даже снимки этих сотрудников из полевой научной документации, где они присутствовали на фотографиях, запечатленные в различных рабочих ситуациях во время экспедиций. Группу изображений изъяли и из альбома «Похороны Н.Я.», где в почетном карауле и в момент выноса гроба во время траурной церемонии захоронения знаменитого ученого и председателя Академии были сфотографированы все руководители ГАИМК, которые позже были расстреляны. В описях таких коллекций заголовки изъятых архивных документов тщательно затушеваны. Только по учетным документам архива удалось восстановить, что на них были запечатлены М.Г. Худяков, С.Н. Быковский, В.К. Сухотина, М.М. Цвибак, И.В. Карманов, В.Н. Кашин, М.П. Лездина, Ф.В. Кипарисов, Б.А. Латынин, Н.М. Бачинский, Л.Т. Гюзальян, А.А. Аджан, И.И. Мещанинов, Г.Е. Гюламирян, М.Ф. Болтенко, О.В. Седергольм, Н.Е. Макаренко, Ф.И. Шмидт, П.С. Рыков, В.Н. Бенешевич, В.С. Адрианов, С.А. Дубинский.

В Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб) хранятся засекреченные вплоть до 2000-х гг. протоколы заседаний партийных и комсомольских ячеек ГАИМК, в которых содержатся сведения о прохождении чисток, исключениях из партии и комсомола, «склоках» и партийных взысканиях. В статусе засекреченных находились до конца 1990-х гг. и личные дела председателя ГАИМК (с 1934 г.) Ф.В. Кипарисова и его заместителей О.О. Крюгера, Н.Я. Мяги, С.Н. Быковского, А.Г. Пригожина⁹. Характерным документом своей эпохи является донос бывшего аспиранта Академии В.Ф. Зыбковца, адресованный на имя Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А.А. Жданова. В доносе, написанном в виде письма-жалобы, содержатся обвинения всего административного и научного состава ГАИМК в «измене Родине» и призывах к партийному руководству разобраться с «изменниками и предателями»¹⁰.

⁸ Подробнее об этом см.: Застрожнова, Медведева 2022.

⁹ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-1. Д. 475917; Ф. Р-24. Оп. 2г-2. Д. 1090; Ф. Р-1728. Оп. 1-1. Д. 835530.

¹⁰ ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в-1. Д. 1531; Застрожнова, Смирнов 2022.

Исследование данных материалов позволяет изучить сложнейшую внутреннюю обстановку, в которой были вынуждены работать сотрудники Академии в условиях постоянного увеличения идеологического давления со стороны государства. Благодаря сопоставлению этих документов с материалами, полученными из НА ИИМК РАН, вырисовывается комплексная картина происходящих событий, неотрывно связанных со скандалами и склоками внутри коллектива, конфликтами личного характера, доносами и последующими арестами всего административного и части научного состава ГАИМК.

Этапы формирования следственного «Дела о сети контрреволюционных троцкистско-зиновьевских групп в научных учреждениях Ленинграда и Москвы», в которую входила и «террористическая организация ГАИМК», позволяет выявить и проследить работу с материалами архивов Федеральной службы безопасности РФ (Центральный архив ФСБ, г. Москва; Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области). В настоящее время в Архиве УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области изучены архивно-следственные дела, заведенные в отношении Г.С. Зайделя (П-26810), Б.А. Латынина (П-20881), М.Ю. Пальвадре (П-22068), С.А. Лотте (П-52050), В.С. Адрианова, С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова и М.Г. Худякова (в семи томах дела П-23819), З.Б. Лозинского (П-80091), А.С. Полякова (П-64329), А.Г. Пригожина (следственное дело до перевода в Москву – Р-8213), Э.Г. Пригожиной (П-47300), С.Г. Томсинского (П-26810), М.Л. Ширвиндта (П-21027), М.М. Цвибака (П-25769); в Центральном архиве ФСБ в г. Москве рассмотрено следственное дело в отношении «руководителя террористической организации ГАИМК» А.Г. Пригожина (Р-8213. Т. 1, 2).

Необходимо особо отметить, насколько тяжела для исследовательской работы эта группа документов, как в моральном, так и в сугубо научно-методическом плане. В большинстве случаев следственное дело состоит из ордера и протокола обыска и ареста; квитанции изъятых у арестованного вещей при поступлении в Дом предварительного заключения¹¹; предварительного Постановления о квалификации обвинения; анкеты арестованного; протоколов допросов; справок о медицинских осмотрах; протоколов очных ставок; протоколов допросов свидетелей (встречаются крайне редко); обвинительных заключений; протоколов судебных заседаний; приговоров; справок о расстреле; актов и справок о пересылке по этапу в исправительно-трудовые лагеря и справок о пересмотрах дела и реабилитации. В целом фактическая информация может быть получена только на основании официальных дат ареста, обыска, заключения, судебного заседания, вынесения приговора, расстрела либо отправки в заключение. Эта информация в большинстве своем существенно корректирует имеющиеся в открытых источниках сведения об арестованных ученых («Открытый список»¹², «Библиографический словарь репрессированных востоковедов»¹³). На основании протоколов допросов безусловно можно составить представление о следственном процессе в отношении того или иного арестованного, однако необходимо учитывать, что далеко не

¹¹ Дом предварительного заключения (ДПЗ) – внутренняя тюрьма ОГПУ/НКВД в Ленинграде на ул. Воинова (совр. Шпалерная), д. 25.

¹² «Открытый список» – база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.), <https://ru.openlist.wiki/>.

¹³ Васильков, Сорокина 2003.

все протоколы проводившихся допросов подшивались в следственные дела. Поскольку «Дело о сети троцкистско-зиновьевских террористических групп», куда включили и ГАИМК, было полностью сфабриковано органами ОГПУ/НКВД, показания подсудимого в протоколе являются перефразированным содержанием уже известного следователям обвинительного заключения, потому опираться на них крайне затруднительно. При внимательном анализе текста протокола можно проследить ответы обвиняемых, которые принадлежали лично им, поскольку содержали информацию сугубо индивидуального характера. По этой причине все протоколы допросов нуждаются в скрупулезном изучении и сравнении с общим контекстом следственного процесса.

В ходе анализа обозначенной выше группы следственных дел было выявлено, что аресты по «Делу террористической группы ГАИМК» были начаты в марте 1936 г. и продолжались вплоть до января 1937 г. Основное количество арестов пришлось на лето-осень 1936 г. Особенно важно отметить, что очень существенно на ход следственного процесса могли повлиять первые допросы С.Г. Томсинского (16 мая, 10 июня, 11 июня 1936 г.) и Г.С. Зайделя (5, 9 июня 1936 г.), которые проводились заместителем начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР Б.Д. Берманом, печально известные методы дознания которого повлекли за собой дачу наиболее обширных показаний со списком обвиняемых на несколько страниц.

В группу рядовых следователей, проводивших аресты, обыски, дознания и иные следственные мероприятия по этому же делу входили Л.В. Коган, Л.Ф. Райхман, Н.С. Драницын, В.С. Карпович, Г.А. Лупекин, И.В. Федоров и Н.А. Завилов. Совершенно четко прослеживается закономерность в проведении следственных мероприятий. На первых допросах все обвиняемые категорически отрицали свою «вину» и отказывались признавать выдвигаемые им обвинения в том или ином объеме. Затем, по мере оказываемого давления, следователи получали необходимые для вынесения обвинения показания. Руководителем «террористической организации ГАИМК» значился А.Г. Пригожин, в ее состав входили Ф.В. Кипарисов, С.Н. Быковский, М.Г. Худяков, В.С. Адрианов, С.Г. Томсинский, М.М. Цвибак, Г.С. Зайдель и другие сотрудники, круг которых менялся на протяжении всего следствия. Судебные заседания проходили на протяжении ноября 1936 г. – февраля 1937 г. К заключению в исправительно-трудовых лагерях были приговорены С.А. Лотте, Б.А. Латынин, Э.Г. Пригожина (расстреляна в Сандармохе¹⁴ 1 ноября 1937 г.), М.Ю. Пальвадре (расстреляна в Сандармохе 2 ноября 1937 г.). Все остальные обвиняемые были приговорены к расстрелу с полной конфискацией имущества, о чем в делах имеются справки Особых отделов спецотрядов НКВД. Все обвиняемые были впоследствии реабилитированы за отсутствием состава преступления, справки о пересмотрах дел фиксируются начиная с 1956 г.

Крайне важно отметить, что в ходе изучения архивных материалов по истории ГАИМК за данный период была выявлена проблема, которая может стать отдельной темой для дальнейшего научного исследования – это анализ системы государственного учета документов репрессированных сотрудников академических учреждений. В частности, при обращении к учетным документам фонда Н.Я. Марра

¹⁴ Сандармох – лесное урочище в Медвежьегорском районе Республики Карелия, ставшее в период «Большого террора» 1937–1938 гг. местом массовых расстрелов и захоронений.

(Ф. 800. Оп. 9) было найдено «Дело о передаче материалов архива Н.Я. Марра в Спецчасть», крайние даты которого 16 декабря 1938 г. – 10 февраля 1939 г. При изучении документов этого дела выстраивается определенная хронологическая последовательность событий. 16 декабря 1938 г. по запросу из Центрального архивного управления НКВД М.И. Артамонов, являясь исполняющим обязанности директора Института истории материальной культуры АН СССР, подготовил и направил в Спецотдел ленинградских учреждений АН СССР уведомление об обнаружении писем «некоторых осужденных лиц», которые не подлежали просмотру в архиве. К письму была приложена опись этих писем, датируемая 10 февраля 1938 г. В состав описи включено 28 корреспондентов, среди которых были историки, археологи, филологи, политические деятели, в том числе и люди из ближайшего окружения И.В. Сталина, среди них: В.Б. Аптекарь (10 писем), В.Н. Бенешевич (21 письмо), А.С. Бубнов (3 письма), Г.И. Боровка (2 письма), Н.И. Бухарин (2 письма), С.Н. Быковский (20 писем), Э.Д. Гримм (4 письма), Л.М. Карахан (1 письмо), Н.А. Карев (1 письмо), Ф.В. Кипарисов (19 писем), А.С. Енукидзе (1 письмо); Н.М. Маторин (3 письма), А.Т. Мухарджи (1 телеграмма), А.Г. Пригожин (12 писем), Н.И. Троцкая (2 письма), С.Н. Седых (1 телеграмма), М.М. Цвибак (1 письмо), А.Ш. Шамилов (1 письмо), М.Л. Ширвиндт (1 письмо) и др. Все перечисленные корреспонденты Н.Я. Марра были осуждены по различным пунктам ст. 58 УК СССР в 1930–1937 гг., после чего сосланы в лагеря, где были либо расстреляны, либо погибли по другим причинам.

Сходная ситуация зафиксирована и среди документов Фотоархива НА ИИМК РАН, о чем уже было сказано выше. Пути перераспределения изъятых и переданных в Спецчасть АН СССР документов репрессированных сотрудников ГАИМК выявляются только приблизительно. Известно, что по истечении трех лет хранения в Спецчасти АН СССР (до 1941 г. находилась в здании Академии наук на Университетской набережной, 5 в Ленинграде) документы были переданы в Центральный государственный архив Октябрьской революции, ныне – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). В 1992 г. ЦГА СПб рассекретил ряд материалов секретного фонда ГАИМК¹⁵. После рассекречивания часть материалов была передана на постоянное хранение в СПбФ АРАН¹⁶. Среди документов имеются материалы Секретной части ГАИМК: отношение Н.Я. Марра в Сектор кадров Наркомпроса о составе аспирантуры, характеристики научных сотрудников академии, переписка по вопросам организации ГАИМК археологических раскопок на территории лагерей ГУЛАГ¹⁷. Однако ни в одном из рассекреченных комплексов архивных документов – ни среди оставшихся в ЦГА СПб, ни в СПбФ АРАН не выявлены фотографии репрессированных сотрудников и переписка, изъятая из материалов личного кабинета Н.Я. Марра в 1939 г. Подобная ситуация свидетельствует об отсутствии какой-либо системности действий при распределении и хранении материалов в ЦГАОР СССР уже после передачи туда документов секретными частями АН СССР. Вполне возможно, что и без того сложная ситуация с хранением секретной документации была осложнена начавшейся Великой Отечественной войной.

¹⁵ ГАИМК. Ф. Р-7154. Оп. 1. 1924–1937 гг.; 161 ед. хр.

¹⁶ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28–31, всего 161 ед. хр.

¹⁷ СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 28. Д. 6, 9, 13, 19, 27, 60.

Для выяснения системы государственной регламентации обращения с документами «врагов народа» были изучены рассекреченные документы по деятельности ГАУ НКВД (с 1938 г.), хранящиеся в ЦГА СПб. Особенно важно отметить наличие методических предписаний по хранению и учету документов репрессированных ученых: «Нормативно-методические документы Главного архивного управления и Центрального архивного управления НКВД СССР и переписка с ними о ведении секретного делопроизводства», 2 февраля – 30 декабря 1938 г.¹⁸; «Переписка с УНКВД ЛО, АУ и другими организациями о передаче секретных документов на государственное хранение», 11 января – 3 декабря 1939 г.¹⁹; «План работы 5-го Отдела Ленинградского отделения Архива Октябрьской революции на 1939 год»²⁰; «Документы о выполнении спец. задания ГАУ НКВД СССР за № 707 по выявлению лиц с компрометирующими данными за 29 сентября 1939 – 31 января 1941 гг.»²¹; «Секретные Приказы Управления НКВД по Ленинградской области» за 26 января 1940 – 29 декабря 1940²². При работе с данными документами было получено общее представление о реализации доступа к материалам «врагов народа» и специфике их хранения. Циркуляром НКВД от 31 июля 1939 г. предписывался следующий порядок обращения с архивными документами данной категории: подлинные приказы, циркуляры, распоряжения, положения, правила и инструкции, подписанные «врагами народа», должны были быть засекречены. Все копии этих документов подлежали уничтожению при условии наличия подлинника. Личная переписка, статьи и другие работы неслужебного характера хранились по-прежнему только в секретном порядке, однако возможность их уничтожения, даже после просмотра Комиссией, была запрещена. Отдельные издания, брошюры и статьи, независимо от того, были они опубликованы или нет, необходимо было хранить на правах секретных материалов. Их выдача в читальный зал разрешалась теперь только лицам, имевшим допуск, одобренный НКВД. В соответствии с этим циркуляром фото-, кино- и аудиозаписи, на которых «враги народа» выступали как главные лица в официальных событиях либо как частные лица, должны были храниться в засекреченном порядке. В копиях кино- и фото-плёнок, на которых были запечатлены «враги народа», нужно было «уничтожать или затушевывать их изображение»²³. «В целях ограждения от уничтожения материалов, которые могут помочь следственным органам вскрыть вредительство и открыть соучастников, при выделении в макулатуру архивных материалов следует особенно тщательно просматривать материалы, исходившие от врагов народа»²⁴.

Строгая регламентация деятельности всей архивной структуры СССР в рамках НКВД в 1938 г. привела к засекречиванию, децентрализации и депаспортизации огромного числа архивных материалов репрессированных ученых. Подавляющее большинство этих документов не возвращено в научное поле до настоящего времени, что делает данное направление исследовательской работы крайне актуальным и востребованным как с научной, так и с мемориальной точек зрения.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 924. Оп. 12. Д. 4.

¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 924. Оп. 12. Д. 9.

²⁰ ЦГА СПб. Ф. 924. Оп. 12. Д. 7, 8.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 924. Оп. 12. Д. 10.

²² ЦГА СПб. Ф. 924. Оп. 12. Д. 13.

²³ Застрожнова, Медведева 2022, 304.

²⁴ ГАЯО. Ф. Р-2944. Оп. 2. Д. 7.

ЛИТЕРАТУРА

- Белова, Н.А., Медведева, М.В. 2019: Архив Академии истории материальной культуры в 1920–1930-е годы и документальные собрания археологических учреждений двух столиц. В сб.: *Очерки истории отечественной археологии*. Вып. V. М., 46–65.
- Васильков, Я.В., Сорокина, М.Ю. 2003: *Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991)*. СПб.
- Застрожная, Е.Г., Медведева, М.В. 2022: Изъятые документы ГАИМК: проблема интерпретации и перспективы изучения. В сб.: *Очерки по истории отечественной археологии*. Вып. VI. М., 301–310.
- Застрожная, Е.Г., Смирнов, Н.Ю. 2022: К истории ликвидации ГАИМК: заявление В.Ф. Зыбковца А.А. Жданову. *РА* 1, 174–186.
- Медведева, М.В., Елшин, Д.Д. 2022: Архивные материалы из собрания ИИМК РАН об исследованиях Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде в 1933–1935 гг. *Архитектурная археология* 4, 220–249.
- Михайлов, К. А. 2022: Пропавшие отчеты: новые архивные данные о реставрационной и археологической деятельности М.К. Каргера в Новгороде в 1933–1935 гг. *Архитектурная археология* 4, 250–262.

REFERENCES

- Belova, N.A., Medvedeva, M.V. 2019: Arkhiv Akademii istorii material'noy kul'tury v 1920–1930-e gody i dokumental'nye sobraniya arkheologicheskikh uchrezhdeniy dvukh stolits [Archive of the Academy of the History of Material Culture in the 1920s–1930s and Documentary Collections of Archaeological Institutions of Two Capital Cities]. In: *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Essays on the History of Russian Archaeology]. Iss. V. Moscow, 46–65.
- Vasilkov, Ya. V., Sorokina M. Yu. 2003: *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [Men and Destinies. Biobibliographical Dictionary of Orientalists – Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. Saint Petersburg.
- Zastrozhnova, E.G., Medvedeva, M.V. 2022: Iz'yatye dokumenty GAIMK: problema interpretatsii i perspektivy izucheniya [Withdrawn Documents of the State Academy of the History of Material Culture: the Problem of Interpretation and Prospects of Study.]. In: *Ocherki istorii otechestvennoy arkheologii* [Essays on the History of Russian Archaeology]. Iss. VI. Moscow, 301–310.
- Zastrozhnova, E.G., Smirnov, N.Yu. 2022: K istorii likvidatsii GAIMK: zayavlenie V.F. Zybkovtsa A.A. Zhdanovu [To the History of the Abolishment of the State Academy of the History of Material Culture: an Application by V.F. Zybkovets to A.A. Zhdanov]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology] 1, 174–186.
- Medvedeva, M.V., Elshin, D.D. 2022: Arkhivnye materialy iz sobraniya IIMK RAN ob issledovaniyakh Georgievskogo sobora Yur'eva monastyrya v Novgorode v 1933–1935 gg. [Archival Materials from the Collection of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences on the Research of the St. George Cathedral of the St. Yury Monastery in Novgorod in 1933–1935]. *Arkhiteturnaya arkheologiya* [Architectural Archaeology] 4, 220–249.
- Mikhaylov, K.A. 2022: Propavshie otchety: novye arkhivnye dannye o restavratsionnoy i arkheologicheskoy deyatel'nosti M.K. Kargera v Novgorode v 1933–1935 gg. [Missing Reports: New Archival Data on the Restoration and Archaeological Activities of M.K. Karger in Novgorod in 1933–1935]. *Arkhiteturnaya arkheologiya* [Architectural Archaeology] 4, 250–262.

REVIEW OF THE ARCHIVAL MATERIALS ON THE RESTORATION
OF THE HISTORY OF THE STATE ACADEMY OF THE HISTORY OF
MATERIAL CULTURE IN 1934–1936

Yuri A. Vinogradov¹, Evgeniya G. Zastrozhnova²,
Mariya V. Medvedeva³, Marina V. Ponikarovskaya⁴

^{1, 3} *The Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia*

^{2, 4} *The Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia*

¹ *E-mail:* vincat2008@yandex.ru

² *E-mail:* pankratova0484@yandex.ru

³ *E-mail:* marriyam@mail.ru

⁴ *E-mail:* poni-marina@yandex.ru

Abstract. In the modern history of archaeology there is no study devoted to the history of the State Academy of the History of Material Culture of the period of 1934–1936, which would have been based on a set of previously unknown archival documents. The article presents a general overview of unpublished archival materials, identified by this time and being stored in the archives of St. Petersburg and Moscow. The study of these documents significantly expanded the modern understanding of the extremely difficult time for the academy. The murder of the First Secretary of the Leningrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks) S.M. Kirov, the subsequent death of the chairman of the Academy N.Ya. Marr, the subsequent internal scandals, external purges of personnel and further arrests and expulsions became the starting point for this period. As a result, the Academy lost its independence and was included in the Academy of Sciences of the USSR as an ordinary institute

Keywords: State Academy of the History of Material Culture, archival materials, political repression

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО – *Археологические открытия*. Москва
БИ – *Боспорские исследования*. Симферополь
БС – *Боспорский сборник*. Москва
ВДИ – *Вестник древней истории*. Москва
ВИ – *Вопросы истории*
ВТ – *Вестник Танаиса*. Ростов-на-Дону
ГАРФ – Государственный архив РФ
ГАУ НКВД – Главное архивное управление Народного комиссариата внутренних дел
ГАЯО – Государственный архив Ярославской области
ДБ – *Древности Боспора*. Москва
МАИЭТ – *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Симферополь
МИАСК – *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Армавир
МИА – *Материалы и исследования по археологии СССР*. Москва–Ленинград
НАА – *Народы Азии и Африки*
НА ИИМК РАН – Научный архив Института истории материальной культуры РАН
РА – *Российская археология*. Москва
РО НА ИИМК РАН – Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
САИ – *Свод археологических источников*. Москва
СА – *Советская археология*. Москва
СоСПбФ АРАН – Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ФО НА ИИМК РАН – Фотоотдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН
ХСб – *Херсонесский сборник*. Севастополь
ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
ЦГАОР СССР – Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦГА СПб – Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга
ACSS – *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. Leiden
AS – *Ancient Society*. Leuven
BE – *Bulletin épigraphique*. Vienne–Paris
BiOr – *Bibliotheca Orientalis*. Leiden
CIG – Boeckh, A. (ed.), *Corpus inscriptionum graecarum*. 4 vols. Berlin, 1828–1877
EKM – *Επιγραφές Κάτω Μακεδονίας I–II*, Αθήνα, 1998–2015
FD – *Fouilles de Delphes*. Paris
GRBS – *Greek, Roman and Byzantine Studies*. Durham
I. Beroia = EKM I.
I. Kaunos – Marek, Chr., *Die Inschriften von Kaunos*. München, 2006
I. Magnesia – Kern, O. (ed.), *Die Inschriften von Magnesia am Maeander*. Berlin, 1900
I.Ol. – Dittenberger, W., Purgold, K. (Hrsg.), *Die Inschriften von Olympia*. Berlin, 1896
I. Oropos – Πετράκος Β. Οι επιγραφές του Ωρωπού. Αθήνα, 1997
I. Rhamnous – Πετράκος Β. Ο δήμος του Ραμνούντος II. Οι επιγραφές. Αθήνα, 1999.
Stratonikeia I – Çetin Şahin M. (ed.), *Die Inschriften von Stratonikeia I. Panamara*. Bonn, 1981
I. Thess. I – Decourt, J.-C. (ed.), *Inscriptions de Thessalie I. Les cités de la vallée de l'Enipeus*. Paris, 1995

-
- IGR – Cagnat, R. et al (eds.), *Iscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes*. 3 vols. Paris, 1906–1927
- IG – *Inscriptiones Graecae*. Berlin
- JARCE – *Journal of the American Research Center in Egypt*. Boston–Cairo.
- JRS – *The Journal of Roman Studies*. Cambridge
- Knoepfler, Décrets érétriens – Knoepfler, D. *Décrets érétriens de proxénie et de citoyenneté*. Paris, 2001
- MDAIK – *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. Wiesbaden–Mainz
- OLZ – *Orientalistische Literaturzeitung*. Berlin
- PLRE III – Martindale, J.R. (ed.), *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. III. Cambridge, 1992
- PLRE II – Martindale, J.R. (ed.), *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II. A.D. 395–527. Cambridge, 1980
- PLRE I – Jones, A.H.M., etc. (ed.), *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge, 1971
- RIC – Sutherland C.H.V. et al., *The Roman Imperial Coinage I–X* (London, 1984–1994).
- RT – *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*. Paris
- SEG – Hondius, J.J.E. et al. (eds.). *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden, 1923–1971.
- SEG – *Supplementum Epigraphicum Graecum*. Leiden
- SVA – *Die Staatsverträge des Altertums*. München
- Synk. – «Избранная хронография» Георгия Синкелла по изданию: Mosshammer, A.A. Georgii Syncelli Ecloga chronographica. Leipzig, 1984
- Urk. II – Sethe, K.: *Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit*. Leipzig, 1904–1916
- Varia Anatolica XXII – *Les fouilles et le matériel de l'atelier amphorique de Demirci près de Sinope. Recueil de travaux*. Istanbul, 2011
- Varia Anatolica XXI – *PATABS I. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Actes de la Table Ronde internationale de Batoumi et Trabzon, 27–29 Avril 2006*. Paris
- Wb. – Erman, A., Grapow, H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Berlin, 1971
- ZPE – *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Савельев Д.О., Смекалова Т.Н.</i> (Симферополь), <i>Борисов А.В.</i> (Пущино) – Кремневые изделия с поселений эпохи поздней бронзы Тюмень-3 и Тюмень-7	5
<i>Кононов В.Ю.</i> (Керчь) – Металлические гривны сармато-меотского населения Кубани эллинистического и римского периода (IV в. до н.э. – III в. н.э.)	19
<i>Сазанов А.В.</i> (Москва) – Поселение Ильич I: методика анализа массового материала и проблемы хронологии комплексов II–IV вв. н.э.	33
<i>Черненко В.Г., Ильяшенко С.М.</i> (Москва), <i>Базилевич Л.О.</i> (Владимир) – Каменя из некрополя Танаиса	85
<i>Суриков И.Е.</i> (Москва) – Вновь к «спорам об эллинизме»	92
<i>Апенко М.С.</i> (Москва) – Манефон Севеннитский и его место в египетской жреческой корпорации	108
<i>Кузьмин Ю.Н.</i> (Самара) – Граждане полисов, подданные и союзники царей: заметки о Македонии времени Антигонидов и их державе	124
<i>Зубарева А.В.</i> (Санкт-Петербург) – Магическая песнь: протомузыкальные формы интонирования в древнеримских заговорах и заклинаниях	145
<i>Мирзоев Е.Б.</i> (Москва) – Обстоятельства и значение битвы при Месихе (244 г. н.э.) ..	158
<i>Миролюбов И.А.</i> (Москва) – Диоклетиан и Константин Великий: диалог императоров на фоне кризиса	171
<i>Денисова И.В.</i> (Белгород) – Салюстий – афинский философ и софист V в.	181

Круглый стол «Атлетические и артистические состязания в Древней Греции и Риме»

<i>Рушкин И.П.</i> (Кембридж, Массачусетс) – О гипотезе, что в древнегреческом кулачном бое применялись удары ногами	196
<i>Пантелеев А.Д., Поникаровская М.В.</i> (Санкт-Петербург) – Греческие игры в Римской империи во II–III вв. н.э.	208

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Обухов С.В.</i> (Москва) – Терракотовая статуэтка, изображающая триумф римского императора, из коллекции В.С. Голенищева (ГМИИ им. А.С. Пушкина)	220
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Цоя С.А.</i> (Рига) – Иоэл Песахович Вейнберг (1922–2011): жизненный путь и творчество	228
<i>Виноградов Ю.А., Застрожнова Е.Г., М.В. Медведева, М.В. Поникаровская</i> (Санкт-Петербург) – Обзор архивных материалов по восстановлению истории ГАИМК в 1934–1936 гг.	258

CONTENTS

<i>D.O. Savelyev, T.N. Smekalova</i> (Simferopol), <i>A.V. Borisov</i> (Pushchino) – Stone Artifacts from the Late Bronze Age Settlements of Tumen-3 and Tumen-7	5
<i>V.Yu. Kononov</i> (Kerch) – Metal Neck-Rings of the Kuban Sarmatian-Maeotian Population in the Hellenistic and Roman Times (the 4 th Century BC to the 3 rd Century AD)	19
<i>A.V. Sazanov</i> (Moscow) – Ilyich 1 Settlement: Methodology of Mass Pottery Material Analysis and Problems of the Chronology of Contexts of the 2 nd – 4 th Centuries AD....	33
<i>V.G. Chernenko, S.M. Ilyashenko</i> (Moscow), <i>L.O. Bazilevich</i> (Vladimir) – Cameo from the Tanais Necropolis	85
<i>I.E. Surikov</i> (Moscow) – Once Again Towards “Disputes about Hellenism”.....	92
<i>M.S. Apenko</i> (Moscow) – Manetho of Sebennytyos and His Role in the Egyptian Priesthood.....	108
<i>Y.N. Kuzmin</i> (Samara) – Citizens of Poleis, Subjects and Allies of the Kings: Notes on Macedonia under the Antigonids and on Their Empire	124
<i>A.V. Zubareva</i> (Saint Petersburg) – Magic Song: Proto-Musical Intoning Forms in the Ancient Roman Spells and Incantations.....	145
<i>E.B. Mirzoev</i> (Moscow) – Circumstances and Significance of the Battle of Mesiche (AD 244)	158
<i>I.A. Mirolyubov</i> (Moscow) – Diocletian and Constantine the Great: Intercommunication of Emperors	171
<i>I.V. Denisova</i> (Belgorod) – Salyustius, the Athenian Philosopher and Sophist of the 5 th Century	181

Round Table “Athletic and Artistic Agones in Ancient Greece and Rome”

<i>I.P. Rushkin</i> (Cambridge, Massachusetts) – On the Conjecture about Kicking in Ancient Greek Boxing	196
<i>A.D. Panteleev, M.V. Ponikarovskaya</i> (Saint Petersburg) – Greek Games in Asia Minor in the Second and Third Centuries AD.....	208

IN WORLD MUSEUMS

<i>S.V. Obukhov</i> (Moscow) – Terracotta Figurine Depicting the Triumph of the Roman Emperor from V.S. Golenishchev’ Collection (Pushkin State Museum of Fine Arts)	220
--	-----

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>S.A. Tsoya</i> (Riga) – Joel Pesahovich Weinberg (1922–2011): Life and Creative Work	228
<i>Y.A. Vinogradov, E.G. Zastrozhnova, M.V. Medvedeva, M.V. Ponikarovskaya</i> (Saint Petersburg) – Review of the Archival Materials on the Restoration of the History of the State Academy of the History of Material Culture in 1934–1936	258

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Проблемы истории, филологии, культуры» обращается к авторам с просьбой присылать статьи, оформленные по следующим правилам:

Статьи присылаются на e-mail: history@magtu.ru; history.pifk@inbox.ru; текст должен быть напечатан в формате WORD 1997-2003 (doc.), иллюстрации в одном из распространенных форматов (jpg, tiff). Тексты на греческом языке рекомендуется набирать в формате Unicode.

Объем статей не должен превышать 1 авт. л., шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

Поля: верхнее – 2 см., левое – 2,5 см., нижнее – 2 см., правое 1,5 см.

Статья должна иметь четкую структуру и состоять из 3-х основных частей: введения, основной части, заключения.

К статье необходимо приложить резюме на русском и английском языках (термины подлежат обязательному переводу; иностранные фамилии и географические названия даются в оригинале). **Резюме не менее двухсот слов и список ключевых слов (не более десяти)**, а также почтовый и электронный адреса авторов, место работы и должность, **ORCID!**

Кроме того, необходимо прислать заполненный и подписанный договор.

Ссылки даются в подстрочных примечаниях (в конце каждой страницы) со сквозной нумерацией по следующей системе: фамилия автора и год публикации без запятой, номер страницы, прим. (n., Ann., ect.), рис. (fig., Abb., ect.) или табл. (pl., Taf., ect.).

Например: Иванов 1972а, 536, рис. 2; 1972б, 56–59; Salvatori 1995, 67–68, fig.1.

Если в книге или статье не указан автор, обязательно указывается редактор или составитель.

Для литературных произведений, цитируемых в тексте статьи, даются ссылки в подстрочных примечаниях.

Ссылки на газеты:

Правда 21.05.1933.

Pravda 21.05.1933.

Полевой материал автора:

ПМА 2010, РБ, Бакалинский р-н, д. Юльtimiровка, с. Ахманово.

Для архивных документов:

ОР РНБ. Ф. 316. Д. 161. Л.1.

РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. №. 196. Л. 18–19 об.

Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы Антиплагиат.ВУЗ. Статьи, содержащие элементы некорректных заимствований (более 30%), автоматически снимаются с рассмотрения. Публикация бесплатна.

ЛИТЕРАТУРА

Литература перечисляется в конце статьи в алфавитном порядке в двух списках (сначала на языке статьи, потом транслитерированный список – **REFERENCES**) по следующей форме:

Фамилия и инициалы автора не выделяются курсивом. Между фамилией и инициалами ставится запятая. За ними без знака препинания ставится год издания, после него двоеточие и название работы. В конце библиографического описания год не повторяется.

Курсивом выделяется источник, из которого взята библиографическая статья, то есть, в случае, если это монография или сборник – курсивом выделяется само название монографии/сборника, например:

Для книг:

Галанина, Л.К. 1997: *Келермесские курганы (Степные народы Евразии, I)*. М.

Alexander, C. 1928: *The Metropolitan Museum of Art Jewelry. The Art of the Goldsmith in Classical Times*. L.–New York.

Для журнальных статей (обязательно указывается первая и последняя страницы статьи). Если это статья в журнале или сборнике, курсивом выделяется название журнала/сборника, оно **не отделяется** от названия статьи косыми чертами. Если указываемая Вами статья находится в сборнике или коллективной монографии (то есть не в периодическом издании), то в зарубежном описании перед ней ставится «**In:**», а в русском «**В сб.:**» или «**В кн.:**». Номер выпуска не отделяется от названия журнала знаками пунктуации. Страницы указываются через запятую после номера (для журналов) или после города выпуска (для сборников):

Ростовцев, М.И. 1917: Надпись на золотом сосуде из с. Мигулинской. *ИАК* 63, 106–108.

Аннинский, А.П. 2008: Беседа о странностях истории. *Родина* 2, 18–26.

Salvatori, S. 2000: Bactria and Margiana seals: a new assessment of their chronological position and a typological survey. *East and West* 50, 97–145.

Названия зарубежных журналов приводятся без сокращений, как и названия городов (в кириллическом описании сохраняются сокращения М., СПб., Л.)

Названия российских журналов сокращаются только в оригинальном библиографическом описании, в References указывается полное название журнала:

Для статей/ глав в книгах и сборниках (обязательно указываются фамилия и инициалы редактора/ов книги или сборника, а также первая и последняя страницы статьи):

Salvatori, S. 1998: Margiana archaeological map: the Bronze age settlement pattern. In:

A. Gubaev, G. Koshelenko & M. Tosi (eds.), *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95*. Rome, 57–65.

Для книг/статей без авторов:

Сайко, Э.В. (ред.) 2001: *Город в процессах исторических переходов, теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.

Для электронных документов:

Городецкий, С. 2011: *Письма с фронта*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Brooke, R. 2010: *His actual reaction to war*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.warpoetry.co.uk/brooke2.html>

References

Описание русских, украинских и других работ, написанных не латинским (английским, французским, немецким, итальянским и т.п.) алфавитом, начинается с транслитерированной фамилии автора(ов). **Важно:** необходимо использовать ту транслитерацию

фамилии(й), которая используется в издании, на которое Вы ссылаетесь. Если там нет транслитераций, воспользуйтесь или наиболее распространенной транслитерацией этой фамилии (если возможно), или транслитерируйте согласно общим правилам (см. ниже).

Библиографическое описание работ, опубликованных на языках, не использующих латинский алфавит, состоит из двух частей: транслитерации и перевода на английский язык.

Например:

Для книг:

Saprykin, S. Yu. 1996: *Pontiyskoe tsarstvo: gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e* [*The Pontic Kingdom: the state of the Greeks and barbarians in the Black Sea*]. Moscow.

Для журнальных статей:

Pokrass, Yu. 1997: Klad zolotykh bosporskikh monet nachala I-go veka [A hoard of gold Bosporan coins from the early 1st century AD]. *Numizmatika i faleristika* [*Numismatics and Phaleristics*] 3, 4–6.

Kadeev, V.I. 1979: Khersones, Bospor i Rim v I v. do n.e. – III v. n.e. [Chersoneses, the Bosphorus and Rome during the 1st century BC – 3rd century AD]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 55–76.

Для статей/ глав в книгах и сборниках:

Puzdrovskiy, A.E. 2001: Rimsko-bosporskaya voyna i etnopoliticheskaya situatsiya v Krymskoy Skifii v seredine I v. n.e. In: V.Yu. Zuev (ed.), *Bosporskiy fenomen: kolonizatsiya regiona. Formirovanie polisov. Obrazovanie gosudarstva* [*The Bosporan phenomenon: colonization of the region. Formation of poleises. Formation of the state*]. Pt. 2. Saint-Petersburg, 212–217.

Для электронных документов:

Gorodetskiy, S. 2011: *Pis'ma s fronta* [*Letters from the Front*], <http://www.simonov.co.uk/biography.htm>

Правила транслитерации

Русский язык

а	а	з	z	п	p	ч	ch	я	ya
б	b	и	i	р	r	ш	sh		
в	v	й	y	с	s	щ	shch		
г	g	к	k	т	t	ъ	«		
д	d	л	l	у	u	ы	y		
е	e	м	m	ф	f	ь	‘		
ё	ye	н	n	х	kh	э	e		
ж	zh	о	o	ц	ts	ю	yu		

Украинский язык

а	a	ж	zh	м	m	ф	f	я	ja
б	b	з	z	н	n	х	h		
в	v	и	y	о	o	ц	c		
г	g	і	i	п	p	ч	ch		
г	g'	ї	i'	р	r	ш	sh		
д	d	й	j	с	s	щ	shh		
е	e	к	k	т	t	ь	'		
є	je	л	l	у	u	ю	ju		

Сокращения

К статье должен прилагаться список всех встречающихся в ней сокращений с их расшифровками

АО – Археологические открытия. Москва

IGBR – Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / G. Mihailov (ed.). Sofia, 1956

- Между цифрами ставится короткое тире (не дефис!), между цифрами и тире пробелы не ставятся (н., 153–160; I–II вв. н.э.)
- Длинное тире (—) вообще не используется, как и буква «ё»
- Сокращения для обозначения страниц не используются. Используются сокращенные обозначения для томов, колонок, таблиц, рисунков и т.д.

Статьи, оформленные не по правилам и без английского блока, к рассмотрению не принимаются!!!!

Решение о публикации выносится редколлегией на основе рецензирования рукописей и общим голосованием; о принятом решении сообщается авторам. Присланные в редакцию материалы не возвращаются.

Проблемы истории, филологии, культуры. № 1. 2023

Сдано в набор 9.03.2023. Подписано в печать 15.03.2023.

Дата выхода 30.03.2023.

Формат 70х1001/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 34,8. Уч.-изд. л. 33,9.

Бумага тип. №2. Тираж 440 экз. Заказ № .

Журнал распространяется бесплатно.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67784 от 28 ноября 2016 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель: Абрамзон М.Г.

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»,

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт археологии Российской Академии наук»

Редакция: 455000, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 26, каб. А1.

Издательство: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.

Типография: ЗАО МДП, 455023, г. Магнитогорск, пр. К. Маркса, 69.